

СЛЕД В ИСТОРИИ

ИММАНУИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ

ИОН ДЕГЕН

«След в истории»

И. Деген

ИММАНУИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ

Рассказ о Замечательном Человеке

**Ростов-на-Дону
«Феникс»
1997**

ББК 86.36

Д 26

И. Деген

Д 26 **ИММАНУИЛ ВЕЛИКОВСКИЙ**

Серия «След в истории». Ростов-на-Дону:
«Феникс», 1997. — 544 с.

Имя Иммануила Великовского, можно сказать с уверенностью, практически неизвестно рядовому российскому читателю; не найти его и в наших энциклопедиях недавних времен. Этот замечательный человек, врач по образованию и ученый по призванию, четыре десятилетия своей жизни посвятил науке — астрономии, геологии, палеонтологии, истории, психоанализу. Результатом его многолетней напряженной работы стала серия научных трудов по древней истории — «Миры в столкновениях», «Века в хаосе», «Рамзес II и его время», «Народы моря» и др.

Книга рассказывает о трудном жизненном и творческом пути этого интересного человека — врача, ученого, писателя — уроженца Российской империи.

ISBN 5-222-00096-6

ББК 86.36

© И. Деген, 1990.

© Оформление: издательство «Феникс», 1997.

ГОРИЖО ДЕТЕЧУ -

сыну, другу, помощнику

Пользуюсь приятной возможностью выразить благодарность:

моей жене, Люсе Деген, моему творческому началу, моему самому принципиальному и бескомпромиссному критику, женщине, которая с добрым юмором наблюдает за тем, как я трачу деньги на увлечение литературой вместо того, чтобы снабжать жену деньгами, занимаясь частной практикой врача;

Муламит Коган – за информацию, которую удалось получить у нее о ее отце, Иммануиле Великовском.

Автор

«Когда пламенно-кипящая сфера (в науке, в религии, социальной жизни, искусстве) остывает, огненная магма покрывается догмой — твердой, окостенелой, неподвижной корой. Догматизация в науке, религии, социальной жизни, в искусстве — это энтропия мысли; ...вместо трагического Галилея «А все-таки она вертится!» — спокойные вычисления в теплом кабинете обсерватории. На Галилеях эпигоны медленно, полипно, кораллово строят свое: это уже путь эволюции. Пока новая ересь не взорвет кору догмы и все возведенные на ней прочнейшие, каменнейшие постройки».

Евгений Замятин

«Инерция человеческого мышления и его сопротивление новшеству наиболее четко демонстрируется не... невежественными массами, которые легко поколебать, повлияв на их воображение, а профессионалами, облаченными традицией и монополией в учении. Новшество — это двойная угроза академической посредственности: оно подвергает опасности их пророческий авторитет и пробуждает глубочайший страх, что все их с трудом воздвигнутое интеллектуальное здание может рухнуть».

Артур Кестлер

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Идея написать биографию Иммануила Великовского возникла у меня совершенно случайно. Хотя, что значит — случайно? Однажды, беседуя с Великовским, Альберт Эйнштейн сказал, что случайным было положение кресла в этой комнате, но не их встреча; они не могли не встретиться.

Прочитав книги Иммануила Великовского, я не мог понять, почему ничего не знал о нем раньше. Меня заинтересовала причина разительного несоответствия между громадностью ученого и малой осведомленностью о нем обывателя. Узнав о «деле Великовского», я был потрясен развернувшейся передо мной драмой. Даже имея некоторое представление о том, как делается наука, я не мог вообразить себе ничего подобного.

Человек может быть порядочным или подлым. Это определяется не профессией, не сферой деятельности, а личными его качествами. Даже в воровской среде существует такое парадоксальное понятие, как порядочность вора. Большинству людей наука представляется чистой и непорочной сферой, окруженной своеобразным силовым полем, сквозь которое не могут проникнуть присущие человеку пороки. Такое представление сохранялось у меня даже тогда, когда, начав заниматься научной деятельностью, я уже столкнулся с коллегами, моральные качества которых оставляли желать лучшего. Ну что же, считал я, одно дело личные качества научного работника, проявляющиеся в общении с окружающими, другое — научная честность, без которой вообще не

может существовать наука. Прозрение наступило при весьма странных обстоятельствах.

Исход очередной экспериментальной операции на собаке, проведенной в лабораторном отделе Киевского ортопедического института, был зафиксирован на только что сделанной рентгенограмме. Результат превысил все ожидания. Заметив мое удовлетворение, рентгенлаборант предложила сделать еще несколько снимков. «Зачем?» — спросил я, недоумевая. Смущаясь, она объяснила, что многие сотрудники института, получив хороший результат, делают несколько рентгенограмм с одного и того же объекта. «Зачем?» «В протоколе будет записано, что рентгенограммы — результаты нескольких опытов». «Но ведь это подло!» — моему возмущению не было предела.

Анализируя этот факт, я пытался объяснить его издержками советской системы. Ничего подобного, считал я, не может произойти на свободном Западе. Однако знакомство с делом Великовского убедило меня в том, что я глубоко заблуждался. Науку делают люди, а люди, увы, везде всего только люди...

Случай с рентгенограммой произошел спустя примерно два года после начала дела Великовского, после фальсификации, авторами которой были видные астрономы, профессора Гарвардского университета, одного из самых престижных в Америке. Мысль об этом не оставляла меня. Существует ли на свете честность? И должно же было случиться, что в один из дней такой мизантропии я увидел сцену, привлекающую мое внимание. Крохотный пинчер, сидевший на руках хозяйки, озирался с высоты своей позиции лужайку в городском сквере. Казалось, чувство собственной важности буквально переполняло это игрушечное существо:

мир принадлежал ему, уютно прижатому к обширной груди хозяйки. Естественное чередование событий в устоявшемся пинчеровском мире вдруг нарушилось появлением огромного сенбернара. Он был абсурден и безобразно непропорционален на этой миниатюрной лужайке. Игрушечный пинчер высказал свое естественное возмущение. Он залился лаем. Глазки выкатывались из орбит, слюна брызгала из оскаленной пасти. Трудно было понять, как такое тельце может вмещать столько злости. Сенбернар с удивлением смотрел на пинчера. Он, сенбернар, миролюбив. Он испытывает добрые чувства, даже нежность к маленьким собратьям. Откуда такая озлобленность и ненависть? Как ему понять, что причина — это его огромность. Она-то и не дает покоя пинчеру. Конечно, сейчас он выше сенбернара. Конечно, лай его громок и угрожающ, а сенбернар не издал ни единого звука, что, несомненно, свидетельствует об истинном соотношении сил. Но все-таки... Какая-то смутная неуверенность мешает пинчеру. А что, если сенбернар действительно больше?

В этой сценке мне увиделась карикатура на людей, в частности, на ученых. А, быть может, поведение иных ученых всего-навсего карикатурная копия взаимоотношений животных?

Я все еще был под впечатлением встречи карликового пинчера с сенбернаром, когда ко мне пришел редактор одного толстого журнала. Разглядывая стеллаж в моем кабинете, он вдруг заметил шеренгу книг Иммануила Великовского. Редактор с этойкой развязной игривостью задал вопрос:

- Вы увлекаетесь Великовским?
- Нет, я изучаю Великовского.
- Да? Но ведь его теории, кажется, не признаны учеными?

Я спросил его, читал ли он Великовского. Ответ был уклончиво-неопределенным. Тогда я напомнил, что, прежде всего, нельзя судить о книгах, не прочитав их, а, во-вторых, что основное свойство правильной теории — предсказание на ее основе будущих открытий. А после опубликования теорий Великовского было сделано несколько фундаментальных открытий, предсказанных им. Интересно, что, когда Великовский предсказал эти открытия, представители ортодоксальной науки объявили их абсурдными. Редактор, заинтересовавшись, попросил меня рассказать об этом подробнее.*

Спустя несколько месяцев во время беседы с моим старым знакомым, профессором-физиком, снова возникло имя Великовского. Мой собеседник с плохо скрытым превосходством в тоне заявил:

— Если я не ошибаюсь, его теории оказались чем-то вроде научной фантастики?

— Ошибаешься! В Америке у тебя была возможность прочитать его книги. Жаль, что ты ею не воспользовался. Думаю, после этого ты не стал бы ссылаться на слухи и сплетни.

По просьбе профессора я очень кратко изложил содержание двух первых книг Великовского, хотя шумное застолье было не самым идеальным местом для этого.

— Интересно невероятно, — сказал профессор. — Не знаешь ли ты его биографии?

В нескольких словах я рассказал о Великовском — ученом и человеке.

— Не мог бы ты прочитать у нас в университете доклад на эту тему?

---

* Впоследствии этот редактор вписал свой голос в хор непорядочных журналистов, хулителей Великовского. Добавил ли он что-то к своей непорядочности, своровав из этой книги несколько никому ранее не известных деталей биографии Великовского?

Я прочитал. В разговорах с моими русскоязычными коллегами, людьми интеллигентными, эрудитами, я с горечью убеждался в том, что они, как и я в недавнем прошлом, даже не слышали имени Иммануила Великовского. История повторялась, когда я беседовал с ивритоязычными интеллигентами. Выпускникам Еврейского университета в Иерусалиме я нередко задавал «провокационный» вопрос: «Знаете ли вы людей, стоявших у истоков вашего университета?» Подавляющее большинство не знало. И не случайно! В отлично изданной в Израиле Энциклопедии, увы, не нашлось места для упоминания имени великого сына еврейского народа. И еще. Книги Иммануила Великовского переведены с английского на итальянский, испанский, немецкий, французский, японский языки и даже на африканс. Нет переводов на русский. Это, хотя и с трудом, но поддается объяснению. Но вот то, что нет переводов на иврит, — необъяснимо!

Как обогатился бы интеллект моих соотечественников, не владеющих другими языками, кроме иврита и русского, если бы они познакомились с творчеством Великовского! А заодно — и с тем, как ортодоксальная наука приняла его теории. Возможно, многие разочаровались бы, узнав, что в науке тоже существует мафия, что наука во все не «храм», как любят твердить многие ученые мужи, а грязная кухня. От этого факта никуда не денешься. Это — реальность.

Не написать ли книгу о Великовском? — несмело подумал я, — бесхитростный рассказ о жизни величайшего ученого? Если удастся, кратко изложить содержание его книг. Ничего не выдумывать. Писать, как я писал свои диссертации.

Постепенно зыбкое желание переросло в навязчивую идею, и, отбросив неизбежные для непро-

фессионала сомнения, я решился написать книгу об Иммануиле Великовском.

1. ШИМОН ВЕЛИКОВСКИЙ

Печальная плоская равнина пересекается рекой, нехотя текущей вдаль, к Балтийскому морю. Неяркие хвойные леса с вкраплениями лиственных деревьев. Бедные поля — рожь, лен, картофель... Яблоневые сады вокруг убогих сельских хаток, подступающих к самому городу. Витебск — пристань на Западной Двине, когда-то столица Витебского княжества, располагавшегося к северу от Киевской Руси. В XIII веке этот город с окружающими землями вошел в состав Великого Литовского княжества — потом Речи Посполитой. А в конце XVIII века ненасытная экспансия Московии поглотила эти земли и сделала их частью Российской империи.

Во времена Витебского княжества, а, возможно, и раньше, в городе на Западной Двине уже была еврейская община. Как она появилась здесь? Откуда пришли сюда евреи? С юга ли — со стороны Киевской Руси, где еще раньше IX века жили евреи? С юго-востока ли — с Волги, из царства хазар? Кто знает...

Но путь семьи Великовских в Витебск прослеживается без особых затруднений.

Можно в какой-то мере понять гордость коренных американцев, знающих свою родословную вплоть до пятого-шестого поколения. Можно понять гордость английских или французских аристократов, родословная которых еще на пять-шесть поколений древнее.

Основоположник витебской ветви Великовских — Шимон — знал свою родословную по материнской линии до сотого поколения. Она восходила до Эзры Коэна, восстановившего в Иерусалиме Храм после возвращения евреев из вавилонского плена.

У Великовских не было ни родового герба, ни титулов. Более того, у рода Великовских, как и у всех евреев в России, не было даже элементарных гражданских прав. Зато в библиотеке дома Якова — отца Шимона — стояли книги, написанные Шимоном — отцом Якова, и отцом Шимона — Иегудой, и Лейб-Ихиэлем — отцом Иегуды, и дедом Иегуды — Айзиком. Глубины талмудической мудрости содержали эти книги, написанные просто евреями, единственным фамильным «титолом» которых была ученость и глубокая вера. К несчастью, та библиотека пропала — сгорела во время большого пожара в городе Мстиславле Могилевской губернии в 1859 году.

Именно в этом городке, который и сегодня остается глухой провинцией на востоке Белоруссии, в 1860 году родился Шимон Великовский. Здесь он безвыездно жил до своего еврейского совершеннолетия и даже еще один год — до 14 лет. Здесь, в хедере на краю города, он сдружился со своим сверстником Шимоном Дубновым, будущим выдающимся историком.

В хедере реб Зелиг тяжелой линейкой «вбивал» знания в своих учеников. Только двум Шимонам — Великовскому и Дубнову — не доставались побои. Возможно, это была дань уважения ребу Зелига, не знавшего грамматики, к ученикам, которые грамматику каким-то образом выучили. Зимой, ненадолго отрываясь от книги, Шимон прижимался носом к замерзающему окну и сквозь оттаявший кружок в стекле с завистью

наблюдал за мальчишками, скользящими по льду. Но ему и думать запрещалось о таких развлечениях. Ведь он был примерным учеником среди изучающих Тору и Талмуд, и не пристало ему заниматься чепухой. Летом, когда он увлекся голубями, отец снова настойчиво напомнил ему: глупости мешают ученью!

В семье Великовских ученость была самым ценным достоянием. Ко времени подготовки Шимона к еврейскому совершеннолетию в доме не было денег. Но отец Яков заплатил учителю, готовившему Шимона к Бар-мицве, столовым серебром. Он не считал, что совершает нечто из ряда вон выходящее.

Мать Шимона, символ скромности и сострадания даже далеко за пределами Мстиславля, была внучкой рава Шимона Хотимского из-под Чернигова. Брат Хотимского — Янкель ацадик — был женат на Ривке из рода Иосефа Каро, знаменитого раввина из Испании. Великовские помнили свою родословную.

Отец Шимона, Яков, по субботам говорил только на иврите. В синагоге он оповещал, что бедные, не имеющие субботней трапезы, приглашаются к нему на обед. Хотя нередко и для членов семьи Великовских не хватало еды за субботним столом.

Летом 1874 года четырнадцатилетний Шимон сбежал из дому, пешком пришел в местечко Мир, где находилась знаменитая ешива, и стал в ней заниматься. В ешиве, как и в хедере, Шимон был среди первых. Но достигал он этого не столько незаурядными способностями — в способных юношах в ешиве не было недостатка! — сколько поразительным усердием. Летом он занимался по 18 часов в день, зимой — по 12. Глава ешивы при-

глашал Шимона на субботу в свой дом, что считалось для учащихся высшей степенью отличия.

Через полтора года Шимон был вынужден прервать учение и вернуться домой: он получил повестку на призыв в царскую армию. Защищать отечество, в котором они не имеют гражданских прав, было не только единственным гражданским правом, но и обязанностью евреев России. От воинской повинности он получил отсрочку по малолетству, но в ешиву уже не вернулся. Ученье продолжал в мидраше, там же и работал.

После размолвки на идейной почве с отцом начался период скитаний в поисках работы. Сперва город Пропойск. Получив отказ, Шимон Великовский отправился в Могилев. Но и здесь ему отказывали во всех местах, куда он ни обращался. В Киеве еще сложнее. Работу приходилось искать, стараясь оставаться незамеченным, так как у него не было права на жительство. В дополнение ко всем несчастьям у него появились резкие боли в позвоночнике. Эти боли периодически обострялись на протяжении всей его жизни. Пришлось вернуться домой и помогать отцу во время его продолжительных поездок на подводе за товарами — за многие сотни километров от Мстиславля. И вот в Смоленске Шимон нашел работу у купца средней руки. Тот нещадно эксплуатировал молодого человека. Беда усугублялась тем, что Смоленск находился вне черты оседлости. Еврей мог поселиться здесь, только отслужив в армии.

В Смоленске Шимон Великовский стал активным сионистом, что сделало его слишком заметной личностью. А потому полиция вскоре арестовала его и по этапу доставила в Могилев.

Скитания в поисках работы, арестантский опыт, а главное — активная сионистская деятельность

сделали умного и энергичного молодого человека настоящим бойцом. И это — не преувеличение! Только боец мог решиться после всех мук, пережитых им, приехать не просто за пределы черты оседлости, а в Москву, в самое запретное для еврея место, и здесь чудом стать на ноги.

Получив после подписания договора с крупнейшим финансистом Юлием Марком многолетний кредит во всех банках и коммерческих домах Москвы, Шимон Великовский становится видной фигурой финансово-коммерческого мира. Его сионистская деятельность приобретает еще большую весомость, чем прежде. Руководя московской организацией Хиват-Цион, Шимон Великовский в 1884 году направляет посланца в Эрец-Исраэль для покупки земли в пустыне Неgev, возрождение которой к жизни было его давней мечтой. Впоследствии на купленной земле возник кибуц Рухама. Лично Великовский пожертвовал на это огромную по тем временам сумму — полтора килограмма золота.

Жить неофициально в Москве было для еврея делом рискованным и опасным. С ужасом вспоминал Великовский смоленскую тюрьму и возвращение в Могилев по этапу, арестантом. Официальное право жительства ему можно было получить только став купцом первой гильдии. И хотя путь этот сложен и продолжителен, другого для него просто не существовало. В течение пяти лет, проживая в черте оседлости, он должен был выплачивать огромный налог — по 1000 рублей золотом в год. Весь налог превышал заработок врача городской больницы примерно за четыре года.

Великовский решил поселиться в Витебске — на перекрестке путей с юга в Петербург и Прибалтику, а из Москвы — в Варшаву и дальше, на запад.

И еще одно дело, более важное, предстояло завершить именно теперь.

В 1883 году в Страдове он познакомился с милой и умной девушкой Бейлой-Рахелью. В Страдов она приехала вместе с братом, чтобы хоть в малой мере помочь своему отцу Нахуму Гродински, видному лодзинскому купцу, находившемуся в то время на грани разорения. Шимон и Бейла-Рахель полюбили друг друга. И вот сейчас, когда его материальное положение позволяло создать семью, Шимон написал письмо в Лодзь своему будущему тестю и попросил руки его дочери. Было это летом 1885 года. Только спустя четыре года, в канун Рош-ашана молодая чета Великовских поселилась в Витебске. Еще в Страдове у них родился сын Даниил, через два года — второй сын, Александр.

12 июня 1895 года в Витебске, в семье Великовских родился третий ребенок. Младшего сына назвали Иммануилом.

2. СЕМЕНА И ПОЧВА

Детство в добротном обеспеченном доме. Годами, столетиями выверенный и устоявшийся еврейский быт. Какие события могли врезаться в память ребенка? Разве только пожар в большой конюшне, крик лошадей, запах паленого мяса. Не из подсознания — из памяти извлечет потом психоаналитик Иммануил Великовский эту картину и этот запах. А еще запомнился ему необычный отъезд его отца Шимона.

Коммерческая деятельность отца была связана с частыми поездками, которые стали обыденным явлением в повседневной жизни семьи. Но на сей раз происходило нечто необычное. Трехлетний Им-

мануил с интересом разглядывал незнакомых посетителей, непрерывно сменявших друг друга. Он пытался понять, что происходит в их доме. Он приставал к братьям с бесчисленными вопросами. Но и братья не знали, что оно такое — сионистский конгресс, в каком месте знакомого им мира между Могилевом и Смоленском находится та самая Швейцария, куда собирается отец.

После возвращения отца из Базеля разговоры в доме Великовских стали еще более сложными для детского понимания. Два лучших витебских врача — очень религиозный доктор Либерман и большой знаток истории Эрец-Исраэль доктор Корельчик — говорили с отцом о какой-то идеологии и о национальном доме. Хасиды Любавичского раввина выражали отцу недовольство по поводу того, что он отказался от должности в исполнительных органах сионистской организации. Отец почему-то оправдывался, ссылаясь на состояние здоровья. Доктора, хасиды, торговые тузы Витебска и окрестных местечек упорно расспрашивали отца о разговоре с Теодором Герцлем, а еще больше — о встрече с Максом Нордау, которым отец представил свой какой-то очень важный план создания банка. Зеркальные бока большого медного самовара с утра до позднего вечера излучали жар, а мама с тихой улыбкой на красивом лице разносила гостям чай, а на тарелочках привезенного из Лодзи праздничного сервиза — такой вкусный штрудль. И гости, в отличие от детей, могли угощаться им сколько угодно.

Пять лет в Витебске. Пять счастливых лет безоблачного детства.

В 1900 году семья Великовских навсегда покинула добротный каменный дом, так не похожий на покосившиеся домики — жилища большинства

витебских евреев. Художник Марк Шагал, земляк Иммануила Великовского, с болью и любовью изобразил Витебск. Редкие чахлые деревца на фоне обшарпанных стен. Привязанные к колышкам козы озирают окружающую их убогость почти так же испуганно, как и их хозяева, втиснутые российским антисемитизмом в сдавливающую горло черту оседлости. И хотя маленький Иммануил рос в благополучии и достатке, натура шагаловского пейзажа запечатлилась в его сердце. В будущем это семя упадет на благотворную почву. Впрочем... Только ли от семян и почвы зависят всходы? Ту же убогость еврейского быта в Витебске видели Даниил и Александр. И воспитание в доме Шимона Великовского, воспитание еврейское и сионистское, в равной степени получали все дети. Тем не менее, пути их в будущем разошлись. Иммануил на всю жизнь остался сионистом, а Даниил и Александр поверили в то, что только социалистическая революция может разрешить еврейскую проблему.

...В Москве, куда переехала семья, дела купца первой гильдии Шимона Великовского сразу пошли в гору. Восстановились и сблизились отношения с банками и финансовыми домами. Имя Великовского зазвучало. Вскоре он стал одним из виднейших и наиболее уважаемых оптовых торговцев. Но одно обстоятельство омрачало благополучие семьи Великовских.

Когда Даниилу, а затем Александру пришло время поступать в гимназию, оказалось, что в православной Москве они лишены этого права. Еврейские дети были вне закона. В гимназию их не принимали даже несмотря на то, что их отец, известный купец первой гильдии, имел право жительства в российских столицах. Пришлось при-

глашать частных учителей, надеясь на то, что в будущем мальчиков удастся устроить во второй или третий класс гимназии. Частные учителя готовили для поступления в гимназию старших братьев, а затем — Иммануила.

Кроме учителей, преподававших гимназическую программу, был еще один, у которого одновременно учились не только дети, но и отец. Это был первый в истории Москвы преподаватель иврита. И первыми его учениками были члены семьи Великовских, среди которых самым способным оказался Иммануил.

И еще в одной области младший сын проявил заинтересованность и способности большие, чем его братья, — в изучении Торы и Талмуда. Отец с гордостью наблюдал за успехами Иммануила, вспоминал его собственные — в мстиславльском хедере, а затем в ешиве Мир.

Ко времени, когда Иммануилу исполнилось 11 лет, финансовое положение Шимона Великовского, значительно пошатнувшееся в канун и во время русско-японской войны, вновь стало устойчивым. В московских торговых и финансовых кругах Великовский, купец первой гильдии, считался человеком умным, опытным, надежным и очень состоятельным. Популярность и широкие связи позволяли надеяться на то, что наконец-то ему удастся устроить младшего сына в гимназию. Если не в третий класс, в который он должен был быть принят по знаниям, приобретенным у частных учителей и самостоятельным трудом, то хотя бы во второй — по возрасту.

...С тревогой поглядывал Шимон то на часы, то на дверь кабинета директора гимназии. Давно уже истекло обычное для приемного экзамена время. Когда наконец его пригласили в кабинет, когда он

увидел директора и двух учителей, с интересом рассматривающих то его, то смущенно ссутулившегося на своем стуле Иммануила, Шимону инстинктивно захотелось втянуть голову в плечи в ожидании очередного удара. Тем радостнее было слышать слова директора: «Мальчик поразил нас своими знаниями. Ему нечего делать в третьем классе. Это единодушное мнение — мое и обоих учителей. Но... Не будем в этом случае выходить из рамок установленных правил... Кроме того, господину Великовскому, вероятно, известно, что 9-я Императорская гимназия — одна из самых престижных в России. Так что пусть все идет своим чередом. Ваш сын зачисляется в третий класс...»

Высокий мальчик с крупными чертами лица, деликатный, воспитанный и вместе с тем такой неуступчивый, когда спор шел о его убеждениях, Иммануил считался признанным авторитетом и заводилой, хотя был моложе своих одноклассников. Первый по знаниям ученик в течение шести гимназических лет. Его память, сообразительность и образованность были предметом удивления и восхищения как учеников, так и учителей. Возможно, именно поэтому в 9-й Императорской гимназии города Москвы Иммануил не ощущал антисемитизма.

3. СОЦИАЛИЗМ И СВЯТОСТЬ СУББОТЫ

Московский дсм Великовских несмотря на религиозность хозяина справедливо считался весьма либеральным. Но суббота соблюдалась строго по еврейским законам — это было обязательным для всех членов семьи. В пятницу, до захода солнца мать зажигала свечи. Семья собиралась вокруг

праздничного стола, отец стоя произносил благословение и отпивал глоток вина из красивого серебряного кубка. В благоговейной тишине каждый выпивал свое вино. Отец приподнимал белоснежную накрахмаленную салфетку, покрывающую две вежеиспеченные халы, благословлял хлеб и, отламывая куски халы и обмакивая их в соль, молча передавал сидящим за столом. Неторопливая трапеза сдабривалась интересной беседой, в которой повседневные события перемежались с историями из Торы и Талмуда. Здесь, за субботним столом, Имануил впервые услышал рассказ о том, как началось материальное благополучие отца.

...Бедный двадцатидвухлетний еврей приехал в Москву с рекомендательным письмом сомнительной ценности и несколькими копейками в кармане. В пятницу он был принят одним из финансово-торговых тузов Москвы — Юлием Марком. Непродолжительная беседа явно носила характер экзамена. По-видимому, Шимон произвел на своего собеседника благоприятное впечатление.

— Ну что ж, молодой человек, приходите завтра подписать договор.

Перед Шимоном открывалось будущее, жизнь. Но завтра — суббота. Еврейский закон не разрешает ему подписывать договор в субботу. Шимон понимал, что, возможно, сейчас он упускает единственный и неповторимый шанс устроить свою судьбу. Но он не мог нарушить субботу. С робкой надеждой спросил, нельзя ли договор подписать в понедельник. Юлий Марк долгим насмешливо-испытующим взглядом окинул Шимона и сказал:

— Быть по-вашему. Подождем до понедельника.

Три тревожных дня Шимон скрывался в жалком подобии гостиницы, сомневаясь, останется ли в силе сделанное ему предложение. К счастью, в

понедельник договор был подписан. По этому договору банки и торговые дома Москвы предоставляли Великовскому почти неограниченный кредит. Перед ним открывались неслыханные возможности. В договоре были такие льготы, о которых Марк даже не намекал в пятницу, при первой встрече.

— Не знаю, чем это объяснить, — продолжал отец. — Говорили, что Юлий Марк — крещеный еврей. Возможно, его крещение было только способом приспособления к антисемитской среде, а в душе он оставался евреем. А, может быть, он просто решил, что если для молодого человека вера важнее карьеры и денег, то на него можно положиться. Не знаю...

Рассказ отца не просто запомнился — он был впитан Иммануилом. Для него отец всегда был не только объектом сыновней любви, но и личностью, достойной подражания.

Шимон Великовский был сдержан и деликатен в отношениях с людьми. Десятки евреев обращались к нему за помощью и советом. Он охотно помогал. Он советовал. Но советы никогда не бывали категоричными. Обычно Шимон только намечал направление. Принять решение должен был сам обращающийся за советом. Даже в отношениях с подчиненными он придерживался этого правила. Детей, привыкших к российским нравам, по которым сильный и богатый только требовал и повелевал, несколько удивляла такая манера отца.

— Почему ты не приказал ему? Разве он не был неправ? — как-то спросил отца Александр.

— Конечно, он неправ. Я попытался объяснить ему это. И если он поймет, то найдет правильную дорогу. Все мы, увы, ошибаемся.

— И ты ошибаешься? — с недоверием спросил Иммануил.

— К сожалению, ошибки случаются и сейчас. А в отрочестве и юности я прошел сквозь тяжелый период колебаний.

— Отец, расскажи о своих колебаниях.

— Обязательно. При случае...

И такой случай представился.

После революции 1905 года Россия была охвачена самой оголтелой реакцией. Юдофобская черная сотня наводила ужас на еврейское население страны. Пуришкевич и прочие представители черной сотни в Государственной думе непрерывно возбуждали низменные инстинкты не только у простых людей, но даже в среде так называемой либеральной интеллигенции. Значительная часть просвещенной еврейской молодежи единственным выходом из столь тяжелого положения считала социальную революцию. Предельным выражением радикальных взглядов было убийство премьер-министра Столыпина киевским студентом — еврейским юношей Багровым.

Среди молодого поколения Великовских не было единодушия по поводу участия евреев в решении политических судеб России. Даниил и Александр колебались между необходимостью социальных реформ и активными действиями, подобными акту Багрова. Иммануил, которого старшие братья не хотели принимать всерьез несмотря на его не по годам развитость и одаренность, не сомневался: дело евреев — исход в Эрец-Исраэль и построение там своего суверенного государства, российские же вопросы пусть решают сами великороссы.

Однажды, когда спор между братьями особенно накалился, Шимон Великовский развел в стороны разгоряченных сыновей и сказал:

— Успокойтесь. Не хочу навязывать вам своего мнения, как сделал однажды мой отец — ваш дед

Яков. Но рассказать об этом случае стоит. Это и есть история моих колебаний.

После полутора лет учения в ешиве я должен был вернуться домой. Здесь, как и в хедере, я снова сблизился с Шимоном Дубновым. В ту пору он самостоятельно изучал русский язык. Я стал его догонять. Достал русско-еврейский словарь Штейнберга и учился языку, читая классическую литературу. Когда мне исполнилось девятнадцать лет, я впервые прочитал статьи Лилиенблюма и других видных сионистов. Идея возвращения евреев в Эрец-Исраэль увлекла меня как и многих юношей. Но устоявшееся мировоззрение у меня еще не сформировалось.

Именно в это время вернулся из Палестины старший брат Шимона Дубнова. Он яростно выступал против Талмуда. Один из моих товарищей стал поговаривать о переходе в христианство. Не для приспособления — действительно из религиозных соображений. Я возражал. Я считал, что выходом из положения может быть соединение Торы с просвещением. Мечтой моей в ту пору было поехать в Вильно и поступить учиться в бейт-амидраш, готовящий раввинов. Но просьбу вашего деда Якова о выдаче мне паспорта не удовлетворили местные власти. Не могу сейчас сказать определенно, под влиянием ли этой обиды, просто ли видя вокруг себя нищету и бесправие, я стал крайне левым: тайком приносил домой запрещенную политическую литературу на русском языке и журнал на языке иврит «аШахар» («Заря»).

Однажды отец случайно обнаружил этот журнал. Никогда раньше я не видел его таким разгневанным. Он порвал журнал, и русские листовки, а заодно — и русско-еврейский словарь. Я очень болезненно перенес эту сцену. Всю ночь не спал,

взвешивая достоинства и недостатки известных мне идейных течений в нашем еврействе. Ничего определенного не понял и не решил. Единственное, что стало абсолютно ясным, — евреи не должны иметь ничего общего с левыми движениями. Эта мысль немного приглушила обиду на отца. Но только немного. Я покинул отцовский дом в поисках собственного пути. Мое мировоззрение вам известно. Я — сионист. Но навязывать вам что-либо насильно не намерен. И рвать ваших книг не стану. Каждый должен выбрать свой путь самостоятельно. А если на этом пути жизнь вам закатит несколько оплеух, как закатывала мне, ну что ж, оплеухи помогают преодолевать колебания.

4. ЗЕМЛЯ ИЗРАИЛЯ И МОСКОВСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В июне 1912 года Великовский закончил 9-ю Императорскую гимназию. Его золотая медаль не была сюрпризом ни для учителей, ни для одноклассников. В семье тоже на это надеялись. Но это не уменьшило радости — золотая медаль Иммануила стала истинным праздником в семье. Ведь она давала беспорное право поступления в Московский университет в счет пятипроцентной нормы для евреев.

Увы, даже с такой наградой Иммануила не приняли в Московский университет. Пришлось всерьез подумать о получении образования за пределами черносотенной России. Благо у отца были на это деньги.

В августе 1912 года семнадцатилетний Иммануил Великовский приехал в Монпелье, живописный город на юге Франции, и поступил там на

медицинский факультет университета. Недалеко от Монпелье — Ним, Арль, Авиньон, Марсель. Рядом — Средиземное море, омывающее и берега Эрец-Исраэль. Жаркое солнце Средиземноморья распалаяло все еще кровоточащую рану обиды, нанесенную российским антисемитизмом.

В ту пору в университетах и политехнических институтах юга Франции — от Тулузы до Марселя — обучалось много еврейских юношей из России. В подавляющем большинстве это была талантливая трудолюбивая молодежь. Многие, как и Великовский, закончили гимназии и реальные училища с золотой медалью. Все они находились здесь потому, что в России двери университетов были перед ними закрыты. Буквально с первых дней учения Иммануил стал в этой среде лидером, внушая своим товарищам сионистские идеи. Семена попадали в благоприятную почву. Пройдут годы, и в Эрец-Исраэль Великовский встретит своих товарищей из университета в Монпелье.

...На юге Франции еще царило лето, когда Иммануил вернулся в осеннюю Москву с твердым намерением немедленно уехать в Эрец-Исраэль. Проще, конечно, было поехать пароходом прямо из Марселя, но он хотел получить инструкции от отца, связанные с делами московских сионистов. На земле, купленной в Эрец-Исраэль евреями Москвы, предстояло организовать сельскохозяйственный кибуц. Дело это было весьма сложным по многим причинам. Прежде всего, земля находилась в пустыне Негев. Освоение Негева было давней мечтой Шимона Великовского. Он же был и основным капиталовкладчиком, организовал московских сионистов и внушил им идею создания первого свободного сельскохозяйственного производства в Негеве. Он придумал кибуцу имя — «Рухама».

Сельскохозяйственное производство в пустыне само по себе было колоссальной трудностью. Но не единственной. Предстояло найти руководителя хозяйства, составить сметы, определить наиболее приемлемые и рентабельные культуры. Необходимо было решать и многие другие весьма сложные организационные и бытовые проблемы. Шимон Великовский справедливо считал, что поездка Иммануила окажется необходимым погружением в практическую жизнь и отличной школой сионизма.

Трехдневное путешествие поездом до Одессы. Целый день до самого вечера, пока пароход не отошел от причала. Иммануил с любопытством рассматривал своеобразный и очень живописный город. С таким же интересом рассматривал он потом Констанцу, Варну, Константинополь, Афины...

В Акрополе он не оставил без внимания ни одной развалины, ни единого укромного уголка. С площадки у Парфенона он смотрел вниз на современный европейский город. А за спиной высились колонны древних Афин. В один и тот же миг он жил в двух временных измерениях.

Иммануил, казалось, уже до насыщения был наполнен впечатлениями от путешествия по Черному, Мраморному, Эгейскому и Средиземному морям, когда пароход пришел в Яффо. Начало свидания с Эрец-Исраэль вряд ли можно было считать приятным. Уже на причале, у двуколок с запряженными в них печальными осликами, арабы в куфиях и арабы-христиане, пронзительно перекрикивая друг друга, зазывали к себе пассажиров. Колокола на звоннице греческой церкви «отрабатывали» свою мелодию так же старательно, как в церквушке неподалеку от их дома ранним московским утром. Из тонкого минарета мечети доносились истошные вопли муэдзина. Ветер,

жаркий как из печи, гонял по узким улочкам дурно пахнущую пыль и обрывки грязной бумаги.

Зато на расстоянии двух-трех километров севернее порта Иммануил нашел совершенно другой мир. Тель-Авив — первый полностью еврейский город после почти 1900 лет рассеяния — порастил юношу прежде всего своей атмосферой. В городе жили, город строили, город украшали идеалисты, уверенные в том, что они начинают новый этап истории еврейского народа. Тель-Авив, маленький скромный город тружеников, рассылал своих эмиссаров в различные уголки Эрец-Исраэль создавать очаги национального дома — будущего возрожденного еврейского государства.

В одном из таких очагов — в кибуце Мерхавия — состоялась встреча юного Великовского с Библией. Кибуц был первым поселением в пустынной заболоченной долине. После дня каторжного труда кибуцники собрались на поздний обед в бараче — единственном помещении. На расстоянии нескольких километров вокруг не было не только строений, но даже живой души. Видя подавленное настроение Иммануила, молодой кибуцник сказал ему, с аппетитом уминая еду:

— Ничего, друг, возрождение этого гиблого места к жизни — чудо поменьше того, которое произошло недалеко отсюда, в долине Аялон. Вон там, за этими холмами (кибуцник показал на юг, туда, где в быстро сгущавшихся сумерках уже ничего нельзя было разглядеть) Йошуа бен-Нун приказал солнцу и луне остановиться, чтобы продлился день. Сыны Израиля могли не успеть победить своих врагов до наступления темноты. И солнце остановилось. Нам ли не возрождать эту землю к жизни? Разве мы не потомки тех самых сынов Израиля?

Ночью, лежа на своей постели прямо на земле, рядом с палаткой — жилищем кибуцников, Иммануил смотрел в невероятно высокое небо — на звезды, которые никогда раньше не видел такими большими и яркими, на полную луну, которая, по библейской легенде, стояла неподвижно именно над этой долиной, и думал. При всей глубокой вере в Творца, он не мог допустить существования такого чуда. Не могут солнце и луна неподвижно застыть над долиной. Для этого должно прекратиться вращение земли. Это невозможно. Нельзя буквально воспринимать метафору автора книги Иошуа.

...Встреча с Иерусалимом буквально ошеломила юного Великовского. Ничего подобного он и не мог себе представить. На каждом повороте улиц он наткался на древнюю историю, на живое напластование эпох, на истоки трех религий. В сердце его запали навсегда фантастические рассветы над Мертвым морем и Иудейской пустыней; неземные закаты, превращавшие иерусалимский камень в золотые слитки; а главное — свет, непонятный, неопиcуемый, невиданный нигде, кроме Иерусалима.

Весной 1913 года Иммануил вернулся в Москву возмужавшим, прожаренным солнцем Израиля. Он привез отцу обстоятельный отчет о делах в Рухаме. Он не уставал рассказывать о земле Израиля, о кибуцах, Тель-Авиве, Негеве и конечно же об Иерусалиме.

Он вернется туда. Вернется на свою землю врачом. В прошлом году он поехал в Монпелье, потому что владеет французским языком — французскому и немецкому еще до гимназии детей обучала мама. Братья Великовские владеют этими языками свободно, как и русским. Но не следует идти по пути наименьшего сопротивления. Надо изучать

медицину в Англии, чтобы заодно овладеть еще одним языком.

Осенью 1913 года Великовский начал учиться на медицинском факультете Эдинбургского университета. Закончив первый курс, он уехал на летние каникулы к родителям в Москву. Продолжить учебу в Эдинбурге ему уже не удалось. Началась мировая война.

Осенью 1914 года Великовский был зачислен студентом Вольного университета в Москве. Многие профессора Московского университета в знак протеста против дискриминационной политики царского правительства организовали свой университет в противовес официальному — Императорскому. Два семестра Иммануил слушал курс юриспруденции, истории и экономики.

В 1915 году ему удалось поступить на второй курс медицинского факультета Московского университета, продолжая гуманитарное образование в Вольном университете. Российское правительство чуть-чуть приоткрыло двери для евреев. Но это не было симптомом либерализации — шла война, и армия нуждалась во «врачах».

При всей предвзятости к Московскому императорскому университету, нельзя не отметить глубины и основательности преподавания, которое там осуществлялось, тем более, что лекции читали выдающиеся русские медики и ученые.

Русско-японская война и революция 1905 года взволновали застоявшиеся воды университетского омута. Была даже создана студенческая дружина. Однако после революции студентов быстро успокоили. В университете воцарился покой. События внешнего мира, казалось, не коснулись медицинского факультета. Студенты-медики, в отличие от студентов других факультетов, до предела были

загружены повседневной академической рутинной: анатомический театр, аудитории, лаборатории, клиники. А после занятий в университете — долгие часы работы в библиотеке или дома, бессонные ночи в переполненных до неправдоподобия больницах. И снова — работа, работа, бесконечная работа, если хочешь стать действительно врачом, а не просто обладателем врачебного диплома.

Великовскому было легче, чем большинству студентов медицинского факультета. С младенческих лет приученный к систематическому учению, обладая незаурядными способностями и феноменальной памятью, он схватывал и запоминал изучаемый материал быстрее и легче, чем его однокурсники. Благодаря этому у него оставалось время для стихов, публицистической деятельности. И для углубленного изучения Библии.

С тревогой наблюдал он за очень немногочисленными студентами-евреями Московского университета. Оживление политической активности, обусловленное войной, обстановкой в стране, слухами о поражениях на фронте, коррупции и воровстве в тылу, влекло некоторых из них в различные партии, благо в партиях тогда не было недостатка. Наиболее привлекательными для них казались леворадикалы — большевики, меньшевики, эсеры. Этой патологии, как считал Великовский, еще можно было найти объяснение. Но как понять вот такое: Великовский знал еврейского парня, студента юридического факультета, который шумно поддерживал крайне реакционную и откровенно антисемитскую монархическую партию. Несколько студентов-медиков были даже приглашены на грандиозную церемонию его крещения в храме Христа-спасителя.

С удивительной для юноши прозорливостью Великовский улавливал во всем этом тревожные симп-

томы надвигающегося несчастья. Споры нет, Россия нуждается в социальных переменах. Но это — не дело евреев. В черте ли оседлости загнивающей империи, приобретя ли гражданские права, если победит революция, евреи, как и прежде, останутся на русской земле инородным телом. Более того, как и на протяжении всей трагической истории их рассеяния, евреи окажутся в роли этакого «козла отпущения» в любом случае. Если победят реакционеры, евреев легко будет обвинить в том, что они затеяли революцию. Если победит революция, во всех неизбежных экономических и социальных бедах можно будет опять-таки обвинить евреев. Глупый и несчастный народ! Какого черта они ввязываются в чужие, чуждые им дела, вместо того чтобы заняться своими?

5. «ТРЕТИЙ ИСХОД»

Великовский много думал об этом, и незадолго до февральской революции 1917 года написал яркую высокоэмоциональную брошюру «Третий исход». Издана она была спустя десять месяцев под псевдонимом Имануэля Рамио.

Сразу же после краткого предисловия студент, которому было тогда лишь чуть больше 20 лет, писал: «Четыре устоя, на которых утверждено всякое начало культуры, — это: человечество, нация, семья, личность. Удаляя любой из этих устоев, мы выходим из равновесия. В иудаизме замечательно совершенно сочетаются все четыре начала. Широкий кругозор номадов, кочующих между Месопотамией и Египтом, отличается ощущениями не только универсальными, но даже космическими. Библия — это история еврейского народа, но в то

же время — это и история человечества. Начинается эта история не с какой-либо династии, не с каких-либо законов, не с каких-либо походов и не с призвания чужеземных правителей, а с сотворения мира и создания человека.

Еврейские пророки говорят не только об усовершенствовании личности, не только о развращенности народа и его будущих судьбах, но и о других народах, не только о своих соседях, но и о целом мире. Судьбы мира — почти в каждом слове пророка, хотя он и посвящает обыкновенно свои речи своему народу. Надо быть великим фантастом всечеловечества, чтобы в маленькой Иудее простому пастуху объявить суд народам или начать говорить так: «Слушайте, народы, внимайте, страны!» Это в то время, когда сохранить и распространить эти слова должны не пар, электричество и типографский станок, а исключительно дух энтузиазма и правды.

Примером того, как с исчезновением идеи всечеловечества теряется равновесие потерявшего этот устой, может служить любой народ древности: Египет, Вавилон, Греция, Рим, несмотря на то, что каждый из них мечтал о мировом господстве и даже в определенный момент, может быть, и достигал его. Даже больше: всякий народ, мечтающий о мировом господстве, не имеет — уже или еще — идеи всечеловечества».

Великовский считает Наполеона разрушителем идей пророков, повторенных французской революцией. В словах немецкого гимна он пророчески замечает стремление к мировому господству. Он обращает внимание на интересную деталь: еврейский народ, представление которого о его Богоизбранности не говорит о недостатке самомнения или веры в себя, никогда свои политические пределы

не представлял себе дальше границ, обещанных Богом.

Великовский, рассматривая исторический процесс создания нации, замечает: «...ни одна нация не нашла безумства сказать о себе то, что сказал о себе еврейский народ. Он стоит лицом к лицу Бога. Поэтому его сила другая, его идеология неизменна, как неизменна вера в Единого Бога. Идеологии других наций могут видоизменяться, исчезать; с их исчезновением могут исчезать нации».

Великовский рассуждает о семье — о ее не только биологическом, но и метафизическом значении. Говоря о бессмертии половых клеток, в отличие от соматических, Великовский пишет: «...биология лишь объясняет то, что иудаизм понял без лабораторий и опытов... У еврейства был осознанный культ предков и столь же осознанный и отсутствующий у других народностей культ потомства. Еврей называет Израилем весь народ, потому что во всем народе есть «семя» Израиля. Семя, которое носил Авраам, теперь ношу я, как и всякий еврей». Далее подробно развивается этот тезис, подводящий автора к причине сохранения самобытности еврейского народа, даже находившегося в рассеянии. Горечь звучит в фразах, противопоставляющих евреев окружающим их народам и, прежде всего, — народам Европы: «Законов милосердия ты не знала, начала справедливости тебе чужды, пророков Бога среди тебя не было. Европа — это антипод иудаизма». Великовский утверждает, что в начальных школах от Гренады и Кордовы до Багдада и Шираза детей обучали на глобусах, когда Европа еще представляла себе Землю плоской. Он говорит о гуннах и вандалах, объявивших себя наследниками христианства, о том, как Европа была поражена идеей свободы, равенства, братства че-

рез 25 столетий после того, как эту идею не только проповедовали, но и осуществляли в городах Иудеи и Самарии. У евреев раньше, чем у других народов, исчезло рабство. В цивилизованном мире оно еще существовало во второй половине XIX века (Россия, Америка). «У евреев не было плебеев и аристократов: были только аристократы духа и невежды». Но у первых не было никакого преимущества, кроме внутреннего превосходства.

Великовский пишет о необходимости и радости труда. Он не понимает, как можно прожить всю жизнь и есть хлеб за «критикования чужих литературных произведений». Он высказывает и несколько наивные мысли о необходимости работы на земле независимо от основной профессии. «Под своею смоковницею будет сидеть каждый человек. Так только я могу представить себе конечное счастье и покой для странствующего Израиля». «В Библии, — подчеркивает юный автор, — почти нигде не говорится о труде, потому что труд был наслаждением для людей, и говорить «трудись» некому было. А христианам понадобилось создать особую религию труда (помимо религии церкви) — социализм, который отверг религию церкви». В данной фразе, думается, не вызывает сомнений вторая ее половина.

Основная идея брошюры, конечная цель, которую преследовал автор, — возвращение евреев в Землю Израиля. Великовский, фактически тогда юноша, не страшится возвысить свой критикующий голос против кумира сионистов — Теодора Герцля, не понимающего, по мнению автора брошюры, каким должно быть возрожденное еврейское государство. «Теодор Герцль хотел еврейский дух... сделать духом европейским. И ассимилировать он его хотел, правда, со всей любовью своего большо-

го сердца». Он не может простить Герцлю его мечту о Иерусалиме, «где христиане, магометане и евреи (на третьем месте) имеют свои учреждения, где на храме написано «*Nil humani a me alienum puto*» — «ничто человеческое мне не чуждо». Латынь надписи говорит, что еврейское — чуждо».

Для Великовского очевидно: возвращение в еврейскую страну — это возвращение к Еврейскому Богу, а не просто создание страны для европеизированных евреев. С возмущением говорит юный автор о части ассимилированной еврейской интеллигенции, переставшей верить в Бога, — «ложный стыд среди этой интеллигенции и полуинтеллигенции, некое рабство, которое не позволяет рабам верить в то, во что не в ходу верить среди господ, некая глупость, которая как бы говорит — слишком долго мы в Него верили, или которая ничего не говорит, потому что говорить ей нечего». И дальше: «В наши дни сказать — «мы потомки Маккавеев» — это любезно нашей гордости, но берем ли мы себе лозунгом Имя Бога, как Маккавеев?»

Великовский заключает брошюру следующими словами: «Я выяснил, что еврейская нация создавалась и обособилась как нация, знающая Бога, а идея всечеловечества близка еврейской нации более, чем кому-либо: я выяснил, что еврейство ищет исхода из Европы, и теперь настало время ухода в Сион. Труд на земле, здоровая любовь, глубокая культура иудаизма, разумная цивилизация — все это не ново, но еще не осуществилось. Осуществиться это должно в еврейской стране».

Есть в брошюре места наивные, противоречивые, незрелые. Не следует забывать, что автору ее, студенту-медику, исполнился лишь 21 год. И, тем не менее, глубокий анализ, страстная убежденность и вера сохраняют ее актуальной даже в наше время.

Жаль, что об этой работе Великовского ничего не знают в Израиле. Изданная на русском языке небольшим тиражом, она уже давно стала раритетом.

6. ПРИГОВОР, НЕ ПРИВЕДЕННЫЙ В ИСПОЛНЕНИЕ

Сионисты России никогда не выступали против революции или против советской власти. Единственная их вина заключалась в концепции, что евреи не должны иметь ничего общего ни с революцией, ни с советской властью, что дело евреев — иммиграция в Эрец-Исраэль и воссоздание там своего государства. Но в глазах большевиков, пришедших к власти, концепция эта была смертным грехом, который необходимо искоренять физически. Так определил их вождь Ленин. Претворение в жизнь этих указаний — фактически физическое искоренение еврейской нации в России — осуществлял «карающий меч» революции — Дзержинский.

...В феврале 1918 года ЧК арестовала группу московских сионистов, в том числе технического секретаря организации, при обыске которого был обнаружен список жертвователей на покупку земли в Палестине. Шимона Великовского успели предупредить об опасности. Он не вернулся домой и уже никогда не видел ни дома, ни своего имущества, накопленного годами неустанного труда. Однако ему удалось избежать ареста. Три недели он скрывался у надежных людей, прежде чем представилась возможность выбраться из Москвы с женой и младшим сыном — Иммануилом.

Наиболее логичным путем в Палестину семье Великовских казался путь через Украину. Но о какой логике можно говорить во время революции

Бейла-Рахель Великовская, мать Иммануила

и гражданской войны? Дорога на юг была сопряжена со смертельной опасностью. Кого только не было в тех местах! Немцы и поляки, белые армии Деникина и Врангеля, украинские гайдамаки и армия Петлюры, банды Махно и Григорьева... У каждой из этих армий и банд была своя политическая платформа, своя программа. Но в одном они были едины — в оголтелом антисемитизме.

Долгие месяцы скиталась семья Великовских по пылающей Украине, пытаясь пробиться на запад. Иногда по нескольку дней оставались без куска хлеба. Иногда в течение одного дня подвергались опасности попасть в лапы трех сменяющих друг друга режимов, одинаково ненавидящих евреев. Не был исключением «в этом вопросе» и тарашанский полк под командованием Боженко, входивший в состав Красной армии.

Отчаявшись вырваться на запад, Великовские направились на восток, надеясь пробраться через Ростов-на-Дону и Кавказ в Закавказье, а уже оттуда попасть **то** ли в Турцию, **то** ли в Персию.

...Случилось это в начале зимы 1919 года на Дону. Иммануил пошел в станицу в надежде раздобыть хотя бы какую-нибудь еду. Высокий юноша с интеллигентным лицом и волевым подбородком, юноша, в котором безошибочно можно было распознать еврея, почему-то показался казакам генерала Шкуро большевистским агитатором. Допрашивавшему Иммануила есаулу попросту лень было выслушивать объяснения какого-то жида. Мало их, что ли комиссарит в Красной армии? Приговор был скорым и беспелляционным: расстрелять!

Казак средних лет повел Иммануила на окраину станицы, к яру, в котором расстреливали пленных. Великовский шел не оглядываясь, время от времени ощущая прикосновение штыка к спине.

Жидкая грязь чавкала под ногами. Первые снежинки неуверенно парили в сером свете рано угасающего дня. Какое-то непонятное состояние, какое-то неясное ощущение безмерности отсекло и страх, и даже тревогу о родителях, ничего не знающих о его судьбе. Неизвестно почему и зачем, он вдруг начал спокойный рассказ. Он говорил о том, что еще совсем недавно вспомнилось ему на Украине — на пепелище еврейского местечка, куда в надежде на кров и еду семья Великовских пришла, к счастью, уже после погрома.

Он рассказывал о Диего Пиресе — рыцаре и маране начала XVI века, прекрасном юноше, любимце португальской королевы. Под влиянием выдумщика Давида Реубени, объявившего, что он пришел из чудесного царства, где счастливо живут десять исчезнувших колен Израиля, Диего принял иудаизм, обрезался, сменил свое имя на Соломон Молхо и стал изучать Каббалу. Католическая церковь обвинила его в ереси. В день аутодафе папа Климентий VII спрятал его, а на костре сожгли другого человека. Диего-Соломон и Реубени под знаменем Маккавеев направились к королю Карлу. Король выдал тридцатидвухлетнего Диего-Соломона. В день казни король направил своего посланника с предложением о помиловании, если Диего возвратится в христианство. Пирес отказался и был сожжен.

...Чавкала грязь под ногами. Казак слушал с интересом и удивлением. Он шел, уже не прикасаясь штыком к спине Иммануила. Когда они остановились у обрыва над яром, казак, внимательно взглядываясь в лицо пленника, сказал:

— Чудной ты какой-то... Хоть и жид, а человек. Ладно. Не стану я брать греха на свою душу. Спустишь в яр, дождись темноты и уходи.

Два выстрела прогремели в мокрых сумерках. И снова тревожная тишина окутала мир.

Скрываясь в яру до темноты, охваченный нахлынувшим страхом Великовский пытался проанализировать, что же произошло с ним по пути к расстрелу. Откуда взялось то непонятное и сейчас состояние безмерности, отсутствия страха и даже тревоги о родителях? Что это было? Стопор? Охранительное торможение? И почему он вдруг заговорил о Диего Пиресе?

Уже на Кавказе, глядя на мощную шапку Казбека, преграждающего путь на юг, в Эрец-Исраэль, Иммануил Великовский написал поэму в прозе о рыцаре и маране, прекрасном юноше Диего Пиресе.

Пройдет еще пятнадцать лет, и эта поэма будет опубликована в Париже на языке оригинала — на русском языке: Эмануил Рам. «Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Святого Ангела».

7. ДИПЛОМ ВРАЧА

Три года тяжких скитаний по горящему в пламени гражданской войны югу России. Тщетные попытки выбраться за границу. Неоконченный курс обучения на медицинском факультете университета. Неопределенное будущее. Таков был мрачный итог, с которым Иммануил Великовский приближался к своему двадцатилетию.

Возможность возвращения семьи в Москву даже не обсуждалась. Отец был слишком заметной фигурой. Здесь, на Украине, у него еще оставались шансы не быть обнаруженным агентами ЧК. Возвращение в Москву Иммануила тоже было рискованным предприятием. Во-первых, он был сыном не просто капиталиста, а видного сиониста — Ши-

мона Великовского. Во-вторых, в ЧК могли быть сведения о том, что именно он — автор брошюры «Третий исход». Но даже если им известен автор, вина несколько смягчалась тем, что брошюра была написана не только до октябрьской, но даже до февральской революции. Кроме того, весной 1921 года несколько поутих террор периода военного коммунизма.

С убогой поклажей в руках Великовский вышел на заснеженную площадь перед Киевским вокзалом. Справа, за Москвой-рекой, в сумеречной дали проступали очертания Новодевичьего монастыря. Обшарпанный трамвай душераздирающе заскрежетал на повороте. Все такое знакомое и все такое чужое... Но через это надо пройти.

То ли по причине некоторой либерализации, то ли потому, что Москва остро нуждалась в медицинских кадрах, особенно во врачах, восстановление Великовского в университете оказалось относительно легким делом. Тем более, что блестящего студента помнили уцелевшие на факультете профессора.

Летом 1921 года Великовский окончил университет и получил диплом врача. Еще несколько месяцев он работал терапевтом, прежде чем ему с колоссальным трудом удалось раздобыть разрешение на выезд за границу для себя и для родителей, все еще скитавшихся по Украине. Весной 1922 года Шимон Великовский с женой и младшим сыном покинули пределы опостылевшей им России.

Голова Великовского-старшего всегда была полна идей, связанных с возрождением еврейского государства. Собрать бы туда цвет научного мира, украшающий цивилизованные страны, — какой бы мог получиться университет! Мечта эта казалась даже не утопией, а так, чем-то эфемерным. Но

почему бы не начать ее осуществление с создания многоотраслевого научного журнала, в котором будут публиковаться работы виднейших ученых-евреев? С этой целью Шимон Великовский, как только семья выбралась за пределы России, направил Иммануила в Берлин, а сам вместе с женой поехал в Эрец-Исраэль.

8. «SCRIPTA», ЭЛИШЕВА И ЭЙНШТЕЙН

Головокружительное чувство невесомости охватило Иммануила, когда он вышел из здания вокзала на просторную берлинскую площадь. Солнечное утро смягчало казарменный вид окружающих зданий. Солидный полицейский величественно дирижировал движением. Добропорядочные бюргеры дисциплинированно пересекали дорогу только на переходах. Во всем видны были основательность, законность, порядок. Можно было расправить плечи. Можно было идти, не таясь. Впервые за несколько лет Иммануилу было приятно просто вот так прогуливаться, тем более, что плиты тротуара сверкали чистотой, как паркет в их московской квартире. Можно было бесцельно бродить, не опасаясь ни петлюровцев, ни большевиков, ни деникинцев, ни зеленых. Еврейские фамилии над витринами шикарных ювелирных магазинов. Большие буквы еврейского алфавита — кошер — у входа в мясную лавку. Восторгаясь, как ребенок, Иммануил останавливался, чтобы рассмотреть на стенах домов отполированные до зеркального блеска медные таблицы с еврейскими фамилиями врачей и адвокатов.

Берлин казался ему прекрасным. Цель его приезда была такой ясной, а главное — такой легко

осуществимой! Могут ли быть какие-нибудь затруднения в городе, в котором царят порядок и законность? Он медленно шел по Унтер-ден-Линден.

Он ярко представил себе, как должен выглядеть журнал — издание пока еще не существующего еврейского университета в Иерусалиме. На обложке — справа налево — название журнала на иврите. Так же на иврите все статьи, но здесь же, в журнале, должны они быть опубликованы и на языке оригинала. Какая удача, что он владеет ивритом, английским, немецким, французским, русским. И даже латынью, которая, собственно говоря, будет только в заглавии и в специальных терминах. *SCRIPTA UNIVERSITATIS ATQUE BIBLIOTHECAE HIEROSOLYMITANARUM.*

Кто знает, быть может, еще до возрождения Третьего храма в Иерусалиме воздвигнут величественный храм науки — еврейский университет, который должен стать одним из источников светочи еврейского государства, предсказанной в Библии.

«Стоп, Иммануил! — прервал ход своих мыслей Великовский. — Для издания журнала необходима крыша над головой, а не бесцельное болтание по Берлину». Во внутреннем кармане пиджака у него находились два адреса. Иммануил наугад вытащил одну из бумажек и обратился к полицейскому с вопросом, как проехать к нужному месту. Полицейский обстоятельно объяснил, где остановка трамвая, куда ехать и где надо сойти.

Уже сам фасад трехэтажного кирпичного дома, перед которым остановился Иммануил, свидетельствовал о добропорядочности и уюте. Хозяин в черной бархатной ермолке деликатно осведомился об источнике рекомендации и после непродолжительной вежливой беседы представил квартиранта своей жене, владелице пансионата.

За обедом Иммануил познакомился с очень серьезной и симпатичной девушкой, оставившей в углу, у вешалки, свою скрипку. Вскоре он узнал, что имя ее — Элишева, что она работает в струнном квартете и преподает музыку. В Берлине живет одна. У ее родителей в Гамбурге магазин религиозных книг. Сюда Элишева приходит обедать потому, что здесь, безусловно, кошерная кухня, вкусная пища и симпатичные хозяева. Она — вторая из пяти сестер Крамер. А еще есть у нее брат Зигфрид. Зигфрид и кошерная кухня? Да, она не находит в этом ничего странного. Тевтонское имя в семье Крамеров не мешает им быть религиозными евреями. Лично она строго соблюдает субботу. И если бы господин Иммануил не заговорил об этом, ей никогда не пришла бы в голову мысль о необычности такого сочетания. В Германии, во всяком случае, никто не считает это странным.

Старшая сестра Мирьям, а затем и остальные сестры заметили, что знакомство с Иммануилом как-то изменило Элишеву. Даже в ее игре появилось неуловимо новое, что, естественно, немедленно отметили ее коллеги по квартету:

Перемены в Элишеве замечали все, кроме наблюдательного Иммануила, мысли и помыслы которого были заняты изданием журнала «Scripta». Трудно даже представить, как один человек мог справиться буквально с горой корреспонденции. Он разослал письма во все концы мира выдающимся ученым-евреям. Посвятив их в цель предприятия, он объяснил, что из нового журнала, как из зерна, должен произрасти еврейский университет в Иерусалиме.

Уже 11 августа 1922 года он смог написать отцу в Палестину, что работа продвигается с каждым часом с исключительной быстротой. К этому вре-

мени физико-математический том был укомплектован статьями выдающихся ученых: Е. Ландау, Х. Бора, Г. Лориа, И. Адамара, А. Лоеви, А. Френкеля, А. Эйнштейна. И. Громмера. Л. Орнштейна. Т. Леви-Чивита. Т. Кармана, С. Бродецки. И. Поппер-Линкойса. Но на этом Иммануил не остановился. И снова во все концы света полетели его письма, обращения, объяснения...

Единственным помощником Великовского на первых порах был Генрих Лёве. Несколько старше Иммануила, такой же интеллигентный и так же преданный идее сионизма, он вскоре стал ближайшим другом Великовского. А вскоре у них появился еще один помощник. Элишева стала незаменимой в организационной работе, отрывая для этого время не только от своего досуга, но даже от исполнительской и педагогической деятельности. Трудно сказать, что послужило тому причиной — красивая ли идея, приближающая ее к Иммануилу, или непреодолимая тяга к Иммануилу, частью которого была сионистская идея.

Судя по ответам на письма, разосланные ученым, можно было надеяться на успех. В портфеле были рукописи, которые могли сделать честь любому солидному журналу. Естественно, что фамилия редактора на титульном листе должна соответствовать авторитету авторов в мировой науке. Редактором выпуска «Математика и физика» Великовский решил пригласить Альберта Эйнштейна.

Направляясь на первую встречу с Эйнштейном, Великовский ощущал какой-то внутренний озноб. Ученическая робость сковала его в лифте, медленно поднимающемся к пятому этажу respectable берлинского дома. Но робость исчезла буквально после первых слов приветствия. Эйнштейн оказался совсем не небожителем, каким, случалось,

представляли его люди. Не было в нем профессорской чопорности, так часто встречающейся в университетских кругах. Великовский рассказал о цели предприятия, о том, что он планирует издание трех параллельных выпусков «Scripta universitatis» — математика и физика; химия, биология и медицина; философия и психология. Эйнштейн без колебания согласился взять на себя обязанности редактора выпуска «Математика и физика» и тут же предложил написать письма нескольким выдающимся ученым за границей, надеясь, что личная дружба с ним привлечет их к участию в новом издании.

Последующие встречи носили еще менее официальный характер. Эйнштейн с интересом выслушивал концепции молодого врача, касающиеся еврейского вопроса. Смысл их почти не отличался от изложенного в брошюре «Третий исход» около шести лет тому назад. Только форма была более мягкой, даже осторожной, но это на первых порах.

Эйнштейн иногда возражал, не соглашался, но не подавлял своим авторитетом. Ему явно доставляло удовольствие общение с молодым врачом. И если его слегка шокировала сионистская непреклонность Великовского, то два других качества собеседника — колоссальная разносторонняя образованность и невероятная трудоспособность вызывали у Эйнштейна не только удивление, но даже уважение.

...Уже привычным путем шел в тот день Великовский на встречу с Эйнштейном. Было еще тепло, но липы начали терять листья. Великовский подошел к лифту, потом передумал и по лестнице поднялся на пятый этаж. Служанка отворила дверь и проводила знакомого ей молодого человека в кабинет профессора.

— Рад вас видеть, дорогой доктор. Садитесь. — Эйнштейн положил скрипку в футляр, застегнул на груди пуговицы сорочки и сел в кресло напротив Великовского. — Вы увлекли меня, дорогой доктор, вашим предприятием. Но по здравому размышлению я усмотрел в нем, как бы вам сказать помягче, некоторые шовинистические тенденции. Не так ли?

— Нет, не так, господин профессор. Излишне вам напоминать, что для цивилизованного независимого государства наука важна не менее армии, промышленности и сельского хозяйства. Речь идет о возрождении нашего еврейского государства. «Scripta» — одно из предприятий на стадии возрождения. И только. Журнал — начало созданию университета в этом государстве. Так что, при всем моем глубоким уважении к вам, мне трудно согласиться с вашим мнением.

— Дорогой мой доктор, вы — увлеченный молодой человек. Вы видите ваше утопическое государство в то время, когда его просто не может быть. В ближайшем обозримом будущем, во всяком случае. А в более отдаленном — в нем просто не будет нужды.

— Почему?

— Сейчас, после пережитой миром трагедии, цивилизованные народы приняли евреев в свое лоно. И мы становимся — уже стали! — интегральной частью этих народов. Мой коллега Леви-Чивита считает себя не евреем, а итальянцем и ненавидит немецких евреев так же, как немцев. Это же относится к еврею Адамару, который больший француз, чем коренные французы.

— Известная мелодия. Я назвал бы ее колыбельной. Ею можно усыпить людей, нуждающихся в мобилизации для защиты. Этим она и опасна.

— Для защиты? От кого?

— Должен ли я напомнить вам, господин профессор, сколько раз в нашей истории процветающие еврейские общины, пользовавшиеся влиянием в своих странах, вдруг подвергались гонениям? Должен ли я напомнить, какие социальные или религиозные факторы служили причиной этих несчастий? Должен ли я напомнить, сколько раз существование или уничтожение нашего народа зависело от воли отдельных личностей, нередко патологических, преступных, но авторитарных? А разве сейчас в вашей Германии, принявшей вас как равного в свое лоно, не нарождается страшная сила, еще в эмбриональном состоянии обещающая немцам «освободить» их от евреев?

— Мой юный друг, если вы имеете в виду кучку крикунов в мюнхенских барах, то это лишний раз демонстрирует вашу тенденциозность или, я бы сказал, присущую сионистам неспособность адекватно оценивать реальную действительность.

Великовский сжал подлокотники кресла. Он чувствовал, что в споре с Эйнштейном уже перешел границы дозволенного. Он вспомнил о разнице в положении и возрасте. Здравый смысл подсказывал ему: необходимо прекратить дискуссию и вернуться к практическим делам, связанным со «Scripta». Но какая-то сила, неподвластная его сознанию, несла его, повелевая резко ответить Эйнштейну.

— Удивительные вы люди, немецкие евреи. Все вам ясно. Все вам очевидно. Причем, очевидное вытекает не из анализа фактов, а из того, что в вашем просвещенном высокомерии вы называете «здравым смыслом». Этим вы и опасны. Допускаете ли вы, господин профессор, ситуацию, при которой вы бы отвергли факты, полученные в результате эксперимента, только потому, что они

не соответствуют вашей красивой гипотезе? Немецкие евреи первыми ступили на стезю просвещения и считают, что это — дорога к ассимиляции. Кстати, просвещение и ум не обязательно взаимозависимы. Просвещенные ассимилянты — не первые, увы, невозвратно отторгнутые и навсегда потерянные части еврейского народа, существование которого в течение почти двух тысячелетий без собственной страны беспрецедентно и имеет только трансцендентальное объяснение. В будущем еврейский народ обязан выполнить предназначенную ему миссию. Но я не хочу останавливаться на явлениях трансцендентальных. Испанские и португальские мараны тайно исповедовали иудаизм. Многие из них, удрав туда, где до них не могла дотянуться рука инквизиции, снова возвращались в иудаизм. Немецким просвещенным евреям не грозит инквизиция. Их отторжение от еврейства добровольно. Боюсь только, что и это не спасет их при очередном погроме. Не важно, кто следующий будет их уничтожать — кучка ли крикунов из мюнхенских баров, как вы их назвали, или другая банда, у которой шансы прийти к власти в Германии значительно выше, чем у профессора Эйнштейна и его просвещенных друзей. Я имею в виду даже не евреев, а стопроцентных немцев. И кто знает, не доберется ли грязная волна антисемитизма до вашего respectable пятого этажа.

— Мрачную картину вы, мой дорогой доктор, нарисовали.

— Увы, реалистическую...

Эйнштейн открыл футляр и извлек скрипку. Подержал ее, погладил деку и снова положил в футляр.

— Люблю скрипичный концерт Мендельсона, — тихо проговорил он.

Великовский улыбнулся. Скрипичный концерт Мендельсона! В этом концерте еврея-выкреста Феликса Мендельсона Бартольди из немецкой романтичности упрямо выпирает несвойственное немецкой музыке начало. А ведь этот еврей так упорно старался перестать быть евреем и сделаться истинным немцем. Чувствует ли это Эйнштейн? А, может быть, не только чувствует, но даже знает?

Эйнштейн вопросительно посмотрел на Великовского:

— Чему вы так ехидно улыбаетесь?

— Приятно было увидеть ваше сомнение в непогрешимости немецких просвещенных евреев.

— О, вы опасный человек! При вас даже думать надо осторожно.

— Если вы позволите, господин профессор, я несколько углублю ваши сомнения. Когда составлялся список современных выдающихся математиков и физиков, мы с удивлением обратили внимание на невероятно большое количество евреев среди них. Ничего не могу сказать по этому поводу, не нахожу ему объяснения. Не знаю, имеет ли это значение для грядущей миссии нашего народа. Но я знаю, что у него есть будущее, так же, как было исключительное прошлое.

— Так уж исключительное?

— Безусловно. Древний народ с древней культурой. Народ, давший миру моральный кодекс, гражданский кодекс, гигиенический кодекс. Народ, сохранивший свою духовную монолитность в рассеянии. Можете вы назвать хотя бы еще один народ, подобный нашему?

— Все народы берут истоки от древнего корня.

Великовский встал и подошел к раскрытому окну. Внизу, выложенная циркулярным узором, серела брусчатка берлинской улицы.

— Посмотрите, пожалуйста, на эту брусчатку. Вы, надеюсь, согласитесь, что она вытесана из древнейшего камня.

— Естественно, — ответил Эйнштейн, не ожидая подвоха.

— Вот видите, древность, но ее почему-то не поместили в музей.

Эйнштейн весело рассмеялся и, с явным удовольствием посмотрев на освещенную сентябрьским солнцем большую фигуру Великовского, сказал:

— Не знаю, отчитываетесь ли вы о своей деятельности перед какой-нибудь организацией. Если да, то можете сообщить, что вы обратили Эйнштейна в сионизм. Почти обратили, если сказать точнее...

Возвратившись к своему креслу, Великовский ответил с внезапной торжественностью:

— Я отчитываюсь перед своей совестью и перед отцом, который тоже — моя совесть.

...Спустя два дня, 18 сентября 1922 года, в письме отцу Иммануил Великовский скромно упомянул о полуторочасовой беседе с Альбертом Эйнштейном.

9. ХАИМ ВЕЙЦМАН И ХАИМ БЯЛИК

Структура «Scripta» была весьма сложной с издательской точки зрения. Статьи в каждом номере должны быть напечатаны на языке оригинала, то есть, на одном из европейских языков, и в переводе на иврит. Учитывая это, даже выбор типографии представлял немалую проблему. Но еще труднее было найти переводчиков на иврит, которым предстояло осуществить весьма нелегкую работу, если учесть, что в древнем иврите не сущес-

твовало терминов, соответствующих современному уровню математики и физики.

В конце концов Великовский остановил свой выбор на типографии в Лейпциге. Это еще больше осложнило его жизнь, так как значительную часть постоянно дефицитного времени занимали поездки из Берлина в Лейпциг и обратно.

Штат переводчиков был полностью укомплектован к началу сентября 1922 года.

Вскоре Великовский сообщил отцу: успешно продвигается работа по созданию второго тома «Сфатейну» — того самого журнала, первый том которого Шимон Великовский издал еще в Москве. И это — несмотря на невероятную загрузку, связанную со «Scripta».

Трудоспособности Великовского действительно не было предела. Работу ответственного секретаря, координатора и издателя крупного многоотраслевого научного журнала он совмещал с посещением лекций на биологическом факультете Берлинского университета. Несколько позже в дополнение к этому он стал слушателем исторического и юридического факультетов. Но и это — не все!

Редакция «Scripta», состоявшая из Великовского и помогавшего ему Генриха Леве, приступила к изданию монографий на иврите. В основном то были переводы с европейских языков. Однако вскоре появились и оригинальные работы. Ассистент Эйнштейна, доктор Громмер, предложил Великовскому написанную им на иврите, которым он владел в совершенстве, «Теорию относительности» — изложение теории Эйнштейна. Так библиотека еще не существующего еврейского университета в Иерусалиме постепенно пополнялась.

Производственным помещением редакции «Scripta» служила небольшая жилая комната, которую

Великовский снимал в пансионате. Все чаще и продолжительнее в ней стал бывать второй помощник Великовского — Элишева Крамер. Сортировка писем, отправление корреспонденции, учет работы, выполняемой типографией, и многие другие обязанности легли на ее плечи. И все это — безвозмездно, в редкие свободные часы, а затем и в ущерб исполнительской и преподавательской работе.

Тонкий психолог, Великовский на сей раз не разглядел истинной последовательности событий. Он считал, что общность идеи и интересов медленно приближает к нему Элишеву, потому что именно такое происходило с ним. Ему и в голову не приходило, что восхищение трудолюбием дорогого ей человека, желание помочь ему приблизило Элишеву к сионистской идее.

Как бы там ни было, но осенью 1922 года Великовский мечтал приехать в Эрец-Исраэль с женой Элишевой. Правда, сказать ей о своей мечте он никак не решался, не зная, как девушка отреагирует на это. Он боялся оказаться в положении отвергнутого молодого человека, претендующего на то, что ему не полагается «по чину».

Чиновники в почтовом отделении, расположенном неподалеку от пансионата, уже привыкли к высокому широкоплечему доктору Великовскому. С поселением здесь этого симпатичного иностранца почти удвоился объем работы их отделения. Всегда корректный, спокойный, аккуратный он пользовался неизменным расположением у служащих. Но никогда еще они не видели доктора таким возбужденным и светящимся, как в то утро одного из первых дней октября 1922 года, когда Великовский вошел в почтовое отделение, буквально сгибаясь под тяжестью трех больших посылок.

Все пакеты содержали книги, отправляемые в Палестину. Книги были тщательно упакованы, и доктор доверил их, как большую ценность, только заказной почтой. Еще бы! Ведь в посылках находились книги, подаренные тель-авивской гимназии Альбертом Эйнштейном. На каждой — его автограф! Радости Великовского, действительно, не было предела. Мало того, что книги с автографом Эйнштейна сами по себе — драгоценный подарок, они — свидетельство того, что большой ученый не просто симпатизирует их идее, а сам становится одним из ее приверженцев.

В дополнение ко всему, в одну из посылок Великовский положил полученный из Москвы экземпляр первого номера журнала «Сфатейну», уже в ту пору ставший библиографической редкостью. Великовский представлял, как обрадуется этому подарку отец: журнал был его детищем в пору сионистской деятельности в Москве.

За полгода, проведенные в Германии, Великовский познакомился со множеством людей. Он встречался с выдающимися учеными, литераторами, еврейскими писателями и поэтами, сионистами и противниками сионистской идеи.

18 января 1923 года Великовский встретился с Хаимом Вейцманом, официальным главой сионистов — президентом Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации. Вейцман, видный ученый-химик, сразу же оценил важность работы по изданию «Scripta» и одним из первых дал согласие на включение его в состав редакционной коллегии. И вот сейчас он впервые встречается с издателем, с тем человеком, который добровольно взвалил на себя столь сложную, но очень важную работу. Огромное впечатление на ученого произвела эрудиция Великовского и его организа-

торские способности. Идея создания в Иерусалиме не только университета, но и Еврейской академии наук вызвала у Хаима Вейцмана особое одобрение.

Во время этой встречи Вейцман предложил Великовскому стать официальным создателем и руководителем Еврейского университета. Вейцмана не смутила его молодость, он был уверен в правильности своего выбора.

Великовскому, конечно же, польстило такое предложение, взволновало его. Но серьезные соображения были важнее эмоций. Он понимал, что, не будучи всемирно признанным ученым, не имеет права принимать столь почетную должность. Он не поделился с Вейцманом этими своими соображениями, только поблагодарил его и сказал, что взвесит собственные возможности и сообщит Вейцману в Лондон о своем решении. Спустя некоторое время Великовский действительно туда написал. Свой отказ он мотивировал большой загрузкой, связанной с работой над «Scripta».

Небольшая комната, которую снимал Великовский, стала тесноватой из-за все увеличивающегося количества бумаг. Заниматься редакционно-издательской работой здесь уже было невозможно. В течение дня рукописи, верстки, корректуры заполняли все вокруг, включая кровать. По утрам вход в комнату загромаждали сооружения из пакетов с книгами, рукописями и письмами. Великовскому пришлось подыскивать другое, хотя бы небольшое помещение для редакции. Это удалось сделать в конце января 1923 года. К этому времени выпуск «Математика и физика» был накануне выхода из печати, а в типографию полным ходом поступали материалы для гуманитарного выпуска «Scripta universitatis».

Беседуя со многими учеными-евреями, Великовский убедился в том, что их участие в «Scripta», их симпатия сионистской идее, их желание содействовать созданию в Иерусалиме Еврейского университета вовсе не означает, что они готовы уже сегодня приехать в Иерусалим и начать работать в университете. И только организация академии наук в Иерусалиме, о чем Иммануил уже подробно говорил с Эйнштейном и Вейцманом, могла бы объединить ученых-евреев всего мира даже в том случае, если они и не вернутся на свою землю.

Беседа с Эйнштейном осенью прошлого года, перед его отъездом в Японию, оставила у Великовского впечатление, что ему все-таки не удалось сделать этого большого ученого своим единомышленником. Вейцман же не скрывал энтузиазма. Создание академии он считал очень важным для сионизма. Но Иммануил понимал: нужна поддержка других авторитетов. В Берлине появился еще один человек, имя которого в еврейском мире звучало не менее громко, чем имена Эйнштейна и Вейцмана. Благодаря вмешательству Максима Горького советские власти выпустили из России Хаима Бялика.

В гимназические и студенческие годы поэзия Бялика оказывала на Великовского огромное эмоциональное воздействие. Он помнит, как непроизвольно сжимались кулаки, как спазмы перехватывали горло, когда он читал поэму «Сказание о погроме» в изумительном переводе Владимира Жаботинского. И вот этот человек, имя которого для еврейского народа звучит так же, как Байрон — для англичан, Пушкин — для русских, Гете — для немцев, обосновался пока в Берлине.

Две цели преследовал Великовский, когда 12 марта 1923 года направился к Бялику: привлечь

того к созданию академии наук в Иерусалиме и убедить этого замечательного поэта в необходимости переезда в Эрец-Исраэль.

Бялик встретил Великовского с теплотой, необычной для этого едкого и не всегда доброго человека. Оказывается, еще в России он узнал о Великовском и его «Scripta universitatis». Человек огромного ума и еще большей интуиции, Бялик, как никто другой, оценил важность такого начинания. А потому, после первых слов приветствия, с некоторым пафосом он сказал:

— То, что вы затеяли, глубокоуважаемый доктор, это — строительство Иерусалима. Все, что делается в еврейском мире с шумом и криком, не стоит и частицы того, что совершается вами в скромной тишине. Я склоняю голову перед вашей работой.

Великовский поблагодарил Бялика за теплые слова и заговорил с ним об академии.

10. СВАДЬБА В РЕДАКЦИИ «SCRIPTA»

В конце зимы 1923 года в адрес 237 университетов и академий был отправлен первый выпуск «Scripta». В обмен со всех концов мира в библиотеку еще не существующего Еврейского университета в Иерусалиме пришли тысячи томов научной литературы.

«Scripta» вызвала в ученом мире живейший интерес и самый положительный отклик. Никогда еще ни в одном издании не было одновременно подобного созвездия имен выдающихся деятелей науки.

В университетских кругах Дании и Скандинавских стран «Scripta» пробудила национальное са-

мосознание евреев. В обстановке отсутствия антисемитизма профессора-евреи чувствовали себя полностью ассимилированными. Отголоски борьбы евреев за свой национальный дом доходили до них приглушенными, а потому и не находили никакого отклика. «Scripta» не только заставила многих из них задуматься над проблемами мирового еврейства, но и активно включиться в его дела.

У Великовского были основания чувствовать себя удовлетворенным.

Кроме того, неожиданно, как он считал, сложились самым лучшим образом и его личные дела. Оказалось, его опасения по поводу равнодушия к нему Элишевы были безосновательными. Кто бы мог подумать? Эта удивительная миловидная и талантливая девушка, как выяснилось, питала к нему нежные чувства, а он, погруженный в работу, даже не замечал этого.

О грядущих переменах в личных делах Иммануила родители догадались по скупым фразам в его письмах еще до того, как об этом догадался сам автор писем. В посланиях в Эрец-Исраэль содержался, в основном, отчет о его работе.

«...Очень печально, что не пришлось нам быть вместе в дни праздника. Я сидел за столом «седера» в Гамбурге, и было у меня такое ощущение, что оставил я вас, мои престарелые родители, без помощи и внимания среди трудностей многих, возникших, чтобы помешать тебе, отец, осуществить цель твоей жизни, начало ее в Эрец-Исраэль. Очень я соскучился по вас.

Единственное, что в какой-то мере успокаивает меня, это то, что мы остались здесь для работы во имя нашего народа. И работа успешно осуществляется и развивается. Мы стараемся завершить печатание двух томов; в их создании участвуют десятки

SCRIPTA
UNIVERSITATIS
ATQUE BIBLIOTHECAE
HIEROSOLYMITANARUM

AUTORITATE
CONCILII ACADEMICI

IN SOCIETATE SCIENTIARUM

A. BEROLINENSIS I. GOTTINGENSIS K. CASIMIRI
A. BRESLAVENSIS L. HALLENSIS M. LANZAN
N. AVINIONENSIS O. VINDOBONENSIS

PHYSICAE

PHYSICAE MATHESICAE

PHYSICAE

PHYSICAE MATHESICAE

Обложка первого физико-математического выпуска
«Scripta».

כתבי
האוניברסיטה
ונ"ת הספרים בירושלים

תאגיד ספר על ידי הקן ספרים של מוסד איקסטרנל

קנינים על ידי מועצה ספרית

מספרות

א. ספרים א. ספרים א. ספרים
ב. ספרים א. ספרים א. ספרים
ג. ספרים א. ספרים א. ספרים

כנס ספר

מספר איקסטרנל
מספר
המספר

Обложка того же выпуска «Scripta»
на иврит при чтении справа налево.

авторов и десятки переводчиков, следует проследить, чтобы все было в порядке.

В эти дни завершена верстка большой и важной статьи из сборника «Древность и еврейство», написанной проф. Шварцем из Вены о логике в Талмуде. В ней он показывает, что Талмуд построен соответственно законам логики.

Я счастлив, что в ближайшие дни мне предстоит еще одна очень важная работа. Неделю тому назад проф. Эйнштейн вернулся в Берлин. Вчера я был у него, рассказал о работе над «Scripta». Он очень рад. По его мнению, в научном мире «Scripta» была воспринята как труд на очень высоком уровне. Я посоветовался с ним по вопросам создания академии.

Мне очень интересно сравнить его мнение с мнением Бялика и Вейцмана. Эти три человека уже сегодня находятся на вершине национального движения. Сперва идея академии показалась Эйнштейну странной — вероятно, потому, что была новой. Но постепенно он проникся ею. Он стал говорить не как посторонний, а как непосредственно причастный к ней.

Он сказал мне, что эта идея очаровала его, и мы можем осуществить ее сейчас же, поскольку это соответствует нашим нынешним возможностям. Ученые есть у нас во всем мире, но нет ничего, что могло бы их объединить. Когда возникнет Еврейский университет в Иерусалиме, он не будет соответствовать мировому уровню по статусу и научному уровню, потому что еврейство дает науке значительно больше, чем сможет дать университет на первых порах.

Он был полон энтузиазма, спрашивал и отвечал, и я видел, что сейчас он более предан нам, чем был полгода тому назад. Тогда я видел в нем одного из тех сионистов, которых следует опасаться, которые пойдут с нами лишь тогда, когда что-нибудь произойдет. А сегодня, мне кажется, он — один из нас, преданный сионист.

По возвращении в Берлин я собираюсь кое-что сделать для осуществления моей идеи. Сегодня уже есть соглашение по этому поводу между Вейцманом, Бяликом, Эйнштейном и мной, кроме того, я беседовал по этому поводу с большим немецким философом — Эрнестом Касирером в Гамбурге, а также с проф. Подор, которого Вейцман привлекает к подготовительным работам для открытия химического института Еврейского университета в Иерусалиме. Идея академии поможет университету начать дышать, потому что свяжет прочными узами ученых-евреев с Иерусалимом и с еврейством».

Выход в свет первых выпусков «Scripta» и женитьба были счастливым завершением берлинского периода жизни Великовского. В четверг, 12 апреля 1923 года, в скромных комнатах редакции «Scripta» были сервированы столы для свадебной трапезы. А на следующий день новобрачные отправились в библиотеку изучать статусы академий наук и их изданий.

В одном из писем отцу из Берлина Великовский писал, что физически ощущает, как из него струится энергия. Вероятно, он действительно излучал какие-то флюиды. Ведь не только Эйнштейн под его влиянием проникся идеями сионизма. В семье Крамеров соблюдались еврейские традиции. Еврейские праздники отмечались по всем правилам. Элишева не работала по субботам. Но, как и большинству просвещенных немецких евреев, идеи сионизма были чужды этой семье до появления в их доме Великовского. Сейчас, в мае 1923 года, вместе с Иммануилом в Эрец-Исраэль уезжала Элишева, жена сиониста и сионистка. Позже, оставив благополучный быт, уехали в Палестину сестры Элишевы — Мирьям, Трудель и Дора. И только Зельма и Зигфрид Крамеры, когда стало

ясно, что евреям нельзя оставаться в Германии, эмигрировали в Америку.

11. ДОКТОР В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ

Парадоксальное состояние наблюдается у людей, приезжающих в Эрец-Исраэль. Чем выше у них накал сионизма, тем труднее им вживаться в окружающую действительность. Легко представить себе чувства романтического юноши, вдруг обнаружившего, что обожаемое им «эфирное создание» — всего лишь обычная сварливая баба. Насколько лучше тому, кто, рассчитывая провести время с потаскушкой, неожиданно открывает в ней нежную понимающую душу.

...Рахель-Белла и Шимон Великовские радостно встретили и приняли молодую чету. Приезд сына с невесткой смягчал горечь обрушившихся на них невзгод. Некоторые из тех московских евреев, которые в свое время внесли деньги на покупку земли в Негеве и которые, не будь в России революции, не помышляли бы ни об этих деньгах, ни о Негеве, сейчас внезапно оказались в Эрец-Исраэль и потребовали у Шимона Великовского свой вклад. Причем немедленно и наличными. Они не хотели ждать, пока земля даст прибыль или когда кибуц «Рухама» сможет вернуть им деньги. Нет, не такими виделись Шимону истинные сионисты.

Молодые Великовские поселились в Иерусалиме. Иммануил занялся врачебной деятельностью, требующей от любого серьезного медика полной отдачи. Впрочем, ему не надо было привыкать к этому. Полная самоотдача стала постоянным свойством его характера, чем бы он ни занимался. Редкие часы свободного времени тратились, в ос-

новном, на самообразование, изредка — на общение с друзьями, самым близким из которых всегда оставался отец.

Элишева занялась концертной деятельностью. В кибуцах у нее была понимающая и благодарная аудитория.

Великовские считали, что только истинный профессионализм в сочетании с идеализмом в лучшем смысле этого понятия может принести пользу ишуву и послужить делу создания будущего государства. Великовские не имели ничего общего с политической деятельностью. Они не поддерживали профсоюзных боссов. Они не стали сторонниками левого большинства в ишуве, с осторожностью относились и к правым, хотя лидер ревизионистов Владимир Зеэв Жаботинский всегда вызывал у Великовского глубокую симпатию: он ценил в Жаботинском поэта и журналиста.

В конце 1939 года, увидев, как сбываются мрачные пророчества Жаботинского, Великовский встретится с ним в Нью-Йорке, чтобы попытаться помирить его с истеблишментом ишува, чтобы объединить все самое лучшее в сионизме. Но, увы, это случится слишком поздно, когда смерть уже будет подстерегать Жаботинского.

...Вероятно, не биограф, а социолог должен разобраться и найти причину того, что в нынешнем Израиле имена Великовских известны не больше, чем, скажем, имена бывших израильтян, ныне нью-йоркских таксистов или собирателей макулатуры в Лос-Анжелесе. Сейчас таблички с именами жертвователей можно увидеть на корпусах Еврейского университета в Иерусалиме на горе Скопус и в новом кампусе в Гиват-Рама, на здании библиотеки университета... Имени Великовского вы нигде не найдете. Отсюда печальный вывод: жур-

нал «Scripta», который стоял у истоков создания университета, для самого университета значит гораздо меньше, чем несколько тысяч долларов, пожертвованных американским или канадским миллионером. Но даже если современное общество все ценности измеряет в денежном выражении, то следовало бы подсчитать, сколько же сотен тысяч долларов стоят книги, присланные в адрес библиотеки из университетов и академий всего мира в благодарность за 237 томов «Scripta». Нет имени Великовских и в Еврейской энциклопедии, изданной в Израиле. Даже в книге о кибуце «Рухама», земля которого куплена на деньги, мобилизованные Шимоном Великовским (среди них — полтора килограмма золота внесены им лично), имя это упоминается вскользь, в сноске, к тому же с ошибкой: местом его рождения почему-то названа Москва.

...В те далекие времена о докторе Великовском говорили в Иерусалиме с уважением. Знания, а, главное, — сострадание к больному делали незаметным отсутствие опыта на первых шагах его врачебной практики. Интеллигентность и бескорыстие — качества, которые ценились, хоть и в разной мере, всеми слоями общества — сделали доктора Великовского популярным в Иерусалиме.

Первого февраля 1925 года у Великовских родилась дочь — Шуламит-Фани. Через год и три месяца в семье родилась вторая девочка — Рут, или Рухама, как по имени кибуца в Негеве называли ее Великовские.

В 1927 году семья переехала в Хайфу и поселилась на горе Кармель. Быт был тяжелым не только в сравнении с Берлином, но даже — с Иерусалимом. Воду доставали из колодца, пищу варили на примусе. Чтобы посетить своих пациентов, Великовский должен был преодолевать немалые рас-

стояния. Иногда единственным транспортом оказывался покорный симпатичный осел. Хороший карикатурист Великовский представлял себе как выглядит он, длиннющий, на маленьком осле: когда расслаблял уставшие мышцы, ноги волочились по земле, пыля, словно повозка на проселочной дороге.

И все-таки жизнь была великолепной. Девочки росли, не стесняемые бюргерским бытом как часть окружающей их прекрасной природы. Жаль только, что Элишеве пришлось резко ограничить свою концертную деятельность. Но дома всегда звучала музыка. Среди учеников Элишевы в Хайфе был будущий большой скрипач Иза Гителис.

Как-то между двумя визитами к больным, Великовский по делу зашел в Пастеровскую станцию на горе Кармель. Завязалась дискуссия об изменчивости болезнетворных микробов. Присутствующих поразило то, что врач, занимающийся общей практикой, в научных вопросах микробиологии оказался сильнее специалистов.

С той поры — вплоть до переезда Великовских в Тель-Авив — Пастеровская станция на горе Кармель стала своеобразным клубом интеллектуалов Хайфы. Люди собирались сюда послушать увлекательные рассказы Чудака, как стали называть Иммануила, на различные темы.

Имя «Чудак» произносили с уважением и любовью. Невероятное бескорыстие и идеализм Великовского послужили тому причиной.

Спустя несколько лет выдающийся психиатр профессор Вильгельм Штеккель, лучший ученик Фрейда, скажет о своем ученике Иммануиле Великовском: «...выдающийся представитель медицинской психологии... идеалист первого порядка». А в письме к Хаиму Вейцману добавит: «...один из наиболее высокоодаренных психотерапевтов».

Таким уж вылепила Великовского природа — предельным во всем. И ростом он выделялся среди своих невысоких коллег по «клубу интеллектуалов», и разносторонностью интересов, и глубиной знаний, и скромной терпимостью в споре с менее образованным собеседником. Но в дискуссии со специалистом он был жестким, цепким, неуступчивым. Возможно, какие-то из этих качеств и послужили своеобразным поводом для рождения прозвища «Чудак». Хотя, конечно, Великовский заслужил его, в основном, за необычность своих рассказов на Пастеровской станции.

Необычным был подход Великовского даже к делам злободневным. Говоря об арабских предводителях и представителях английской администрации, Великовский представлял их поступки как проявление некоторого отклонения от нормальной нервной деятельности или явной психической патологии. Собеседникам Великовского в «клубе интеллектуалов» и в голову не приходило, что судьба целых стран и народов порой не меньше, чем от логики объективных условий, зависит от подсознания, от комплексов и их подавления у людей, занимающих ключевые позиции. Великовский иллюстрировал это положение яркими примерами из истории — от глубокой древности до текущих дней.

Рассказывая о работе головного мозга, Великовский образно называл его фантастическим переплетением десятков километров проводников электрических импульсов с системой контактов и реле. Эпилепсию, например, он считал «коротким замыканием» в системе этих проводов. Он верил, что токи головного мозга будут обнаружены и записаны, равно как и «замыкание» при эпилепсии.

Говоря о пяти чувствах человека, Иммануил сравнивал их с потоками электрических импуль-

сов от соответствующих рецепторов к центрам в головном мозгу. Он считал, что, если бы можно было создать устройство, в котором мозаика чувствительных элементов преобразовывала свет в электрические импульсы и эти импульсы поступали в соответствующие клетки зрительного анализатора головного мозга, слепой человек мог бы видеть. Если бы создали аппарат, в котором колебания воздуха в звуковом диапазоне превращались бы в электрические импульсы, поступающие в нервные клетки слухового анализатора головного мозга, глухой мог бы слышать.

Чудак он, этот Великовский! Такие рассказы тогда можно было считать лишь талантливой научной фантастикой.

Но пройдет чуть больше года, и в научном медицинском журнале появится первая статья об электроэнцефалографии — была записана электрическая деятельность головного мозга здорового человека. Пройдет еще чуть больше десяти лет, и с помощью электроэнцефалографа станет возможным диагностировать эпилепсию. Рассказы Великовского сотрудникам и посетителям Пастеровской станции оказались не фантастикой, а научным предвидением.

12. МЕРТВОЕ МОРЕ

Осенью 1929 года Элишева и Иммануил отправились в пешее путешествие в долину Иордана. Позади, в пальмах, прятался Иерихон. Слева зеленела полоса деревьев над мутной рекой. За ней поднимались лиловые горы Моава. А под ногами изнывал от зноя лунный ландшафт — голая пустыня, каменная, с подтеками лавы. Впереди, в

мареве, едва угадывалась полоска еливающейся с небом лазури — Мертвое море.

Пешее путешествие по здешним местам в ту пору было предприятием не просто рискованным, но даже неблагоразумным. И не палящий зной был тому причиной. Осенью 1929 года еще не высохла кровь евреев Эрец-Исраэль, пролитая во время прокатившейся здесь недавно волны погромов. Арабы, косвенно поощряемые политикой властей английского мандата и обезоруживающим общину поведением «миролюбцев» — евреев-интеллектуалов, учинили кровавые погромы в Хевроне, Иерусалиме и в других местах.

Штаб-квартирой «миролюбцев» оказался молодой Еврейский университет в Иерусалиме. Великовский все чаще задумывался над тем, не совершил ли он ошибку, отказавшись от предложения Хаима Вейцмана возглавить работу по созданию университета. А, собственно говоря, что бы это изменило? Ведь он не стал бы противодействовать «миролюбцам», пользуясь своей властью.

...Пешее путешествие, кроме отдыха и изучения родного края, в какой-то мере было вызовом общественному мнению, носило демонстративный характер и служило ярким доказательством того, что еврей может свободно передвигаться по своей земле.

Конечно, абсурдно подвергать свою жизнь бессмысленной опасности. Но Элишева и Иммануил даже не обсуждали этого. Сейчас, приближаясь к устью Иордана, Великовский вспомнил, как его вели на расстрел в станице на берегу другой реки. Он отогнал от себя это воспоминание и, посмотрев налево, на горы, окаймляющие восточный берег Мертвого моря, сказал:

— Где-то там могила Моисея. Найдут ли ее когда-нибудь?

Элишева с интересом слушала рассказ о том, как на этом самом месте около 3500 лет назад воины колен Израилевых уже без Моисея, под водительством Иошуа бен-Нуна, шли в бой за обещанную им землю. Элишева отлично помнила описание этих событий в Библии. Но живой рассказ Иммануила, воочию представшие перед глазами та же опаленная пустыня, Иордан, Мертвое море, горы Моава на востоке и Иудейские горы на западе обострили ее чувства до предела. Элишева как бы перенеслась из сегодняшнего дня на три с половиной тысячи лет назад в стан женщин, оставшихся в лагере за Иорданом...

Потом Иммануил заговорил о праотце Аврааме, тоже кочевавшем по этим местам, и внезапно умолк. Какая-то даже не мысль — что-то смутное, едва достигающее подсознания, нарушило плавный пересказ библейского текста.

Что это? Элишева не помешала ему вопросом. Она привыкла к подобным паузам в его рассказах. Видимо, какая-то важная мысль или образ рождается сейчас в его мозгу. Он и сам, пожалуй, не мог бы объяснить, почему он вдруг замолчал.

Но пройдет десять с половиной лет, и эта давняя мысль вырвется из подсознания, как внезапный взрыв, чтобы стать идеей, идеей, властно овладевшей Великовским.

...Густые фиолетовые тени пересекали лилово-розовую громаду гор, четко отражаясь в идеальном зеркале Мертвого моря. Сгущающаяся синева безоблачного неба лишь подчеркивала мягкость тонов... Дух замирал от этой красоты. Не надо было говорить. Не надо было думать ни о чем. Достаточно было смотреть и замирать от восторга перед картиной Великого Художника — природы.

13. ЕДИНОДУШИЕ ФРЕЙДА И БЛОЙЛЕРА

Рассказы Великовского в «клубе интеллектуалов» — на Пастеровской станции в Хайфе — о физических аспектах нервной деятельности не были случайной темой, так, между прочим, задетой в развлекательной беседе. Великовский все более и более обстоятельно размышлял об этом предмете.

В своей врачебной практике он повседневно сталкивался со случаями, в которых психический компонент являлся причиной тяжелых нарушений нормальной функции отдельных систем и всего организма. Нередко кажущиеся органическими нарушения были всего лишь плодом воображения больной психики. Молодой врач страдал от своей беспомощности. Он понимал, что лечить таких пациентов должен опытный психиатр. Значит, необходимо изучить психиатрию.

Сравнивая различные школы в этой области медицины, Великовский все больше убеждался, что на нынешнем этапе развития психиатрии наибольших успехов добились Фрейд, его ученики и последователи. Именно поэтому изучать психиатрию Иммануил поехал в Вену к профессору Вильгельму Штеккелю. В эту пору он познакомился и с его учителем — Зигмундом Фрейдом, который выделил среди других и запомнил молодого врача из Палестины.

Летний отпуск 1930 года Великовский провел в Цюрихе, считая, что здесь самое лучшее место для обобщения полученного опыта, приобретения новых знаний. К этому времени у Иммануила была готова статья (он написал ее зимой 1929 года) «О физическом существовании мира мысли», в которой излагались давние «фантазии» о зрительном и

слуховом анализаторах. В пору, когда в медицинской литературе была опубликована всего лишь одна статья об электроэнцефалографии, Великовский предлагал для диагностики эпилепсии с помощью электроэнцефалограммы метод вспышек. Этот метод был взят на вооружение годы спустя, применяется он и сегодня.

Сразу же по приезде в Швейцарию Великовский отправился в Кюснахт, чтобы нанести визит профессору Еугену Блойлеру, признанному главе европейских психиатров. Тому самому Блойлеру, который когда-то помог Фрейду стать знаменитым.

Великовский прочитал семидесятилетнему профессору свою статью, изложил некоторые положения, туда не включенные. Блойлер слушал молодого врача с вниманием, интересом и даже удивлением. Откуда у этого, по существу, начинающего врача из какой-то Хайфы такое глубокое проникновение в сущность вещей? Мысли о коллективном сознании на низших стадиях развития, о среде, о боли, почти так же сформулированные, иногда возникали и у него. Да, пожалуй, и о физических основах ощущений он стал в последнее время задумываться. Электроэнцефалография при эпилепсии? Об этом он никогда не думал. Но изложено все логично и убедительно, жаль будет убирать это из статьи...

Блойлер представил себе своих коллег, редактирующих журналы. Он мысленно улыбнулся, предвидя реакцию старых консерваторов на эту работу. Конечно, любой из этих ученых мужей посчитает идеи Великовского сумасшедшими и отвергнет его статью. А жаль! В этом молодом человеке легко разглядеть божью искру.

— Видите ли, коллега, — сказал потом Блойлер, — я предвижу затруднения, связанные с опуб-

ликованием Вашей работы. Возможно, мое вмешательство несколько облегчит этот процесс. Прямо сейчас, под свежим впечатлением от вашей статьи, я напишу к ней вступление...

Великовский возвращался в Цюрих поездом. За окном отражалось в огромном озере опускающееся к Альпам солнце. Черепичные крыши аккуратных домиков кокетливо выглядывали из зелени садов. Но Иммануил не замечал красот проплывающего мимо пейзажа. Снова и снова он перечитывал предисловие, написанное Блойлером. Мог ли он даже надеяться на это, когда сегодня утром направлялся к профессору? А, главное, — как точно он уловил суть идеи:

«Из массы суеверий, иллюзий и обмана были восстановлены факты, для которых абсолютно не существовало так называемого естественного объяснения: эти факты достаточно многочисленны, чтобы заставить науку сделать их объектом очень тщательного изучения. Следовательно, попытка коррелировать их с известными законами природы очень полезна: она может не только стимулировать научное мышление, но также помочь преодолеть страх, несовместимый с наукой, — проникновения в новую и очень необычную область. Идеи автора представляются мне стоящими внимания. Я лично пришел к подобным, в существенных аспектах — идентичным концепциям, даже если я не могу подписаться под каждой деталью. Если работа будет способствовать только тому, что об этих вещах можно будет говорить без боязни считаться сумасшедшим, или, по меньшей мере, неполноценным, она уже служит науке независимо от того, как много содержащегося в ней будет подтверждено будущими исследованиями».

Автор предисловия — большой врач и ученый — зарезервировал за собой пути к отступлению. Очень

уж необычными и революционными по тем временам казались идеи, излагаемые в статье. Автор статьи был менее осторожным, вероятно, потому, что месяцами продумывал каждое ее положение. Можно только удивляться его научному предвидению. Блойлер считал статью полезной «независимо от того, как много содержащегося в ней будет подтверждено будущими исследованиями».

Будущие исследования подтвердили все, написанное в ней!

Во время пребывания в Цюрихе Великовский познакомился с профессором Карлом Юнгом, бывшим ассистентом Блойлера и учеником Фрейда. Взяв на вооружение метод своего учителя, Юнг не только порвал с Фрейдом, но даже стал его научным противником.

Во время беседы с Юнгом и потом, читая его труды, Великовский определил в нем неприятие даже христианства, не говоря уж об иудаизме. Язычество гуннов, медь Вагнера и нордические идеи были более созвучны его душе. Не отсюда ли происходила неприязнь Юнга к Фрейду?

...Почти каждый день Великовский посещал клиники, впитывая в себя все новое. Как следопыт, он разыскивал старое, но не описанное: способы и приемы, которых не будешь знать, если не соприкоснешься с ними лично, если не получишь их как эстафету из рук старых опытных врачей.

Почти каждый день, петляя по улочкам старого города, Великовский поднимался в гору к университету, чтобы поработать в его библиотеке.

Лишь на исходе дня он позволял себе расслабиться, посидеть на берегу Цюрихского озера. Лебеди подплывали к самому берегу, доверчиво брали хлеб из его рук. Иногда эти большие грустные птицы внезапно пробуждали в нем что-то забытое.

Ему хотелось, чтобы девочки — Шуламит и Рут — были рядом с ним сейчас и кормили лебедей.

Небо розовело над Альпами. Красива Швейцария, а дома все-таки красивее! Кармель — та же Швейцария. Правда, без озера. Зато какой неповторимый вид открывается на Средиземное море! В такие минуты Иммануил не мог дожидаться окончания отпуска.

Осенью Великовский максимально сократил практику общего врача, все больше времени посвящая психиатрии. Метод психоанализа стал ведущим, если не единственным, в его врачебной деятельности.

Сразу же по возвращении в Хайфу Великовский отправил статью в журнал. Он имел некоторое представление о стиле работы редакций медицинских журналов. Врачу без имени и без протекции очень непросто опубликовать статью, содержащую нечто принципиально новое. Тем не менее, он был очень огорчен, получив свою статью обратно с обычной отпиской: «...мы прочитали с глубоким интересом... к сожалению, мы не можем ее опубликовать... мы надеемся на дальнейшее сотрудничество...»

Он собирался было положить статью в архив, но после нескольких дней колебания решил все же отправить ее в один из самых престижных журналов Европы «Zeitschrift fur die gesamte Neurologie und Psychiatrie». Имя Блойлера, написавшего вступление к статье, на сей раз оказало магическое действие. Рукопись приняли и опубликовали в 1931 году.

Само по себе это могло компенсировать огорчение, вызванное предыдущим отказом. Однако «компенсация» оказалась значительно большей. Великовский получил письмо, написанное рукой Фрейда:

«24 июня 1931 г.

Дорогой коллега!

Я полностью согласен с Блойлером по поводу содержания Вашей статьи («*Energetik der Psyche*»). Я тоже независимо сформировал мое собственное мнение по этому поводу, которое очень близко к Вашему и которое в некоторых частях полностью совпадает с ним. Именно у аналитика должно быть менее всего возражений против энергетической интерпретации процессов мышления. Мой собственный опыт привел меня к предположению, что телепатия является истинной сердцевиной мнимого парапсихологического феномена — и, возможно, только единственным. Но по этому поводу я еще не испытал чего-нибудь неотразимого и не нашел его где-либо еще — даже в Вашей статье. Таким образом, ничего не остается нам, кроме ожидания объяснения этой, в основном, физической проблемы, как я надеюсь, не в очень отдаленном будущем.

С дружескими приветствиями
Ваш Фрейд».

Великовский обрадовался письму ученого. Еще бы! Фрейд, сам Фрейд написал, что его мнение по некоторым вопросам очень близко, а в некоторых частях полностью совпадает с моим! Естественно, что он не нашел в статье подтверждения предположения о телепатии — нельзя объять необъятное. Да это и не было целью статьи. Письмо от Фрейда... А он хотел положить статью в архив!..

14. ТЕЛЬ-АВИВСКИЙ ПСИХОАНАЛИТИК

В 1931 году Великовские переехали в Тель-Авив и поселились в двухэтажном доме на улице Явне.

Великовский полностью посвятил себя работе психотерапевта.

Частым гостем в его доме в тель-авивскую пору был Моше Алеви, двоюродный брат Иммануила по отцовской линии. Режиссер театра «Огель», Моше был отличным собеседником и удивительно чутко реагировал на оригинальные идеи Иммануила. Если не считать отца, Моше оказался в ту пору самым близким другом своего двоюродного брата.

Квартира на улице Шадель, 6, которую вскоре сняли Великовские, не отвечала европейским требованиям. Не такая полагалась знаменитому психиатру. И, действительно, Великовский становился все более знаменитым. Но быт в Тель-Авиве был простым и демократичным. Не пышностью апартаментов определялась социальная значимость человека.

Почти такой же была их следующая квартира на улице Ахад Гаам, 31, где они прожили всего несколько месяцев.

Элишева преподавала игру на скрипке. Здесь среди ее учеников был Цви Цейтлин — будущая знаменитость.

Шуламит уже училась в гимназии. Рут посещала начальную школу. Жизнь детей была простой и привольной. Сравнительно недалеко от дома начинались пустыри и дюны, по которым так приятно было босиком пробежать к морю.

Жизнь взрослых была куда сложнее. А для тех, кто думал не только о хлебе насущном, кто не мирился в душе с британским мандатом, — еще более трудной.

Великовский отчетливо представлял, к чему приведут Европу парады гусиным шагом и антисемитское кликушество в Германии в сочетании с самоубийственной политикой неумных лидеров

Англии и Франции. Евреям необходимо спастись в Эрец-Исраэль. Но въезд сюда закрыт все теми же преступными лидерами Англии. Настроения, навеянные таким печальным развитием политических событий, пусть косвенно, но проецировались на научную работу Великовского.

В 1937 году он принял участие в Интернациональном конгрессе психологов в Париже. В ту пору его имя уже было широко известно в кругах психоаналитиков Европы. И среди учеников и последователей Фрейда, и в лагере его противников Великовский признавался вдумчивым психоаналитиком, возможности которого выходили далеко за пределы возможностей даже очень хорошего врача.

Через 10 лет, в 1947 году, когда в США интересуются прошлым необычного доктора из Тель-Авива и станут собирать о нем сведения, президент Венского психоаналитического общества доктор Пауль Федерн напишет, что Великовский «...гений — великий человек. Блестящий психоаналитик, к которому я посылал некоторые из самых трудных моих случаев».

Воспользовавшись своим присутствием на конгрессе, Великовский предложил издательству университета развернутую аннотацию своей книги по психологии с обильным материалом по биологии и философии — «Маски гомосексуализма». Аннотация представляла несомненный интерес, и издательство согласилось опубликовать книгу.

Но эта книга никогда не была издана. Только незначительная часть ее, оформленная в статью «Крейцера соната Толстого и неосознанный гомосексуализм», увидела свет. Она была опубликована во фрейдовском журнале «Imago. Zeitschrift für Psychoanalytische Psychologie» в 1937 году. Другая статья — «Психическая анафилаксия и со-

матическое определение аффектов», опубликованная в 1937 году в «The British Journal of Medical Psychology», — не включала в себя материал, который должен был войти в книгу.

Вскоре после возвращения Великовского домой из Парижа, в декабре 1937 года, скончался его отец. Это была страшная, невосполнимая утрата. Иммануил потерял не только отца, а самого большого друга. Более тяжелого кризиса не было в его жизни.

Пустота и безразличие овладели им, парализовали его интересы и желание работать. Великовский знал, как можно вывести из состояния подобной депрессии пациента. Но врач не мог излечить самого себя. Внешне он был как всегда собранным и приятным в общении. У него хватало сил заставить себя добросовестно выполнять профессиональные обязанности медика. Но к научной работе он потерял интерес на долгие месяцы.

Великовский часто приходил на тель-авивское кладбище к скромному надгробью на могиле отца. Настоящий памятник он создаст спустя четырнадцать лет. Это будет посвящение в его книге «Века в хаосе» (Ages in Chaos). Необычное для нашего времени посвящение — в стиле старинных авторов, столетия назад посвящавших книгу королю или меценату. Вот что говорилось в этом посвящении:

«Этот труд посвящается памяти моего покойного отца. Я хочу в нескольких словах рассказать, кто был Шимон Ихиэль Великовский.

Со дня, когда в тринадцатилетнем возрасте он оставил дом своих родителей и пешком пошел в один из центров талмудического учения в России, до дня, когда в декабре 1937 года в семидесятивосьмилетнем возрасте он почил в Земле Израиль, он посвятил свою жизнь, свою судьбу, свое спо-

койствие духа, все, чем он владел, реализации единой цели — возрождения еврейского народа в своей древней стране. Он способствовал возрождению языка Библии, развитию современного иврита, опубликовав (под редакцией д-ра И. Клаузнера) коллективный труд по ивритской филологии, и возрождению еврейской научной мысли; публикация основанной им Scripta Universitatis, в чем содействовали ученые многих стран, послужила основанием для Еврейского университета в Иерусалиме. Он первый, выкупивший землю в Негеве, доме патриархов; он организовал там коллективное поселение, названное им Рухама; сейчас это самое большое агрикультурное производство в северном Негеве. Я не знаю, кого мне благодарить за интеллектуальную подготовку к этой реконструкции древней истории, если не моего покойного отца».

Великий врачеватель — время — медленно рубцевало глубокую душевную рану.

Летом 1938 года Великовский несколько раз перечитал книгу Фрейда «Моисей и монотеизм». Все больше и больше он думал о фрейдовских героях — Эдипе, Эхнатоне, Моисее. Подход Фрейда к воссозданию личности Моисея позволил Великовскому обнаружить у автора книги те самые комплексы, которые Фрейд открыл и описал. Великовский стал психоаналитиком весьма необычного пациента — самого создателя метода психоанализа. В дополнение к тщательному анализу образа мышления Фрейда, в частности, его отношения к еврейскому народу и к своей принадлежности к этому народу, Великовский по методу Фрейда проанализировал шестнадцать его снов.

Интересная концепция новой книги — «Фрейд и его герои» — отвлекла Великовского от темы,

предложенной издательству университета в Париже. Работать над рукописью было в высшей степени интересно. Вот только времени для этой работы, к сожалению, было мало. Врачебная практика почти не оставляла свободных часов. Кроме того, ни в Тель-Авиве, ни в каком-либо другом месте Эрец-Исраэль в ту пору не было библиотеки, в которой Великовский мог бы найти всю необходимую ему литературу.

Преуспевающий врач. Рядом любимые жена и дети. Жизнь на земле, о которой он мечтал с детства, о которой мечтали его отец и поколения его предков. Общение с интересными людьми... Великовский — уже не чужак в европейских научных журналах. Статьи его принимают и публикуют. Чего еще желать? Тогда откуда это чувство неудовлетворенности?

Возможно, будь у него другая жена, она бы удержала его в тихой заводи, если вообще работу врача можно считать тихой заводью. Но Элишева была не такой. Она сердцем ощущала все, что волновало Иммануила. Его даже потаенные мысли проходили сквозь нее и, усиленные, возвращались к мужу, настоятельно требуя разрешения. Она считала, что Иммануил должен написать книгу «Фрейд и его герои».

Избранник, будь то поэт, художник, исследователь или композитор — словом, творец, — не может знать, что ему предстоит сотворить. Он только ощущает неясное томление в сердце, неопределенный зуд в руках или в душе, тягу к тому будущему творению, что ему суждено создать.

А время идет. Летом Великовскому минуло уже сорок четыре года. Уходят, считал он, самые продуктивные для занятий наукой годы. А тут еще в мире неспокойно...

Новая страшная война нависла над Европой. Уже сегодня этот континент — не место для научных занятий. Психически ненормальный субъект безраздельно владычествует над Германией. Когда-то благоразумные добропорядочные бюргеры впали в состояние массового психоза. Безвольные недалёковидные лидеры Англии и Франции, вместо того чтобы набросить на психически больную Германию смирительную рубашку, дают возможность сумасшедшему диктовать свою волю. Европа в быстром темпе катится к страшной катастрофе. Если сейчас, убеждал себя Великовский, пока еще не вспыхнула война, не оставить на время врачевание и не поехать туда, где есть большие богатые библиотеки, конечно, подальше от очагов войны, то после будет уже поздно.

Поняв, что больше ждать нельзя, усиленно поощряемый Элишевой, Великовский решил поехать со всей семьей на несколько месяцев, необходимых для завершения книги «Фрейд и его герои», в Нью-Йорк.

15. ГОРАЦИЙ КАЛЕН — ПРОВОДНИК ПО КРУГАМ НЬЮ-ЙОРКСКОГО АДА

Июль 1939 года. Ленивый зной окутал пароход, и причал, и Лимасол — там, вдали, справа. Продавцы поджаренных на углях кукурузных початков лениво предлагают свой товар пассажирам. Девочки затеяли возню на палубе. Великовский смотрел на них, не вникая в смысл игры и слов, только впитывая звучание ивритской речи. Неясная тревога, назойливая, как эта кипрская муха, упрямо возвращающаяся после каждого взмаха руки, мешала ему думать. Только спустившись в каюту

и присев рядом с женой, Великовский, наконец, сумел сформулировать свою мысль.

— Мрачное время накатывает на мир, — волнуясь, проговорил он, — Европа накануне войны. Этот подоконник в бывшем твоём Берлине может начать ее буквально каждую минуту. Время ли сейчас уезжать из Эрец-Исраэль? Имеем ли мы право отрывать девочек от их земли, от их языка?

— Но ведь мы едем ненадолго. Ты закончишь свою работу, и мы вернемся в Тель-Авив.

Аргументы и контраргументы... Ему так хочется быть неправым, так хочется, чтобы Элишева продолжала убеждать его в необходимости поездки. В Нью-Йорке библиотеки, без них нечего и мечтать о завершении работы. А как летит время! Надо торопиться. Надо собрать воедино обрывки мыслей и образов, обгоняющих друг друга, пересекающихся, сталкивающихся в мозгу, создающих смутное и неприятное, как во сне, ощущение невысказанности. А может быть, в нем просто бродят неугомонные гены Великовских — дедов, прадедов и прапрадедов, ощущавших потребность разобраться в мироздании, мироощущении и даже во взаимоотношениях с Богом? Разобраться и изложить на бумаге.

Какое счастье, что Элишева умеет быть такой деликатно-настойчивой!

Раскаленная желтизна становилась все мягче, серые тени все гуще и длиннее. Пароход медленно выбрался из бухты и, набирая скорость, поплыл вслед за огромным красным солнцем, быстро погружающимся в Средиземное море.

В среду, 26 июля 1939 года, задолго до причаливания парохода к берегу, Великовские вышли на палубу. Слева проплыл Стейтен-Айленд и еще через несколько минут — островок со статуей Сво-

боды, столько раз виденной на фотографиях, а сейчас задевающей струны сердца даже у них, не эмигрантов. Справа, словно горная гряда, высились небоскребы Манхэттена.

Пароход мягко коснулся причала Элис-Айленда. Здесь их встречал давний друг и коллега Великовского. Несколько часов заняло оформление необходимых документов. А после этого они поплыли на пароме к причалу на южном конце Манхэттена. Девочки снова рассматривали статую Свободы, вид на которую открывался по правому борту, а Великовский подробнее, чем в письме, рассказывал другу о цели поездки в Соединенные Штаты. В течение восьми месяцев он надеется завершить работу над книгой. Если к этому времени ему повезет с издателем, то в марте-апреле будущего года они надеются вернуться домой.

Друг выслушал его и мрачно заметил, что Америка — это не та страна, в которой можно строить оптимистические прогнозы.

— Ну что же, — ответил Великовский, — я сделаю то, что зависит от меня. Если дела пойдут, как я наметил, то в самом худшем случае мы можем задержаться здесь на два года.

Квартира на Риверсайд была очень скромной. Но из окна открывался вид на Гудзон и на Риверсайд-парк, находившийся совсем рядом. Утром Великовский выходил из дома на 72-й улице и широким размеренным шагом шел по Бродвею до Тайм-сквер, дальше по 42-й улице до библиотеки на углу Пятой авеню. Четырехкилометровая прогулка была отличной разминкой перед долгим рабочим днем в библиотеке.

Жена друга, встретившего их в порту, познакомилась Великовского со своим отцом, профессором

Францем Боазом, видным антропологом. Несмотря на разницу в возрасте они быстро сблизились. Продолжительные вечерние беседы, во время которых выявилась общность интересов и позиций, явно доставляли удовольствие обоим.

После тихой провинциальной Эрец-Исраэль огромный Нью-Йорк обрушился на Великовских обилием театральных постановок, концертов, просветительских мероприятий. Но довольно быстро они убедились: не очень многое из этого изобилия действительно достойно внимания. Великовский предпочитал несколько дополнительных часов работы в библиотеке хорошо разрекламированным мероприятиям. Одно из них особенно разочаровало его.

Недели через три после приезда он решил посетить собрание в Карнеги-холл, темой которого было воспитание демократии. Собственно говоря, привлекла его не столько тема, сколько докладчик — бывший английский премьер-министр Стэнли Болдуин. У Великовского не было обывательского представления о том, что страной руководят личности выдающиеся. И, тем не менее, Болдуин поразил его.

Великовский не хотел уезжать из Эрец-Исраэль. Он едва не вернулся домой из Кипра, отчетливо понимая, что война может начаться с минуты на минуту. Для понимания этого достаточно быть врачом, читающим газеты, а не политическим деятелем, располагающим многими другими источниками информации. Но вот Болдуин на вопрос кого-то из публики, не может ли вскоре разразиться война, вскинув подбородок, безапелляционно ответил: «Если бы в Европе вскоре могла начаться война, я бы не находился здесь».

Это было всего за две недели до начала войны. Великовский понял, что ему не следует тратить

драгоценное время на посещение подобных мероприятий.

Болдуин его разочаровал. А разве нынешние руководители европейских демократий, такие, как Даладье, Чемберлен и им подобные хоть чем-нибудь лучше?

Знакомство Великовского с Горацием Каленом, профессором-гуманитарием из Новой школы социальных исследований оказалось обоюдно полезным. Буквально с первых дней знакомства Кален стал для Великовского «Вергилием» — проводником по кругам «нью-йоркского ада». Для Калена Великовский был интеллектуальным родником, источником не просто новой информации и идей, а человеком, открывающим неизвестные свойства у, казалось бы, хорошо известных вещей. У этого тель-авивского доктора потрясающие дедуктивные способности. Конан Дойль и Сименон должны были писать своих детективов именно с него!

Последовательно, шаг за шагом изучая жизнь египетского фараона Эхнатона, распутывая трагедию Эдипа у Эсхила, Софокла и Еврипида, Великовский пришел к выводу, что Эхнатон послужил прообразом героя древнегреческой легенды, на основе которой написаны знаменитые трагедии. Даже имя героя — Эдипус — по-древнегречески значит «отечные ноги». Это именно то, что нашло свое отражение на многочисленных реалистических изображениях Эхнатона.

Сочетание глубоко профессионального проникновения в психологию Эхнатона—Эдипа с историческим исследованием и филологическим разбором делало работу очень интересной. Каждую следующую главу Кален ждал с нетерпением, словно это были главы талантливого детектива, публикуемые с продолжением.

А что же сам автор? Великовского работа не удовлетворяла. Она не соответствовала задуманному плану. Только изучение двух фрейдовских героев — Эхнатона и Эдипа — давало результат даже больший, чем он мог надеяться. Зато Моисей... Слишком мало материала оказалось для изучения жизни этого выдающегося человека.

Глава, в которой Великовский анализировал сны Фрейда, писалась с большим подтекстом. Великовский обнаружил комплексы у выдающегося ученого. Они были связаны с еврейством, с трагической судьбой народа. В подсознании Фрейд обвинял себя за то, что не вступил в ряды активных борцов своего народа, — то ли заботясь о собственном спокойствии и благополучии, то ли опасаясь повредить будущему своих детей, живущих в антисемитской Вене.

Сейчас, еще более отчетливо чем прежде, проступал истинный смысл строчек из старого фрейдовского письма. Несколько лет назад Великовский пригласил Фрейда в Эрец-Исраэль. Тот ответил ему:

«Мне очень хочется попутешествовать, и нет в мире места, которое мне бы хотелось увидеть больше. Но я инвалид, с усилием существующий в комфорте собственного дома».

Фрейд мечтал увидеть Эрец-Исраэль. Но единственное путешествие состоялось за год до его смерти — в изгнание, в Англию, прочь из нацистской Вены.

Еще по пути в Америку Великовский мечтал послать Фрейду интерпретацию его снов. Сообщение о смерти великого психоаналитика в сентябре 1939 года больно ударило Великовского.

Кален уверял друга, что книга будет отличной, что ее надо побыстрее завершить и опубликовать. Имея опыт общения с издателями, он сам пустил-

ся в поиски, стараясь помочь другу. Вскоре он действительно нашел издателя и сам отнес ему еще не полностью завершенную рукопись.

16. «ФРЕЙД И ЕГО ГЕРОИ» ВЫТЕСНЕННЫ НОВОЙ ИДЕЕЙ

Прошло восемь намеченных прежде месяцев. Больше в Нью-Йорке делать было нечего. Великовский очень соскучился по дому. Но еще сильнее это чувство проявлялось у девочек. Они буквально рвались в Эрец-Исраэль.

Еще одно предприятие, о котором Великовский не переставал мечтать, не удалось осуществить за эти восемь месяцев, проведенных в Америке.

В тридцатых годах в Эрец-Исраэль вышли два тома «Scripta academia». Один из них был полностью «химическим» — посвященным работе Хаима Вейцмана. Сейчас, в Нью-Йорке, Великовский хотел вернуться к своей старой идее о создании Академии наук в Иерусалиме. Здесь эту идею будет легче воплотить в жизнь, потому что большинство выдающихся ученых евреев эмигрировали из Европы в Америку. Вместе с профессором Францем Боазом Великовский разослал письма многим ученым. От многих получил положительный ответ. Приятно было, к примеру, прочитать письмо от Эйнштейна. Он помнил совместную работу с Великовским над выпуском «Scripta» и ныне готов принять участие в создании Академии.

Великовский понимал, что в течение короткого времени, в основном, занимаясь книгой, ради которой он сюда и приехал, нельзя завершить такую большую организационную работу. Конечно, жаль.

Но ведь можно продолжить ее, находясь в Тель-Авиве.

Утром 6 апреля 1940 года Шуламит и Рут пошли в школу попрощаться со своими одноклассниками. Завтра на итальянском лайнере семья Великовского отправится в Неаполь, оттуда — в Рим, а из Рима — самолетом в родной Тель-Авив. Завтра — суббота. В этот день в семье по традиции не начинают никаких дел. Поэтому на лайнер они погрузятся еще сегодня, до заката солнца. Мама заканчивала упаковывать чемоданы, а отец пошел в город утрясти кое-какие дела.

Прежде всего, предстояло получить билеты. Великовский не смог скрыть своего раздражения, не застав агента бюро путешествий в условленное время. К счастью, всего в нескольких десятках метров отсюда находилась контора издателя, которому профессор Кален дал рукопись книги «Фрейд и его герои».

Чтобы не тратить время на бессмысленное ожидание агента, Великовский зашел в контору издателя забрать свою рукопись, которая, как он полагал, еще не могла быть прочитана. Поэтому приятным сюрпризом для него оказались слова жены издателя, единственного человека в конторе, о том, что они в восторге от рукописи, и, если уважаемый доктор подпишет с ними договор, они будут счастливы издать книгу.

Несколько экзальтированная дама была ужасно огорчена, узнав, что доктор Великовский сегодня покидает Соединенные Штаты. Ее настроение улучшилось, когда доктор согласился с предложением о том, что договор от его имени может быть подписан профессором Каленом.

В приподнятом состоянии духа, воодушевленный неожиданным успехом, Великовский позвонил до-

мой и сообщил Элишеве радостную новость. На вопрос Элишевы, не отменяется ли отъезд, он ответил, что планы остаются неизменными, и сегодня до захода солнца они погрузятся на лайнер. А договор с издателем подпишет Гораций.

День выдался чрезвычайно жаркий для этой поры года. Великовский уже порядком вымотался в бегах по раскаленным нью-йоркским улицам. В Радио-Сити он получил итальянскую визу и снова позвонил Элишеве. Она сказала, что только что по телефону его разыскивал издатель. До этого он уже говорил с Каленом. Гораций считает, что после стольких усилий покинуть Нью-Йорк за пять минут до успеха — не самое мудрое решение. Кален считает, что Великовский должен остаться на несколько недель и завершить дела с изданием книги.

Элишева говорила нейтральным тоном, не придавая своему голосу какой-либо эмоциональной окраски. Она не подсказывала никакого решения. Но Великовский почувствовал, что жена согласна с мнением Горация. Взвесив все «за» и «против», он снова позвонил домой и сказал Элишеве, что решил отложить отъезд на две-три недели.

В среду, 10 апреля, Великовский пришел в контору издателя подписать договор. Вместо подписания договора первая (и последняя) встреча с этим издателем вылилась в весьма неприятную беседу. Издатель сказал, что только получив рукопись в полностью завершенном виде, он сможет решить вопрос о подписании договора.

— Должен ли я напомнить вам, что я отложил отъезд из-за вашего телефонного звонка?

— Да, — ответил издатель, — мы действительно заинтересованы в издании этой книги. Но, если доктор считает, что возникло недоразумение, он может забрать свою рукопись.

Супруга издателя, которая пять дней назад в этой же комнате млела от избытка переполнявших ее чувств, на сей раз молча сидела и тупо жевала резинку, безучастная ко всему происходившему.

Едва сдерживая ярость, но внешне оставаясь корректным, Великовский оставил издателя, решив, что в любом случае книга не может быть опубликована раньше, чем он завершит рукопись.

В пятницу, ровно через неделю после того, как Великовские должны были выехать в Эрец-Исраэль, к ним пришел гость — видный ученый в области иудаики — передать Великовским привет от их общего друга. Теплые апрельские сумерки над Гудзоном смягчили сумасшедшую круговерть нью-йоркского дня. Плавная неторопливая беседа на библейскую тему. Субботние свечи, зажженные Элишевой. Мгновенная взаимная симпатия между собеседниками, взаимное уважение к глубине знаний предмета, о котором шла речь.

Во время беседы заговорили о географии и геологии района Мертвого моря. Интересно, что в «Бытие» — первой книге Библии, где говорится о приходе Авраама в эти места, даже не упоминается о существовании Мертвого моря. Ни слова о нем при описании Содома и Гоморры — городов, находившихся именно в этом месте. Впервые Мертвое море упоминается в Библии в связи с приходом к его берегам евреев под предводительством Моисея, в связи с переходом через Иордан сынов Израиля, ведомых Иошуа бен-Нуном.

Какая-то неуловимая мысль медленно выплывала из подсознания. Великовский внезапно вспомнил более чем легкомысленное пешее путешествие с Элишевой десять с половиной лет тому назад. Мертвое море, Иордан, горы Моава, горы Иудеи... Вздрыбленные холмы застывшей лавы. Следы ги-

гантских геологических катаклизмов. Когда они произошли?

Если во времена Авраама еще не было Мертвого моря, то не возникло ли оно во времена исхода евреев из Египта, во времена их скитаний по Синаю, когда плавилась горы и странный огненный столб служил ориентиром для кочующих сынов Израиля? Но в таком случае эти события должны быть также описаны в египетской истории. Каков возраст Мертвого моря? Как геологи определили его?

К сорокалетию со дня рождения отец подарил ему книгу Бар-Дрома о Негеве, изданную на иврите. В ту пору он перелистал, бегло просмотрел книгу, занятый своей текущей работой. Какая жалость, что он не проштудировал ее! Возможно, сейчас, с опозданием, у него появится материал для главы о Моисее?

Иммануил едва дождался открытия библиотеки. В «Географическом журнале» он нашел статью, в которой говорилось, что если определять возраст Мертвого моря по наносам из единственного источника, Иордана, он не более 6000 или даже 5000 лет. А есть ли сведения о катастрофах в египетских источниках?

Первые поиски в книгах по египетской истории не дали никаких результатов. Ни одного упоминания о катастрофических явлениях в природе. Но однажды Великовский наткнулся на сноску, в которой было написано, что мудрец Ипувер скорбел о превращении вод Нила в кровь. Стоп! Ведь в Библии тоже говорится об этом. Превращение вод Нила в кровь — одна из десяти казней, обрушившихся на Египет. Кто такой Ипувер? Откуда эта цитата?

Настойчивые поиски источника привели Великовского к переводу текста папируса из Лейден-

ского музея в Голландии. Текст папируса потряс Великовского. Речь шла не просто о катастрофах, а буквально о тех самых бедствиях, обрушившихся на Египет, которые описаны в Библии. Все десять бедствий.

Великовский не мог понять, как могло остаться для исследователей незамеченным не только такое совпадение событий, но и почти одинаковые выражения в фразах, повествующих о них.

Создание папируса относилось к концу Среднего царства, что, по представлениям историков, на несколько сот лет предваряло возможное время исхода евреев из Египта. «Одно из двух, — решил Великовский, — либо ошибочна хронология египетской истории, либо неправильна хронология Библии».

Одна очень важная деталь в тексте папируса привлекла внимание ученого. Кроме десяти бедствий, описанных в обоих источниках, в папирусе говорилось еще об одном — о вторжении в Египет аму, или гиксосов, пришедших из Азии. Если папирус и Библия описывают одно и то же событие, то евреи, уходившие на восток, должны были встретить на своем пути аму-гиксосов.

В Библии описана встреча и бой с амалекитами еще до того, как евреи пришли к горе Синай. Изучение книги об амалекитах и переводов арабских авторов позволило Великовскому заключить, что аму-гиксосы, описанные в папирусе, и амалекиты, о которых повествует Библия, — это один и тот же народ, вышедший из Аравийского полуострова.

Следующим этапом было изучение текста надписи на раке из эль-Ариша, хранящейся в музее в Исмаилии. В нем описывалось, как фараон, преследовавший врагов, погиб в водовороте в Пи-Хароти. Место, где вода расступилась, чтобы про-

пустить евреев, а затем обрушилась и утопила всю египетскую армию во главе с фараоном, в Библии называется Пи ха-Хирот.

Пройдет более двенадцати лет, и, вспоминая эти дни, Великовский запишет: «Несомненно, я нашел египетский вариант истории, который всегда считался несуществующим (никаких упоминаний о порабощении израэлитов не найдено в египетских документах). Я также нашел связь между двумя историями...»

Эдип, Эхнатон, Фрейд и его сны, психоанализ и философия, рукопись и издатель — все было забыто, все было подавлено одной идеей. Великовский видел только ближайшие очертания ее. Он еще не представлял себе многочисленности ее ответвлений. Он еще не задумывался над тем, сколько лет, сколько сил ему предстоит затратить для оформления этой идеи в теорию. Он еще не представлял себе, что у него не останется времени для осуществления мечты об Академии, что дней его жизни окажется недостаточно для завершения новой работы, что он останется привязанным к большим библиотекам, что его идея сделает невозможным его возвращение в Израиль — единственное в мире место, где ему хотелось жить. Но уже тогда он отчетливо понял, что стал рабом этой идеи.

Кален требовал закончить и опубликовать книгу «Фрейд и его герои», или хотя бы главы об Эдипе и Эхнатоне. Великовский отвечал, что ему сейчас не до этого, что до Эхнатона еще далеко.

— Как далеко? — спросил Кален.

— Несколько сот лет. Я сейчас современник первых Судей Израиля.

— Но ведь это на несколько сот лет позже Эхнатона!

— Ты заблуждаешься, Кален. Вы все заблуждаетесь. — И Великовский изложил изумленному Калену результаты своих находок

Все реже он стал бывать в библиотеке на углу Пятой авеню и 42-й улицы. Все чаще местом его работы становилась библиотека Колумбийского университета. Через несколько недель Великовские сменили квартиру. Они переехали на 113-ю улицу — поближе к университету.

Великовский ни разу не позвонил и не написал издателю, с которым расстался через пять дней после предполагавшегося отъезда в Тель-Авив. Он забросил рукопись неоконченной книги «Фрейд и его герои». Незначительная часть ее была использована для статьи «Сны, которые снились Фрейду». Ее опубликовали в «*Psychoanalytical review*» в октябре 1941 года. Большая же часть рукописи будет использована для книги, которая увидит свет через двадцать лет...

Месяц за месяцем Великовский работал в библиотеках, выявляя синхронность в истории Египта, Израиля и Иудеи. Попутно, как детали мозаичной картины, отлично стыковались куски истории других стран восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Разгадывались загадки, все более очевидным становилось то, что заставляло многие поколения ученых недоуменно морщить лбы.

В тот день Элишева была с ним в библиотеке на 42-й улице. Она действительно приносит ему счастье: Великовский нашел достоверное доказательство, что царь Соломон и Хатшепсут, женщина-фараон Египта, — современники, что она действительно была в гостях у царя Святой страны, что она и есть знаменитая царица Савская. Какое изумительное подтверждение правильности его реконструкции давних событий!

Вместе с Элишевой они вышли на Пятую авеню и пошли в Центральный парк. Они не замечали толпы, запрудившей тротуары, потока торопящихся, обгоняющих друг друга автомобилей, не замечали обычного напряжения улицы в конце рабочего дня. Они были одни в огромном городе — Адам и Ева в раю.

Еще тогда, за обедом, впервые увидев Иммануила, Элишева открыла для себя, что он — личность необычная. Теперь она вновь убедилась в этом. Какое счастье, что Господь дал ей возможность помогать великому человеку!

17. РОБЕРТ ПФЕЙФЕР ВОСТОРГАЕТСЯ И НЕ МОЖЕТ ПОВЕРИТЬ

Чем бы Великовский ни занимался, «дежурный центр» в мозгу продолжал следить за отправной точкой его реконструкции — за событием трех с половиной тысячелетней давности, за Исходом. Вот и в это воскресенье, 20 октября 1940 года, сидя у окна своей столовой с Библией на коленях, Великовский одновременно как бы находился в двух различных измерениях.

Вверх по Гудзону, сердито гудя, медленно поднимался пузатый буксир, навстречу ему к устью плыл беззаботный прогулочный катер.

Великовский перестал наблюдать за ними и снова перечитал в Библии внезапно остановившее его место. Странно, как он раньше не замечал этого: «Господь бросал на них камни большие с неба, до Алейки, и они умирали: больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны Исраэля мечом... И остановилось солнце и луна стояла, доколе мстил народ врагам своим».

Двадцать восемь лет назад, ночью, в кибуце Мерхавия в долине Израэль, он лежал на убогой постели недалеко от деревянной стены барака и смотрел на полную луну, повторяя в уме эту фразу из книги «Иошуа»: «И остановилось солнце и луна стояла, доколе...» Он был уверен, что остановившиеся солнце и луна — метафора автора. Но сейчас неожиданная мысль пришла ему в голову.

Всего лишь одной фразой раньше упоминания об остановившихся солнце и луне пишется о камнепаде, уничтожившем значительно больше хананцев, чем их погибло в бою с евреями. Большие камни, падающие с неба... Необычное количество метеоритов могло упасть, если Земля прошла сквозь хвост кометы. Причиной феномена остановившегося солнца могло быть замедление вращения Земли или изменение угла наклона оси, вызванное сближением с кометой. Автор книги «Иошуа» безусловно не знал о взаимосвязи этих двух феноменов. Чтобы описать подобные события, он должен был быть их очевидцем. Но в таком случае сведения о глобальной катастрофе не могли не сохраниться в записях и устных преданиях других народов, не только евреев.

Великовский едва дождался понедельника. В библиотеке Колумбийского университета он прежде всего обратился к китайским источникам. Поиски оказались безуспешными, зато в книгах, рассказывавших об истории индейцев, населявших территорию нынешней Мексики, Великовский нашел упоминание о солнце, застывшем на горизонте. Необычное явление это сопровождалось страшными катастрофами: океан хлынул на сушу, рушились горы, новые горы вздымались на бывшей равнине, горела земля, гибли люди... Индейцы

считали: это заканчивается еще один «возраст» земли и в муках рождается новый...

Могли ли авторы этого описания «нафантазировать» — соединить воедино застывшее на горизонте солнце и страшные катастрофы на земле, не будь этих событий в действительности? Вряд ли!

В мексиканских источниках Великовский случайно обнаружил интересное упоминание, тщательная проверка достоверности которого в источниках древнего Китая, Индии, Вавилона, Иудеи, Египта, Греции и Рима позволила ему внести в реконструированную историю древнего мира еще один чрезвычайно важный элемент, ставший краеугольным камнем новой теории. Источником описанных глобальных катастроф была Венера — в ту пору еще не планета в семье планет Солнечной системы. Страшная комета Венера, дважды в течение пятидесяти двух лет сближавшаяся с Землей, чуть было не явилась причиной ее гибели.

Музыканты с улыбкой рассказывают об указаниях на нотных страницах Франца Листа: быстро, быстрее, очень быстро, как можно быстрее, предельно быстро. А на следующей странице Лист написал: «Еще быстрее, чем на предыдущей странице». Вероятно, подобным образом следовало бы описать интенсивность исследовательской работы Иммануила Великовского. Пользуясь «терминами» Листа, работу над книгой «От Исхода до Изгнания» можно квалифицировать как «интенсивно до предела». Сейчас, начав собирать материал о глобальных катастрофах, Великовский работал «еще интенсивнее, чем на предыдущей странице».

Три раза в день — утром, после обеда и вечером — он приходил в библиотеку, разыскивал и реферировал источники, снабжавшие его материа-

лом для двух книг — «Миры в столкновениях» и «От Исхода до Изгнания».

Материала накопилось так много, сопоставление истории Иудеи, Израиля, Египта и стран восточного Средиземноморья в рамках реконструированной хронологии шло так успешно, что вскоре Великовский решил продлить свою работу до времен Александра Македонского. Название «От Исхода до Изгнания» уже не соответствовало содержанию книги, и Великовский заменил его на «Века в хаосе».

Большой удачей для Великовского оказалось то, что уже на первых этапах работы у него появился отличный «адвокат дьявола». Доктор Вальтер Федерн, сын знаменитого венского психоаналитика Пауля Федерна, который первым назвал Великовского гением, был не только блестящим египтологом, высококвалифицированным знатоком иероглифов, но и библиографом, дававшим бесценные консультации при поисках источников по истории Египта.

Великовский рассказал Федерну о папирусе Ипувер. Федерну, как, вероятно, любому другому историку, было трудно отказаться от представлений, на которых он был вскормлен. Если Великовский прав, рушилась вся система, следовало пересмотреть и переписать все то, что он изучал в школе и в университете. Даже его докторская диссертация повисала в воздухе. Поэтому возражения чрезвычайно эрудированного, изобретательного и неопровержимо логичного ученого по поводу каждой новой ступени в исследованиях были не просто критикой невозможной, как ему казалось, реконструкции, а жизненно важной самообороной. Для Великовского немедленное опровержение критики или поиски новых доказательств для ее оп-

ровержения были процессом утверждения правильности его теории.

Чем успешнее продвигалась работа, тем труднее было решить, чему отдать предпочтение. Весной прошлого года все было таким определенным и ясным. В руках Великовского появился тот магический рычаг, с помощью которого можно было сопоставить смещенные глыбы истории Ближнего Востока. Сейчас, полтора года спустя, когда книга «Века в хаосе» уже приобрела осязаемые очертания, ее дочерняя ветвь — книга о причине глобальных катастроф — настойчиво требовала все большего внимания.

Кален уже несколько раз задавал ему все тот же вопрос: «Что произошло в момент исхода евреев из Египта?» Каждый раз Великовский отвечал ему: «Подожди еще немного. Надеюсь, что я однозначно отвечу на твой вопрос. Ты узнаешь о причине катастрофы».

Кален — не просто профессор-гуманитарий. Он — гуманист в лучшем смысле этого слова. Какое счастье, что на его жизненном пути появляются такие люди, как Кален! Во время двух последних встреч он даже не обмолвился о книге «Фрейд и его герои». Кален понимает, чему следует отдать предпочтение.

Тонкий и деликатный человек, он даже о войне не заговорил при последней встрече. Он знает, что в Москве живут два брата Иммануила Великовского. Живут ли? Немцы бомбят Москву. Географические названия, которыми пестрят газеты, для Великовского — источник боли. Не только потому, что это места, с которыми связано его детство. Если русские не остановят немцев, миру грозит катастрофа, уже не космическая, а вполне земная, но такая же страшная.

В дождливые ноябрьские дни 1941 года только полное погружение в работу отвлекало его от мрачных размышлений. Он любил и жалел братьев. Он так хотел бы, чтобы они сейчас были рядом с ним, а еще лучше — в Эрец-Исраэль. Но они в Москве, которую бомбят немцы...

Пройдут годы, и Великовский узнает, что именно в ноябре 1941 года в боях под Москвой погибла его племянница Елена Великовская, добровольно ушедшая на фронт.

Картины космических катастроф времен Исхода, времен боя Иошуа бен-Нуна и времен гибели войска Сенехериба возникали в его сознании с такой реальностью, словно он был очевидцем этих событий. Незначительное раздражение, даже не вызывающее ассоциаций, могло усилить картину. Как врач он знал физиологический механизм этого явления — доминанта. Действительно, его работа доминировала над всем. Тем ярче доминанта проявила себя сейчас, когда грохот поезда метро ассоциировался в его сознании с ужасным устрашающим шумом землетрясений, следствием космических катастроф. И вдруг такая приятная неожиданность: в вагон, именно в этот вагон вошел Кален. К сожалению, они встречаются так редко. Не чаще двух-трех раз в год.

— Эммануэль, как продвигается работа? — слова едва пробивались сквозь дикий грохот.

— Спасибо, потихонечку.

— Если это «потихонечку Великовского», то тебя можно поздравить. Кстати, ты обещал рассказать мне о причине катастрофы во время Исхода.

Великовский решил, что сейчас он действительно расскажет.

— Гораций, какое чудо, описываемое в Библии, кажется тебе наименее вероятным? — он надеялся, что Кален ответит: «Солнце, остановившееся над долиной Аялона». Тогда он объяснит ему природу этого чуда.

— Пророк Элия, вознесшийся в небо в огненной колеснице.

По поводу этого чуда Великовский тоже мог бы высказать свои соображения. Но не хотелось кричать о вещах, излагать которые следует в спокойной обстановке. И о причине катаклизма рассказывать расхотелось.

— Придет время, и ты узнаешь, Кален. Узнаешь одним из первых, если не первым...

Кален был первым, кто прочитал главы из книги «Фрейд и его герои». Сейчас Кален первым читал главы из книги «Века в хаосе». Он не переставал удивляться и восхищаться. Ему уже перевалило за семьдесят. Он, слава Богу, повидал достаточно ученых на своем веку. Но такого историка, как Великовский, он встречал впервые. Собственно говоря, Великовский — не историк. Пришелец из медиков в их гуманитарной среде. Но какой удивительный человек, глыба!

В июне 1942 года Великовский послал две главы — «В поисках связи между египетской и израэлитской историей» и «Гиксосы» профессору Гарвардского университета Гарри Вольфсону. Курс египетской и ассирийской истории в Гарвардском университете читал профессор Роберт Пфейфер, блестящий историк, крупнейший в мире специалист по Ветхому Завету. Естественно, что Вольфсон дал ему прочитать работу Великовского. Пфейфер написал обстоятельную рецензию на две главы. Он отметил, что автор блестяще знает древнюю литературу и предпочитает пользоваться ею

для собственных выводов вместо того, чтобы обращаться к выводам современных авторов, сделанных на основании старой литературы. Пфейфера глубоко заинтересовала идентификация гиксосов с амалекитами. Он написал, что слышит об этом впервые, потому что, насколько ему известно, ни одному историку не приходила на ум подобная идентификация. Работу, на основании которой сделаны эти выводы, Пфейфер нашел чрезвычайно искусной и оригинальной. Но, согласно существующей и принятой всеми хронологии, события, которые Великовский считает синхронными, и люди, которых он считает современниками, разделены пятьюстами годами. У Пфейфера не было ни малейших сомнений, что такому высокообразованному человеку, как Великовский, это тоже известно. Следовательно, автор собирается ревизовать существующую хронологию?

Вольфсон переслал Великовскому рецензию Пфейфера.

Встреча с Вольфсоном и особенно с Пфейфером представлялась Великовскому очень важной. Поездка в Кембридж (Массачусетс) оказалась неожиданным отдыхом. До самого Провиденса поезд шел вдоль океана, а дальше, до Бостона — по местности, напомнившей ему детство. В портфеле лежали еще две главы его книги — «Царица Савская» и «Иерусалимский храм». А вот и Кембридж, и один из самых престижных американских университетов — Гарвардский.

После непродолжительной беседы с Вольфсоном Великовский пришел к самому Пфейферу. Маститый ученый с нескрываемым интересом разглядывал крупную фигуру Великовского. Он уже знал, что доктор Иммануил Великовский вовсе не историк.

Когда Вольфсон рассказал ему биографию Великовского, Пфейфер был убежден в том, что коллега решил подшутить над ним. Вольфсон даже вынужден был показать ему статьи Великовского по психиатрии. Ну и ну! Доктор — и это не ученая степень по истории, а название медицинской профессии. Трудно представить себе что-нибудь более невероятное! Но какую глубину исторических знаний демонстрирует этот врач!

— Если я вас правильно понял, вы не согласны с конвенциональной хронологией?

— Совершенно верно, профессор. В этих главах вы найдете подтверждение и обоснование моего несогласия.

— Надеюсь, вы представляете себе, на что вы подняли меч?

— Профессор Пфейфер, я буду сердечно признателен любому, кто, представив аргументы, укажет мне, где и в чем я ошибаюсь.

— Дай вам Бог, дай вам Бог, — как-то очень неопределенно ответил маститый профессор.

Через несколько дней они снова встретились. Пфейфер был явно потрясен прочитанным. Он не скрывал своего восторга, хотя и не был убежден в правоте Великовского. Старому ученому очень нелегко было признать, что десятки тысяч историков в течение многих сотен лет ошибались, что все огромное здание их науки построено на хлипком фундаменте, что вдруг появился чужак в их среде — врач, а не историк, — и сразу определил, где она — истина, и развалил такое, казалось, надежное здание. Хотя, с другой стороны, у этого врача действительно непоколебимое построение и стальная логика. Найти бы хоть какую-нибудь слабину в его теории, чтобы ухватиться за нее и

возразить! Посмотрим... В любом случае — прав он или неправ — это выдающаяся личность. Очень ему захотелось оказаться полезным этому невиданному ученому. Он живо представил себе, как может отреагировать на него развороченный истеблишмент.

— А не попробовать ли вам, дорогой доктор, продемонстрировать ваше утверждение на древнем искусстве?

Великовский сразу понял о чем идет речь. Но Пфейфер на всякий случай добавил:

— Если владельцами предметов искусства, скажем, времен становления Афин окажутся фараоны минус тринадцатого века, это будет очень убедительным аргументом, доказывающим состоятельность вашей гипотезы.

Через месяц после второй встречи, 22 августа 1942 года, профессор Пфейфер прислал Иммануилу Великовскому письмо, написанное с большой теплотой. Ученый, все еще колеблющийся, все еще старающийся не встать на точку зрения Великовского, писал:

«С удовольствием я услышал, что есть определенный прогресс в планах публикации вашей революционной реконструкции древней истории и хронологии. Я искренне надеюсь, что какое-нибудь университетское издательство или почтенный издатель примет вашу рукопись для публикации. Я считаю вашу работу — какой бы провокативной она ни была — фундаментально важной, будут ли приняты ее выводы компетентными учеными, или она принудит их к далеко идущим и тщательным пересмотрам принятой древней хронологии».

В отличие от деловых поездок в Кембридж, визит в Принстон носил совсем другой характер.

Взяв с собой дочерей, Великовский навестил Эйнштейна. Пока девочки разглядывали коллекцию курительных трубок, взрослые беседовали, словно продолжали разговор, прерванный когда-то в Берлине.

Эйнштейн, оказывается, часто думал о предсказании Великовского. Можно ли было предположить, что в такой, казалось, добропорядочной Германии нацисты придут к власти? Действительно, евреям нужна их собственная страна. Сейчас в этом никто не сомневается. Идея создания академии интересна и актуальна. Он еще тогда оценил ее. Пусть не сразу, но оценил. Великовский сказал, что надеется вернуться к этой идее, но только позже, когда у него появится просвет в работе. Эйнштейн поинтересовался, о чем идет речь. Великовский очень коротко ответил, что его сейчас занимают некоторые вопросы смежной истории Египта и израэлитов. Эйнштейн заметил, что его гость не хочет распространяться на эту тему, и деликатно сменил предмет беседы.

Вторая встреча с Эйнштейном состоялась только через несколько лет, вскоре после окончания войны. Инициатором ее был Эйнштейн, а связующим звеном оказалась Элишева. У нее обнаружись незаурядные способности к скульптуре. Ее работы, изваянные в студии при Колумбийском университете, стали отмечаться на выставках. В буклете, в котором других лучших студийцев представили фотографией только одной работы, поместили сразу три фотографии скульптур Элишевы: студийная натура, Кариатида и портрет Великовского. В студии Элишева часто встречалась с дочерью Эйнштейна, Марго.

Как-то раз Марго рассказала Элишеве о желании отца устроить вечер моцартовских квартетов.

Не согласится ли Элишева играть партию первой скрипки? Эйнштейн сыграл бы партию второй скрипки. Элишева дала согласие. Вскоре Эйнштейн позвонил Великовским и пригласил их в Принстон. В тот вечер были сыграны все шесть миланских квартетов Моцарта. Для беседы почти не осталось времени. Да и говорили, в основном, о музыке.

Время несло очень быстро. Сезоны сменяли друг друга почему-то значительно чаще, чем раньше. Девочки, которые, казалось, совсем недавно голышом бегали на горе Кармель, которые только-только пошли в школу в Тель-Авиве и буквально вчера затевали возню на палубе парохода в Лимасольском порту, сегодня — чуть ли не барышни. Шуламит уже учится на физико-математическом факультете Колумбийского университета. Рут заканчивает школу. Шуламит унаследовала тягу поколений Великовских к иудаизму. Несмотря на тяжелую программу физико-математического факультета она занималась еще в Еврейской теологической семинарии. Время — вот истинная ценность, самая верная, устойчивая и непреходящая валюта.

18. ТРУДНО НАУЧИТЬ СТАРОГО ПСА НОВЫМ ТРЮКАМ

До экзамена оставалось всего два дня. Поэтому с раннего утра Шуламит засела за учебники. Отец тихо подошел, посмотрел на длинный лист с рядами уравнений, положил свою большую руку на ее голову и спросил:

— Не успеваешь?

— Почти.

— А ты отдохни, поиграй в теннис. Ведь сегодня — суббота.

— У меня и так времени в обрез.

— Ничего, доченька. Уверяю тебя: успеешь! Соблюдение субботы — одна из десяти заповедей. И у меня времени в обрез. По логике вещей — даже меньше, чем у тебя. Но я в субботу все-таки не работаю. Поиграй, доченька, отдохни. Завтра со свежими силами ты не только наверстаешь, но даже окажешься в выигрыше. Поверь мне, суббота — это одно из великих благ, которые наш народ дал человечеству. Задумайся над значением субботы. Во времена расцвета рабовладельчества — день отдыха всему живому, даже скоту! Какой глубокий смысл в этом акте — в даровании субботы. И уж если ты соблюдаешь девять заповедей, даже почитаешь своих родителей, — Великовский хитро улыбнулся, — то почему бы тебе не соблюсти и десятую заповедь?

— Папа, но ведь ты же не ортодоксальный еврей?

— Нет, доченька, я просто еврей. Верующий.

— Верующий? Почему же ты пишешь в своей книге, что чудеса, происшедшие с нашим народом, вовсе не чудеса, а явления природы?

— Доченька, я ученый. Я описываю объективные явления, а не даю им теологическую оценку. Но я вовсе не отрицаю чудес. Разве это не чудо, что описываемые мною катаклизмы произошли именно в нужный момент? Я знаю, что произошло. Но мне, увы, не дано знать, почему это произошло...

Шуламит было над чем задуматься. Общение с отцом всегда давало пищу для размышлений.

Ранней весной 1943 года Великовский послал Пфейферу еще две главы своей книги — «Рас-

Шамра» и главу о эль-амарнских письмах. В мире было не больше пяти-шести ученых, знающих этот предмет на уровне Роберта Пфейфера. Поэтому критика выдающегося историка, блестящего знатока Библии, была очень важна для Великовского. Если Пфейфер не найдет ошибок в его работе, значит реконструкция истории древнего мира верна. Великовский видел, что главы его книги восхищают этого большого ученого. Но и только! Пфейфер не был убежден в бесспорности выводов, к которым пришел Иммануил, ему трудно было отказаться от концепции, которой придерживался в течение долгой жизни в науке.

17 апреля 1943 года Пфейфер написал Великовскому, что присланные главы, как и предыдущие, потрясли его.

«Как и всегда, — писал Пфейфер, — я был пленен вашей неслыханной идентификацией и датированием, восхищен вашим невероятным мастерством. Боюсь, однако, что есть доля истины в старой поговорке: «Трудно научить старого пса новым трюкам». Я могу только повторить слова царя Агриппы, сказанные им апостолу Павлу: «Ты меня почти убедил...»

Великовский несказанно обрадовался этим словам Пфейфера. Если он почти убедил его, значит тяжелый трехлетний труд получил признание. Он-то не сомневался в правильности своей хронологии. Но кто лучше психоаналитика знает, как трудно человеку быть несубъективным. А любой ученый — всего лишь человек...

У американской поговорки «время — деньги» оказался еще один смысл. Великовские планировали пробыть в Америке восемь месяцев. Их сбережений могло хватить на два года очень скромной жизни, если окажется, что для завершения

работы необходимо остаться на этот срок. Прошло четыре года после их отъезда из Тель-Авива. Планы полностью изменились. За эти годы Великовский один выполнил работу, которая могла бы с избытком загрузить коллектив солидной кафедры, а то и целого института. Но денег на даже скромную жизнь эта работа не приносила.

Бог знает, каким образом Элишеве удалось растянуть имевшиеся в семье сбережения на все эти годы. Жили они, буквально отказывая себе во всем. Взрослые донашивали вещи, привезенные с собой. Значительно труднее было с девочками. Они быстро вырастали из своей одежды. Но одеждой, естественно, не ограничивались расходы на детей. Великовский был вынужден понемногу работать как психотерапевт. Количество пациентов он ограничил до минимума, дающего очень скромный заработок — для жизни на грани бедности.

В 1944 году Великовский завершил первую книгу — «Века в хаосе» и послал рукопись в университетское издательство. В течение четырнадцати месяцев решался вопрос о публикации. Сотрудники издательства очень хотели увидеть изданной эту книгу. Но рецензенты-историки, которые придерживались устоявшихся теорий, боявшиеся любого нового и свежего взгляда на события далекого прошлого, категорически возражали против издания книги. Профессор Пфейфер был неоправданно оптимистичным, посчитав, что его коллеги отнесутся к работе Великовского так же, как отнесся к ней он: высоко оценят, даже не будучи согласными с ней. Но для этого этим коллегам надо быть на уровне Пфейфера. А Соединенные Штаты Америки, увы, не были наводнены учеными с широким кругозором, способными принять во внимание «чужую» точку зрения.

...Тем временем Великовский продолжал работать над книгой «Миры в столкновениях» и собирал материал для продолжения «Веков в хаосе».

19. ЗНАКОМСТВО В ОТЕЛЕ «КОМОДОР»

После окончания Второй мировой войны западный мир захлестнула повальная эпидемия «левизны». У каминов в домах состоятельных людей, в уютных салонах интеллектуалов модным было рассуждать о социальном равенстве. Писатели-коммунисты, режиссеры-социал-демократы, художники-анархисты, профессора-социалисты и иже с ними, сидя в удобных креслах с бокалами дорогого коньяка или виски в руках, часами вели пустопорожние разговоры о необходимости радикального преобразования мира. Правда, все здесь ограничивалось лишь «сотрясением воздуха»: ни один из них лично почему-то не соглашался поступиться своим уютным салоном или перейти на более дешевые напитки.

Однако воодушевляемая ими молодежь бушевала в университетских аудиториях и на улицах. Сотни тысяч одураченных людей гибли в джунглях. Миллионы подвергались террору со стороны мерзавцев, во всеуслышание провозглашавших идеи, возвращенные в уютных салонах.

Конечно, можно было оставаться аполитичным, погруженным только в свою науку, в культурные ценности. Но уж если у тебя были какие-нибудь политические симпатии и антипатии, то не находиться «слева от центра» в университетских кругах значило подвергнуть сомнению свою порядочность.

Профессор Харлоу Шапли, директор обсерватории Гарвардского университета, был человеком высокопорядочным. Его имя часто появлялось в печати в связи с либерализмом, в связи с участием в различных мероприятиях, не имеющих ничего общего с астрономией, — лишнее свидетельство широты его интересов. Естественно, что Великовский неоднократно слышал это имя. И знал: положение директора обсерватории одного из самых престижных университетов — доказательство высокого научного уровня. Сведения, почерпнутые из газет, создавали впечатление, что если профессор Шапли и ошибается в вопросах, не имеющих отношения к астрономии, то ошибается как порядочный человек.

Можно ли обвинить Великовского в том, что именно к Харлоу Шапли он решил обратиться, чтобы выяснить: правильна ли его гипотеза об атмосфере Венеры и Марса, что могло быть решающим доказательством или опровержением его теории? Настоящий ученый, к тому же — порядочный человек, как считал Великовский, сможет объективно оценить новую теорию, даже если она противоречит его собственным взглядам. Разве не так повел себя профессор Роберт Пфейфер, ученый из того же, кстати, Гарвардского университета?

На форуме, обсуждавшем вопрос о мировом правительстве, который состоялся в нью-йоркской гостинице «Комодор» 13 апреля 1946 года, профессор Шапли был главным докладчиком. Великовский попросил Шапли уделить ему несколько минут во время перерыва.

Спустя несколько лет Шапли вспоминал, что симпатичное лицо просителя и его интеллигентная речь произвели на него самое благоприятное

впечатление, и он милостиво согласился выслушать Великовского.

Они стояли в холле, недалеко от входа в зал конференций. Шапли в своей обычной снисходительной манере поглядывал на Великовского. Единственным неудобством в данной ситуации было то, что ему приходилось смотреть снизу вверх.

— Доктор Шапли, — начал Великовский, — в течение последних шести лет я провел исследование и описал его результаты. На основании этого исследования я пришел к выводам, естественно, неортодоксальным, о том, что в историческое время произошли изменения в состоянии Солнечной системы.

— Каким же образом вы пришли к такому заключению? — настороженно спросил Шапли.

— В основном, на основании изучения древних источников, но также на основании других материалов, — например, геологических...

— Вы отдаете себе отчет, — перебил его Шапли, — что мы не можем строить подобную теорию на основании древнего источника, который может быть абсолютно неправильным?

— Я строил теорию, используя не один источник, а многие, анализируя легенды и летописи народов, отдаленных друг от друга. Таких, скажем, как ассирийцы, индусы и племена, населявшие территорию нынешней Мексики. Их сообщения, дошедшие до наших дней, соответствуют одно другому.

— Если так, то это другое дело! Однако вы представляете себе, что, если, как вы говорите, были изменения в строении Солнечной системы в историческое время, ваше исследование должно привести вас к конфликту с ньютоновской гравитацией?

Великовский невольно поразился быстроте соображения своего собеседника. Работая над книгой, Иммануил не раз удивлялся тому, как чисто механическая система могла оставаться в астрономии неизменной с 1660 года, когда еще ничего не знали об электромагнитных полях. Что ж, сомнения Шапли имели под собой почву. Но в данном случае он не прав. Революционная теория не приводила Великовского к конфликту с ньютоновской гравитацией. Ему следовало подумать и ответить своему собеседнику, что в рамках любой теории возникновения Солнечной системы были изменения прежде, чем установился нынешний порядок, регламентируемый законами Ньютона. Увы, Иммануил не ответил так. Да и потом он не раз повторит такую же ошибку...

— Да, я представляю это себе. Но в настоящей работе я не даю никаких физических интерпретаций описываемых событий. Я только пытаюсь установить факты. Могли бы вы согласиться прочитать рукопись? Если вы убедитесь, что мой тезис подтверждается источниками и нуждается в лабораторном исследовании, возможно ли будет проинформировать один или два относительно несложных спектроскопических анализа?

— Я бы с радостью прочитал вашу рукопись, но я очень занят. Тем не менее, если кто-нибудь из моих знакомых прочтет ее и даст рекомендацию, я обещаю тоже познакомиться с ней. Что касается эксперимента, напишите мне на адрес обсерватории Гарвардского университета, или моему ассистенту, доктору Уипли. Сошлитесь на наш сегодняшний разговор. Если будет возможность, мы это сделаем для вас.

— Я вам очень признателен. Кого бы вы предложили, чтобы прочел мою рукопись?

— Вы знакомы с профессором Лином Торндайком?

— Лично я с ним не знаком.

— Обратитесь к нему.

— Если Торндайк не сможет прочитать рукопись, кому еще предложить сделать это?

— У вас есть свои кандидатуры? Назовите мне какие-нибудь имена.

— Что бы вы сказали, например, по поводу профессора Горация Калена? Он читал другую мою рукопись.

— Если профессор Кален прочтет и порекомендует мне вашу книгу, я тоже внимательно изучу ее.

Спустя два дня Великовский в письме профессору Шапли попросил произвести спектроскопическое исследование атмосферы Марса, предсказав, что в спектре будут обнаружены линии неона и аргона. Еще через два дня Великовский предложил исследовать спектральные линии атмосферы Венеры, в которой должны быть обнаружены газообразные углеводы, поскольку на планете много нефти.

Психоаналитик несомненно обратит внимание на интересную деталь. Великовского прежде всего интересовала атмосфера Венеры. Но он крайне осторожен. Шапли еще не читал его книги. Поэтому основной объект — Венеру — следует немного затемнить, как бы поместить ее на второй план. И Великовский говорит об атмосфере Венеры только во втором письме.

Профессор Торндайк, которому Великовский позвонил и попросил прочитать рукопись, отказался, сославшись на большую занятость.

Кален в любом случае прочитал бы «Миры в столкновениях» одним из первых. Но сейчас это было просто необходимо. 13 мая 1946 года Кален получил рукопись первой части книги с сопрово-

дительным письмом, в котором Великовский писал: «Почти пять лет назад я пообещал дать тебе ответ о природе катастроф в дни Исхода — и только сегодня я выполняю свое обещание».

Через два дня Кален позвонил Великовскому:

— Эммануэль, у меня не хватает слов! Книга произвела на меня еще большее впечатление, чем «Века в хаосе», хотя, когда я читал «Века в хаосе», я считал, что ничего более совершенного создать нельзя.

Великовский отправил Калену вторую часть рукописи. В тот же день он получил письмо от секретаря профессора Шапли: «Д-р Шапли просил меня написать вам, что ваши неуточненные утверждения или аргументы об атмосфере планет не имеют достаточного основания для астрономов, чтобы исследовать вашу заявку».

21 мая 1946 года Кален написал Великовскому: «Сейчас я закончил читать оставшуюся часть твоей рукописи. Сила научного воображения, которую ты продемонстрировал, смелость твоего построения наполнили меня восхищением. Выводы, сделанные из очень простой и психологически корректной предпосылки, что пророки и летописцы сообщали о своем опыте, а не употребляли метафоры, изложены настолько четко, что вряд ли у кого-нибудь вызовет сомнение их неоспоримость».

В письме Шапли от 23 мая 1946 года Кален напомнил ему о встрече с Великовским и о данном ему обещании. Проверка утверждения о том, что в атмосфере Венеры должны быть обнаружены нефтяные газы, может доказать или опровергнуть обоснованность теории Великовского.

«Я только что закончил читать его манускрипт, — писал Кален. — Взяв его в руки, я не мог оторваться

от него. С точки зрения идей и социальных отношений, мне представляется, что он построил серьезную теорию, заслуживающую внимания ученых, демонстрирующую степень научного воображения, которое вообще необычно в наше время. Если будет доказана состоятельность этой теории, не только астрономия, но также история и целое множество других антропологических и общественных наук будут нуждаться в пересмотре как их содержания, так и объяснения. Если не будет доказана ее состоятельность, она все еще останется одним из великих предположений, которые возникают очень нечасто в истории человеческой мысли.

Я лично так поражен тем, что написал д-р Великовский, и путем, которым он пришел к своей гипотезе, что испытываю острейшее желание узнать результаты ключевого эксперимента, каким может быть спектроскопический анализ.

Я очень надеюсь, что вы сможете сделать это исследование...»

Великовский отправил письмо Шапли 26 мая 1946 года. Он писал, что самое большое его желание — обосновать заявки, содержащиеся в письмах от 15 и 17 апреля. Это именно тот материал, который содержится в его рукописи. Доктор Шапли обещал прочитать ее, если профессор Кален порекомендует.

Великовский не получил ответа на это письмо. Зато 27 мая 1946 года Шапли ответил Калену:

«Дорогой Кален!

Сенсационное заявление д-ра Иммануила Великовского не заинтересовало меня, как должно было бы, несмотря на удивительно приятную личность его и явную искренность, потому что его выводы были вполне очевидно основаны на некомпетентных данных. Он собрал неподтвержденные наблюдения и утвержде-

ния из истории и литературы прошедших времен, которые современная наука либо проглядела, либо заметила и игнорировала, либо отвергла на основании более достоверного материала — наблюдений.

Заявление д-ра Великовского, что в историческое время были изменения в структуре Солнечной системы, имеет скрытый смысл, который он, очевидно, не продумал; возможно, он не сумел донести его до меня во время нашей короткой беседы. Если в историческое время были изменения в структуре Солнечной системы несмотря на факт, что наша небесная механика в течение множества лет была в состоянии определить без сомнения позицию и движения членов планетарной системы на многие тысячелетия вперед и назад, тогда законы Ньютона ошибочны. Ошибочны законы механики, которые действуют, чтобы держать самолеты на лету, управлять приливами, трактуют мириады проблем ежедневной жизни. Другими словами, если д-р Великовский прав, то мы, все остальные, — сумасшедшие».

Шапли несколько смягчил свой тон в конце письма, сообщив, что его обсерватория не имеет оборудования, необходимого для спектроскопии атмосферы планет, и сообщил адреса двух обсерваторий, куда можно обратиться.

Кален был шокирован письмом Шапли. Во-первых, тот говорил о работе Великовского с такой уверенностью и категоричностью, словно Кален не имеет о ней ни малейшего представления, а Шапли внимательнейшим образом проштудировал ее. А между тем, Шапли не только не читал рукописи, но даже не знает, о чем там идет речь. Во-вторых, очень странная позиция для серьезного ученого — считать, что если прав человек, обнаруживший какое-нибудь новое явление, которое не укладывается в рамки известных законов, то все

остальные — сумасшедшие. Может быть, сперва следует разобраться в этом явлении и выяснить, действительно ли оно противоречит законам природы? В-третьих, конечно, Великовский — не специалист в астрономии. И все же он не так примитивен, как это следует из ответа Шапли. И, в четвертых, — и это вообще необъяснимо! — джентльмен пообещал; как же тогда джентльмен может отказаться от своего слова? Шапли пообещал Великовскому прочитать его рукопись, если получит соответствующую рекомендацию. Кален не просто горячо рекомендовал, но даже лично попросил его, попросил значительно более эмоционально, чем мог позволить себе и чем сделал это Великовский. Где же слово джентльмена?

Кален был не просто обижен — уязвлен. Но ему так хотелось помочь Великовскому, что, затаив обиду, он снова написал Шапли и настоятельно попросил его прочитать рукопись. Шапли отказался.

С горечью Кален читал письмо Иммануила к нему от 16 июня 1946 года. Каждая фраза находила в нем отзвук и поддержку, потому что и сам он думал так же.

«Не странная ли это позиция в научном мире, — писал Великовский, — что мы «все сумасшедшие», если одна из планет изменила свою орбиту в результате контакта с кометой или другой планетой? Если ньютоновские законы, астрономия и механика построены на презумпции, что в историческое время не может быть больших нарушений, хотя малые нарушения мы наблюдаем ежедневно, тогда астрономия и механика диктуют историкам, что им дозволено наблюдать в прошлом. По-моему, исторический факт не может быть отвергнут физической теорией, и если такой факт установлен, физи-

ческая теория должна соответствовать факту, а не факт — теории».

Великовский снова не заметил, что исторический факт вовсе не вступил в противоречие с физическими законами. Просто Шапли вступил в противоречие с Великовским. Но только ли с Великовским?..

Роберт Пфейфер и Харлоу Шапли. Два профессора Гарвардского университета. Два видных представителя науки — каждый в своей области. Оба — люди преклонного возраста. Ощущали неустроенность, несовершенство нашего мира. Пфейфер глубоко изучил историю, поэтому знал, к чему ведут радикальные изменения. Он боялся их. Он видел, насколько улучшились социальные отношения в Америке даже в течение его жизни, и с оптимизмом предвидел будущее. Единственное, что он лично мог предложить обществу как вклад в настоящее и будущее — это свой высокопрофессиональный труд. И он продолжал трудиться — изучать историю и обучать студентов.

Шапли уже давно был знаменитым астрономом. Он заведовал университетской обсерваторией. Оттуда выходила научная продукция. Не выдающаяся, к слову, не фундаментальная. На хорошем среднем уровне. А честолюбие Шапли требовало большего. К тому же мир оставался ужасно неустроенным: все в нем не так, как надо. И тогда Шапли погрузился в общественную деятельность.

На пути Пфейфера и Шапли появился неведомый им до этого Великовский. Пфейфер внимательно прочитал его работу, ломающую привычные представления старого ученого, мешающую спокойно продолжать преподавание устоявшихся положений, требующую реконструкции сложившихся годами стереотипов. Старый ученый пытался найти

ошибки в работе Великовского, чтобы спастись от реконструкции. Но он служил Истине. Не найдя ошибки, он... начал помогать Великовскому, стал его другом.

Шапли в двух словах услышал от Великовского, что в историческое время Солнечная система претерпела ряд изменений. Каких? Каким образом? Заинтересовался ли он этим? Захотел ли прочитать труд Великовского? Существующие космологические теории уже многие годы не удовлетворяли его. Где-то глубоко в подсознании непрерывно тлел очаг сомнений. Может быть, невозможность погасить очаг или раздуть его в яркое пламя требовала компенсации и стала причиной общественной деятельности астронома Шапли? Может быть, краткая беседа с Великовским в холле гостиницы «Комодор» разворошила угли тлеющего очага, и мозг, в течение многих лет притерпевшийся к привычной температуре, обожгло нежеланным жаром?

Пфейфер стал другом Иммануила Великовского. О роли Шапли в судьбе Великовского нам еще предстоит узнать. Нет, исторический факт не вступил в противоречие с законами физики.

20. О'НЕЙЛ И НЕЧТО НЕОЖИДАННОЕ

Рукописи двух книг — плод шестилетнего труда — уже сегодня были в таком состоянии, что доработать их можно было в процессе издания. Изложение материала в первой книге («Века в хаосе») к этому времени заканчивалось седьмым веком до нашей эры. В папках накопилось такое количество выписок, результатов исследований, что можно довести изложение событий до царствования Александра Македонского, со времени которо-

го хронология в истории уже не вызывает сомнений.

Великовский в какой-то мере был даже доволен тем, что университетское издательство не приняло рукопись к печати. Он сомневался, стоит ли издавать «Века в хаосе», пока не написана вторая часть книги. И больше того — в последнее время он все чаще думал о том, что сначала следует опубликовать «Миры в столкновениях». Рукопись хоть сегодня можно было вручить издателю.

Ему не нужны были рекомендации или поддержка астрономов. Не для этого он обратился к Шапли. Астрономы были нужны ему для проверки гипотезы об атмосфере Венеры и Марса, что могло явиться ключевым экспериментом, подтверждающим правильность его теории. Реакция Шапли показала, насколько основательны его опасения, что ортодоксальная астрономия не устроит «торжественный прием» новой теории. Что ж, не для парадов и лавровых венков трудился он шесть лет — для Истины. Ей одной служит ученый.

Спустя семь лет он сформулирует эту мысль и закончит ею свою лекцию, адресованную молодым ученым Принстонского университета: «Удовольствие, которое вы испытаете при обнаружении истины, оплатит вам ваш труд: не ожидайте другой компенсации, потому что ее может не быть».

Он надеялся, что итог шестилетнего труда подвергнут объективной критике, отбрасывая возможные ошибки и заблуждения, чтобы установленное и подтвержденное стало достоянием науки. Итак, надо публиковать «Миры в столкновениях».

За годы жизни в Америке Великовский не приобрел опыта общения с издательствами. Поэтому обращение его в Эплтон Сенчури было почти случайным. Он помнил, что этот издательский дом в

далеком прошлом опубликовал революционную по тем временам книгу.

Великовский не беседовал предварительно ни с одним из редакторов или директоров издательства. Сугубо официально он вручил рукопись чиновнице, ведающей приемом.

Вскоре Великовский получил любезное письмо, в котором его извещали, что издательство не может опубликовать его чрезвычайно интересную, высоконаучную, отлично документированную книгу. Они рекомендуют уважаемому доктору обратиться в издательство «Макмиллан», имеющее широчайший список публикуемых книг во всех отраслях знаний.

Отказ огорчил Великовского. Он даже не подумал воспользоваться данным советом, сразу же отбросив его как нецелесообразный. Издательство «Макмиллан» было одним из самых больших в Америке. Значительную часть его продукции составляли учебники. Здесь публиковались труды уже известных ученых. Вероятность того, считал Иммануил, что они издадут его явно неортодоксальную книгу, к тому же написанную неизвестным автором, близка к нулю.

Не показать ли книгу какому-нибудь опытному научному редактору, тем более, что в законченном виде никто, кроме Калена, ее не читал? Перебирая в уме научных редакторов, он вспомнил О'Нейла из «Геральд трибюн» и его отлично написанную содержательную книгу о Николе Тесла, большом изобретателе с нелегкой судьбой. Книга произвела когда-то на него очень сильное впечатление.

Не позаботившись о каких-либо рекомендациях, Великовский позвонил в «Геральд трибюн». На его счастье, в то летнее утро О'Нейл оказался в редакции. Великовский попросил его о встрече, и

О'Нейл предложил приехать сейчас же. Схватив две увесистые папки с рукописью «Миры в столкновениях», Великовский направился в редакцию.

Читая книгу о Тесле, Великовский почему-то представлял себе ее автора таким же рослым, как он сам. О'Нейл — и это было первым сюрпризом — оказался тщедушным аккуратным седым мужчиной, воспитанным, вежливым, но соблюдающим дистанцию между собой и собеседником. Великовский попросил его прочитать рукопись.

— Видите, доктор, у меня на столе высится Эверест непрочитанных рукописей. Не обещаю, что смогу прочитать вашу работу раньше, чем через два-три месяца.

— Благодарю вас и за это.

На следующий день Великовские покинули душный город, чтобы провести неделю в туристском лагере на берегу озера Магопак, примерно в часе езды от Нью-Йорка. Спустя четыре дня Великовский приехал домой на несколько минут, чтобы взять нужный ему для работы материал. Не успел он отворить дверь, как зазвонил телефон.

— Доктор Великовский? Вас беспокоит личный секретарь мистера О'Нейла. Я непрерывно звоню вам с утра до вечера в течение нескольких дней, — прозвучал в трубке приятный женский голос. — Одну минуту, я свяжу вас с боссом.

— Доктор Великовский? — на сей раз это был О'Нейл. — Не могли бы вы быть настолько любезны, чтобы сейчас встретиться со мной?

Решив, что он вернется к Элишеве на час позже, Великовский пошел к О'Нейлу. Но в тот день Великовский не вернулся в туристский лагерь.

О'Нейл встретил его с распростертыми объятиями. Он очень смешно рассматривал Великовского

снизу вверх, словно видел перед собой нечто необычное, диковинное.

— Доктор, произошло нечто неожиданное, чего со мной никогда не происходило. Я пришел домой с вашим манускриптом, сел на скамейку в садике, чтобы в течение примерно пяти минут просмотреть, о чем идет речь. Впервые в жизни я не мог оторваться от книги. Я читал ее до ночи, пока не закончил. Это — грандиозно!

Всегда занятый О'Нейл на сей раз потратил на Великовского время до позднего вечера. Они беседовали о науке, о новых находках и открытиях, о данных, которые противоречат ортодоксальным представлениям. О'Нейл, как гурман, упивался разговором с человеком, равного которому он еще не встречал. Виднейший научный редактор Америки не представлял себе, что в настоящее время могут быть такие универсальные ученые.

— Дорогой Великовский, мне бы очень хотелось в моем очередном обзоре сослаться на вашу работу. Вы позволите мне сделать это?

Два противоречивых чувства столкнулись в сознании Великовского. Обзор О'Нейла могло отворить перед ним многие двери, а главное — двери издательств. Поэтому его не могло не обрадовать предложение О'Нейла. С другой стороны, он боялся, как бы в статье научного редактора не появились сенсационные нотки, намек на рекламу, что могло бы дискредитировать в будущем его научную работу. Он уже было решил попросить О'Нейла показать ему статью перед опубликованием. Но боязнь обидеть недоверием этого замечательного человека сдержала Великовского, и он согласно кивнул головой.

21. КОМПАНИЯ МАКМИЛЛАНА ПРИНЯЛА КНИГУ

Великовский очень скучал по Эрец-Исраэль. Но научную работу, которая полностью подчинила себе все его интересы, можно было осуществить только здесь, в США, вблизи больших библиотек, каких, увы, еще нет на его родной земле. Приходилось оставаться в Нью-Йорке, отсюда с болью и надеждой наблюдать за освободительным движением евреев, возмущаться преступной по отношению к ним политикой Великобритании.

Элишева полностью разделяла симпатии и антипатии мужа и так же, как он, понимала, что гигантский труд, осуществляемый Иммануилом, требует их пребывания в Америке.

Великовский с грустью цитировал замечательного еврейского поэта Иегуда Алеви: «Сердце мое на Востоке, а сам на Западе я».

Другое дело Шуламит. Увезенная из Эрец-Исраэль четырнадцатилетним ребенком, она все время рвалась на родину. И сейчас, в 1946 году, когда уже можно было безопасно пересечь Атлантический океан, она, закончив колледж, уехала в Хайфу. Младшая дочь, Рут, осталась с родителями в Нью-Йорке.

Отъезд Шуламит супруги Великовские восприняли как нормальное течение событий. Естественную грусть расставания с дочерью отец ее попытался замаскировать шуткой, которую потом, в будущем, будет часто повторять: «Со мной остаются мои сыновья — мои книги».

В этом же году в «Scripta Academia» Великовский опубликовал тезисы книги «Века в хаосе». Внимательный читатель мог понять, что речь идет о реконструкции древней истории и ее хронологии.

Профессор Пфейфер был доволен этой публикацией. Конечно, лучше, если бы вышла из печати вся книга, но и это — серьезная заявка. Мало вероятно, что кто-нибудь в мире мог опубликовать подобную работу раньше Великовского. Просто было желательно, чтобы научный мир побыстрее узнал о новой революционной теории.

В воскресенье, 11 августа 1946 года, в «Геральд трибюн» появилось большое обозрение О'Нейла, в котором теория Иммануила Великовского, впервые провозглашенная миру, занимала основное место. Автор обозрения писал, что Земля — не такая спокойная и безопасная планета, как мы привыкли считать. «Наша заблуждающаяся философия — результат относительно спокойного периода космической активности». О'Нейл подчеркивал, что эта философия была создана людьми, считавшими, что жизнь, мир и Вселенная существуют на основании строгого порядка. Все большие научные открытия последних пятидесяти лет указывают на то, что такая точка зрения абсолютно безосновательна. Планеты могут не занимать постоянной позиции в системе, и смена позиций могла совершаться неоднократно в течение длительного отрезка времени.

«Вероятность, что события такого масштаба имели место в историческое время, представлена в ныне завершенных исследованиях д-ра Иммануила Великовского... Он собрал в монументальный труд доказательства из летописей всех древних цивилизаций о том, что в первом и во втором тысячелетии до рождения Христа на Земле имели место ужасные катастрофы...»

О'Нейл назвал труд доктора Великовского великолепным. Упомянув, какую работу провел ученый, он нигде не излагал содержания рукописи.

«Потрясающие мир события» — это не просто литературный образ в труде д-ра Великовского». В двух словах О'Нейл говорит об изменениях в календаре, в наклоне земной оси и о связанном с этим изменении климата. «Несомненно, астрономы и физики дадут несколько другую интерпретацию причинам и эффектам, чем та, которая на их основании была написана и заключена ранее. Работа д-ра Великовского, хотя она еще не опубликована, представляет изумительную панораму земной и человеческой истории, которая станет призывом для ученых создать реалистическую картину космоса».

Великовский дважды перечитал статью. Как толково она написана! Вряд ли кто-нибудь другой мог написать лучше О'Нейла! Этот умный, тактичный человек нигде не перешел границ дозволенного, не разгласил вещей, о которых не следует говорить до выхода книги в свет, не допустил в статье элементов сенсационности или рекламы. Он значительно облегчил ему предстоявшие переговоры по поводу опубликования книги.

Вооружившись статьей из «Геральд трибюн», Великовский с большей уверенностью стал обращаться в издательства. Но рукопись обычно возвращалась через несколько дней после отсылки. Было совершенно очевидно: ее даже не показывали внешнему рецензенту, в лучшем случае манускрипт просматривал кто-нибудь из редакторов издательства. Ясно, что они не хотят публиковать сугубо научную книгу с колоссальным количеством сносок, с обширным списком литературы в конце каждой главы, с научным аппаратом, который не может быть интересен рядовому читателю. В издательствах, видимо, считали, что у этой кни-

Иммануил Великовский в Эрец-Исраэль

ги не может быть коммерческого успеха. Зачем же ее издавать?

До конца октября 1945 года книгу отвергли девять издательств.

Великовский вспомнил совет, данный ему в Эплтон Сенчури по поводу издательства «Макмиллан». Вероятность того, что это издательство примет рукопись, была ничтожно малой. Но ничего иного делать не оставалось.

В дождливый ноябрьский день он позвонил в знаменитое издательство и изложил причину своего желания обратиться к ним. Ему назначили время для встречи с главным редактором Гарольдом Латамом. Но утром назначенного дня из издательства позвонили и сообщили, что мистер Латам должен срочно уехать и предлагает либо перенести свидание на другой день, либо обратиться к его помощнику Джеймсу Путнэму. Великовский предпочел второй вариант.

Трудно сказать, что он был в хорошем расположении духа, входя с залитой дождем Пятой авеню в фешенебельное здание издательства «Макмиллан».

Джеймс Путнэм был не просто сотрудником, а, образно говоря, частью издательства. Он прослужил здесь более двадцати лет. За несколько лет до войны он стал помощником президента компании. Эту должность оставил по причине весьма уважительной: он ушел на войну. Возвратился Путнэм в «Макмиллан» сразу после демобилизации на должность помощника главного редактора.

Буквально с первых минут общения Великовский и Путнэм почувствовали взаимную симпатию.

Путнэм дал рукопись постороннему не редакционному рецензенту. Великовский никогда не узнал, кто был этот человек, настоятельно рекомен-

довавший опубликовать книгу и давший в своем отзыве очень ценный совет автору. Вторым рецензентом оказался О'Нейл: издательство получило от него восторженный отзыв о книге.

Еще один отзыв написал Гордон Этвотер, директор астрономического отдела музея естественной истории в Нью-Йорке и куратор Гайденовского планетария. Рецензия была более, чем положительной. Она отмечала необычность работы Великовского и необходимость ее опубликования с тем, чтобы современная наука могла быть пересмотрена в соответствии с представленной теорией. Этвотер остановился не только на объекте рукописи, но также на философских проблемах, связанных с ней. Он упрекнул Великовского в том, что, категорически заключая каждый свой аргумент, он «хватает» науку в стальной капкан, не оставляя ей пути к отходу.

«Наука — это продукт честного исследования и искреннего личного усилия. Истинный ученый восприимчив к новым свойствам и будет тяжело работать, чтобы установить их прочность или слабость». Это то, считал он, что приведет к сотрудничеству с Великовским лучших представителей современной науки.

У Этвотера была, можно сказать, личная заинтересованность в том, чтобы «Миры в столкновениях» были опубликованы как можно быстрее. Куратор планетария хотел показать драматизированную программу, основанную на описанных в книге событиях, предвидя, какой успех может она иметь.

Спустя двадцать пять лет, 30 августа 1972 года, Великовский получит письмо от Джона Нешна, директора астрономического отдела музея истории и науки в Форт-Уэрт (штат Техас), содержащее

следующие строки: «...программа “Миры в столкновениях: теории Иммануила Великовского” имела самый лучший прием, который видело это заведение. Посещаемость превзошла все следующие программы. В воскресенье, после полудня, например, мы имели три полночасовых программы, а иногда и четыре, в сравнении с двумя в обычный день. Будние дни были также заполнены до предела. Реакция была очень благоприятной. Многие спрашивали, где можно достать книгу, другие просто выражали свое удовольствие... Представление этой программы было особым наслаждением. Мне бы хотелось поблагодарить вас за то, что вы предоставили нам возможность сделать это».

Подобные программы демонстрировались и в других планетариях. Но Этвотер, первый, кто мечтал об этом, так и не осуществил своего замысла.

После появления статьи в «Геральд трибюн» к Великовскому и О'Нейлу обратились два редактора с предложением опубликовать «Миры в столкновениях» в их журналах. Обращения были неоднократными и весьма настойчивыми. Великовский категорически отказывался от этих предложений. Уже после того, как в мае 1947 года был заключен необязательный договор об издании книги компанией «Макмиллан», Великовский дал «Миры в столкновениях», а затем «Века в хаосе» одному из редакторов — Клифтону Фэдимэну, но только, чтобы узнать его профессиональное мнение о книгах. Как и О'Нейл, Фэдимэн не мог оторваться от рукописей, пока не дочитал их до конца. Он посоветовал Великовскому отточить язык книг. Все-таки чувствовалось, что английский — не родной язык автора.

Находкой оказалась для Великовского мисс Марион Кун. Филолог, закончившая Смитовский кол-

ледж, она тонко чувствовала язык и умело обращалась со словом. В детстве она перенесла полиомиелит, приковавший ее к креслу-коляске. Корректированию и перепечатыванию рукописи она могла посвятить значительно больше времени, чем ее коллеги. Очень удобным оказалось то, что она жила по соседству с Великовским.

Первые страницы «Веков в хаосе», вернувшиеся к автору после «правки языка», проведенной Кун, несколько смутили и разочаровали Великовского. Это действительно были его мысли, даже его фразы, но написаны они были рафинированным языком изысканного салона. Великовскому хотелось, чтобы в книге звучала его живая образная речь. Мисс Кун должна была понять это. Ей просто следовало очистить его английский от «кальки», от неточных слов и, разумеется, от ошибок.

Мисс Кун учла эти пожелания, став вскоре именно тем человеком, которого искал Великовский. В течение семи месяцев они работали над рукописью «Веков в хаосе». Пока мисс Марион печатала, Великовский готовил сноски и выверял цитируемый материал. К рукописи «Мир в столкновениях» ему хотелось приступить, когда совместная работа приобретет автоматизм.

В октябре 1947 года Великовский взвалил на себя дополнительную работу. Как бы он ни был занят, как бы ни был загружен своими исследованиями, не оставлявшими, казалось, микроскопической щели, в которую могли проникнуть посторонние интересы, даже мимолетные мысли, — ощущение родины, своей земли, Сиона, оставалось таким же постоянным, как биение сердца. Сейчас, когда Организация Объединенных Наций занялась вопросом британского мандата в Палестине, ощущение это стало еще острее.

Великовскому безумно хотелось принять активное участие в судьбе своей страны. Нет, он не воин. Даже не потому, что ему перевалило за пятьдесят два. Несмотря на то, что Бог не обделил его силой, с раннего детства в нем превалировала интеллектуальная сила. Сейчас она могла оказаться полезной его народу, его стране.

В то тяжелое для евреев Эрец-Исраэль время — сразу после принятия в ООН решения о разделе Палестины и создании государства Израиль и во время войны израильтян за независимость — в газете «Нью-Йорк пост» регулярно публиковались объективные статьи о положении на Ближнем Востоке. Подпись «Обозреватель» ничего не говорила читателю, черпающему информацию, которая вызвала симпатию к израильтянам даже у анти-семитов. Большинство читателей газеты считали, что статьи написаны редактором. Истинный автор оставался анонимным. Да и потом, когда имя Великовского зазвучало не только в Америке, никто не связал более пятидесяти статей о Ближнем Востоке в «Нью-Йорк пост» с автором революционных теорий.

Ни один политический обозреватель не мог бы создать подобной серии статей. Кроме массы фактического материала, статьи были пронизаны глубоким подтекстом, имеющим два источника. Психолог-аналитик Великовский нашел в арабо-израильском конфликте подтверждение некоторым своим мыслям, изложенным в научной статье «Крейцера соната Толстого и неосознанный гомосексуализм».

В течение столетий у арабов сложилось представление о евреях как о подавляемой и преследуемой нации. Себя они чувствовали «мужской» нацией. И вдруг «подавляемые» и «преследуемые» поднимают свой голос, ущемляющий «мужское

начало» арабов. Великовский отлично понимал, что никакие уступки никогда не успокоят арабов, что только проявление силы — чем более внушительное, тем лучше! — сможет заставить арабские страны — от Марокко до Ирака и Судана — уважать еврейское независимое государство, сможет, если не излечить, то хотя бы залечить неосознанную гомосексуальность.

Ученый, первым обнаруживший, что гиксосы — это амалекиты, Великовский как никто другой знал, откуда проистекает взаимная ненависть амалекитов и евреев, не угасающая три с половиной тысячи лет. Потомки амалекитов не могут простить евреям убийства их царя Агога, их решающих поражений и уничтожения их влияния в Египте и на всем Ближнем Востоке. Злейшего своего врага в любом конце света евреи называли «амалеком». Что же говорить, когда речь идет действительно о потомках Амалека?

Современные события, описываемые Великовским, на газетной странице приобретали трехмерность, именно потому они читались с таким интересом. Для редактора «Нью-Йорк пост» сотрудничество Великовского с газетой оказалось «даром небес». Он понял: такие журналисты рождаются нечасто!

В свою очередь Великовский был рад знакомству с редактором Тедом Теккереем, человеком острым, несколько более левых взглядов, чем, возможно, следовало бы, но честности и порядочности необыкновенной. Сотрудничая в «Нью-Йорк пост», Великовский не подозревал, что спустя несколько лет Теккерей должен будет проявить свою честность и порядочность именно по отношению к нему, к тому же, в области, не имеющей ничего общего ни с газетой, ни с журналистикой вообще.

22. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ И ГРАНКИ КНИГИ

Май 1948 года стал для Великовских месяцем двух важнейших событий. Ровно через год после подписания необязательного предварительного договора издательство «Макмиллан» заключило с Великовским договор на публикацию книги «Миры в столкновениях». Пятого ияра — 14 мая 1948 года — было провозглашено государство Израиль. Тридцать лет назад в брошюре «Третий исход» Великовский писал не только о праве евреев на создание независимого государства, но и моральной обязанности народов возратить евреям их землю.

С ноября 1947 года, когда члены ООН проголосовали за создание государства Израиль. Великовские жили в постоянной тревоге за судьбу Шуламита и за судьбу своей страны. Сейчас напряжение стало еще большим. На только что провозглашенный Израиль при молчаливом попустительстве безучастного мира, а иногда — с его благословения, напали семь арабских государств.

В декабре прошлого года Великовский прекратил работу над книгой «Века в хаосе» и стал интенсивно готовить рукопись «Мир в столкновениях», доводя ее до состояния, при котором она сможет быть напечатана в желаемом для него виде. Все, можно было отдохнуть после почти девяти лет напряженного непрерывного труда.

Начальная часть отдыха — трансатлантическое путешествие Нью-Йорк — Марсель на корабле «Мавритания». В каюте Великовских ждал приятный сюрприз — большая корзина с фруктами. На визитной карточке Путнэма было пожелание счастли-

вого путешествия. Из Франции они полетели в Тунис. Оттуда — в Афины. Самым утомительным оказался перелет из Афин в Хайфу на маленьком самолете.

...Встреча взволновала Великовских. Более двух лет назад они расстались с Шуламит, отказавшейся жить не в своей стране. Сейчас их старшая дочь, повзрослевшая не по годам, принимала их как представитель нового поколения Израиля.

Более девяти лет назад они расстались с Эрец-Исраэль, частью которой Великовский ощущал себя всю жизнь. Сейчас это — независимое государство, как и было обещано в конце третьей книги Пятикнижия. Более восемнадцати лет назад Великовские расстались с Хайфой, очаровательным городом их трудных и счастливых лет в Эрец-Исраэль. Встречи со старыми друзьями, волнующие рассказы людей, воевавших в подполье против англичан за создание государства и в недавних боях с арабами. В Нью-Йорке каждый день был наполнен информацией, добываемой в библиотеках, здесь же каждый день был насыщен эмоциями, которые, казалось, вдыхались вместе с воздухом. Посещение могил родителей в Тель-Авиве.

Как светится небо в Иерусалиме! Нигде в мире нет подобного света. Еще юношей он писал об этом в своей поэме о Диего Пиресе, ставшем Шломо Молхо после принятия иудаизма. Но разве придуманы слова, чтобы описать небо над Иерусалимом?

Начался период дождей. Они поехали поездом из Тель-Авива в Хайфу. За окном вагона виднелись окаймленные кипарисами цитрусовые плантации, деревья, густо увешанные цитрусовыми плодами, ухоженные ярко-зеленые поля кибуцов и мошавов, заросли бананов. А слева — спокойное в

эту пору года море. Справа, там, вддали, виднелась гора Кармель, на которой они прожили четыре года, где он, волоча порою по земле длинные ноги, разъезжал на покорном ослике к своим пациентам, где Элишева и он доставали воду из колодца, где девочки в ватаге таких же шумливых сверстников были частью окружающей их красоты. Все было таким родным, таким необходимым. Великовский вспомнил могилу своего отца, своего самого большого друга. И снова, как одиннадцать лет назад, тяжкая тоска сжала его в своих объятиях.

Почему, собственно говоря, он должен возвращаться в Нью-Йорк? Завершить работу? Но ведь он отлично знает, что нескольких человеческих жизней недостаточно для ее завершения. Продолжение «Веков в хаосе». Догомеровская история Эллады — смутные века Греции. Геологическое и археологическое подтверждение его теорий, астрофизические исследования... У этой работы нет и не может быть границ. Где-то когда-то надо остановиться. Гораций Кален снова упрекает его за то, что он не опубликовал книгу «Фрейд и его герои» или хотя бы только часть ее, повествующую об Эхнатоне и Эдипе. Как можно завершить эту работу? Родной Израиль — земля его мечты, страна мечты его отца. Нет, он не покинет Израиль. Хватит разлуки. Шуламит, несмотря на юность, достаточно тактична, чтоб ни словом не обмолвиться на эту тему. Но ведь он отлично читает ее мысли.

Вместо радостного отпуска потянулись дни тяжелой депрессии. Шуламит была убеждена, что причина ее — предстоящая разлука с Израилем. Элишева считала, что фоном для депрессии послужила внезапная остановка чрезмерно интенсив-

ного труда, резкая смена ритма жизни, а решающим фактором было посещение могилы отца. Поэтому надо немедленно вернуться в Америку, где Иммануил снова погрузится в работу, и для депрессии не останется ни времени, ни места.

Две диаметрально противоположные силы буквально раздирали Великовского. Но, как и десять лет тому назад, воздействие Элишевы оказалось решающим.

В среду, 9 февраля 1949 года, Великовские вернулись в Нью-Йорк, в свою квартиру на 113-й улице. Элишева оказалась права. Иммануила ждало великолепное лекарство против депрессии — гранки его книги «Миры в столкновениях». Наконец-то! Книга приобретала зримые черты. Ее уже можно было осязать. Он радовался так же, как тогда, в Берлине, когда держал в руках пахнувший типографской краской первый том «Scripta». Даже больше. Он был похож на ребенка, не имеющего сил оторваться от полюбившейся игрушки. Но «делу время — потехе час», как говорил когда-то их московский дворник. Надо работать: тщательно вычитать верстку и подумать об эпилоге.

Подумать об эпилоге... Он думал об этом уже несколько лет. По совету одного из рецензентов он убрал первую часть книги, в которой говорилось о более ранних катастрофах, о Потопе. Осталось описание двух последних катастроф. Описание... Его ли дело давать физическую интерпретацию этих событий? Еще до короткой беседы с Шапли он понимал, что астрономы усмотрят в описываемых событиях противоречия теории, лежавшей в основе ньютоновской небесной механики. Но если тела Солнечной системы электрически не нейтральны, то, кроме гравитации и инер-

ции, речь должна идти об электромагнитном воздействии, о котором Ньютон, естественно, не имел представления. Развитием этой мысли ему хотелось закончить книгу. Рыцарь шел на противника с открытым забралом.

Великовский обратился к нескольким физикам Колумбийского университета с просьбой подсчитать силу электромагнитного взаимодействия электрически заряженных тел Солнечной системы, хотя считал, что в любом случае в эпилоге не будет никаких цифровых данных, только постановка проблемы в целом.

Мысли Великовского были полностью заняты физикой и астрономией. Может быть, именно поэтому он забыл ответить на письмо главного редактора «Харпер'с Мэгэзин» Фредерика Аллена. Главный редактор одного из самых престижных американских журналов обращался с настойчивой просьбой разрешить опубликовать книгу сериями, прежде чем она выйдет в издательстве «Макмиллан», или в одной-двух статьях изложить ее содержание. Аллен писал, что несколько лет назад он услышал о книге от Путнэма, а недавно Путнэм дал прочитать верстку книги. И он, и другие сотрудники журнала были потрясены. А один из них, мистер Лараби, вдохновленный мыслями Великовского, даже подготовил материал для журнала и хотел бы получить у автора книги разрешение опубликовать его. Аллен предлагал очень высокий гонорар за публикацию книги «Миры в столкновениях» в их журнале.

Письмо Аллена пришло еще в марте. И вот сейчас, в сентябре, Путнэм попросил Великовского встретиться с мистером Лараби.

23. ЖУРНАЛИСТ ИЗ «ХАРПЕР'С» И ЖУРНАЛ «КОЛИЕР'С»

Эрик Лараби пришел к Великовскому вместе с Путнэмом. Как только Лараби переступил порог скромной квартиры на 113-й улице, он сразу почувствовал что-то необъяснимое, что отличало этот дом от домов знакомых ему американских интеллектуалов. Атмосфера еврейской традиционности в сочетании с просвещенным европейским либерализмом царила здесь. Но более того — непонятно, каким образом, но сегодня здесь можно было безошибочно определить, что вчера здесь слушали классическую музыку — словно звуки трансформировались в запах. И запах музыки наполнял этот дом.

Лараби принес с собой список, содержащий двадцать тщательно продуманных вопросов. Великовский подробно, нередко выходя за рамки опубликованного в книге, ответил на каждый из них. Он мысленно улыбался, видя, как Путнэм «подает» его новому человеку, к тому же — восходящей звезде на журналистском небосводе. Путнэм действительно гордился Великовским, как честолюбивый отец гордится гениальным ребенком.

Скептический по натуре, Лараби заранее настроил себя соответствующим образом — не удивляться, не поддаваться обаянию человека, о котором он был наслышан, и, конечно же, не восхищаться. И тем не менее, личность Великовского произвела на него колоссальное впечатление, даже большее, чем книга, которую он прочитал несколько раз подряд.

Слава богу, ему приходилось общаться даже с китами американской науки. Но ничего подобного он не встречал. Перед ним сидела живая «энциклопедия», мгновенно «выдававшая информацию»

из различных далеких друг от друга областей науки. Дело было не только в феноменальной памяти. Великовский не просто обладал невероятным запасом знаний. Все, о чем он говорил, было прочно взаимосвязано. Для него не существовало границ между гуманитарными, естественными и точными науками. Здание знания у Великовского было единым, как и окружающий нас мир. Даже обладая скептическим складом ума, трудно было не удивляться этому.

Лараби постеснялся прочитать свою статью и сказал, что, еще раз прочитав книгу, напишет другую. Великовский попросил его ограничиться проблемами, которые возникают в связи с его теорией, и, главное, не упоминать Венеру.

Спустя десять дней Лараби принес Великовскому второй вариант статьи. Хотя Венера и не была названа, Лараби не скрыл в своей статье многих положений, которые Великовский не хотел оглашать, не подтвердив документально. Видя старание этого симпатичного молодого человека, Великовский решил не отвергать статью и ограничился только исправлением некоторых неточностей. Статья принадлежала Лараби, выражала его точку зрения и была подписана его именем.

Кроме «Харпер'с» еще два журнала собирались поместить статьи о «Мирах в столкновениях».

В конце ноября Путнэм напомнил Великовскому о его праве опубликовать книгу по частям в журналах накануне ее издания «Макмилланом». Через контору литературного агента Великовский получил предложения от журналов «Ридерс Дайджест» и «Колиер'с». Первый не вызвал у Великовского никаких возражений. Другое дело «Колиер'с» — журнал с большим тиражом для массового читателя, гонящийся за сенсацией. Как и

обычно, когда дело касалось публикаций, Великовский решил посоветоваться с Каленом. Гораций обругал его за сомнения, за то, что до сих пор не стал американцем, что он сам был бы счастлив получить предложение от «Колиер'с», назвал его снобом и заключил разговор сообщением, что президент Рузвельт тоже опубликовал свою статью в этом журнале.

Скрепя сердце Великовский согласился с предложением «Колиер'с» дать в трех номерах сжатое изложение книги. Совсем необычным при этом было то, что материал к печати готовил лично главный редактор.

Статья, написанная старшим редактором «Ридер'с Дайджест» Фултоном Оурслером, вполне удовлетворила Великовского. Он прошелся по ней, исправив неточности, и они расстались друзьями.

Прочитав статью, принесенную двумя редакторами «Колиер'с» (один из них был главным), Великовский ужаснулся. Он старался быть максимально терпимым, но то, что он прочитал, не лезло ни в какие ворота. Создавалось впечатление, что автор статьи просто не понимает, о чем идет речь в его книге.

После продолжительного спора Великовский предложил, что он сам напишет для них статью. Он отложил все дела и популярно изложил содержание книги.

Во время следующей встречи главный редактор, едва взглянув на статью и вряд ли успев прочитать даже один абзац, заявил, что статья их не устраивает. Если доктор хочет, он может подчистить неточности в его материале, в противном случае статья пойдет в нынешнем виде, потому что завтра в девять часов утра — последний срок сдачи материала в номер.

Великовский попытался объяснить, что подчитать неточности — это выбросить всю статью, потому что вся она — сплошная неточность; что он не может рисковать своей научной репутацией и дискредитировать результаты десятилетнего труда. Все было тщетно. В конце концов он оставил статью у себя и договорился встретиться с редакторами вечером.

В самом премерзком расположении духа он пошел к Путнэму. Тот сочувственно выслушал Великовского, пообещал вечером поговорить с редакторами: ведь с «Колиер'с» у него были хорошие отношения.

Великовский позвонил редакторам и переправил их к Путнэму. Они совещались до поздней ночи. Несколько раз Путнэм звонил, исполняя обязанности парламентаря. В шесть часов утра редакторы пришли к Великовскому. В девять часов утра статья должна быть в редакции. В таких условиях Великовский исправил максимум того, что можно было исправить. Эх, Гораций, Гораций, зачем он последовал его совету?! В довершение ко всему «Колиер'с» нарушил соглашение и поместил рекламу в «Нью-Йорк таймс» и в «Геральд трибюн», против чего Великовский категорически возражал. А в самом журнале, вышедшем 25 февраля 1950 года, ровно через пять недель после этого злополучного утра, в напечатанном яркими красками заголовке значилась фамилия Великовского, не имеющего отношения к написанию этой статьи, и мелким шрифтом фамилия истинного автора. У читателя могло создаться впечатление, что этот опус создал не главный редактор «Колиер'с», а Великовский.

Чуть ли не в деталях события повторились при подготовке второй статьи, которая вышла 25 марта 1950 года. Третья статья, за которую журнал за-

платил гонорар, хотя Великовский и не требовал этого, к счастью, не была опубликована.

...Но все это произойдет позже. А сейчас, в январе, мысли его были заняты эпилогом.

Великовский отчетливо представил себе, что его книга даст обильную пищу критикам, представлявшим ортодоксальную науку. Он долго колебался, включать ли в книгу эпилог, в котором будут затронуты вопросы небесной механики. Его ли это дело? Он реконструировал события на основании истории и фольклора. Пусть астрофизики займутся объяснением этих событий со своей точки зрения. Но ведь ему понятна природа описанных им глобальных катастроф. Следует ли это скрывать? И зачем? Только, чтобы не стать более уязвимым для критики? Не в его характере подобная позиция. Пусть критикуют. Тем больше вероятность добраться до истины. Конечно, его могут обвинить в некомпетентности. Книга, действительно, не имеет отношения к медицине. Но все в ней высокопрофессионально.

Сейчас для эпилога ему понадобились величины возможного электромагнитного взаимодействия в Солнечной системе. Консультация у нескольких физиков Колумбийского университета ничего обнадеживающего не принесла: результаты подсчетов не только не совпадали, но были весьма далеки друг от друга. Поэтому Великовский обратился к профессору Ллойд Мотцу, астроному из того же Колумбийского университета.

Ортодоксально настроенный Мотц отталкивал от себя доказательства Великовского об электромагнитных взаимодействиях во Вселенной.

— Как вы додумались до этого?

— Дедуктивным путем, на основании исторических данных.

— Знаете ли, доктор, это несерьезно. Так современная астрономия не делается!

— Вы правы, профессор. Исторические данные и дедуктивный метод были необходимы только, чтобы понять, что гравитацией и инерцией не ограничиваются взаимодействия в Солнечной системе. Затем последовало изучение данных, создающих современную астрономию.

— Что вы имеете в виду?

— Начнем хотя бы с сообщения сэра Эпльтона о радиошумах Солнца, коррелирующих с солнечными пятнами. Он считает солнечные пятна наиболее сильными из всех известных в настоящее время ультракоротковолновых радиостанций. Их сила больше миллиона киловатт. Вам, безусловно, известны работы вашего соотечественника Дональда Менцеля из Колорадо?

— Что вы имеете в виду?

— Поведение солнечных протуберанцев. Они поднимаются на огромную высоту на все возрастающей скорости, а затем не падают на Солнце по кривой траектории, как должны были бы на основании гравитационной теории, а возвращаются в ту же точку, словно привязанные на резиновом шнуре. Более того, снижаясь, они не ускоряются, как следовало бы при падении. Вы не находите, что это нарушение гравитационной механики?

Великовский привел еще несколько примеров. Опытный психоаналитик, он с интересом наблюдал, как профессор Мотц внутренне сопротивлялся доказательствам уязвимости его ортодоксальной позиции. Но истинный ученый оказался в нем сильнее косного профессора. Оставаясь на своих позициях, Мотц согласился помочь Великовскому. Великовский не хотел, чтобы Мотца обвинили в причастности к «еретической» теории и предложил,

что он примет эту помощь как частные оплачиваемые консультации.

В январе появился «Харпер'с» со статьей Эрика Лараби, первым предвестником книги «Миры в столкновениях», которая вскоре должна выйти из печати. Резонанс во всей Америке, да и за рубежом, был необычным. (Заметим: многое, связанное с именем Великовского и его теорией, выходило за рамки обычного). Местные газеты помещали большие цитаты из статьи Лараби на своих страницах. Многие полностью перепечатали статью, украсив ее иллюстрациями на библейские темы.

В это время Великовский вычитывал гранки книги и составлял индекс. В конце января и начале февраля он еще не принял окончательного решения, включать ли в книгу эпилог. Даже консультации профессора Мотца не прояснили ситуации.

24. ГАРВАРДСКИЙ АСТРОНОМ НАЧИНАЕТ АТАКУ

Однажды в морозный февральский день к Великовским пришел Путнэм. Он был явно озабочен. Путнэм дал Великовскому прочитать два письма профессора Шапли, полученные компанией «Макмиллан», и его ответ на первое письмо.

«18 января 1950 года.

Джентльмены:

До меня дошел слух из достоверного источника, что, возможно, компания «Макмиллан» не приступит к публикации книги «Миры в столкновениях» д-ра Великовского. Этот слух — первое разумное в деле Великовского. Конечно, не мое дело, что вы публикуете; и, конечно, в этом случае я мог бы полагаться на суждения ваших экспертов больше, чем на свои

чувства. Но я полагаю, что было бы уместно сообщить вам, что несколько ученых, с которыми я говорил по этому поводу (включая президента Гарвардского университета и всех сотрудников Гарвардской обсерватории), немало удивлены, что великая компания «Макмиллан», известная своими научными публикациями, собиралась отважиться влезть в черную магию без внимательного рецензирования рукописи.

Утверждение, или гипотеза, или кредо, что Солнце остановилось, — наиболее отъявленный нонсенс в моей практике, а я встречал достаточно помешанных. Факт, что цивилизация существует в настоящее время, самое глубокое свидетельство, которое я знаю, что ничего подобного не случилось в историческое время. Земля не прекратила вращаться в интересах толкования (Святого писания).

Настоящее письмо, конечно, не для публикации или какого-либо дальнейшего употребления, а лишь для того, чтобы сообщить, что для одного читателя научных книг издательства «Макмиллан» вышеупомянутый слух — большое облегчение.

Искренне ваш
Харлоу Шапли».

Великовский прочел ответ Путнэма от 24 января 1950 года, в котором он писал, что слух, о котором говорит профессор Шапли, не обоснован, так как книга по плану должна быть опубликована 28 марта сего года. Он писал, что книга публикуется не как научное издание, а как представление теории, на которую ученым в различных областях стоит обратить внимание. Поскольку представляемая теория весьма необычна, издательство уже давно готовилось к тому, что реакция на нее будет очень различной. Что касается личности д-ра Великовского как ученого, то профессору Шапли, вероятно, будет интересно познакомиться с краткой научной биографией, которая прилагается к

этому письму. Статья Эрика Лараби вызвала большой интерес. Но книга заинтересует значительно больше и, надо полагать, отношение к ней профессора не останется тем же, что до прочтения книги. Вероятно, в начале марта издательство сможет прислать профессору Шапли экземпляр. Путнэм заключал свое письмо словами: «Я ценю дух вашего письма, но мне трудно поверить, что издание этой книги, представляемой нами как теория, ущемит ваши чувства по отношению к нашим публикациям в научной области».

— Путнэм, не понимаю, почему вы так встревожены и почему вы так расшаркиваетесь перед Шапли. Я бы просто оставил это письмо без ответа, — сказал Великовский, возвращая оба письма.

— Очень жаль, что вы не понимаете этого. Компания получила письмо, содержащее неприкрытую угрозу. Никакие слухи до Шапли, конечно, не доходили, потому что никаких слухов не было. Он посчитал, что это наиболее удобная и выглядящая наиболее интеллигентно форма угрозы. Мол, прекратите иметь дело с Великовским.

— И компания «Макмиллан» испугалась этой угрозы, если судить по вашей реакции?

— Естественно, испугалась. Да еще как!

— Ничего не понимаю.

— Основное дело компании — учебники и научные издания. Нам грозят бойкотом. Прочтите внимательно второе письмо, и вам станет понятно, почему мы встревожены. — Путнэм протянул Великовскому письмо с грифом обсерватории Гарвардского университета.

«25 января 1950 года.

Дорогой Путнэм:

Спасибо за ваше подробное письмо от 24 января.

Будет интересно услышать от вас через год, ущемлена ли репутация компании «Макмиллан» благодаря публикации «Миров в столкновениях». Возможно, вы уже публиковали подобные «теории» и вам известно, что реакция публики ни профессионально, ни финансово не безразлична? Сейчас мой главный интерес в публикации вами этой книги только лишь увидеть, будет ли реакция благоприятной — эксперимент в психологии ученых и публики.

Лараби, вероятно, не был в состоянии судить, но с позиции, занимаемой мною, небесная механика д-ра Великовского — абсолютный нонсенс. Возможно, в книге он рассматривает некоторые последствия, которые должны быть результатом описываемых им небесных манипуляций.

Если я не ошибаюсь, несколько лет тому назад (вероятно, три или четыре) по рекомендации Горация Калена или другого моего знакомого д-р Великовский встретил меня в гостинице, в Нью-Йорке. Он искал моего одобрения его теории. Я был изумлен. Я оглядывался, чтобы убедиться, нет ли рядом с ним санитаря. Он отказался от чая или коктейля; но он был очень привлекательной особой в манерах и речи. Я пытался, но безуспешно, объяснить ему, что, если бы Земля могла остановиться в течение такого короткого промежутка времени, это опрокинуло бы все, что сделал Исаак Ньютон; это уничтожило бы всю жизнь на поверхности планеты; это опровергло бы старательные беспристрастные находки палеонтологий; это сделало бы невозможной нашу встречу в здании в Нью-Йорке менее чем через тысячи лет после этих ужасных планетарных событий.

Д-р В. выглядел очень печальным. Я почувствовал, что ему очень жаль меня и тысячи других американских ученых в области физики, геологии и истории, которые так глубоко ошибаются.

Вас не должно удивлять, что я искал санитаря. Но, конечно, если он и компания «Макмиллан» правы, то я должен искать миллионы санитаров для нас, не

желающих изменить факты и тщательные наблюдения природы в интересах толкования (Святого писания).

Естественно, как вы видите, меня интересует ваш эксперимент. И, откровенно, без того, что вы сможете убедить меня в том, что вы часто делали подобные вещи в прошлом без ущерба, я не смогу опубликоваться в компании «Макмиллан». Но это тривиально.

Один из моих коллег по заказу пишет комментарии на статью Лараби, и, будучи классицистом, по-видимому, переживает веселые минуты. Я не надеюсь, что будет шанс послать мне для моего коллеги ранний экземпляр пробных листов, чтобы можно было дискутировать с д-ром В., а не с м-ром Лараби?

Да, это будет интересный эксперимент. Кстати, я надеюсь, что вы проверили достоверность рекомендаций на д-ра В. Действительно, у него блестящая и разносторонняя карьера и она замечательно многосторонняя. Вполне возможно, что только этот эпизод с «Мирами в столкновениях» — интеллектуальное мошенничество.

*Искренне ваш
Харлоу Шапли».*

Уважаемый читатель! Пожалуйста, остановитесь и прочтите снова страницы, документирующие встречу Великовского с Шапли в холле гостиницы «Комодор» в Нью-Йорке три года и девять месяцев назад, 13 апреля 1946 года.

Великовский ни словом не обмолвился о событиях, описанных в книге. Он только сказал, что в историческое время в Солнечной системе произошли изменения. Не только к Шапли — к своим друзьям Великовский не обращался за одобрением. Единственной целью встречи с Шапли была просьба о спектроскопическом исследовании атмосферы Венеры и Марса. Только для этого Великовский

предложил Шапли прочитать его рукопись. До появления статьи Лараби Шапли не имел представления ни о содержании книги «Миры в столкновениях», ни об «остановке Земли в течение такого короткого времени». Это совершенно очевидно даже из ответов Шапли на письма Горация Калена. Шапли не читал книги, против публикации которой он яростно выступал. Оба его письма — не только неприкрытая угроза издательству «Макмиллан», но и к тому же явная ложь и неспровоцированное оскорбление Великовского как личности. Издательство «Макмиллан» имело возможность убедиться в достоверности рекомендации и биографии доктора Иммануила Великовского. Причем, доктор Великовский сообщил о себе только сухие факты: дата и место рождения, где и когда учился, где работал, где и что опубликовал. Компания «Макмиллан» получила рекомендации от многих ученых, в том числе от председателя Венского психоаналитического общества, назвавшего еще молодого Великовского гением.

Угрозы, ложь, оскорбления (вскоре мы убедимся, что этим не ограничивается «арсенал» приемов профессора Шапли) как-то не сочетаются с образом прогрессивного американского ученого, либерала, борца против маккартизма. Вероятно, о человеке следует судить не по тому, за кого он себя выдает тщательно продуманными и выставляемыми напоказ поступками, а по его поступкам импульсивным, не рассчитанным на демонстрацию, но определяющим неприкрытую сущность.

Даже выслушав объяснение Путнэма и прочитав второе письмо Шапли, Великовский не представлял себе истинного значения происходящего. Если бы он мог предвидеть, как эта история отразится не только на его судьбе, но также на судьбе

Путнэма, он не оставался бы таким спокойным.

Путнэм тоже не представлял себе, что ждет его в ближайшем будущем, хотя о происходящем он знал больше Великовского и, в отличие от него, читал ответ на второе письмо Шапли, написанное 1 февраля 1950 года самим президентом компании Джорджем Бреттом.

Бретт благодарил Шапли за то, что он помахал перед издательством красным флагом, как машет стрелочник, предупреждая об опасности. Он известил Шапли, что, как только книга будет скомплектована, издательство пошлет ее на дополнительную рецензию трем видным ученым.

Снова необычное в деле Великовского. В пору, когда американские «охотники на ведьм», пытались оказать давление на прогрессивных ученых, вызывали их в «комиссию по расследованию», когда Маккарти, установив цензуру, душил каждую свежую мысль, уже подписанная к печати книга подверглась цензуре. Не по инициативе реакционеров, нет, а с «подачи» считавшегося прогрессивным ученого.

25. «РАЗОБЛАЧИТЕЛИ ТЕОРИИ» И ТЕД ТЕККЕРЕЙ

Великовский не знал этого. Снова и снова он мысленно возвращался к последней беседе с Мотцем. Он договорился встретиться с молодым немецким физиком Карлом фон Вайцзекером, который поразил всех своим выступлением по поводу космогонической теории Канта—Лапласа на годовичном собрании Американского физического общества, состоявшемся в Колумбийском университете.

Время Вайцзекера было расписано по минутам. Они встретились в поезде. Вайцзекер ехал в Кем-

бридж, в Гарвардский университет. Великовский проводил его до Нью-Хевена. Физик с интересом выслушал гипотезу Великовского об электромагнитном взаимодействии тел Солнечной системы. Тут же, в вагоне, он подсчитал напряженность магнитного поля, необходимую для остановки ротации Земли. Результат удивил его: напряженность оказалась не очень большой. Он несколько раз проверил расчет. Нет, ошибки не было. Действительно, нужна не очень большая напряженность магнитного поля.

— Знаете, доктор, если Солнце — настолько заряженное тело, что воздействует на орбиты планет и комет, то небесная механика дефектна. Я в это не верю. На вашем месте я не стал бы включать в книгу это положение.

В Нью-Хевене они тепло попрощались: физик продолжил свой путь, а Великовский вернулся в Нью-Йорк.

Он рассказал Мотцу о своей встрече с Вайцзером. Мотц внимательно прочитал эпилог и, хотя не был согласен с теорией Великовского, не нашел в тексте ничего, что противоречило бы физике. Нет, убеждал он своего собеседника, астрономы не смогут придаться ни к одному слову эпилога.

Великовский не знал, что сейчас, когда выход его книги в свет уже был объявлен, один из трех цензоров высказался против ее опубликования. Два других предложили опубликовать. Судьба книги была решена...

День 25 февраля 1950 года оказался малоприятным для Великовского. Вышел в свет «Колиер'с» со статьей, которая так претила ему. А в «Саенс Ньюс леттер» в этот же день появилась статья «Теории разоблачаются», содержащая мнения не-

скольких ученых из разных областей науки о книге, которую ни один из них... не читал, потому что книга еще не вышла из печати. Но более того. Там, где эти ученые не обходились общими, ничего не говорящими фразами, они демонстрировали невежество.

Например, доктор Давид Дело из американского геологического института заявил, что все горы были сформированы миллионы лет назад и с тех пор не было случаев возникновения новых вершин, а Великовский, мол, игнорирует все научные наблюдения множества геологов, сделанные за последние сто лет. Странно, как геолог мог не знать, что в течение нескольких десятков лет мировая геологическая литература была полна доказательств, свидетельствующих о возникновении всех основных горных систем «невероятно недавно».

Перлом «разоблачения» было заявление антрополога и археолога доктора Генри Фильда о том, что книга неверна, так как израэлиты не пересекали Красное море. Только не имея ни малейшего представления о книге, можно было сделать подобное заявление.

Но самое «веское» утверждение в статье принадлежало астроному, которым как бы случайно оказался доктор Харлоу Шапли. Тот подчеркивал: теория д-ра Великовского о комете Венере, якобы остановившей Землю на несколько дней, является «глупостью и вздором». Он «подтвердил» это заявление двумя фразами: планета Венера наблюдалась от 500 до 1000 лет до Исхода, и масса Венеры примерно в миллион раз больше массы любой кометы. Оба утверждения ведущего американского астронома — такая же «истина», как и мнение Дело в этой же статье, или как описание самим Шапли встречи с Великовским в письме Путнэму.

Таким оказался прогрессивный либерал: он беззастенчиво лгал в частном письме и, ничуть не смущаясь, обманывал несведущего читателя в открытой научной печати. Может быть, во втором случае, в отличие от первого, Шапли не лгал, а попросту не знал предмета? Но как может истинный ученый высказываться в научной печати о предмете, которого он не знает?

Действительно, Венера наблюдалась примерно за 500 лет до Исхода. Но наблюдения эти, описанные в вавилонских таблицах, свидетельствуют о том, что в ту пору она была странствующей кометой. В книге «Миры в столкновениях» этому посвящена целая глава. Но Шапли не читал ее, как, вероятно, не читал и книг о вавилонских таблицах, описывающих Венеру. Увы, профессора так мало читают...

Спустя несколько лет Великовский напишет: «Я заметил, что в большой библиотеке Колумбийского университета с множеством отделов собрания книг я редко встречал людей, которые по возрасту или по внешнему виду принадлежали бы к преподавательскому штату. И когда я узнал, что преподавательский штат этого университета исчисляется тысячами, мне стало ясно, что немногие из них продолжают свое учение после того, как сели в профессорское кресло. Конечно, в их частных офисах и дома есть избранные книги, и тем не менее, я не мог понять, как процесс исследования может идти без частых визитов к полкам библиотеки, без волнующей охоты от сносков в одной книге к отрывкам в другой, затем к какому-нибудь литературному справочнику, снова к ящикам каталога и снова к полкам».

Да, Шапли не относился к таким «охотникам за истиной». Зато в оркестре «разоблачителей те-

ории» он оказался не только дирижером и первой скрипкой, но и создателем самого оркестра. И еще одна важная деталь: президентом «Саенс Ньюс леттер», где была опубликована эта лживая и злостная статья, оказался... сам Шапли.

...Великовский несколько удивился, обнаружив среди своей почты увесистый пакет от Теда Теккерея. Они были в добрых отношениях еще с той поры, когда Теккерей редактировал «Нью-Йорк пост», а Великовский публиковал у него статьи о Ближнем Востоке. В прошлом году, как он слышал, Теккерей, возмущенный разгулом реакции в Соединенных Штатах, оставил «Нью-Йорк пост» и организовал свою более чем прогрессивную газету «Компас». Недели три назад, когда к ним в гости пришла молодая чета Лараби, Эрик рассказал, что Тед Теккерей решил перепечатать у себя в «Компасе» его статью из «Харпер'с». И вдруг сейчас этот пакет.

Великовский извлек короткое сопроводительное письмо Теккерея, два письма Шапли Теккерею, его ответ Шапли на первое письмо и размноженную на мимиографе статью под шапкой обсерватории Гарвардского университета. Автором статьи была профессор Сесилия Пайн-Гапошкин. Это имя ничего не говорило Великовскому, хотя, судя по титулу, она и была той самой коллегой Шапли, о которой тот писал Путнэму, а статья, следовательно, предназначалась журналу «Рипортер».

Великовский начал читать письмо Шапли Теккерею:

«Дорогой Тед:

Кто-то сделал тебе подлость. Они побудили тебя перепечатать статью Лараби из январского номера «Харпер'с». «Колиер'с» тоже дал этой причуде широ-

кую дорогу, и многие другие предположительно respectable издания поддержали эту ерунду бойким пером.

В моем довольно долгом опыте в области науки это — наиболее успешное мошенничество, которое совершено по отношению к ведущим американским изданиям. Эта статья настолько прозрачна для меня, что я удивлен, как «Харпер'с» и «Макмиллан» могли ее взять. Я не вполне уверен, что компания «Макмиллан» все-таки пойдет до конца с публикацией, потому что эта фирма имеет, по-видимому, высочайшую репутацию в мире в обращении с научными книгами.

Представитель журнала Макса Асколи «Репортер» позвонил мне несколько недель назад и попросил меня написать опровержение или критику. Моя коллега миссис Сесилия Пайн-Гапошкин написала такую статью для «Репортер», и, я полагаю, она вскоре выйдет в свет. Прилагаю копию. Мне представляется, что «Компас» может захотеть перепечатать (с разрешением) эту критику американского астронома наивысшей репутации.

Несколько лет назад д-р В. прислал мне копию своей брошюры «Космос без гравитации». Я подшил ее с другой причудливой литературой, которая поступает в научную лабораторию. Мы можем выкопать несколько подобных псевдонаучных писаний, чаще всего публикуемых за счет автора. У нас есть публикации Общества плоской Земли, отчаянно искренние. У нас есть теория возникновения Солнечной системы Фуллера Браша из Флориды. У нас есть писания людей, которые, к сожалению, не были в состоянии даже пойти в школу, но при сем опровергающие теории Эйнштейна (как д-р В. опроверг Дарвина, Ньютона и всех остальных).

В нескольких астрономических группах обсуждалась эта история, их грустное заключение таково: мы живем в век упадка, когда абсурд ценится выше опыта и учения.

Конечно, не стоило бы к этому относиться всерьез и я бы определенно не стал этого делать, если бы «Компас» не перепечатал, явно с невозмутимым лицом, статью Лараби.

Этот человек, д-р В., пришел ко мне в Нью-Йорке несколько лет назад и попросил меня одобрить его работу, чтобы он мог ее опубликовать. Я указал ему, что, если бы он был прав, то все, что когда-либо сделал Исаак Ньютон, было неверно. Однако мы построили цивилизацию и гостиницу, в которой мы стояли, благодаря Ньютону и другим подобным ему.

Ты знаешь, конечно, что я лично отношусь с сочувствием к потерпевшим крушение и умалишенным и не имею большого почтения к формализму и абсолютно — к ортодоксии, но эта ерунда — «Солнце остановилось» — чистейший вздор на уровне астрологического фокуса-мокуса, если не считать, что д-р В. прочитал так же много, как и поверхностно, и может щеголять множеством технических терминов, которые он, определенно, не одолел...

Искренне твой,
Харлоу Шапли.»

«Дорогой Харлоу:

7 марта 1950 г.

Я задержал ответ на твое письмо от 20 февраля, пока не почувствовал себя достаточно выздоровевшим от первоначальной реакции на его содержание.

Я бы не считал, что нашу дружбу стоит сохранить, если бы не был в своем ответе так же откровенен, как ты, несомненно, был откровенен со мной.

В первую очередь, я считаю, что должен резко отчитать тебя за серию абсолютно ничем не оправданных и не обоснованных характеристик д-ра Велковского, так же, как я сделал в том случае, когда твои политические убеждения привели почти к таким же ничем не обоснованным атакам и обвинениям тебя в нечестности.

Перечитав твое письмо, я до основания потрясен эпитетами, которыми ты характеризуешь д-ра Вели-

ковского, человека необычайной честности и учености, чье усердное отношение к науке по меньшей мере не ниже твоего.

...Твое дальнейшее предположение, очевидно, благодаря твоим усилиям, сойдет ли с рук компании «Макмиллан» эта публикация, не только признание прямого ущерба, но также некоторое доказательство того, что ты успешно вредил работе д-ра Великовского...

...У меня было достаточно возможностей проверить из большого числа безупречных источников сведения об учености д-ра Великовского и его высокой цельности как личности. Что касается данных им сведений об учебных заведениях, прошлом и степенях, они были последовательно и без исключений скромны.

Мне кажется, что ты совершил как личную, так и профессиональную ошибку, чрезвычайно серьезную и опасную, — абсолютно ненаучным и эмоционально-злым характером твоих атак на д-ра Великовского и его работу.

Я пишу это немедленно, так как очевидно: в пароксизме серии атак, адресованных, несомненно, не мне одному, как против доктора Великовского, так и против его работы, ты даже не позаботился проверить или даже взглянуть на объективные исследования, которыми она сопровождается.

Я представляю себе, что ко времени написания твоего письма ты не читал рукописи д-ра Великовского «Миры в столкновениях», ни даже единой капли свидетельств в его поддержку. Максимум, возможно, ты поверхностно просмотрел популяризацию очень малой части этой работы, опубликованной Эриком Лараби в журнале «Харпер'с».

Было бы абсолютно бесцеремонным, если бы я предпринял малейшее усилие поддержать научную ценность заключений, которые д-р Великовский сделал как пробные тезисы, выросшие из исторических свидетельств, накопленных им. Но я думаю — и это так очевидно! — что в настоящее время ты, несмотря на твое научное положение, еще в более уязвимой пози-

ции в споре по поводу доказательств и заключений д-ра Великовского, поскольку ты не позаботился проверить их. Действительно, я не могу не быть встревожен интенсивностью и характером атак, которые так всецело основаны на молве и эмоциональной реакции. Я уверен, что ты поколебался бы прийти к заключению о природе планеты без тщательного изучения всех возможных доказательств. А сейчас ты не поколебался провозгласить видного ученого обманщиком, шарлатаном и мошенником и охарактеризовать его работу как абсолютный вздор.

Если бы я даже не изучил права, относящегося к устному оскорблению и клевете, мне было бы абсолютно очевидно, что линия твоего поведения — фактически порочащая и клеветническая как морально, так и в уголовном отношении.

Определенно, не исключено, что свидетельства, представленные д-ром Великовским, научно недоказательны, но утверждать, что это вздор только потому, что они, возможно (хотя и не очевидно), противоречат другой рабочей гипотезе, без малейшей попытки проверить эти доказательства, мне представляется явным абсурдом, даже если этот абсурд высказан личностью, достигшей таких выдающихся ответственных позиций в астрономии, как ты.

Прошу тебя со всей серьезностью: пересмотри линию своего поведения в этом деле и сопоставь ее с высоким стандартом, который ты выдвигаешь перед своими студентами, прежде чем делать следующие шаги в твоей кампании по уничтожению человека, которого ты не знаешь, и ругать теорию, о которой ты, определенно, не имеешь представления.

Я потрудился прочитать статью, которую ты приготовил с помощью миссис Сесилии Пайн-Гапошкин. И снова, хотя у меня нет сомнений в ее научных знаниях в ее области и нет оснований принять или отбросить научные теории, изложенные в ее статье, у меня есть возражения по поводу главного направления статьи, а именно:

1. Статья представляет собой атаку на книгу, которую автор статьи не читал.

2. Минимум в двух местах автор сама выдвигает «соломенное чучело» — довод, который легко опровергнуть. Другими словами, статья приписывает д-ру Великовскому утверждения, которые не были сделаны им и которых нет в манускрипте, а затем пытается вступить в спор с этими предложениями, как будто они аутентичны. Это, мягко выражаясь, наименее научный метод критики.

Хотя это и не относится к обсуждаемому делу, за исключением того, что это незначительный пункт, задетый в твоём письме, я едва ли могу воздержаться и не упрекнуть тебя за насмешливо-покровительственное упоминание о необученных и неполучивших формального образования (о д-ре Великовском, разумеется, речь не идет). Определенно, не надо быть даже любителем, подобным мне, чтобы напомнить тебе, например, о таких вкладчиках в науку, как Левенгук, необразованный церковный привратник, который обнаружил и проверил существование микробов, возбудив беспокойство у деятелей медицины того времени.

Искренне
Тед. О. Теккерей

Копия д-ру Великовскому».

«8 марта 1950 г.

Конфиденциально

Дорогой Тед:

Прошу извинить меня за то, что написал такие пренебрежительные замечания по поводу твоего знакомого. Мое удивление остается в силе.

Кстати, на прошлой неделе «Саенс Ньюс леттер» включил заявления представителей различных областей — людей, как мне кажется, очень известных — по поводу статьи Лараби, и эти заявления представляются мне неблагоприятными. «Тайм» на этой неделе тоже мрачно отреагировал на нее.

Я лично в том, что пишу, не реагирую ни на д-ра Великовского, ни на Лараби, ни на кого-либо другого. В сущности, единственной острой реакцией было мое письмо к тебе. Определенно, я написал его не тому, кому следовало бы.

В полудюжине групп, в основном, гарвардских профессоров (не все они плохо воспитаны, неблагоприятны или глупы) я не нашел ни одного без исключения, чье мнение по поводу обозрения книги в «Ридер'с Дайджест», не говоря уже о статье Лараби, отличалось бы от моего. Многие, подобно Айкс из «Нью Рипаблик», восприняли эту историю как шутку...

Возможно, я писал тебе, что вице-президент Американского астрономического общества считает, что... следует послать протест компании «Макмиллан», знаменитому издателю научных книг самой высокой репутации; но я немедленно сказал, как и многие другие, что подобное действие только создаст большую рекламу писаниям д-ра Великовского. Свобода публиковать — основная свобода...»

Великовский рассмеялся, прочитав этот абзац. Ай да Шапли! Куда до него знаменитому лицемеру из «Школы злословия» Шеридана! Свобода публиковать... Где же она? Он вернулся к письму.

«...Наше беспокойство по поводу «Макмиллан» и «Харпер'с», если это можно назвать беспокойством, заключается в том, что такие публикации бросают тень на тщательность, с которой они реферировали другие рукописи... Здесь нет страха, как бы не быть введенными в заблуждение взглядами д-ра Великовского.

В заключение: я помню, что д-р Великовский был очень приятной особой, спокойным, скромным и определенно глубоко сожалеющим, что я и мне подобные были так глубоко введены в заблуждение Исааком Ньютоном, Лапласом, Лагранжем, Симоном Ньюкомбом, лучшими национальными обсерваториями во всех

ведущих странах. В сущности, он был весьма очаровательным, как мне припоминается. Несомненно, судя по тому, что ты говоришь, он глубокий ученый в некоторых областях. Я еще не видел заключений ученых по этому поводу и, вероятно, ты не оценишь их высоко, если они будут враждебны. Они вздорят между собой — эти философы античных времен и фрагментарных записей. Но трудно спорить с дифференциальным уравнением или с числами: и поэтому опытные астрономы и физики, почти все до одного, будут настаивать на ошибочности небесной механики д-ра Великовского. Даже лектор планетария, почти неизвестный астрономам, был уклончив в своих благоприятных отзывах.

Заканчивая, я снова прошу извинения за силу моих выражений; но, следуя прецеденту некоего Галилея, я твердо стою на свидетельствах и утверждениях, что Венера не участвовала в остановке вращения Земли за тысячу пятьсот лет до р. Х. Нельзя быть нечестным в таких вещах и оставаться ученым.

Но я настаиваю на том, что остаюсь твоим другом. Ни д-р В., ни планета-комета Венера не смогут нас поссорить.

*Искренне твой
Харлоу.»*

Великовский внимательно прочитал все семь страниц, размноженных на мимиографе. Конечно, непросто было не реагировать на брань и издевательства. Но он «выключил эмоции, чтобы трезво сосредоточиться на том, что в статье ученого должно быть наукой.

«Если библейская история, которую мистер Великовский предлагает принять как действительно стоящую, верна, — писала Пайн-Гапошкин, — ротация Земли должна была остановиться в течение шести часов. Все тела, не прикрепленные к поверхности Земли (включая атмосферу и океан), долж-

ны были продолжать свое движение и, как следствие, должны были улететь со скоростью 900 миль в час на широте Египта».

Великовский взял карандаш и лист бумаги. Шесть часов — это 21600 секунд. Если 900 миль в час — такова линейная скорость вращения Земли на широте Египта — разделить на 21600 секунд, то в каждую секунду для полной остановки вращения (а в книге рассматривается и другая возможность) скорость замедлялась на 1,85 сантиметров в секунду. Человек почти не почувствует такого замедления. Что касается атмосферы, океана и магмы в глубинах Земли, то с ними произойдет именно то, что описано в книге. Как же профессор-астроном, да еще высокой квалификации (по словам Шапли) могла допустить такую ошибку? А может быть, это — не ошибка, а заведомая дезинформация читателя?

Еще больше удивило Великовского приведенное Пайн-Гапошкин геологическое доказательство отсутствия катастроф в описываемое им время. Она писала, что нет никаких свидетельств об изменении уровня океана 3500 лет назад. Допустим, что астроном высокой квалификации не имеет представления о геологии. Но если ты что-либо утверждаешь, следует проверить научную достоверность утверждения. Профессор Дейли из того же Гарвардского университета писал, что последнее понижение мирового океана на 20 футов произошло 3500 лет назад. Его открытие затем было подтверждено геологами в разных странах.

Нет, Пайн-Гапошкин не проверила своего утверждения. Зато в лучших традициях «школы Шапли» она написала: «Неужели наш научный век так не критичен, так невежествен в природе доказательств, что весьма значительное количество лю-

дей будет одурачено неряшливым парадом жаргона из дюжины областей знаний?»

«Действительно, — подумал Великовский, — неужели так невежествен?..» С грустью он отложил опус Пайн-Гапошкин, чтобы никогда больше не возвращаться к нему.

26. НИЧЕГО ПОДОБНОГО В ЭТОМ ЗДАНИИ НЕ ПРОИСХОДИЛО

На следующий день, в пятницу, 10 марта 1950 года, Великовский договорился с Элишевой встретиться в здании компании «Макмиллан». Забыв о вчерашних письмах и статье Пайн-Гапошкин, в приподнятом состоянии духа он вошел в роскошный подъезд издательства на Пятой авеню. Проходясь по холлу, он приветливо отвечал на поклонны знакомых и незнакомых сотрудников компании. Многие из них держали в руках его книгу, почтительно оставаясь на расстоянии, понимая, вероятно, причину его ожидания. Сквозь открытые двери он видел в комнатах стопки своей книги, такой долгожданной, такой притягивающей к себе. Но он не подошел посмотреть или даже прикоснуться к ней. Он ждал жену.

Когда Элишева пришла, он вошел вместе с нею в раскрытые двери комнаты, в которой у стопки авторских экземпляров его ждала дама в строгом костюме — рекламный директор издательства. Великовский взял книгу, раскрыл обложку и торжественно вручил жене свой труд. На титульном листе было напечатано посвящение. Одно слово: «Элишеве».

Тут же один за другим, с книгой в руках, к нему за автографом стали подходить сотрудники.

Они покупали книгу без всяких привилегий, кроме одной — раньше, чем она появится в магазинах, за три недели до официального выхода в свет. Они покупали книгу за ощутимую по тем временам цену — четыре доллара и пятьдесят центов (зарплата профессора в университете в ту пору была около 870 долларов в месяц).

Возбужденные агенты подходили, чтобы с удивлением сообщить о неслыханном количестве экземпляров, проданных книжным магазинам: 500, 1000, 1000. Хозяйка комнаты, рекламный директор, пожимая руку Великовского, сказала:

— Ничего подобного в этом здании никогда не происходило. А вы можете себе представить, каких авторов видела компания «Макмиллан»! Никогда еще сюда не стекалось столько людей со всех этажей за автографом...

Радостную атмосферу внезапно омрачило сообщение о том, что экземпляры книги, посланные попечителем Американского музея естественной истории, не приняты и возвращены в издательство.

Великовский понял: в планетарии, принадлежащем музею, не состоится драматизация «Мир в столкновениях», хотя она уже была объявлена. Путнэм, озабоченно потирая подбородок, сказал:

— Боюсь, как бы не вышибли Этвотера, если его статья появится в печати.

Безошибочно определив судьбу Этвотера, Путнэм еще не предвидел, что ждет его самого.

В конце марта Этвотер, действительно, был уволен с постов заведующего астрономическим отделом Американского музея естественной истории и куратора планетария.

Драматизация «Мир в столкновениях», объявленная в программе планетария на конец весны, была отменена.

Этим событиям предшествовало письмо Этвотеру от профессора Отто Струве, астронома, занимавшего официальную позицию в Американском астрономическом обществе и поддерживавшего тесные отношения с Шапли. Струве спрашивал, действительно ли Этвотер благосклонно относится к Великовскому и его теории. В ответе Этвотера содержалось его представление о науке и о поведении истинного ученого. Последовала немедленная реакция.

На журнал «This Week» оказывалось непрекращающееся давление с тем, чтобы там не публиковали статью Этвотера. Растерявшиеся редакторы журнала не знали, что предпринять. Они обратились за советом к опытному и авторитетному О'Нейлу. За несколько дней до этого О'Нейл тоже получил экземпляр размноженной на мимиографе статьи Пайн-Гапошкин. Отлично зная содержание книги (в отличие от автора статьи), он был возмущен форменным научным подлогом, не говоря уже о незаслуженных и недопустимых оскорблениях доктора Великовского, человека и ученого, равного которому он еще не встречал. О'Нейл посоветовал редакторам «This Week» опубликовать статью Этвотера, считая это минимумом того, что можно сделать в подобной ситуации.

А вообще ситуация была неслыханной. Впервые (снова впервые!) в истории науки Соединенных Штатов осуществлялось подобное преследование не только ученого и его теории, но даже людей, смевших оказать ему поддержку.

Этвотер действительно оказывал поддержку. Но в своей статье он был весьма осторожен. Была там и такая фраза: «Я настаиваю на том, что все находки д-ра Великовского корректны — фактически я не согласен со многими из них». Если даже

эта фраза не снимала его вины перед лагерем преследователей, что же тогда сказать о такой: «Его книга произведет взрывной эффект в научном мире?» И вообще, из статьи, которая появилась в «This Week» 2 апреля 1950 года, вытекало, что книга Великовского, даже если в ней есть ошибки, является выдающимся событием в науке, а ее автор — ученый такого уровня, который сейчас еще трудно оценить.

Мог ли профессор Струве допустить появление подобной статьи? Ведь он считал, что во Вселенной и в Солнечной системе, в частности, не происходит никаких столкновений.

В тот самый воскресный день 2 апреля 1950 года, когда официально вышла в свет книга Иммануила Великовского «Миры в столкновениях», когда в журнале «This Week» была опубликована статья Этвотера, профессор Отто Струве напечатал в «Геральд трибюн» рецензию на книгу «Миры в столкновениях», которую он, естественно, не читал. Рецензия вышла под издевательским заголовком: «Коперник? Кто это?»

Можно ли рецензировать книгу, которую ты не читал? Допустимо ли это? Струве считал, что за него книгу прочитала Пайн-Гапошкин. Может ли быть что-нибудь хуже этого? Оказывается, может. Пайн-Гапошкин тоже не читала книги...

Все в тот же день в книжном обозрении «Нью-Йорк таймс» появилась статья Гарвея Брейта, которому Великовский сказал: «От своего читателя я жду только мужества. Какого мужества? Мужества верить в его собственную способность думать. Он должен читать книгу и заглядывать в ссылки и делать свои собственные заключения. Он должен помнить, что на науку не получают разрешения».

Шапли, Пайн-Гапошкин, Струве, Дело и другие представители ученого мира, рецензировавшие книгу Великовского, не читали ее, так как она тогда еще не вышла в свет. Многие из них продолжали критиковать ее, гордо заявляя, что они ее не читали и читать не собираются.

Читатель имеет возможность познакомиться с содержанием «Мир в столкновениях» и, следуя совету Великовского, должен быть мужественным, то есть верить в свою собственную способность думать. И еще читатель должен помнить, что никакое изложение содержания книги не заменит удовольствия, которое получаешь, читая ее, и, конечно, не даст представления о языке Иммануила Великовского, прелесть которого вынуждены были признать даже его злейшие противники.

27. «МИРЫ В СТОЛКНОВЕНИЯХ»

«Если случайно исторические факты не соответствуют сформулированным законам, — пишет Великовский во вступлении, — следует помнить, что законы вытекают из опыта и эксперимента, следовательно, законы должны быть согласованы с историческими фактами, а не факты с законами».

Историко-космологическое содержание книги основано на свидетельствах исторических текстов разных народов во всех концах земного шара, на классической литературе, на эпосах северных рас, на священных книгах народов Востока и Запада, на преданиях и фольклоре примитивных народов, на старых астрономических текстах и картах, а также на геологическом и палеонтологическом материале.

«Задача, которую я должен был осуществить, не отличалась от той, с которой сталкивается пси-

хоаналитик, из разобщенных воспоминаний и снов восстанавливающий забытый травматический опыт в ранней жизни индивидуума. В аналитическом опыте человечества исторические записи и мотивы легенд играют такую же роль, как воспоминания детства и сны в анализе индивидуума».

Три задачи были поставлены Великовским в этой работе: показать, что в историческое время были физические перевороты глобального характера, что эти перевороты были вызваны внеземным агентом и что этот агент может быть идентифицирован.

В прологе Великовский рассматривает теории современной астрономии и философии о строении Вселенной, о небесной гармонии, о возникновении планетарной системы и комет. Великовский отмечает: одна теория противоречит другой и единственное, что нам остается в настоящее время, — исследовать планету под нашими ногами с целью изучения ее прошлого, а затем дедуктивным методом распространить эти данные на остальных членов Солнечной системы.

Говоря о планете Земля, Великовский останавливается на работах Кювье (1769—1832), основателя палеонтологии позвоночных, который считал, что твердь земного шара была сломана катастрофами и некоторые представители животного мира, неизменные с момента Творения, исчезли в результате этих катастроф.

Теория Кювье о стабильных формах жизни и уничтожающих переворотах была вытеснена теорией эволюции в геологии (Лайелл) и в биологии (Дарвин). Однако корни этой теории прослеживаются еще у Аристотеля. Во времена Кювье она стала учением Ламарка, а потом Дарвина, и в течение почти столетия считалась истиной в учении о природе. Но многочисленные геологические и палеон-

тологические данные не укладываются в эту теорию. Даже авторы учебников, воспринимавших дарвинизм как догму, ничего не могли сделать с этим противоречием.

«Как мы видим, — пишет Великовский, — планета Земля полна секретов. Мы не приблизились к решению проблемы происхождения Солнечной системы, исследуя планету под нашими ногами; мы нашли множество других нерешенных проблем, касающихся литосферы, гидросферы и атмосферы Земли. Будем ли мы более удачливы, если попытаемся понять процесс, послуживший причиной изменений на земном шаре в более поздние геологические эпохи, во время последнего ледникового периода, близкого ко времени, считающемуся историческим?»

Рассматривая ледниковый период, Великовский пишет, что причина чрезмерного ледообразования остается «величайшим вопросом для будущего читателя земных загадок». «Ледники формируются в области вечных снегов: поэтому они остаются на склонах высоких гор. Север Сибири — холоднейшее место в мире. Почему ледниковый период не затронул эту область в то время, когда он посетил основание Миссисипи и всю Африку южнее экватора?» На этот вопрос не было предложено ни одного удовлетворительного ответа.

Так же, как теории Ламарка и Дарвина, постулировавших медленные изменения животных — ничтожный шаг эволюции в течение десятков тысяч лет, так и геологические теории XIX и XX веков считали геологические процессы исключительно медленными, зависящими от эрозии под влиянием дождя, ветра и приливов. Но ведь очевидно, что в северо-восточной Сибири, которой не коснулся ледниковый период, в конце его внезап-

но наступило резкое похолодание. Именно в это время внезапно погибли мамонты, животные, наиболее приспособленные к борьбе за существование, что, по теории Дарвина, обеспечивает выживание вида. Дарвин не мог объяснить исчезновение мамонтов, животных, более развитых, чем слоны, которые выжили.

«Если конец ледникового периода, — писал Великовский, — был только несколько тысяч лет назад, когда искусство и письменность уже служили древней цивилизации, записи, оставленные природой в камнях, и записи, оставленные человеком, должны дать соответствующую картину. Поэтому давайте исследуем предания и литературные источники древнего человека и сравним их с записями природы».

В анналах древних этрусков были сведения о семи прошедших периодах в жизни Земли. Подобные сведения были у древних греков. Гесиод, один из наиболее древних греческих авторов, писал о четырех периодах и четырех поколениях людей, разрушенных разгневанными планетарными богами. Аналогичные сведения существуют на берегах Бенгальского залива и в Тибете. Священная индийская книга «Бхагавата Пурана» говорит о четырех периодах существования Земли, каждый из которых кончался катаклизмами, почти полностью уничтожившими человечество. Сейчас — пятый период. Такие же сведения находятся в священной книге древних персов «Авеста» и в древней энциклопедии китайцев. Сведения о глобальных катастрофах, которые привели почти к полному исчезновению человечества, найдены у ацтеков, инков и майя. В хрониках Мексиканского царства говорится о том, что человек и жизнь уже существовали до того, как сформировались нынешнее небо

и земля. На островах Тихого океана — на Гавайях и в Полинезии, а также в Исландии считают, что Земля пережила девять времен, и каждый раз было другое небо. Еврейская религиозная концепция выкристаллизовалась в период после Исхода. Согласно этой концепции, прежде чем создать существующий мир, Бог семь раз создавал и разрушал землю и небо, чтобы сотворить нечто, удовлетворяющее Его.

Наиболее невероятная история в самой распространенной и читаемой книге — Библии — это история об остановившихся солнце и луне. Небесная механика действует с абсолютной точностью. Но значит ли это, что наша Земля не может претерпеть коллизий при встрече с большими массами метеоритов, на огромной скорости пересекающих Солнечную систему? Со времен Аристотеля до 26 апреля 1803 года, когда дождь метеоритов обрушился на юг Франции, ученый мир не верил в такую возможность.

В книге «Иошуа» двумя фразами раньше описания остановившихся солнца и луны говорится о камнепаде, уничтожившем больше ханаанитов, чем их погибло от меча сынов Израиля. Автор книги Иошуа не мог знать о связях этих двух явлений. Не значит ли это, что упомянутые события могли иметь место, если они описаны одно за другим?

В мексиканских «Анналах Куаухтитлан» сообщается, что во времена космической катастрофы в далеком прошлом ночь продолжалась длительное время. Библейские истории не были известны аборигенам Западного полушария, да и позиции солнца различны в обоих источниках, хотя они и не противоречат одна другой.

В записанных преданиях доколумбовской Центральной Америки говорится, что за 52 года до

катастрофы, совпадающей по времени с остановившимся солнцем, произошла другая космическая катастрофа. Поэтому естественно проверить, есть ли какие-нибудь сведения о ней в Библии. Великовский ссылается на свою книгу «Века в хаосе», в которой описана катастрофа, обрушившаяся на Египет и Аравию. Именно во время этой катастрофы, совпавшей по времени с концом Среднего царства в Египте, состоялся Исход евреев из страны рабства. Египетские документы того времени описывают буквально те самые «кары» и в тех же выражениях, что и Библия. Предания Аравийского полуострова рассказывают о тех же явлениях в их стране и на побережье Красного моря.

Какова природа упомянутых катастроф? Великовский пишет: «Обе книги — реконструкция истории народов и реконструкция истории природы — были задуманы с небольшим интервалом в полгода; необходимость установить истинную историческую хронологию, прежде чем соотнести явления природы с периодами человеческой истории, заставили меня сперва завершить «Века в хаосе».

Великовский приводит некоторые данные из первых глав этой книги, чтобы синхронизировать события в истории стран восточного Средиземноморья и показать, что одни и те же необычные явления природы наблюдались во всех концах земного шара.

В середине второго тысячелетия до нашей эры Земля пережила одну из самых больших катастроф в ее истории. К ней приблизилась комета — новый член Солнечной системы. Сначала комета коснулась Земли своим хвостом, первым признаком чего была красная пыль — причина кровавой окраски морей, озер и рек. Растворенные частицы

железистого пигмента окрасили мир в красный цвет. Это описано в источниках Западного полушария, в папирусе египетского очевидца катастрофы и в Библии. Сведения об этом есть у древних греков, у вавилонян и в финской «Калевале».

Вслед за этим на Землю обрушился дождь метеоритов, о чем сообщают Библия, египетский папирус, буддистские тексты и мексиканские источники.

Упоминая теории образования нефти, Великовский пишет, что хвосты комет состоят, в основном, из углерода и водорода. Они не горят во время своего полета в космосе, так как там отсутствует кислород. Если большие массы вещества хвоста кометы попадут в атмосферу, часть их сгорит, связывая весь свободный кислород, часть избежит воспламенения, но превратится в жидкость, которая, излившись на Землю, просочится сквозь песок и поры в скалах, а на воде будет плавать, сгорая. Сведения именно о таких явлениях Великовский нашел в устных и письменных свидетельствах народов обоих полушарий.

Земля глубже погрузилась в хвост кометы и приблизилась к ее телу. Темнота поглотила Землю. Свет огня едва был виден в пыльной темноте, а светильники задувались штормовым ветром. В источниках разных народов сообщается, что Земля была погружена в темноту от трех до девяти дней. Великовский считает, что такая разница объясняется невозможностью точного определения продолжительности суток в подобных условиях.

Даже суеверие о числе 13, полагает Великовский, связано с бедами, обрушившимися 13-го дня первого месяца на Египет. В египетских источниках записано, что именно в этот день произошло «небесное сражение». У евреев был также 13-й

день первого месяца — авив. Но евреи исчисляли и продолжают исчислять день от момента захода солнца. Так как катастрофа произошла в полночь, у евреев уже было 14-е авива. Возможно, поэтому, в отличие от других народов, евреи не считают число 13 несчастливым.

Катастрофа сопровождалась страшнейшим ураганом, о чем есть сведения в источниках разных народов. Приливная волна, как известно, в наибольшей мере связана с воздействием Луны. Приближение к Земле большего по объему тела, чем Луна, должно было сказаться на высоте приливной волны. В преданиях китайцев, индейцев Перу, лапландцев, индейцев Оклахомы и Юкатана говорится о том, что моря были разорваны — их воды, поднятые на огромную высоту, обрушились на землю. В Библии говорится об обнажившемся дне моря и воде, стоящей стеной.

Во многих областях земного шара найдены огромные валуны, занесенные на десятки километров от своего первичного местонахождения. Считалось, что это работа ледников. Но каким образом ледники могли занести валуны весом в десятки тысяч тонн снизу на более высокие места?

Великовский описывает мифы народов различных стран о сражениях в небе. Он показывает, что во всех мифах присутствует одна и та же картина, подобная сражению Зевса с Тифоном.

На всех рисунках — китайских, индийских, персидских, ассирийских, египетских, мексиканских — изображается все тот же изогнутый змей. Этот же образ присутствует в пророчествах Исайи.

На основании многочисленных древних источников Великовский описывает феномен большой важности — электрические разряды между головой кометы и Землей, к которой она приблизилась.

Дождь метеоритов и огня с неба, низко нависшие облака пыли экзогенного происхождения и смещенные стороны света создавали впечатление, что обрушилось небо. Об этом сообщали сказания древних народов Мексики, Греции, Китая, Бразилии. В Библии об этом говорится в песне Деборы. В легендах племен Самоа, лапландцев, эскимосов, примитивных племен Африки и в финской «Калевале» — всюду с ужасом упоминается обрушившееся небо. Во всех этих источниках Великовский находит данные о том, что в момент сближения Земли с кометой вершины в различных местах мира одновременно стали извергать лаву. Он объясняет это тем, что, подобно приливной волне, внутреннее содержимое земного шара устремилось к поверхности. Тепло образовалось также в связи с нарушением вращения Земли. Плавилась твердая поверхность и кипело море. На страницах Библии, рассказывающих о приближении евреев к горе Синай, очень ярко описаны эти события глобальной катастрофы.

«Небесное тело, которое Великий Архитектор природы приблизил к Земле, взаимодействовало с ней электрическими разрядами, отступило и снова приблизилось», — пишет Великовский.

Он приводит извлечения из китайской истории, в которой детально рассказывается о глобальной катастрофе во времена императора Ягоу. Все детали полностью совпадают с описанием катастрофы в Библии, в египетском папирусе и в источниках других народов.

Великовский подробно останавливается на данных о смещенных сторонах света, об измененной полярности Земли. В старых комментариях к Талмуду упоминается, что солнце четыре раза меняло свой курс в течение нескольких недель между

Исходом и днем получения Торы. Великовский цитирует египетский папирус, известный в науке как «папирус Анастази IV», содержащий жалобы на мрак, на отсутствие солнечного света: «Зима наступила вместо лета, месяцы повернулись вспять и часы нарушились». Подобные сведения Великовский находит и в других источниках. Китайский император Ягоу провел реформу календаря: он должен был привести в соответствие с наблюдениями сезона, месяцы и продолжительность дня. В Библии, в четвертой книге Эзры, говорится о том, что в пору, когда иудеи покинули Египет, закончился старый порядок сезонов и начался новый мир. Слова комментариев Талмуда о том, что у Моисея были проблемы с пониманием секретов нового календаря, относятся именно к этой ситуации. Первый месяц еврейского календаря — это месяц Исхода, весенний месяц. Так было повелено Моисею в Синае. «...Странная ситуация, — пишет Великовский, — сложилась в еврейском календаре, когда Новый год оказывается в седьмом месяце года: начало календарного года было перенесено к точке, удаленной примерно на полгода от осеннего Нового года». И дальше «...с пятнадцатого по восьмое столетие до нашей эры астрономический год был равен 360 дням; ни раньше пятнадцатого столетия, ни после восьмого у года не было такой продолжительности». Доказательства этого положения обильно представлены в дальнейших главах книги.

Когда воздух перенасыщен парами, выпадают осадки. Вероятно, когда атмосфера перенасыщена соединениями углерода и водорода, осадки также состоят из этих элементов. «Когда иней в течение ночи падал на лагерь, манна падала с неба» (Исход, 16:14 — 34). Великовский считает, что во

время ночного охлаждения углеводороды выпадали вместе с утренним инеем. Они испарялись в течение дня, но могли сохраниться в расщелинах скал и в других затененных местах. Сведения о «манне небесной» есть не только в Библии. В исландских легендах рассказывается, как во времена, когда горела земля, уцелела одна пара, и как она питалась утренней росой. От этой пары, рассказывает легенда, произошел народ, снова заселивший Землю. Маори Новой Зеландии рассказывают, что во времена ураганных ветров, когда волны достигали небес, из сплошного тумана выпадал иней, которым питались уцелевшие люди. В буддистских письменах сообщается: когда кончается цикл Вселенной, когда разрушается мир и высыхает океан, когда нет различия между днем и ночью, небесная амброзия служит пищей. Египетская «Книга мертвых» пишет о «священных облаках и великом инее, который рождает земля во время контакта с небесами». Греки описывали амброзию в тех же терминах, что евреи — манну. Со времен Гомера и Гесиода греческие авторы рассказывали об амброзии, которая в жидком состоянии превращается в нектар. Подобные сведения есть в финских преданиях. Попадая в воду, иней, состоящий из углеводородов, придавал ей молочную окраску. Не только в еврейских источниках — но также и в египетских, индийских и греческих — описываются времена, когда реки текли «молоком и нектаром».

Библейский эпизод о переходе еврейских племен посуху через остановившийся Иордан Великовский объясняет следующим образом: «Когда израильты приблизились к Иордану, упавший слой одного из берегов преградил поток на время, достаточное, чтобы племена пересекли реку». Подоб-

ное случилось 8 декабря 1267 года, когда Иордан был блокирован в течение 16 часов, и во время землетрясения 1927 года, когда Иордан остановился более, чем на 21 час.

«Падение стен Иерихона от трубного гласа, — пишет Великовский, — хорошо известный эпизод, но он недостаточно интерпретирован. То, что священники дули в рога в течение семи дней, не сыграло более природной роли, чем посох Моисея, которым, по легенде, он открыл проход через море». «Сильнейший трубный звук издала земля: верящие в магию израэлитские племена считали, что звук земли вызван дующими в бараньи рога в течение семи дней». Во время раскопок в Иерихоне были найдены разрушенные землетрясением стены толщиной в четыре метра. Разрушение стен Иерихона произошло близко к концу Среднего царства в Египте.

Описывая легенду о фазтоне, Великовский задает вопрос: «Как мог знать поэт, что изменение в движении солнца поперек небосвода должно быть причиной горящего мира, извержения вулканов, кипения рек, исчезновения морей, рождения пустынь, появления островов, если солнце никогда не меняло своего гармоничного движения от восхода до заката?»

Сорок лет скитались евреи по пустыне после Исхода из Египта. Еще двенадцать лет прошло до боя под Бет-Хорон, когда «солнце остановилось». Итого, 52 года. «...аборигены предколумбовой Мексики ожидали новую катастрофу в конце каждого периода в 52 года и собирались в ожидании этого события. Когда наступала ночь этой церемонии, люди были объаты страхом и в ужасе ждали, что может произойти. Они боялись, что придет конец человеческой расе и темнота ночи останется

постоянной: солнце больше не взойдет. Они ждали появления планеты Венеры, и когда в день страха не было катастрофы, люди племени майя радовались. Они совершали человеческие жертвоприношения. Они приносили в жертву сердца пленных, грудную клетку которых вскрывали кремневыми ножами. В ночь, когда кончался 52-летний период, большой костер возвещал испуганным толпам, что гарантирован новый период милосердия и начинается новый цикл Венеры».

«Какое отношение имела Венера к катастрофе, которая привела мир к разрушениям?» — спрашивает Великовский. Прежде чем ответить на этот вопрос, он рассказывает о еврейской традиции юбилейного года. Каждый седьмой год по закону является шаббатом. В этом году не засеивались поля и освобождались рабы. Пятидесятый — юбилейный год в дополнение к этому — был годом, когда землю следовало вернуть ее прежнему владельцу. Причина израэлитских юбилеев та же, что и у майя. Разница только в гуманном характере юбилеев у первых и антигуманном — у вторых. Но оба народа таким образом готовились к Судному дню.

У евреев существовал обычай в этот день посылать жертвенного барашка к Азazelю в пустыню — церемония умиротворения Сатаны искупительной жертвой. Азazelь — еще одно название падшей звезды Люцифер. Кроме Азazelь, у нее были имена Азза, или Узза. Египтяне называли ее Сет-Тифон. Арабы приносили человеческие жертвы в честь звезды аль-Узза. На основании древних мексиканских, еврейских, римских, греческих, китайских источников и преданий бурятских, киргизских, якутских, эскимосских и народов островов Тихого океана Великовский приходит к заключению, что

упомянутая звезда и есть планета Венера, рождение которой народы наблюдали в дни Исхода евреев из Египта.

До этого времени индийская и вавилонская астрономия описывала четырехпланетную систему — Меркурий, Марс, Юпитер и Сатурн.

Во всех упомянутых раньше источниках Венера на первых порах не причислялась к планетам, потому что она появилась на небе как комета, отделившаяся от Юпитера. Многочисленные доказательства этого найдены в индийском фольклоре, в мифах древних греков, в Библии, в китайских анналах.

Регулярное движение Венеры, ее год и так называемый синодический год известны народам Востока и Запада более 2000 лет. В III веке до нашей эры, в царствование Птолемея III в Египте (и в Греции) конклавом жрецов был принят декрет, установивший новый календарь в соответствии с существующим устройством мира и неисправностями и ошибками в небе, чтобы привести время в соответствие с движениями Венеры по отношению к фиксированной звезде Сириус. Такие же «калькуляции» были произведены инками в Перу и майя — в Центральной Америке.

В библиотеке Ашурбанипала в Ниневии найдены астрономические таблицы более древних времен, в которых описано нерегулярное движение Венеры. Переводчики и интерпретаторы этих таблиц считали, что в них закралась какая-то ошибка. Подобные трудности возникли и перед учеными, пытавшимися понять индийские таблицы движения планет.

В течение восьми столетий после Исхода Венера держала людей в состоянии страха. Великовский цитирует пророка Исаяю: «Как пал ты с неба,

Утренняя звезда, сын зари, низвержен на землю, вершитель судеб народов! И сказал ты в сердце своем: «Взойду я на небо, выше звезд Божьих вознесу я престол мой» (Исайя, 14: 12—13)», и продолжает: «Как понять, что Утренняя звезда взойдет на небо, вознесется высоко и что она была низвержена к горизонту и не будет больше ослаблять народы? Более ста поколений комментаторов были тщетно заняты этим абзацем». Великовский объясняет, что после космических катастроф Венера достигла циркулярной орбиты и стала членом планетарной системы. «Венера родилась как комета во втором тысячелетии до нашей эры. В середине этого тысячелетия она дважды контактировала с Землей и изменила свою кометную орбиту. С десятого до восьмого столетия первого тысячелетия она все еще была кометой. Что послужило причиной дальнейших изменений в движении Венеры в первом тысячелетии, сделав ее планетой на циркулярной орбите?»

«Это было время еврейских пророков, чьи книги читают до настоящего времени, ассирийских царей, чьи анналы раскопаны и расшифрованы, египетских фараонов ливийской и эфиопской династий. Короче, катастрофы, которые мы собираемся описать, не произошли в туманном прошлом: этот период — часть достоверной истории стран восточного Средиземноморья. Восьмой век видел также рождение наций Греции и Рима». Год -747 был концом предыдущей и началом новой эры в результате астрономических событий, которые, по данным Сенеки, привели к смещению земной оси. «...прежде, чем я опишу день, когда исполнились пророчества Исайи, произнесенные после смерти Ахаза, я хочу представить общую точку зрения поколений комментаторов. Книги майя попали в

руки только нескольких ученых, как и египетские папирусы, и ассирийские таблицы. Но книга Исаяи и другие книги Библии читались миллионами в течение столетий на сотнях языков. Разве способ, которым Исаяя выражал себя, не понятен? Это вид коллективного психологического слепого пятна, которое предотвращает понимание четко обнаруженного и многократно повторенного описания астрономических, геологических и метеорологических феноменов. Описание считалось своеобразным странным способом поэтической метафоры, цветастой манерой выражения». В действительности, пророчество Исаяи было предвидением новой космической катастрофы на основании тщательных астрономических наблюдений.

В ночь на 23 марта 687 года до н. э. какой-то космический феномен (Великовский считает, что это был мощный электрический разряд между землей и приблизившейся к ней планетой) послужил причиной внезапного уничтожения армии Сенахе-риба, стоявшей под Иерусалимом. Сведения о космических событиях в эту ночь содержатся не только в Библии, но также в китайских, древнегреческих (Овидий), майя, ассирийских, вавилонских и особенно в латинских источниках. Все они причиной катастрофы называют Марс, сближение с которым сместило земную ось.

Автор книги Иова знал, что земля висит «в ничем». Такие же сведения о Земле-шаре были у индусов, халдеев, древних греков и римлян. Джонатан Свифт в «Путешествиях Гулливера» описал два спутника Марса в ту пору, когда ни Ньютон, ни Галилей — современники Свифта — не имели о них представления. Но, оказывается, и Гомер, и Вергилий знали о двух спутниках Марса. Только при приближении Марса к Земле эти спутники

могли быть обнаружены без оптических приборов, которых, кстати, еще не было в ту пору. (Точно так же фазы Венеры, известные вавилонянам и другим древним народам, не могли быть обнаружены без оптических приборов, если Венера не наблюдалась на близком от Земли расстоянии).

В Библии Венеру и Марс* идентифицируют с архангелами Михаилом и Гавриилом, которые спасли народ Израиля в двух случаях: первый раз — во время Исхода евреев из Египта, второй — через восемьсот лет после Исхода. «Ассирийское войско, которое поколением раньше увело десять колен Израиля в изгнание, откуда они никогда не вернулись, вторглось в Иудею с твердым намерением разгромить восставшего Иуду и убрать его из Отчизны и из истории. Вспышка с планеты Марс поразила и уничтожила лагерь ассирийцев — так комментирует эти события Великовский. — Таким образом, рабанические источники, которые приписали эти акты двум архангелам, не ошибались. Венера толкнула Марс к Земле, и обе планеты оказались инструментом разрушения.

Автор апокрифической книги «Восхождение (Успение) Моисея» знал, что Венера и Марс так же велики, как Земля».

Это было время, когда евреи нарушали завет веры в Единого Бога и поклонялись богам-планетам, испуганные наблюдаемыми астрономическими явлениями. Глава заканчивается в стиле, несколько выпадающем из общего, характерного для книги: «Еврейский народ не стал «избранным» в один день на Горе Дарования Закона; этот народ не

---

* Название «Марс» происходит от индийского Марут, что означает «ужасный». Греческое название этой планеты, «Арес», происходит от ивритского слова «ариз» — ужасный. Именно так называют Марс пророки Иоэль и Исайя.

получил послание монотеизма как подарок. Он сражался за это; и шаг за шагом — от дыма, поднимающегося над взорванной долиной Содомы и Гоморры, от печей страданий в Египте, от освобождения при переходе через Красное море среди достигающего неба отлива, от скитаний в окутанной облаками пустыне, горящей нефтью, от внутренней борьбы, от поисков Бога и правосудия между человеком и человеком, от отчаянной и героической борьбы за национальное существование на узкой полоске земли против огромных империй Ассирии и Египта — он стал избранной нацией, чтобы принести послание о человеческом братстве всем народам мира».

Великовский пишет о коллективной амнезии человечества, которое в период после изгнания евреев ассирийцами смотрело на истинные описания пророков как на поэтические образы религиозной литературы. Он обвиняет египетского жреца Манефона, который фальсифицировал историю древнего Египта, идентифицировав гиксосов с евреями. Знания, имевшиеся в Египте в дни посещения его Солоном и Пифагором, исчезли во времена Птолемеев. «Египетский жрец, описанный как собеседник Солона, полагал, что память о катастрофах с огнем и наводнениями потеряна, потому что в катастрофах погибли образованные люди вместе со всеми достижениями их культуры, и эти перевороты ускользнули от вашего внимания, потому что многие поколения уцелевших умирали, не в состоянии выразить себя в писаниях». Подобный аргумент находим у Филона Александрийского, который писал в первом веке нашей эры: «По причине контакта и повторяющихся разрушений водой и огнем последующие поколения не получили от предыдущих память о порядке и последова-

тельности событий». «Это психологический феномен в жизни индивидуума, также, как и целой нации, что наиболее ужасные события прошлого могут быть забыты или перемещены в подсознание».

Сведения об этих событиях содержатся в фольклоре. Но предания о катастрофах дискредитировались из-за близорукого представления: описанные силы, якобы влиявшие на мир в далеком прошлом, сейчас не наблюдаются, следовательно, не существуют; представления, являющегося основой современной геологии и эволюции. «Научные принципы не гарантируют, что силы, не действующие сегодня, не могли действовать раньше. Должны ли быть постоянные коллизии с планетами и кометами, чтобы мы поверили в такие катастрофы?» — спрашивает Великовский. В фольклоре любого народа мы находим одни и те же фактические события и только магическое объяснение чудес. Можно было бы допустить, что сказания, возникающие у одного народа, обошли весь мир. Но именно потому, что одно и то же событие совершенно различно трактуется в преданиях разных народов, такая вероятность весьма сомнительна, тем более, если событие подтверждается историческими записями, древними картами, солнечными часами, и физические доказательства естественной истории подтверждают эти же явления.

И в индийских источниках, и у Сенеки, и у египтян описывается, что центр неба находился в созвездии Большой Медведицы. В индийских источниках сказано также, что земля сдвинулась со своего места на расстояние предположительно от 500 до 900 миль. Средневековый арабский ученый Арзачель на основании древних данных подсчитал, что Вавилон находился на широте 35 градусов, а

позже его место было обнаружено южнее. Эти подсчеты совпадают с данными Птолемея, который также определил, что Вавилон находился на широте 35 градусов. Такие же результаты получают современные ученые на основании древних вавилонских измерений. Вряд ли вавилоняне могли ошибиться более, чем на 2 градуса.

Иерусалимский храм был построен таким образом, что в день равноденствия сквозь восточные ворота, открывающиеся только в этот день, первые лучи восходящего солнца светили в самый центр храма. Это был день нового года. Подобная церемония соблюдалась и в вавилонских храмах. В связи с растущей верой в то, что больше не произойдет изменений в мировой системе, восточные ворота Иерусалимского храма были замурованы. Они должны быть вновь открыты с приходом Мессии. При раскопках оказалось, что храмы, построенные раньше VII века до н. э., в отличие от храмов более поздней застройки, ориентированы не точно на восток.

Древние обелиски-колонны в Южной Америке и в Египте были построены с целью точного определения сторон света. Их показания отличаются от нынешней ориентации Земли. Это же относится и к теневым часам древности. Исследование часов времен Аменхотепа III показало, что его столица Тебес либо была ближе к экватору, чем сейчас, либо наклон экватора к плоскости движения Земли вокруг Солнца был меньше, чем сейчас.

Великовский полагает, что 27 или 35 столетий назад Северный полюс был в районе Земли Баффина. Это объясняет, каким образом в ледниковый период вся Европа была внутри Полярного круга, а Восточная Сибирь и часть Аляски — вне его. Это объясняет разницу между нынешним поло-

жением и древними картами неба. Это объясняет внезапную гибель мамонтов во время катастрофы, когда Полярный круг также внезапно переместился, освободив Европу и захватив Восточную Сибирь и Западную Аляску.

В 1939—1940 годах на Аляске, на берегу Берингова пролива, был найден древний город, население которого превышало население нынешнего Фербенкса. Город, должно быть, был построен до нашей эры. Культура его не имеет ничего общего с культурой эскимосов или американских индейцев. Находки более близки к культуре Северного Китая или айну, народа, живущего в северной Японии, а также к культуре аборигенов Приамурья. Великовский считает, что это проблема археологии — определить, когда была уничтожена жизнь в районе Восточной Сибири и Аляски, в восьмом и седьмом или в пятнадцатом веке до н. э., «...другими словами, были ли стада мамонтов уничтожены во времена Исайи, или в дни Исхода».

На основании многочисленных данных Великовский пишет, что земной год до катастрофы состоял из 360 дней, а не 365,25 дня, как сейчас. Другой была также продолжительность вращения Луны вокруг Земли. Год состоял из десяти месяцев, и пока Земля совершала один оборот вокруг Солнца, луна совершала десять оборотов вокруг Земли.

В главе о реформе календаря приводятся дополнительные данные, подтверждающие это положение.

Великовский описывает Луну и ее кратеры в свете теории катастроф. Описание Марса также служит этой цели.

Он подробно останавливается на описании атмосферы Венеры и ее температурного баланса,

причем его представления полностью противоречили данным астрономии той поры. Астрономы считали, что среднегодовая температура Венеры на несколько градусов ниже земной. Великовский опровергает эти представления. «Ночная сторона Венеры излучает тепло, потому что Венера горяча».

В заключение Великовский пишет: «Если явления подобного рода случались в прошлом, они могут произойти и в будущем, возможно, с другим — фатальным — результатом».

«Все космологические теории предполагали, что планеты кружатся на своих местах миллиарды лет: мы утверждаем, что они движутся по своим нынешним орбитам только несколько тысяч лет», — пишет Великовский в эпилоге. В книге предложено объяснение температурного баланса Венеры и «каналов» Марса. Великовский уверен, что он подошел близко к проблеме образования гор, наступления морей, возникновения новых островов, внезапного изменения климата, полного уничтожения целых видов животных и проблеме землетрясений.

Он распознал астральное происхождение религий народов мира. Он обнаружил, что в Библии описаны действительные исторические события, и так называемые чудеса имеют вполне естественное объяснение.

«Вопрос перед космогонией следующий: если это правда, что космические катастрофы случились так недавно, то как обстоит дело с более отдаленным прошлым? Что мы можем обнаружить по поводу Потопа, который по нынешним представлениям был местным наводнением Евфрата?» Пользуясь тем же методом, что и при написании «Мир в столкновениях», Великовский надеется рассказать в будущем о рождении Венеры из Юпитера.

Он считает бесплодными попытки построить хронологические таблицы на основании астрономических калькуляций, так как астрономические данные изменились в результате катастроф. Но эти же катастрофы могут быть отправными пунктами для написания правильной истории народов. Именно эту работу Великовский представит в книге «Века в хаосе».

«Необходим новый подход к критике Библии. Это был процесс перехода от астральной религии к монотеизму с идеей единого Творца, не звезды, не животного и не человеческого существа». Эта работа открывает интереснейшие возможности перед психологией.

В книге только слегка были задеты проблемы геологии и палеонтологии. «Однако геологический, палеонтологический и антропологический материал, относящийся к проблеме космических катастроф, огромен и может дать полную картину прошедших событий не меньше, чем материал исторический». Великовский предвидит, что его могут обвинить в попытке ревизии небесной механики Ньютона. В свете этой теории можно допустить, что, вступая в коллизии, планеты и кометы изменяли свои орбиты. Но могла ли Венера достигнуть циркулярной орбиты? Или, как Луна, на которую воздействовали различные силы, могла остаться на почти циркулярной орбите? Великовский говорит о прецеденте. Космогонические теории не отрицают коллизий в прошлом, в доисторические времена. «Если такие эффекты в результате контактов между двумя звездами или захвата меньших тел большими не противоречат небесной механике, тогда орбиты в результате столкновения миров также должны быть признаны в гармонии с ней».

Великовский рассматривает физические аспекты замедления ротации Земли и изменения угла между осью Земли и плоскостью ее вращения вокруг Солнца, что может быть результатом не только гравитационного взаимодействия, но и взаимодействия сильных магнитных полей с магнитным полем Земли. Обсуждаются все возможные варианты такого взаимодействия и их последствия для существования Земли. Великовский считает необходимым проверить положения ньютоновской небесной механики, в которой электромагнитные взаимодействия не играют роли, словно Солнце и планеты электрически нейтральные тела.

Он проводит аналогию между атомом и Солнечной системой. Но если в атоме скачок электрона с одной орбиты на другую, например, под влиянием света, происходит несколько раз в секунду, то в Солнечной системе, в связи с ее огромностью, такие скачки случаются раз в сотни или тысячи лет.

Барьеры, воздвигнутые самими учеными между науками, заставляли верить в то, что в других областях знаний все в порядке и нет проблем, что исследователи без всяких сомнений могут заимствовать данные из этих областей. В прежние времена философы занимались синтезом знаний в различных областях. Сейчас в связи с накоплением знаний и все большей специализацией тот, кто пытается идти по пути философов прежних времен, должен задать вопрос: «*Quota pars operis tanti nobis committitur?*» — «Какая часть этой работы имеет отношение к нам?»

Этими словами врач Иммануил Великовский заканчивает книгу, имеющую отношение к истории Китая, Индии, Персии, Вавилона, Ассирии, Иудеи и Израиля, Египта, Греции, Рима, Центральной Америки, к фольклору народов мира, к астроно-

мии, геологии, палеонтологии, биологии, климатологии, теологии, книгу, предлагающую тысячам ученых программу исследований в различных областях науки.

28. СОУЧЕНИКИ ПО ГИМНАЗИИ

Накануне посещения издательства «Макмиллан» Великовский брезгливо отложил опус Пайн-Гапошкин с твердым намерением никогда больше не возвращаться к нему. Но он вернулся к нему уже через пять дней. Как и обещал Теккерею Шапли, в журнале «Рипортер» 14 марта 1950 года была опубликована та же статья.

Великовский немедленно заметил некоторые изменения, отличающие ее от варианта, размноженного на мимиографе. Он достал этот экземпляр и стал сличать текст. Фраза об остановке вращения Земли в журнальном варианте звучала так: «Допустим, однако, что д-р Великовский прав — что Земля прекратила вращаться. В этом случае все тела, не прикрепленные к поверхности Земли (включая атмосферу и океан) продолжали бы свое движение и улетели бы со скоростью девятьсот миль в час на широте Египта».

Великовский был потрясен. Он не представлял себе, что в научном мире может существовать подобное жульничество Пайн-Гапошкин либо сама заметила, либо кто-то обратил ее внимание на невежественный промах по поводу остановки вращения в течение шести часов, и жульническим приемом она просто отбросила «временной» фактор. Мало того, что критике подвергался даже стиль книги, которую она не читала, мало того, что ей не был известен вариант, при котором эффект

«остановившегося солнца» мог быть вызван изменением наклона земной оси под влиянием сильного магнитного поля, мало того, что она позволяла себе личные выпады, — астроном и классицист, сотрудница профессора Шапли занималась... мелким жульничеством.

Статья Пайн-Гапошкин не столько разозлила, сколько опечалила Великовского. Не оскорбительный тон, не явно издевательские выпады в «стиле Шапли» — от заглавия «Абсурд, д-р Великовский» до семи строк из «Петуха и Быка», которыми она закончила статью, были тому причиной. Его опечалило, что люди со статусом ученого могут заниматься фальсификацией и обманом. Увидев статью в «Рипортер», он понял, что даже в науке, — если только это можно назвать наукой! — подлости нет предела. Как не поверить профессору Гарвардского университета? В этом «как не поверить профессору» и заключалась трагедия. Ученый пользуется доверием у обывателя. Ученый, конечно, может заблуждаться в определенных случаях. Но о каком заблуждении может идти речь, если ученый попросту пишет о прочитанной им книге? Придет ли в голову обывателю, что, во-первых, Гапошкин книгу не читала, а, во-вторых, что она опустилась до низкой лжи?

Великовский отложил «Рипортер» и скелетные скрепкой листы мимиографа. На душе было премерзко. Раздался телефонный звонок. С явным неудовольствием Великовский поднял трубку. Ему сейчас не хотелось разговаривать ни с кем: мир казался ему огромной клоакой.

— Хелло, док! — фамильярно прозвучал в трубке незнакомый голос с едва уловимым иностранным акцентом. — Я срочно нуждаюсь в медицинской помощи.

— Вы ошиблись номером. — Великовский уже собрался положить трубку.

— Подожди швыряться средствами коммуникации. Я не ошибся, что и намереваюсь доказать через несколько минут. Я просто решил удостовериться, что ты действительно существуешь. Итак, грубый и невоспитанный тип, не ожидая твоего приглашения, мчусь.

Великовский не успел ответить. Трубку положили. Что за чертовщина? При нынешнем настроении не хватает еще каких-то дурацких мистификаций.

Через несколько минут в дверь позвонили. Настроенный весьма недружелюбно, Великовский пошел открывать. В дверях, широко улыбаясь, стоял весьма уважаемый джентльмен лет пятидесяти пяти. Отличный серый костюм гармонировал с седыми висками. Тщательно повязанный галстук был заколот со вкусом подобранной булавкой. Загораживая собою дверь, Великовский вопросительно смотрел на незванного гостя. Джентльмен неожиданно заговорил по-русски, с характерным московским аканьем:

— Ну и вымахал, дылда! Тебе бы не книги писать сенсационные, а заделаться профессиональным баскетболистом. Наклонись, Мончик, я тебя облобызаю.

Великовский взгляделся в незнакомца и вдруг схватил его в объятия: — Вася! Ты?.. Какими судьбами?

Василий Комаревский, с которым он несколько лет учился в 9-й Московской гимназии, сейчас, сказывается, профессор-химик Иллинойского технологического института. Недавно он почему-то получил размноженную на мимеографе статью какой-то Пан-Гапошкин, профессора из Гарварда. Ему это не понравилось уже само по себе, потому что

он не имеет никакого отношения к астрономии, и было ясно, что тут попахивает чем-то непорядочным, тем более, что краем уха он уже слышал о каком-то давлении на компанию «Макмиллан». А тут еще фамилия Великовский. Не Мончик ли это? Именно он способен на нечто экстраординарное, что может разворошить профессорский муравейник. Выяснил — действительно Иммануил Великовский. Ну, а дальше — в лучших традициях 9-й гимназии.

Великовский был несказанно рад дорогому гостю. Он представил его Элишеве. Атмосфера взаимной симпатии вытеснила тягостное настроение, вызванное статьей в «Репортер».

Уже после получения мимеографического экземпляра Комаревский прочитал обзор Эрика Лараби в «Харпер'с». Интересно. Но ничего определенно сказать по этому поводу он не может. Попросил Великовского, если нетрудно, «сделать доклад для неуча». Великовский, ни разу не перебиваемый, рассказывал около часа.

— Ну что ж, мне это кажется убедительным. Но ведь я не специалист. В любом случае, у тебя это логичнее, чем у Лараби.

Великовский показал Василию оба варианта статьи Пайн-Гапошкин.

— Понимаешь, даже полная остановка вращения Земли в течение шести часов на широте Египта, где линейная скорость 900 миль в час, ощущалась бы человеком весом в 75 килограммов как толчок силой в 150 граммов. Что касается атмосферы и гидросферы, то с ними произошло бы именно описанное мною. Гапошкин поняла это. Она увидела, что теряет единственный контраргумент, и попросту сжульничала в «Репортере» — «забыла» упомянуть «временной фактор» — шесть часов. У читателя может сложиться впечатление, что

речь идет о мгновенной остановке вращения Земли. А что ты скажешь о критике языка и стиля книги, которую она не читала?

Комаревский помолчал, а затем очень серьезно ответил:

— Ты должен был ожидать именно такую реакцию.

— Но почему? Научную критику, обоснованные возражения, постановку ключевых экспериментов, подтверждающих или опровергающих мою теорию. Но обструкция? Почему?

— Мончик, ты — психоаналитик. Тебе и карты в руки. Но, как говорится, со стороны лучше видно. Пожалуйста, несколько резонов. Во-первых, ты — не член корпорации — ворвался в тесную компанию, и без тебя сомневающуюся в благополучии их науки. Во-вторых, ты сделал то, что хотели бы сделать корифеи, пробудив у них чувство зависти в самой низменной форме. В-третьих, а возможно, это и есть во-первых, наши корифеи-астрономы — важные либералы и борцы за мир. Этим сподручнее заниматься, чтобы каждый день фигурировать на первых полосах газет, чем делать научные открытия. Заметил ли ты, что многие прекрасодушные живут на ренту со своего прошлого? У этих борцов-либералов выработался комплекс преследования. Их, как они считают, преследуют оголтелые реакционеры, их преследует военно-промышленный комплекс, они не уверены в том, что публика принимает их за посланцев Бога на земле, а тут еще появляется какой-то Великовский, выставляющий напоказ их неприглядную наготу. А ты хочешь, чтобы они тебя любили!..

Элишева ушла на кухню, и они снова заговорили по-русски. Обсуждали природу левизны американских интеллектуалов.

— Понимаешь, Мончик, беда заключается в том, что каждый астроном или химик считает себя знатоком в обществоведении. Убийственный дилетантизм людей, лишенных, к тому же, полноты информации.

— Скажи, Вася, читал ли ты когда-нибудь Маркса?

— Пытался. Но после нескольких страниц «Капитала» отказался от этого занятая, поняв, что из меня не получится просвещенный левый.

— Было бы весьма желательным, чтобы просвещенные левые прочитали Маркса. А если хоть раз прочитали, попытались бы осмыслить, что это такое.

— Неужели у тебя и на это хватило времени? Ты удивляешь меня сейчас не меньше, чем в гимназические годы. Так в чем там дело у Маркса?

— Только очень дотошный и объективный биограф сможет представить картину чудовищных противоречий, которые свили «клубок», называемый Карлом Марксом. Он был тем, что немцы называют Luft-mensch — ни на что не годный человек. Без определенных занятий, без постоянных средств к существованию, он из Германии эмигрировал во Францию, а оттуда — в Лондон. Один за другим его дети, рожденные в Лондоне, умирали от недоедания и плохого медицинского ухода, пока их отец ежедневно работал над своими произведениями в библиотеке Британского музея. Он изучал отношения в индустрии в пору английской индустриальной революции, он наблюдал дикую эксплуатацию так называемыми достойными несчастных тружеников, к которым относились хуже, чем к рабочему скоту. Он изучал колониальную экспансию Великобритании в Африке и странах, омываемых Индийским океаном. В результате этого изуче-

ния он пришел к формулировкам и лозунгам которые можно было написать, цитируя еврейских пророков. Он отвергал религию. Он отвергал даже свое еврейское происхождение на том основании, что в шестилетнем возрасте его крестили. Одним из первых его сочинений, после того как материалистическое понимание истории подтолкнуло его к коммунистическим идеям, была резко антисемитская работа. Кстати, не Маркс, а Моисей Гесс был автором идеи современного коммунизма. Тоже еврей, рожденный в Германии. Гесс жил и писал во Франции. К нему в 1840 году пришел юный Энгельс, который годом позже познакомил Маркса с идеями Гесса. В 1848 году они создали «Коммунистический манифест»; что положило начало движению. Но Гесс вскоре понял, к каким несчастьям может привести мир это движение, о чем он пророчески написал Герцену.

— Ты имеешь в виду русского писателя?

— Да, Александра Герцена. В 1862 году Гесс написал книгу «Рим и Иерусалим» — труд о пробуждении национального самосознания. Он понимал проблемы евреев более глубоко, чем Теодор Герцль спустя поколение. Но я отвлекся. Очень сильно меня всегда занимают проблемы еврейства. Так вот, о Марксе. Это просто парадоксально, но он строил свое учение, основываясь на теории Дарвина, не замечая того, как не замечали и до сих пор не замечают марксисты, что в свете исторического материализма политические революции следует рассматривать как подобие катастроф, а не эволюций в природе. Туговато у них с логикой. Интересно, что Дарвин был более последователен, чем Маркс. Он категорически, безоговорочно воспротивился, когда Маркс хотел посвятить ему «Капитал». Несчастье марксизма заключается в том,

что его автор построил здание... без фундамента, на песке. Его идеи, его псевдонаучность весьма привлекательны в нашем неустроенном обществе. Я не случайно употребил слово «несчастье». Французская революция обезглавила на Плас де ля Конкорд несколько сот человек. Марксистская революция лишила жизни многие миллионы людей. И когда в сталинских тюрьмах пытаются и убивают очередные жертвы, Маркс взирает на это со своего всюду присутствующего портрета. И еще один парадокс. Если на основании дарвиновского учения Маркс построил теорию в защиту слабого, эксплуатируемого, то действительным развитием положения о борьбе за выживание явилось ницшеанское учение о супермене, о сверх-человеке, которому все дозволено. А это развилось в положение о господствующей расе. Вагнеровская медь разбудила воспоминания о нордических Валгалах, и насилие меча и огня бисмарковского милитаризма выросло в «Drang nach Osten». Эта сила нашла свой конец в столкновении с другим окончательным продуктом идеологии XIX века.

— Веселенькая картинка! О другом окончательном продукте и его воплощении в России мы, слава Богу, слышаны. Знаешь, во время войны все мои симпатии, тем не менее, были на их стороне. Все мое существо, глубоко русское, откликалось на каждое их поражение и победу. Остался у тебя кто-нибудь в Москве?

— Два брата. Дочь одного из них погибла в боях за Москву.

Помолчали. Вернулась Элишева, пригласила к столу. Беседа велась на английском.

Продолжением русского хлебосолюства стала музыка. Элишева играла превосходно. После Анданте кантабиле Чайковского, сыгранного с боль-

шим чувством, взволнованный Комаревский подошел к ней и в низком поклоне поцеловал обе руки.

— Великих людей Бог иногда награждает такими женами, — сказал он по-русски. Великовский рассмеялся и перевел фразу на немецкий.

Это был чудесный вечер. Великовские не отпускали Василия. Но он еще сегодня должен был вернуться в Чикаго. Великовские проводили его до метро, договорившись о будущих встречах.

29. НАБРАТЬСЯ ТЕРПЕНИЯ ЛЕТ НА ДЕСЯТЬ

В воскресенье 2 апреля 1950 года книга «Миры в столкновениях» официально вышла из печати.

Профессор Кален тоже получил экземпляр статьи Пайн-Гапошкин. Он тоже потом сличил текст в «Рипортер» с размноженным на мимиографе первоначальным вариантом. Он тоже заметил явную фальсификацию. Ему было обидно за доброе имя американской науки. Но еще обиднее было видеть, как незаслужено оскорбляют его друга Иммануила Великовского — гуманиста в лучшем смысле этого слова, ученого, которым должно гордиться человечество. В разговоре с Великовским он старался приглушить терзавшую его обиду, умиротворить и успокоить своего друга.

— Ты должен набраться терпения — лет этак на десять. Уверяю тебя, что буря постепенно утихнет.

— Десять лет терпеть подобные издевательства?

— Дорогой мой, тебе еще повезло. Десять лет — это только благодаря тому, что ты живешь в наше просвещенное и либеральное время. Во времена Джордано Бруно тебя бы просто сожгли на костре. А Коперник? Свою книгу он увидел уже на

смертном одре. Сколько лет он не рисковал ее публиковать? Так что тебе ли жаловаться? К тому же, вероятно, ты не осознаешь, что ересь твоя больше, чем Коперника и Бруно. Это я говорю вполне серьезно!

Великовский улыбнулся:

— О'Нейл тоже посоветовал мне набраться терпения на те же десять лет.

— Вот именно. Посмотри, сколько шуму ты наделал. Фактически ты заставляешь ученых пересмотреть их позиции в различных областях знаний. Кому только ты не портишь кровь? Шутка ли, придти и сказать: «Господа ученые, все, что вы сделали и делаете, неверно, потому что сделано на ложной основе»..

— Перестань, Гораций, даже в шутку не говори подобного. Ведь ты знаешь, как бережно я отношусь к наследию ученых, как я ссылаюсь на научные достижения моих предшественников. Как правых, с моей точки зрения, так и неправых...

— Эх, Великовский, Великовский! Когда бы ни родились ученые твоего калибра, они рождаются слишком преждевременно. Но слава Господу, что рождаются! И спасибо Господу, что я имею честь быть другом одного из них.

— Нет, Гораций, это я должен благодарить Всевышнего за то, что он меня свел с таким человеком, как ты...

В тот же день Тед Теккерей отправил профессору Шапли очередное письмо.

«10 апреля 1950 г.

Дорогой Харлоу:

Я отложил ответ на твое письмо от 8 марта до тех пор, пока смог тщательно проверить некоторые материалы, относящиеся к твоему письму, а также проверить обстоятельства, при которых они были написаны.

Ты ссылаешься на «Саенс Ньюс леттер» и журнал «Тайм», как свидетельства неблагоприятного отношения к работе д-ра Великовского, совпадающие с твоим, но, если я не ошибаюсь, есть абсолютно точные свидетельства, что главным инспиратором этих враждебных взглядов является д-р Харлоу Шапли из обсерватории Гарвардского университета!

Ты замечаешь, что ничего не пишешь лично по поводу д-ра Великовского или Лараби, и что, фактически, единственной острой реакцией было твое письмо ко мне».

Теккерей пишет, что не только статья Пайн-Гапошкин была инспирирована Шапли, но его два письма в компанию «Макмиллан» «были такими шипящими, что, в сравнении с ними, твои письма ко мне могут показаться приветливыми».

«Я не сомневаюсь, что многие группы, включая группу гарвардских профессоров, которые не невоспитанны, безрассудны или глупы, цитируя тебя и соглашаясь с тобой по этому поводу, — придерживаются взглядов, совпадающих с твоими; но я был бы удивлен, обнаружив, что они пришли к своему заключению абсолютно независимо от беседы с тобой».

Теккерей пишет, что его озадачивает и приводит в уныние одно обстоятельство: все эти взгляды были высказаны, статья Пайн-Гапошкин была написана, когда никто из них не читал ни рукописи, ни книги. Он удивлен абзацем, в котором Шапли пишет, что вице-президент Американского астрономического общества пожелал послать протест компании «Макмиллан», а Шапли, мол, выступил против этого, поскольку «свобода публиковать является основной свободой». Не вице-президент, а именно Шапли самыми энергичными выра-

жениями пытался воздействовать на издательство, чтобы не дать опубликовать книгу Великовского.

«Не будешь ли ты любезным убедить меня, что эти данные не соответствуют истине; а если нет, дай мне знать, как это примирить с абзацем из твоего письма от 8 марта, и не дашь ли ты мне копии твоих писем издательству».

Теккерей пишет, что в этой переписке у него есть минимум одно преимущество не только перед Шапли, но и перед Гапошкин, — он внимательно прочитал книгу, а они этого не сделали. Он показывает, как в связи с этим Гапошкин в своей статье в «Рипортер» написала чушь и ложь по поводу вавилонских таблиц, описывающих Венеру.

«Все это показывает, что ты и миссис Гапошкин предприняли обширные и успешные попытки подавить книгу и повредить ей заявлениями, не подтвержденными текстом книги. К этой же категории относится заявление Гапошкин о том, что Великовский путает Овидия и Гесиода. Она путает...»

Существует еще одно дело, которое крайне удивляет Теккерей. Он информирован, что Этвотер уволен с должности куратора за его мягкую поддержку Великовского. Возможно ли, что реакция Шапли привела к этому решению?

«Я с интересом заметил, что ты считаешь себя повторением прецедента некоего Галилея: но я сомневаюсь, поймешь ли ты справедливость моего замечания о том, что тезис Галилея опережал науку его времени. Я подумал, что было бы справедливее, если бы д-р Великовский сослался на Галилея, как на прецедент!»

Искренне Тед».

30. ЛЕКЦИЯ В КОЛУМБИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Вторая по величине аудитория Колумбийского университета — театр Харкнеса — 9 мая 1950 года была заполнена до предела. Люди стояли у стен и сидели в проходах, толпились в вестибюле у открытых дверей, стараясь увидеть и услышать, что происходит в зале.

Иммануил Великовский, приглашенный Английским обществом выпускников Колумбийского университета, читал лекцию о находках, подтверждающих теории, изложенные в «Мирах в столкновениях». Он демонстрировал уязвимость доктрины об эволюции.

Когда Великовский закончил лекцию словами «могут пройти многие годы, прежде чем моя теория станет текстом учебников», аудитория отреагировала громом аплодисментов, хотя, безусловно, она не состояла на сто процентов из последователей Великовского, или ставших его сторонниками в результате лекции. А затем началось то, что студенческая газета «Коламбия спектейтор» на следующий день назвала фейерверком. Посыпались вопросы, на которые Великовский отвечал с еще большим блеском, еще более интересно, чем излагал материал лекции.

Председатель не замечал тянущейся руки джентльмена с видной внешностью, и Великовский привлек к нему внимание председателя. Джентльмен встал и задал вопрос о вавилонских таблицах. Не успел он произнести несколько слов, как Великовский сказал:

— Простите, что я перебиваю. Я подозреваю, что задающий вопрос — мистер Кэмпферт из «Нью-Йорк таймс»?

Джентльмен не отреагировал на это и продолжал говорить. Но аудитория отреагировала веселым смехом. Было очевидно, что Великовский не ошибся.

...В тот же полный событиями день 2 апреля 1950 года в «Книжном обозрении» появилась статья Вольдемара Кэмпферта, занимавшего в «Нью-Йорк таймс» такое же положение, какое О'Нейл занимал в «Геральд трибюн». Он обвинил Великовского в том, что о вавилонских таблицах, описывающих положение Венеры, упоминается только в сносках, что уже за 3000 лет до нашей эры древние вавилоняне и египтяне видели Венеру там же и такой же, какой видим ее мы сейчас. Статья была написана зло. Было ясно, что автор не читал «Миры в столкновениях», а почерпнул ложные сведения из статьи Пайн-Гапошкин.

Сейчас у Великовского появилась возможность ответить на эту статью.

Демонстрируя феноменальную память, он цитировал книги и статьи, называл авторов, год издания, номера выпусков и даже страницы. Аудитория не скрывала своего восторга и восхищения. Кэмпферт пытался возражать, продолжая поток вопросов. Аудитория видела в нем сильного подготовленного противника. Но до Великовского ему было очень далеко. Кэмпферт был вынужден признать себя побежденным.

— Итак, уважаемый мистер Кэмпферт, — заключил Великовский, — вы заблуждались по всем пунктам. Вавилоняне в шестнадцатом веке до нашей эры видели Венеру не в том месте и не такой, как видим ее мы. Что касается египтян, то они наблюдали не за 2800 лет до нашей эры, как вы писали, да еще округлили до 3000 лет, а только с начала Нового царства. И вовсе не Венеру, а

Сириус. Когда вы увидели, что ошиблись, логика вашего построения была следующей: действительно, это не Венера, а Сириус, действительно, не за 3000, а за 1900 лет до новой эры. Но если египтяне видели Сириус за 1900 лет до новой эры, то они должны были видеть также Венеру. А если они видели ее за 1900 лет, то почему бы им не видеть за 3000 лет до новой эры? Странная логика, не так ли? Осталось ли что-нибудь из ваших возражений? По этому поводу я посмею рассказать вам весьма поучительную историю. Однажды к пекарю пришла девочка. Мама велела ей сказать, что в булочке, купленной сегодня утром, оказалась муха. На это пекарь ответил: «Принеси мне эту муху и ты получишь взамен булочку». Аудитория отреагировала на это дружным смехом и аплодисментами.

После лекции Великовский подошел к своему противнику, стоявшему в окружении людей, обменялся с ним рукопожатием и несколькими словами по поводу автомобильной катастрофы, в которую недавно попал Кэмпферт. У окружающих не было сомнения в том, что научный обозреватель «Нью-Йорк таймс» сожалеет о своей статье. Во всяком случае, его больше не было в лагере противников Великовского.

31. ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫНУЖДЕНО ОТКАЗАТЬСЯ ОТ БЕСТСЕЛЛЕРА НОМЕР ОДИН

Посещение дантиста — событие не столь привлекательное для описания жизни ученого, как публичная лекция. Но жизнь, увы, состоит не из одних привлекательностей.

Мало радости сидеть в зубоврачебном кресле и настороженно прислушиваться к гнусному жужжанию бормашины. Но, в сравнении с тем, что произошло в течение ближайшего часа, зубоврачебное кресло можно было считать местом в десятом ряду филармонии, а жужжание бормашины — финалом Девятой симфонии Бетховена.

Дантист ответил на телефонный звонок и тут же передал трубку Великовскому.

Элишева сообщила, что звонили из «Макмиллан». Президент компании хотел бы срочно встретиться с Великовским.

Встреча состоялась уже спустя несколько минут. Сперва в рабочем кабинете президента, а потом продолжилась в его квартире за чаем. До этого Великовский никогда не видел Джорджа Бретта.

Компания «Макмиллан», рассказывал президент, попала в ужасное положение. Основная деятельность и основной доход компании — издание учебников. После выхода в свет «Миров в столкновениях» агенты компании возвращаются из университетов с пустыми руками. Университеты перестали покупать учебники, изданные «Макмилланом». Профессора объявили бойкот и отказались издавать в «Макмиллане» свои книги. Издательство терпит огромные убытки. Доктор Великовский делает доброе дело, если согласится расторгнуть договор. Разумеется, доктор Великовский не пострадает. Уже найдено другое не менее уважаемое издательство, которое согласилось взять книгу. Это «Даблдей и К°». Оно больше «Макмиллана». К тому же, там нет слабого места — отделения учебников.

Великовский не мог поверить услышанному. В Соединенных Штатах ежегодно издаются десятки тысяч книг. В их числе может быть совершенней-

ший абсурд. Могут быть книги от черной, белой, «в полосочку» и «в крапинку» магии до грязной порнографии. Ни одному издательству никогда за это не объявляли бойкот. А тут... Даже если не все, содержащееся в книге, выдержит обоснованную научную критику, то и в этом случае нет объяснения и извинения ученым, ведущим себя подобным образом.

А издательство? Книга издана не отделением учебников, а коммерческим отделом. Книга числится первым номером в списке национальных бестселлеров. На сегодня за два с половиной месяца продано 54000 экземпляров по четыре с половиной доллара за экземпляр. И при этом издательство хочет расторгнуть договор!

Более того. Бретт предупредил, что все это пока должно оставаться абсолютной тайной. О передаче книги другому издательству знают восемь человек — четыре в «Макмиллане» и четыре в «Даблдей и К°». Даже Путнэму не следует сообщать об этом.

Великовский прочитал восемь угрожающих писем профессоров, полученных издательством. Профессор Маклоулин, астроном из Мичиганского университета, с гордостью писал: «Нет, я не читал «Миры в столкновениях» и никогда не прочту». Примерно так же звучало письмо профессора Поликарпа Куша, физика из Колумбийского университета...

Президент согласился дать Великовскому копии этих писем, если они расстанутся дружелюбно. Беседа становилась все менее мирной. Бретт, по видимому, впервые наткнулся на подобное упрямство и независимость автора.

— Ну, а если моя теория верна? Что, если, как многие обозреватели писали, это большой шаг

вперед? Как будет выглядеть ваш издательский дом в будущем? Возможно, что мои преследователи станут известны потомкам не благодаря их научной деятельности, а именно благодаря тому, что они преследовали меня, — Великовский добавил, что сообщит о своем решении в течение двух недель и, едва сдерживая гнев, расстался с президентом.

Бретт позвонил значительно раньше двухнедельного срока: Великовский задерживает его очень важную деловую поездку в Европу. Он прозрачно намекнул, что если Великовский не освободит их от договора, книга умрет в издательстве.

Через несколько дней на деловом обеде с английским издателем Виктором Голанцем будет присутствовать Путнэм. Связанный словом, данным Бретту, Великовский не мог предупредить своего друга о том, что передачу книги издательству «Даблдей» можно считать почти решенным вопросом. С другой стороны, ему не хотелось поставить Путнэма в неловкое положение перед Голанцем, специально приехавшим из Лондона, чтобы заключить с Великовским договор на издание книги в Англии. Голанц был серьезным издателем. Ежегодно он отбирал в Америке не более пяти самых достойных книг для своего издательства. В этом году в его список, разумеется, попали «Миры в столкновениях» — национальный бестселлер номер один из недели в неделю.

Великовский позвонил Путнэму и, не объясняя причины, стал многозначительно уверять, что при любых обстоятельствах он останется самым верным другом, всегда благодарным за все, сделанное для него и для его книги.

Путнэм тут же понял: произошло что-то необычное. Через несколько часов, предварительно побе-

седовав с главным редактором, он позвонил Великовскому и сказал, что ему известны все детали этого позорного дела, и во время обеда с Голанцем он не окажется в глупом положении.

32. ПУТНЭМ УВОЛЕН ВСЛЕД ЗА ЭТВОТЕРОМ

Тед Теккерей ничего не знал о происшедшем, когда получил очередное письмо от Шапли.

«6 июня 1950 года

Дорогой Тед:

На мое письмо от 8 марта ты ответил 10 апреля. Я бы должен был написать тебе 12 мая, но в ту пору я был на нашей западной наблюдательной станции.

Сомневаюсь, есть ли смысл в дальнейшей переписке по поводу д-ра В. и его невероятно успешных писаний. Определенно, ты, он и его издатели должны быть вполне удовлетворены лидирующим положением его бестселлера из недели в неделю, а я могу быть удовлетворен тем, что я еще не встретил астронома и, вообще, ученого или исследователя любого сорта, который всерьез воспринял бы «Миры в столкновениях». Одни обратили внимание на умные построения; другие — на очаровательный литературный стиль; а некоторые, полностью реабилитировав д-ра В. (который может делать, что ему нравится в этой свободной стране), не сдержаны в своих обвинениях когда-то уважаемого издателя. Этот пункт указывается во многих обзорах.

В годичном докладе на заседании важного научного фонда в субботу видный американский физиолог оплакивал темное будущее и явный упадок нашего времени. Мы полностью провалились в нашем научном общении, подчеркнул он, в противном случае «Миры

в столкновениях» не имели бы такой притягательной силы. Он считает, что д-р В. и сенатор Маккарти являются символами чего-то ужасного и приносящего зло. Но меня это не беспокоит. Время — хороший врачеватель.

Одна вещь беспокоит меня в твоих письмах — намек на то, что каким-то образом я был организатором «крестового похода» против д-ра В. Из всех астрономов, с которыми приходилось общаться, я — наиболее мягкий и прощающий. Ты обвиняешь меня в том, что я — организатор различных гипотетических крестовых походов и что мои письма в компанию «Макмиллан» были обжигающими. Как ты неправильно судишь! Я прилагаю копии этих писем, а также копию письма президента компании «Макмиллан». Перечитав, я чувствую, как мне грустно, но я не разъярен.

*Искренне
твой Харлоу».*

Можно понять эту грусть. Шапли считал себя настолько умным и неуязвимым, что вряд ли кому-нибудь удастся содрать с его лица маску добропорядочного ученого-либерала и увидеть истинный облик — кстати, весьма и весьма неприглядный. И вдруг это сделано! Не каким-либо малозначительным противником, которого ко всему можно еще лягнуть упреком в сведении политических счетов. Нет, сделано безупречным Тедом Теккерем, другом и соратником по лагерю либералов. Грустно...

В письме содержится упоминание имени, которое, возможно, явится отправным пунктом исследований для будущего историка науки: Маккарти.

Конец сороковых и начало пятидесятых годов в Америке. Борцы за мир из самых благородных побуждений делают все возможное, чтобы обезо-

ружить демократические страны и подвергнуть их страшной угрозе, не менее опасной, чем недавно пережитый миром ужас войны с Германией. Из самых благородных побуждений. Действительно, правильно говорят: «благими намерениями дорога в ад вымощена».

Как противодействие этому — неслыханная в Америке, кажущаяся неадекватной реакция бешеного сенатора от штата Висконсин Джозефа Маккарти, личности, заметим, мало симпатичной.

Больше всего страдает интеллигенция и ее передовой отряд — ученые. Сторонники причинно-следственной философии не замечают парадоксальной ситуации: в Америке происходит не самопроизвольное зарождение фашизма; их неразумная деятельность, их непонимание того, что фашизм не обязательно должен называться фашизмом, вызывают реакцию в стране, в том числе и посягательство на какую-то толику академической свободы. Ученые ущемлены и подавлены. Но, по крайней мере, они остаются полновластными владельцами интеллектуальных ценностей. Они непререкаемые жрецы в храме науки.

И вдруг в этот храм вторгается чужеземец и демонстрирует враждебной черни непрочность «храма» и уязвимость его «жрецов». В такое-то время! Когда всякие «маккарти» только и мечтают прибрать их к рукам!

Шапли бросил в «пришельца» первый камень. Кругами расходятся волны: Гарвардская обсерватория, возбужденные и враждебные астрономы. Никто из них еще не читал книги. Но это никого не волнует, ведь уже создано «мнение». Кругами расходятся волны: знакомые астрономов, знакомые их знакомых — на кафедрах в университетах, в

салонах. «Скандалную» тему подхватывают нечистоплотные журналисты. Представители второй древнейшей профессии обвиняют Великовского в погоне за долларом. Это его-то, человека, во имя науки обрекшего себя и своих близких на материальное положение, даже отдаленно не соответствующее его статусу! (Есть какая-то закономерность в отношении нечистоплотных журналистов к имени Великовского. Она продолжается до сегодняшнего дня. Велика вероятность того, что и в будущем их грязные руки не оставят его в покое).

И только относительно немногие, — те, кто внимательно прочитал книгу, — понимали, какая интеллектуальная глыба, какая высота появилась в современном научном мире. Однако среди понимающих были и такие, которые в силу привычки и приобретенных знаний не могли согласиться с этой теорией.

...Книга издается вторым, третьим тиражом. Книга продолжает оставаться бестселлером. В университетских общежитиях студенты книгу читают «в подполье», чтобы не навлечь на себя гнев преподавателей и ученых, «имеющих мнение». Но во всем мире есть большая группа читателей, спокойно воспринявших и принявших теорию Великовского. Это — инженеры. Ученые и преподаватели университетов считают себя глубоко оскорбленными. Поэтому они продолжают критиковать книгу, которую не читали, и оскорблять человека, о котором не имеют представления. Кто знает, как восприняли бы теорию Великовского, появившись она на десять лет позже...

Четыре года назад Великовский начал поиски издателя. Девять издательств отказались публиковать его книгу. Сейчас крупнейший издательский

дом Америки — «Даблдей и К°» — настойчиво добивается согласия Великовского опубликовать «Миры в столкновениях». Они увеличили гонорар, превысив сумму, выплачиваемую автору компанией «Макмиллан», они обещали бережное отношение к книге, рекламу... словом, все то, что обеспечивает ее успех. Кроме, разумеется, успеха у читателей. Впрочем, его уже не надо было «обеспечивать», он был. 28 июня 1950 года Великовский подписал договор с «Даблдей и К°». «Нью-Йорк таймс» и другие газеты тщетно пытались узнать, что произошло. Они обратились в компанию «Макмиллан» и, естественно, наткнулись на глухую стену. На первый взгляд, может показаться неестественным, что Великовский категорически отказался дать газетчикам хоть какую-нибудь информацию по этому поводу. В ту пору он знал меньше, чем знает читатель этой книги, но достаточно, чтобы поведать кое-что о поведении некоторых ученых. Тем не менее, он молчал. Молчал, как член корпорации ученых, не желавший пятнать знамя, под которым стоял.

И все-таки дотошные журналисты кое-что пронюхали. 18 июня 1950 года в «Нью-Йорк таймс» появилась статья о том, что под давлением научных кругов компания «Макмиллан», имеющая уязвимое «подбрюшье» — отдел учебников — вынуждена была отказаться от самой доходной книги. «Не было ли это цензурой?» — вопрошала газета.

Астрономы продолжали заявлять, что «самое абсурдное» в теории Великовского — это утверждение о коллизиях в историческое время. Никаких коллизий не было и не могло быть! И вдруг в печати появилось сообщение доктора Фреда Уипли (астронома из Гарвардского университета, ас-

систента Шапли!) о двух столкновениях астероидов с кометой в историческое время. Но все это, включая описанные Великовским коллизии в Солнечной системе, оказалось ничтожным, едва заметным в сравнении с галактическими катастрофами, обнаруженными астрономом доктором Вальтером Бааде из обсерватории Маунт Уилсон и Паламарской и директором обсерватории Принстонского университета доктором Лайменом Спитцером. На заседании Американского астрономического общества, состоявшемся в Блумингтоне (штат Индиана) 19 июня 1950 года, они доложили о столкновениях звезд и галактик.

Великовский с удовлетворением прочитал этот доклад. Он живо представил себе, как должны были отреагировать на него присутствовавшие на заседании Шапли и Струве. Однако все это выходило за пределы его повседневных забот. Главной из них была работа над «Веками в хаосе» — книгой, которую предстояло опубликовать.

Были радости и горести, не имевшие отношения к работе. Из Израиля приходили добрые письма от Шуламит. Рут вышла замуж и уехала с мужем в Калифорнию. Немногочисленные пациенты, число которых Великовский по-прежнему жестко лимитировал, стали источником дополнительной, не публикуемой в газетах информации о том, как мир реагирует на книгу и на то, что происходит вокруг нее.

Десять лет скромной, а иногда — более чем скромной жизни. Тяжелый, мало вознаграждаемый труд. Отсутствие возможности сделать обеспеченной жизнь семьи. Но ни единого слова, ни единого намека, ни единого осуждающего взгляда со стороны Элишевы. Только понимание и поощре-

ние. Мог бы он осуществить все то, что сделал, не будь у него такой жены?

На фоне обструкции и вакханалии, учиненной группой ученых, на фоне грязной истории с издательством «Макмиллан» объявление «Миров в столкновениях» национальным бестселлером номер один явилось для Великовского в какой-то мере утешением, но, увы, не компенсацией. И даже появившиеся деньги имели для него ценность только потому, что можно было доставить радость Элишеве, подарив ей вещи, которых она была лишена.

Еще в конце зимы норковая шуба стала первым подарком, купленным на гонорар, полученный от издательства «Макмиллан». Шуба действительно понравилась Элишеве. Но она сумела внушить Иммануилу, что жизнь и без материальных благ ей вовсе не в тягость. Конечно, в ветреную и промозглую нью-йоркскую зиму норковая шуба предпочтительнее скромного пальто, но только потому, что хорошему нет предела. Можно пере-зимовать и в пальто.

Великовский оценил такт и юмор Элишевы не только как любящий муж. Он уловил подавленные, глубоко запрятанные желания.

Но второй подарок!.. Прекрасная скрипка Амати. Элишева не могла оторваться от нее. Она даже не пыталась скрыть своего восторга. А Иммануилу это доставило еще большую радость.

Утром 20 июня 1950 года Великовскому позвонила сотрудница компании «Макмиллан» и, попросив не упоминать ее имени, сообщила, что Джеймс Путнэм уволен с работы. Люди подавлены. Уволен редактор книги, ставшей национальным бестселлером номер один, человек, вся жизнь которо-

го была связана с компанией «Макмиллан» и принадлежала ей.

Великовский не мог поверить услышанному. Тут же он позвонил Путнэму и убедился в достоверности печальной вести. Путнэм пытался скрыть свою подавленность, но Великовский отлично понимал, что чувствует этот добрый и благородный человек.

Вечером того же дня Великовский позвонил Гордону Этвотеру. Трубку сняла миссис Этвотер. Она сказала, что муж уехал на Бермуды, где он участвует в гонках яхт. Великовский сообщил ей, что завтра состоится созванная им пресс-конференция, на которой он расскажет об увольнении Путнэма. Ему хотелось бы также рассказать об обстоятельствах увольнения ее мужа. Миссис Этвотер настоятельно попросила не упоминать об этом.

Пресс-конференция состоялась на следующий день. Великовский рассказал, почему и как он сменил издательство, рассказал о разговоре с Бреттом и об увольнении Путнэма. В четверг, 22 июня 1950 года «Геральд трибюн» и несколько других газет опубликовали статьи о пресс-конференции. В компании преследования Великовского участвовало незначительное число представителей американской науки. Но это были громогласные, кричащие представители. Большинство молчало — либо не сформулировав своего мнения, либо не желая высказать его: ни «за», ни «против». Были и другие. Их не интересовала буря, поднявшаяся вокруг книги и ее автора. Они знали, как прокладываются пути в науке. Их реакция была известна Великовскому и нескольким его друзьям. Примером такой реакции стало письмо профессора Роберта Пфейфера Великовскому:

«Позвольте мне прежде всего поздравить вас, не с тем, разумеется, что ваша книга стала «мчащимся бестселлером», а с великолепными качествами содержания и формы этой книги. Я читал ее, полный восторга, впитывая содержание, подхваченный космической драмой, которую вы развернули передо мной. Я был изумлен глубиной и широтой вашей эрудиции, равной которой я не встречал нигде, за исключением, возможно, «Упадка Запада» О. Спенсера»...

Письмо Пфейфера согрело Великовского в трудную пору. Но Пфейфера можно было заподозрить в пристрастности: он был другом. К тому же Пфейфер — не астроном, и в исторических доказательствах, приведенных в «Мирах в столкновениях», он, конечно, не нашел противоречий. Но можно ли было обвинить в пристрастности профессора Вальтера Адамса?

Еще летом 1946 года, после неудачной попытки получить поддержку у Шапли, Великовский запросил у Адамса, директора Паламарской и Уилсоновской обсерваторий, информацию об атмосфере Венеры. И получил от того ответ, что никаких данных о содержании углеводов в атмосфере этой планеты нет. В конце весны 1950 года, когда уже бушевала вакханалия, учиненная Гарвардской обсерваторией и последовавшими за ней астрономами, Великовский послал профессору Адамсу экземпляр своей книги, приложив короткое письмо. В ответ в июле 1950 года он получил от профессора Адамса большое письмо. Адамс в частности писал: *«Прочитав вашу книгу, я определенно не согласен с критиками, о которых вы пишете. Книга произвела на меня сложное впечатление. В вводных главах, я думаю, вы честно и разумно привели сведения, относящиеся к происхождению*

Солнечной системы. Астрономы просто еще не знают ответов на эти вопросы, хотя наблюдается некоторый прогресс, так как время от времени предлагаются гипотезы, подлежащие обсуждению и критике.

Вы должны были потратить невероятную уйму времени и усилий, чтобы сопоставить массу мифов, преданий, надписей и цитат. Я убежден, что вы оказали действительную услугу ученым и публике, скомплектовав воедино материал, который малодоступен и требует исследовательской работы, чтобы быть обнаруженным. С другой стороны, я не могу избавиться от ощущения, что вы переоценили этот материал, как доказательство».

Адамс писал, что примитивные народы в маленьких странах, лишенные контакта с окружающим миром как маленькие дети, могли воспринимать и реагировать на извержения вулканов, землетрясения и т. д. Жители Помпеи, вероятно, думали, что настал конец света. Ссылка на то, что примитивные люди не видели Венеру, хотя и интересна, но всего лишь негативное свидетельство. Адамсу легче поверить в то, что по какой-то неизвестной причине Венера не была причислена к планетам, чем вовсе не существовала. Естественно, что в письме профессора Адамса критика и дальше велась с позиций современной астрономии, хотя именно из обсерваторий, директором которых он был, шесть недель назад вышла работа о коллизиях между звездами и даже галактиками.

Адамс закончил свое письмо несогласием и неудовольствием по поводу преследований, которые обрушились на автора «Миров в столкновениях».

В своем ответе Великовский показал, почему он не согласен с профессором Адамсом, сравнивающим древние народы с «маленькими детьми». Изучая

историю, он убедился в том, что древние люди были большими стойками, чем мы. Он ссылался на письмо очевидца гибели Помпеи, Плиния Младшего Тациту, из которого видно, что эта катастрофа не была воспринята как всемирная. Из преданий, легенд и исторических записей извлечены не только данные о приливных волнах землетрясениях и извержениях вулканов. Это рассказы о солнце, изменившем свое место, о горящем мире, о Полярной звезде на новой позиции, о Венере, присоединившейся к семье планет...

«Возможно, я утешаю себя, — писал Иммануил, — но идея, что наша переписка не будет выброшена в бумажную корзину истории, не покидает меня. Не знаю, как выразить вам свою благодарность лучше, чем написав подробный ответ на ваше письмо».

Великовский не ошибся. Они стали друзьями. Их оживленная переписка продолжалась до смерти Вальтера Адамса в 1956 году. К ней обращаются сегодня. К ней еще будут обращаться поколения биографов и историков науки.

33. ДОГОВОР НА НЕМЕЦКОЕ ИЗДАНИЕ. НЕНАЗВАННЫЕ ИМЕНА

В Англии книга Великовского подверглась критике видного астронома профессора Гарольда Спенсера Джонса. В «Спектейтор» 22 сентября 1950 года появилась его статья «Ложный след». В ней автор, в частности, писал, что, стартуя с настоящей позиции Земли, Марса и Венеры на несколько тысяч лет назад, нетрудно подсчитать, что события, так ярко описанные доктором Великовским, не имели места.

27 октября 1950 года «Спектейтор» поместил ответ Великовского королевскому астроному. Великовский удивлялся, как рецензент мог допустить в своей статье грубейшие ошибки, не только извращающие смысл цитируемого им текста, но и делающие невозможным подсчет орбит, о котором говорит астроном. По этому поводу Великовский ссылается на ныне наблюдаемые особенности движения Земли и Марса по отношению друг к другу, подтверждающие правильность его теории о коллизии этих двух планет во время между -747 и -687 годами.

Чтобы продемонстрировать несостоятельность теории Великовского, профессор Джонс в своей рецензии написал, что хвосты комет настолько неплотны, что они отклоняются силой давления света. Это была принятая в ту пору ортодоксальная точка зрения астрономов. По этому поводу Великовский писал, что сила солнечного притяжения в десять тысяч раз сильнее давления света. Потому не в этом следует видеть причину странного поведения хвоста кометы, противоречащего не только законам гравитации, но даже законам движения.

Аргумент, что масса Венеры значительно больше массы комет, был приведен Джонсоном, а еще раньше — Шапли. На это Великовский возразил: «Разве не были Юпитер, Сатурн, Венера или Земля кометами, когда они двигались по удлинённому эллипсу после того, как, согласно приливной теории, они оторвались от Солнца?»

Сэр Гарольд, увы, не сумел ответить как на этот вопрос, так и на другие возражения Великовского. У него самого возникли сомнения по этому поводу. Великовский знал это, потому что читал рабо-

ты Джонса, в которых тот сам говорил об электрических феноменах в кометах.

Реакцию королевского астронома на книгу «Миры в столкновениях», вероятно, можно объяснить все тем же «стадным чувством», тем более, что первая часть его статьи очень точно и в уважительной манере излагала содержание книги Великовского.

Еще одна атака на «Миры в столкновениях» в Англии была предпринята эволюционистом. Защищая дарвинизм и Дарвина, он, вероятно, считал, что отстаивает не только эволюционную теорию, но и национальную честь Великобритании.

В отличие от США, средства массовой информации на Британских островах не последовали за двумя упомянутыми рецензентами. Реакция газет была более чем положительной. Газета в Эдинбурге, высоко оценивая книгу, с гордостью упомянула о том, что Великовский учился в Эдинбургском университете. Респектабельная «Таймс» с неодобрением отметила неджентльменское поведение американских ученых и их давление на компанию «Макмиллан», оценив все это как «усилие предотвратить разрушение их собственной репутации и ортодоксальной физики».

Зато в Германии реакция на «Миры в столкновениях» была весьма похожей на американскую. Возможно, что ко всему примешивался еще один — весьма существенный! — субъективный фактор.

Уже в апреле 1950 года Великовский получил примерно от сорока издательств Германии настойчивые предложения опубликовать «Миры в столкновениях» в переводе на немецкий язык. Великовский, аккуратно отвечающий на любые письма, не посчитал нужным ответить на предложения

немецких издательств. Подобно американскому правительству во время войны, он и сейчас придерживался презумпции виновности нации. Спустя несколько лет он напишет по этому поводу: «Кровь замученных евреев все еще кричала из почвы Германии, и я категорически отказался дать право перевода книги на немецкий язык любому издательству Германии».

Договор на издание своей работы на немецком языке Великовский подписал со швейцарской фирмой «Европа Ферлаг». Однако, узнав, что эта фирма тесно сотрудничает с немецкими издательствами, он тут же категорически запретил издание «Миров в столкновениях» в Германии, пригрозив расторжением договора.

Снова посыпались письма от немецких издательств с уверениями, что они не имели ничего общего с нацистским режимом, что они сами страдали от гестапо, были в них и другие утверждения подобного рода. Директор «Европа Ферлаг», сославшись на то, что он представитель семьи знаменитых швейцарских социалистов, заверил Великовского в том, что по природе вещей он не может сотрудничать с фирмой, хотя бы в малейшей степени замешанной в контактах с фашистским режимом. Он лично предложил штутгартскую фирму «Кольтхаммер Ферлаг» и в качестве доказательства ее безупречности приложил каталог этого издательства с 1933-го по 1945 год.

Еще 3 июля 1950 года в «Ньюсуик» под заголовком «Академическая свобода: профессора-подаватели» появилась статья, рассказывающая о том, как под натиском определенных профессорских кругов компания «Макмиллан» была вынуждена отказаться от наиболее ценной литературной соб-

ственности этого года и отдать ее сопернику — «Даблдей и К°».

Профессора-подаватели попытались защитить свою позицию. Мол, если бы книгу Великовского опубликовало любое другое издательство, а не компания «Макмиллан», известная изданием апробированных теорий и учебников, то ни один ученый не пошевелил бы пальцем против этой книги. Но так как издание «Миров в столкновениях» «Макмилланом» как бы утверждает, что представленные в книге теории приняты наукой, ученые были вынуждены любыми средствами опротестовать подобную несправедливость и несуразность. Но, в таком случае, организованное преследование должно было немедленно прекратиться после передачи книги «Даблдей и К°».

Должно было, если бы аргументы, которыми преследователи хотели оправдать свои действия, имели что-нибудь общее с истиной. Книга, ее содержание, ее логика и убедительные доказательства каждого положения — вот что пугало догматиков. Книга требовала пересмотра существующих положений. Книга сбрасывала с пьедесталов ортодоксальных корифеев науки. «...Если его (доктора Великовского) теории или любая их часть верны, — писала 25 сентября 1950 года «Гарвард кримсон», студенческая газета Гарвардского университета, — то ученые во многих областях должны будут изменить основы работ всей их жизни». Вот, оказывается в чем дело! Вот она — причина яростных организованных атак представителей ортодоксальной науки.

В статье в «Гарвард кримсон» подчеркивалось, что, отвечая на вопросы о событиях последних нескольких месяцев, Великовский говорил только о давлении и преследовании, но категорически

отказывался назвать имена. Суммируя деятельность его врагов, Великовский сказал: «Безотносительно к тому, кто это совершает, несомненное зло — стараться подавить книгу. Во-вторых, несомненное зло — делать это подпольным образом. В-третьих, что еще хуже, несомненное зло — делать это, не читая книги. В-четвертых, несомненное зло — пытаться повлиять на рецензентов. И, наконец, сделав все это, несомненное зло — не признавать этого».

В том самом номере «Гарвард кримсон» опубликовала следующее заявление:

«Утверждение, что книга д-ра Великовского подавлялась, всего лишь рекламный трюк. Так же, как и в случае запрещения книги в Бостоне, это улучшает ее продажу. Предпринималось несколько попыток связать действие, препятствующее публикации этой книги, с какой-то организацией или с Гарвардской университетской обсерваторией. Это абсолютно не соответствует истине.

Харлоу Шапли».

Логика гарвардского профессора невольно заставляет обратиться к примеру из еврейской классики. Когда женщина пожаловалась на соседку, возвратившую ей треснувший горшок взамен целого, соседка представила три возражения. Во-первых, я не одалживала у нее горшок. Во-вторых, я его отдала целым. В-третьих, он был разбитый, когда я его одолжила.

Во-первых, заявляет профессор Шапли, никакого подавления книги не было, это рекламный трюк. Во-вторых, Гарвардская обсерватория не имеет никакого отношения к действиям, связанным с подавлением книги. Для полноты сравнения не

хватает еще одного заявления Шапли — о том, что он способствовал публикации книги.

«Гарвард кримсон» еще раз упоминает уже известный факт: Великовский отказывался назвать имена своих врагов. Почему?

«Хотя я становился все более озабоченным большим ущербом для моей книги и для меня лично, я хранил молчание по двум причинам, — так объяснит Великовский через несколько лет причину своего поведения. — Я хотел обсуждения книги на научной основе; я хотел простить ущемлявших мое достоинство, не называя их имен, в надежде, что их эмоции улягутся, и они вернуться к конструктивному анализу книги. Мне также хотелось сохранить доброе имя науки во мнении публики, несмотря на то, что я подвергался незаслуженному избиению: я был готов расстаться с положением автора бестселлера, чтобы спокойно продвигаться, работая над будущими томами, относящимися к астрономическим, геологическим и историческим аспектам моей теории. Я считал себя одним из группы ученых, которые служат человечеству преданностью науке. Я хотел, чтоб утихла неистовая ярость, чтобы моя книга и моя теория могли найти беспристрастное отношение и были проверены в тех областях, в которых я предложил проверку».

Великовский отказался дать материал и назвать имена, когда к нему пришел один из редакторов «Сэтердей ивнинг пост» Фредерик Нельсон. Тем не менее, 18 ноября 1950 года, в этой газете появилась статья, озаглавленная «Сумасшедший сезон 1950 года выглядит необыкновенно сумасшедшим». Объясняя причины «дела Великовского», газета обратила внимание на то, что «...он пишет лучше большинства ученых, и в его книге представлена

теория астрономической активности, которая в значительной мере отличается от ортодоксальных теорий». «Даже сумасшедший сезон не может извинить ученых, сжигающих книги. После всего, именно они всегда являются жертвами такой нетерпимости».

34. «ОТВЕТ МОИМ КРИТИКАМ»

В начале ноября 1950 года Великовский подписал договор с «Даблдей и К°» на издание книги «Века в хаосе». В «Мирах в столкновениях» он ссылаясь на первые главы этой книги. Из ссылки было ясно, что ученый мир, на сей раз историков, ждет очередная «бомба». У ортодоксов-историков оснований встревожиться было не меньше, чем у астрономов. И вот Американское ориенталистское общество мобилизует своего казначея-секретаря доктора Стефенса для подготовки письма одному из уважаемых членов этого общества Джону О'Нейлу с просьбой предотвратить публикацию книги.

О'Нейл дорожил званием члена этого общества. Больше того, он гордился им. Вместе с тем, О'Нейл был одним из первых, кто разглядел в Великовском ученого необыкновенной величины. Он был первым, кто опубликовал обзор о Великовском и его теории. Неужели ориенталисты могли предположить, что, он как член их корпорации запяtnает свои руки преследованием великого ученого, дружба, даже знакомство с которым ценнее звания члена любого научного общества? Что ж, придется объяснить им.

В большом письме Стефенсу он, в частности, писал: «...мистер Шапли начал кампанию осмеяния

и подавления книги так скверно, как никогда ничего подобно оскверняющего не было в американской науке и ученом мире. Атака началась прежде, чем он прочитал даже первую книгу» (О'Нейл в этом же письме указывает, что «Миры в столкновениях» содержат только 20% тезисов Великовского).

«Мистер Шапли побудил сотрудников обсерватории писать мне письма, принуждающие к отходу от поддержки книги и солидаризации с усилиями, которые приведут к ее подавлению. Подобные письма получили и многие другие. Он понуждал астрономов различных обсерваторий писать такие же письма...»

«Я предложил моей газете обозрение о книге и написал бы хорошо сбалансированную статью, представляющую все «за» и «против». Предложение отвергли на том основании, что я желал избежать позорных предубеждений части обозревателей... Написать обозрение на книгу предложили д-ру Струве из Еркской обсерватории, и его обозрение было опубликовано. Д-р Струве по повелению д-ра Шапли предварительно написал мне, требуя отступить от поддержки и помочь в подавлении книги! Это обозрение не было достойно человека его высокого интеллектуального статуса, оно лишь содержало насмешку в сочетании с другими «перлами», излучаемыми группой Шапли...»

«Эта кампания д-ра Шапли разрушает мое представление о свободе слова, об основах американской демократии и об этичном поведении».

Этим не закончилось объяснение, что такое этичное поведение. Вскоре, в ноябре 1950 года, в знак протеста против преследований Великовского О'Нейл вышел из Американского ориенталистского общества. Немногие поступили подобным образом...

Великовского обвиняли во многих грехах. Особенно в том, что источником его идеи стало... Священное писание. Грех усугублялся многократным цитированием Библии. Великовский цитировал также священные книги других народов, что было значительно меньшим грехом. Но Библия!

Грустно писать о том, что консерватизм, житейский практицизм обывателя — сильное и на определенной стадии надежное противоядие против пагубных идей интеллектуалов, не желающих считаться с фактами, если факты не втискиваются в прокрустово ложе их идей. Отвергая религию, интеллектуалы создают себе кумира, какой-нибудь очередной «изм», не имеющий и не могущий иметь адекватной реальности. Служение вымышленным богам заставляет их яростно бороться с религией. Эта борьба настолько ослепляет их, что они не видят очевидных фактов, которые, казалось бы, могли трактоваться как явления природы, не имеющие ничего общего с Божественным началом. Парадоксально, но воинствующие атеисты становятся куда большими идеалистами, чем религиозные люди. Верующий ученый, не нуждаясь в доказательствах существования Творца, находит материальную основу того, что атеисты называют мифами, религиозными сказками для детей, одурманиванием простых и доверчивых людей и т. д. Вместо того, чтобы ухватиться за материальную основу описанных в Библии апокалиптических явлений природы, атеисты просто предпочитают отвергать очевидное. Они уподобляются фермеру, который, увидев жирафа, сказал: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Среди религиозных людей тоже оказалось немало таких, кто обрушился на Великовского, обви-

няя его в безбожии, в ереси и во всех прочих грехах. Больше всего бесновались представители клерикальных кругов Германии.

И в этом случае, не упоминая имен, Великовский писал: «Если бы можно было публично сжечь мою книгу и ее автора, то, вероятнее всего, представители церкви и научной братии воевали бы между собой за привилегию овладеть мною и разорвали бы меня, утаскивая каждый в свою сторону — на свой собственный костер».

И уже без горькой иронии, как на исповеди, он напишет в другом месте: «Я знаю только один путь служить одновременно науке и религии — преследуя истину. Я не считал нужным служить религии, скрывая исторические события, которые я обнаружил. И это определено не в ущерб Израилю, потому что еврейская Библия является абсолютно правдивой книгой».

Все это будет написано позже. А сейчас у Великовского не было возможности ответить на так называемую критику его книги. Только в июне 1951 года «Харпер'с» опубликовал большую статью Великовского «Ответ моим критикам». Текст статьи нельзя пересказать. Его надо было бы переписать полностью. Не только потому, что это первый и единственный ответ преследователям, но и потому, что статья — лучший образец логики, эрудиции и стиля даже для самого Великовского, каждое произведение которого отличается этими качествами.

Ожидалось, что «Харпер'с», поместивший статью Лараби и первое сообщение о «Мирах в столкновениях», предоставит Великовскому свои страницы для ответа критикам. Ведь журналы, находившиеся в руках Шапли и его компании, закрыли

свои двери перед «еретиком». Кто, как не «Харпер'с», должен был сделать все для защиты доброго имени Великовского и его теории, впервые, если не считать обзора О'Нейла, представленной здесь широкой публике?

Еще в январском номере 1950 года читателей известили, что вслед за статьей Лараби появится статья самого Великовского. Более полугода, находясь под непрерывным обстрелом ортодоксальных ученых и их последователей, журнал не решался предоставить Великовскому место на своих страницах. Наконец, главный редактор позвонил ему и сообщил, что решено поместить его статью, если в том же номере журнала будет ответ на нее когонибудь из критиков. Великовский немедленно согласился.

«Харпер'с» начал поиски автора критической статьи. Шапли откликнулся на приглашение журнала, но затем отказался, предложив взамен себя профессора Отто Нойгебауэра, который еще раньше совершенно необоснованно обвинил Великовского в извращении цитаты. Однако, как выяснилось, он сам оказался специалистом в извращении написанного Великовским. Чтобы создать у читателя впечатление, будто Великовский подкрепляет свою теорию нечестным путем, Нойгебауэр жульнически процитировал абзац из «Мир в столкновениях» и вместо $3^{\circ}14'$, как это значит в книге, написал $33^{\circ}14'$. Шутка ли — разница в 30° ! Ученый опустил до прямого подлога! А как еще «критиковать» Великовского, если не за что ухватиться? Но эта подлость осталась ненаказанной... Статья Нойгебауэра была опубликована в журнале, редактируемом гарвардским профессором Джорджем Сартонем, который категорически отказал Великов-

скому в возможности ответить фальсификатору. Профессор Отто Нойгебауэр, как и Шапли, отказался выступить в открытой дискуссии. Там ведь жульничество с цифрами не сошло бы ему с рук!

Каждый из критиков Великовского декларировал: если перечислить ошибочные положения книги «Миры в столкновениях», у него получилась бы целая книга. Беда этих критиков состояла в том, что, когда пора было от слов переходить к делу, они не могли найти в «критикуемой» книге... ни единой ошибки.

Наконец в феврале 1951 года Великовского пригласили на заседание научного общества, на котором будет обсуждаться его книга. Ограниченная регламентом дискуссия между астрофизиком Принстонского университета профессором Джоном Стюартом и Великовским в аудитории, состоящей в основном из профессоров Принстонской теологической семинарии, началась следующими словами астрофизика: «Беда этой книги заключается в том, что она изумительно написана. Я наметил себе прочитать ее по одной главе в день, но не мог оторваться, пока не дочитал книгу до конца. Но, конечно, изложенные в ней теории не верны. Начнем хотя бы с описания Венеры вавилонянами». Стюарт привел те же примеры, которые содержали статьи Пайн-Гапошкин, Струве и других критиков.

Великовский увлекся разгромом этих положений и не уложился во время. Он не успел ответить на все замечания.

Результатом этой встречи было то, что Стюарт предложил журналу «Харпер'с» свою критику на статью Великовского. Вероятно, личная встреча и устная дискуссия убедили его в том, что у него

достаточно сил, чтобы справиться с Великовским. Так у Великовского наконец-то появилась возможность ответить своим критикам. Это он сделал с блеском!

«Не так давно наука была вынуждена сражаться, чтобы освободиться от оков религии. Сейчас она так же догматична, как была в ту пору религия. Идеи, бывшие революционными, раскольническими и осуждаемыми в девятнадцатом веке, в двадцатом приукрашены и провозглашены безошибочными такими же стражниками догмы». Этими словами Великовский закончил свою статью.

Критика ее профессором Стюартом была озаглавлена «Дисциплины в столкновениях». Стюарт очень образно писал о том, что наука — это не просто здравый смысл, а сила мышления, что сейчас в точных науках нельзя пользоваться рассказами старых авторов, как это сделал Великовский. Он писал: «Сенека знал очень немного о торсии и моменте сил, и сохранившиеся манускрипты майя определенно слабы, когда речь идет о модуле Юнга». В статье Стюарта был следующий пример: допустим, что воробей пролетел мимо небоскреба, который именно в этот момент забраковали и начали демонтировать. Человек, испытывающий сентиментальные чувства к воробьям, но слабо представляющий себе, что такое точные вычисления, может сказать, что ветер от движения крыльев воробья опасно деформировал небоскреб. Но никакие басни очевидцев и бабушкины сказки, записанные в старых дневниках, не убедят инженера в том, что приближение воробья к небоскребу оказалось угрожающе опасным для строения. Стюарт сослался на Пайн-Гапошкин, считающую теорию Великовского о Венере не только невозможной, но

даже смешной. Стюарт писал, что вероятность столкновения в космосе при ничтожной величине планет в сравнении с огромным пространством между ними почти равна нулю. Он продемонстрировал исключительную точность современных астрономических вычислений. На основании минимум трех сведений о затмениях Солнца до -687 года установлено, что не было никаких нарушений движения Земли или Луны. С древних времен до сегодня продолжительность дня уменьшилась на одну сороковую секунды. Стюарт писал, что, если бы были коллизии между Венерой и Марсом, то и сейчас их эллиптические орбиты должны были соприкоснуться. Затем он привел три доказательства из геологии, демонстрирующих, как он был уверен, неправильность теории Великовского: существование ненарушенных египетских пирамид, множества древних строений и монументов, а также гробниц в Уре...

Статья «Ответ моим критикам» предваряла статью Стюарта. Журналистская этика предусматривает, что в дискуссии последнее слово предоставляется обвиняемому. Поэтому здесь же, в этом выпуске «Харпер'с» был помещен ответ Великовского на статью Стюарта.

Последовательно и логично Великовский проанализировал каждый абзац, каждое предложение, написанное Стюартом. Он показал ошибку астрофизика в определении вероятности столкновений в космосе. Астрофизик «забыл» упомянуть о том, что орбиты планет не произвольны, а находятся в одной плоскости. И если от Юпитера оторвалась комета, вероятность встречи с ней Земли не около нуля, как утверждает профессор, а 60 против 40. Великовский привел строго документированные

возражения по поводу солнечных затмений. Он показал, что эти вычисления были произведены только до -585 года, а последняя катастрофа произошла за 102 года до этого. Великовский даже показал, откуда его оппонент почерпнул ошибку. Он широко цитировал астрономическую литературу, демонстрируя уязвимость каждого утверждения астрофизика. Великовский привел самые последние данные, которых еще не было во время его дискуссии со Стюартом в феврале: открытие строгого совпадения взаимного положения Юпитера, Сатурна и Марса с электрическими нарушениями в верхних слоях атмосферы Земли. Великовский показал ошибочность утверждения об эллиптических орбитах Венеры и Марса, заимствованного Стюартом у королевского астронома. Дело в том, что последнее столкновение было не между Венерой и Марсом, а между Марсом и Землей. Именно поэтому у Земли и у Марса одинаковый наклон оси к плоскости орбиты, что могло быть результатом взаимодействия магнитных полей планет во время их сближения.

Три возражения Стюарта Великовский на основании геологических данных опроверг с необычайной легкостью. Он показал, что даже в самых устойчивых сооружениях древности, в пирамидах, которые, по его мнению, не гробницы, а убежища фараонов, обнаружены явственные следы катастроф. Огромные гранитные глыбы над царской камерой пирамиды Хеопса сдвинуты с места. Цитируя литературу, Великовский писал, что утверждение о неразрушенных строениях не имеет ничего общего с фактами. Любые раскопки обнаруживают следы огромных разрушений. Не уцелело ни единое здание, построенное раньше катастрофы. Ве-

ликовский привел цитату из работы английского археолога, раскопавшего Ур, из которой ясно, что город был уничтожен наводнением, «сила которого не имела параллелей в местной истории».

«Что же осталось от всех аргументов? — спрашивает Великовский. — Достаточно ли, чтобы оправдать подавление моей книги? Или только единственная метафора по поводу воробья?»

Уже не ирония, а сарказм звучал в строках Великовского о самомнении некоторых представителей точных наук, полагающих, что только «им принадлежит небо». «Мы никогда не делаем шага, не спотыкаясь: они шествуют торжественно, всегда непогрешимо, никогда ни шага в сторону, неся колокол, книгу и свечу».

Ответ Великовского Стюарту, блестящий по форме, строго аргументированный, документированный точными цифрами, произвел сильнейшее впечатление. Если в статье «Ответ моим критикам» Великовский был академичен в лучшем смысле этого слова, то здесь, приняв предложенное Стюартом оружие — иронию, он не просто сбил противника с ног, он растоптал его.

Этот выпуск «Харпер'с» раскупали еще быстрее, чем прошлогодний январский со статьей Лараби. В квартире Великовских не умолкал телефон.

Джон О'Нейл сказал, что был бы счастлив владеть пером, как Великовский.

Профессор Кален благодарил его от имени гуманитариев:

— Ты публично высек не только Стюарта, но вместе с ним множество высокомерных представителей точных наук, не всегда достаточно образованных даже в своей области.

Профессор Пфейфер позвонил из Бостона:

— Дорогой доктор, вы не перестаете меня удивлять. Я не представляю себе, есть ли предел вашей эрудиции и вашим стилистическим способностям.

Профессор Комаревский позвонил из Чикаго:

— Мончик, это грандиозно! У нас в технологическом только и разговоров что о тебе. Ты сделал меня снобом. Я с гордостью рассказываю всем, что имел честь учиться с тобой в одном классе гимназии...

Не будь это дело таким печальным, даже трагичным, можно было бы сказать, что в американском научном мире возникла смешная ситуация. Истерия Шапли, затем Гарвардской обсерватории, затем группы астрономов, затем еще большей группы профессоров в различных университетах становилась массовым психозом. Одним из его симптомов была мания преследования. Не объятые психозом насмехались над Великовским: не они ведь подавляли его, не они угрожали издательствам, нет. Великовский преследовал их. Это было мнением объятых истерией ученых еще до того, как у них появились хоть какие-нибудь основания для подобных жалоб. Но после статьи-ответа Стюарту!

Великовский публично «снял штаны» с принстонского профессора-астрофизика и высек его как нашкодившего мальчишку. Желающих стать «мальчиком» для следующей порки не находилось. В рядах членов Американской ассоциации для прогресса науки (ААПН), насчитывающей около 50000 членов, начался сперва ропот, а затем — паника. Неужели в ААПН нет людей, способных справиться с Великовским? Неужели ААПН должна сформировать специальный орган, способный бороться с ним?

Люди в ААПН нашлись. На сей раз — философ.

35. ВСЕОБЪЕМЛЕМОСТЬ

Немало позорных историй знала философия XX века. Советские философы назвали работу Менделя, исследовавшего статистические законы генетики, «гороховыми законами». Советские философы объявили Эйнштейна и Бора вне закона. Советские философы назвали кибернетику буржуазной лженаукой. Если неуч хотел в Советском Союзе сделать научную карьеру, достаточно было проявить свою верность так называемой партийной идеологии, то есть — лидеру, и назваться философом, специалистом по истории коммунистической партии, атеизму, научному коммунизму или чему-нибудь еще. Ну что же, — скажет снисходительный читатель, — такая система.

Но лучше ли обстоит дело в свободном мире? Возможно, несколько лучше, потому что так называемый западный философ, занимающийся «научным коммунизмом», не выполняет социального заказа очередного вождя. Но, оказывается, профессором философии в американском университете может работать человек, не знакомый даже с элементарными основами одной из естественных наук, которую он сам определил как сферу изучения.

...В ноябре 1951 года в «Scientific Monthly» была опубликована большая статья доктора Лоуренса Лефлера — адъюнкт-профессора философии университета штата Флорида. Научообразно описав семь критериев, по которым можно отличить революционную теорию от словесных вывертов, от

чепухи, и заявив, что небесная механика — это область, которую он лучше всего знает и где ему легче всего доказать, что теория Великовского — именно чепуха, американский философ продемонстрировал вопиющее невежество в небесной механике. Его статья — пример такой же «критики» Великовского, как статьи советских философов — критики Менделя, Эйнштейна и Бора.

Как могла редколлегия поместить подобную статью? Неужели они были настолько ослеплены ненавистью к Великовскому и его теории, что не «разглядели» Лефлера? Ну, а как научный мир Америки отреагировал на кричащую безграмотность флоридского философа? Единственной реакцией оказалось письмо-фельетон Алана Келли, опубликованное в «Scientific Monthly» в феврале 1952 года. Из письма ясно, что сквозь псевдонаучную демагогию Лефлера проглядывает истинное лицо невежды. Но ведь это только одно письмо...

Конечно, многие ученые возмущались кампанией против Великовского. Но так же, как профессор Кален, они считали, что только время может излечить американскую науку от приступа истерии и бешенства. Именно Гораций Кален, призывавший Великовского к десятилетнему терпению, взорвался и посоветовал возбудить против преследователей уголовное дело, обвинив их в клевете. Все это претило Великовскому. Он попросту хотел опубликовать ответ на статью Лефлера в «Scientific Monthly». Он обратился по этому поводу к профессору Виверу, одному из руководителей ААПН, несогласному с ее политикой. Ответа не последовало. Журнал ААПН, как и другие, закрыл перед ним свои двери. Никогда он даже не помышлял о сутяжничестве. Но обида и боль были так велики,

что он не выдержал и обратился к видному адвокату.

Совет адвоката был неожиданным. Поведи себя подобным образом соседи или прохожий на улице, их, безусловно, можно было бы привлечь к суду и обвинить в клевете. Но чем выше позиция человека, тем меньше возможностей у него стать истцом по такому делу. Артист, ученый, политический деятель почти беззащитны, когда на них выливают ушаты грязи. У них есть только одно оружие против клеветы и навета — написать книгу, документирующую происходящее.

Вернувшись домой, Великовский рассказал Элишеве о совете адвоката.

— Знаешь, Шевик, может получиться книга, обличающая моих гонителей. Сухие факты. Письма и документы. Почти без комментариев. Если я не могу привлечь к суду клеветников и преследователей, пусть нас рассудит американский народ.

— Действительно, может получиться интересная книга, — задумчиво произнесла Элишева.

— Меня не волнуют ее художественные качества. Просто документ. Впрочем, ее можно несколько расширить. Рассказать, как родилась идея «Мир в столкновениях». Короче, история написания, публикации и приема книги «Миры в столкновениях».

— Да. «Звездочеты и гробокопатели».

— Что ты сказала?

— «Звездочеты и гробокопатели». Так бы я назвала эту книгу.

— «Звездочеты и гробокопатели»? Изумительно! Шевик, в тебе дремлет писатель. «Звездочеты и гробокопатели». Значит, ты одобряешь?

— Нет, Мончик. Твое дело — научные книги.

— Конечно. Эту книгу я буду писать между делом: постепенно, не спеша. Для отдыха...

— Мне бы не хотелось, чтобы ты выплескивал наружу всю эту грязь. Помнишь, ты сам говорил о добром имени науки.

— Да. Я надеялся, что страсти утихнут. А они только разгораются.

— Горацій и О'Нейл посоветовали подождать минимум десять лет.

— Но именно Горацій и О'Нейл посоветовали мне обратиться к адвокату. А он посоветовал опубликовать документы. «Звездочеты и гробокопатели!» Ради одного заглавия стоит написать такую книгу.

— Конечно, это твое дело, но я не стала бы этого делать.

Несколько недель они не возобновляли разговора о книге документов, тем более, что в их жизни появилась новая тема.

В апреле 1951 года из Израиля пришла радостная телеграмма: в семье Шуламит и Авраама Когана родился сын Меир. Второе поколение Великовских рождалось на Земле Израиля. Элишева и Иммануил стали бабушкой и дедушкой. Им очень хотелось увидеть внука. Именно в эти дни они получили письмо, в котором Шуламит сообщала, что семья Коганов в полном составе собирается на время поселиться в Принстоне.

Атмосфера преследования, обструкции нарушала привычный ритм жизни. «Даблдей и К°» готовила к изданию «Века в хаосе». Надо было снова и снова вычитывать корректуру, проверять и дополнять сноски и ссылки на литературу. По-прежнему надо было трижды в день посещать библиотеки. Надо было тратить время на чтение статей

«критиков» и писать свои статьи-ответы, хотя ни один научный журнал не соглашался публиковать их. Почта Великовского была огромна. Она напоминала ему берлинский период, когда он работал над «Scripta». Письма читателей — американцев и зарубежных. Письма ученых. Даже письмо лютеранского священника, сопровождающее обстоятельное письмо арестанта по поводу возникшего в тюрьме спора — верит ли Великовский в Бога? Каждое письмо требовало ответа. Уйма времени тратилась на переписку. Можно было отменить визит в библиотеку, хоть это причиняло почти физическую боль, но нельзя было позволить себе оставить письмо без ответа.

Особенно ценными были для него ободряющие письма ученых. Он понимал, какому риску они подвергают себя, посылая ему благодарственные письма. В обстановке истерии, царящей в университетских кругах, их могла постичь участь Этвотера и Путнэма. Студентам приходилось читать книгу в подполье, чтобы не рисковать и не провалиться на экзамене.

Пять раз Великовский вычитывал корректуру. Работа над первым томом «Веков в хаосе» была завершена — книга пошла в печать. Можно было отдохнуть и впервые за тринадцать лет осмотреть Америку.

...Великовские поездом поехали в Аризону. Восторгаясь красотами Большого каньона, осматривая пустыню или знаменитый аризонский кратер, Великовский не переставал думать о космической катастрофе. Он находил ее «автографы» на протяжении всего пути от Атлантического до Тихого океана. «Века в хаосе» еще находились в печати, а следующая книга — о геологических свидетель-

ствах миров в столкновениях уже представлялась Великовскому в общих чертах.

Они приехали в Калифорнию в разгар весны, почти такой же красивой, как в Израиле. Рут тоже собиралась сделать Элишеву и Иммануила бабушкой и дедушкой. Холмы и пляжи Лос-Анжелеса купались в солнце. Постепенно спадало напряжение последних двух лет. Можно было не думать о «Звездочетах и гробокopatелях», о книге, на которую Элишева наложила молчаливое «вето».

В Лос-Анжелесе Великовский навестил профессора Вальтера Адамса. Старик ушел на пенсию. Он снимал студию-кабинет вместе со своим другом, профессором Гарольдом Бэбкоком.

Адамс был рад визиту Великовского. Конечно, это просто совпадение, но после выхода в свет «Миров в столкновениях» астрономические журналы полны новых данных, заставляющих, ну, пусть если не сразу согласиться с теорией дорогого доктора, то хотя бы не отвергать ее. Адамс любил письма Великовского. Но оказалось, что они не идут ни в какое сравнение с удовольствием от личного общения с этим чрезвычайно интересным человеком.

Они обсудили открытие, сделанное в Паламарской и Уильсоновской обсерваториях, которые еще недавно возглавлял Адамс. Действительно, коллизии не только между звездами, но даже между галактиками оказались новым классом явлений. На этом фоне теория дорогого доктора уже не кажется такой невероятной. Кто знает, кто знает... Нет, сейчас он не мог бы написать письмо в том же ключе, в каком написал его после первого прочтения «Миров в столкновениях». Он еще несколько раз прочитал книгу и... пришел к выводу, что сви-

детельствами древних вовсе не следует пренебрегать...

Бэбкок, редкими репликами участвовавший в беседе, активно вмешался в нее, когда речь зашла об электромагнитных явлениях в космосе. Его сын Гораций недавно открыл звезду с очень напряженным магнитным полем. Но что совершенно удивительно, это поле не постоянное, как должно было бы быть по логике вещей, а переменное. Представьте себе: у звезды переменное магнитное поле!

Великовский задумался. Казалось, он хотел найти объяснение этого странного явления в листьях покачивающейся за окном пальмы. Вдруг он широко улыбнулся и сказал:

— Надо полагать, что, вращаясь, звезда подставляет наблюдателю попеременно свои полюса, что создает эффект переменного магнитного поля.

— Именно к такому заключению мы с Горацием сейчас пришли, — радостно ответил Бэбкок.

Визит затянулся. Великовский почувствовал себя неловко и несколько раз порывался уйти. Он боялся утомить пожилых людей. Но хозяйева долго не отпускали его, явно наслаждаясь беседой.

Проводив Великовского, Адамс и Бэбкок вернулись в студию.

— Удивительный человек! — произнес Адамс.

— Действительно, он обволакивает своим обаянием.

— Я говорю не об этом. Мне трудно сформулировать мысль. Если я скажу, что он — энциклопедист, это ничего не объяснит даже не потому, что он знает больше всех французских энциклопедистов вместе взятых. Речь идет не об этом. Какое-то есть качество в нем, которое я не могу сформулировать...

— Всеобъемлемость, — задумчиво произнес Бэбкок.

— Что ты сказал?

— Всеобъемлемость. Каким-то образом ему открывается взаимосвязь явлений и событий. Вселенная неделима. Именно так она открывается ему.

— Да, похоже...

— Ты заметил, как мгновенно он объяснил природу переменного магнитного поля звезды? Мы пришли к этому после тщательного анализа наблюдений и длительных раздумий. Мы, астрофизики... А ведь он — врач, не работавший в обсерватории ни единой минуты. Нет, Вальтер, простым понятием «гений» этого не объяснишь.

— Да, это ты хорошо придумал — всеобъемлемость. Это более емко, чем универсальность. Не знаю, правильна ли его теория, но он начал новый этап в современной науке — универсальность знания, полученного на основе изучения всех дисциплин. За этим — будущее науки.

Возвращались Великовские через Сан-Франциско, Обиспо, Рино, Уиннемакка, Шайен, Норт-Платт... Великовские открывали Америку для себя. За широким окном туристского вагона субтропическая весна быстро исчезла в глубоких снегах, сопровождавших их почти до самого Орора.

В Чикаго Великовский вышел на перрон немного размяться. На раскладке газетного киоска он случайно заметил книгу «Века в хаосе». Он тут же купил ее и, войдя в вагон, с шутливой торжественностью преподнес Элишеве.

36. «ВЕКА В ХАОСЕ»

Изложить содержание «Веков в хаосе» значительно труднее, чем пересказать «Миры в столкновениях». Сам Великовский пишет, что книга построена как детектив. «Это не описательная история в привычном смысле слова. Это последовательность глав, каждая из которых, как судебное разбирательство, на котором свидетели призываются показать, что старые концепции не имеют ценности, и засвидетельствовать точность новых концепций древней истории». Великовский понимал, какой ураган вызовет его книга в среде историков. Еще больший, чем «Миры в столкновениях» — в среде астрономов.

«Попытка радикальной реконструкции древнего мира, основанная на рассмотрении многих народов и царств, сама по себе беспрецедентная, встретит резкую цензуру тех, кто в своем преподавании и написанных трудах уже глубоко увяз в старых исторических концепциях. И многие из тех, кто следуют авторитетам, выразят свое неверие в то, что истина так долго могла оставаться необнаруженной, из чего они сделают заключение, что это не может быть истиной».

Великовский предлагает читателю представить себе, какой хаос возник бы, если бы события в Англии, датируемые 1941 годом в Европе и Америке, на Британских островах датировались бы 1341 годом. Черчилль прибыл бы в Америку до открытия ее Колумбом. Затем должен был бы появиться другой Черчилль, который приехал бы через 600 лет и т. д. «Древняя история искажена именно таким образом. По причине разрыва в синхронности многие фигуры исторической сцены являются

«привидениями» или «половинами» и «двойниками». События часто дублированы: сражения — это тени; многие обращения — копии, даже некоторые империи — фантомы».

Первая задача, которую поставил перед собой Великовский, — найти связь между египетской и еврейской историей, между историей народов-соседей.

Египетский жрец Манефон (III век до н. э.) был первым, кто считал, что гиксосы — это евреи. Затем версию Манефона повторяли отцы христианской церкви, то ли веря всерьез, то ли желая верить этой версии. Все они противоречили самим себе, так как восстание Моисея у них возникало в произвольное время. «...современные ученые, — пишет Великовский, — вероятно, не всегда замечали, что они повторяют старые противоречия». До настоящего времени историческая наука не могла установить времени Исхода евреев из Египта. На основании Библии установить это время довольно просто. Но ученые не принимали библейских данных всерьез, так как в египетских источниках того времени нет упоминания ни о евреях, ни об Исходе. Великовский приводит многочисленные, но ни на чем не основанные теории времени Исхода и показывает их несостоятельность, так как по некоторым из них, вместо 40 лет, указанных в Библии, евреи скитались по пустыне двести лет, по другим — вместо 440 лет от Исхода до первого царя, Саула, у них получается только сто лет.

«Библейская история не преподносит Исход из Египта как злободневное событие, а как происшествие, сопровождавшееся насильственными явлениями природы». Одни ученые считали историю о

«казнях египетских» просто красочным рассказом, не имеющим никакого реального основания. Другие — пытались найти естественные объяснения «казней». «Сотни лет тысячи ученых обсуждали историю о «казнях». Религиозные — не задавали вопросов; просвещенные — защищали повествование, доказывая, что чудеса — всего лишь обычные феномены; критически настроенные — отвергали историю, объясняя ее как миф относительно позднего происхождения».

Дальше Библия описывает бегство евреев в ночи, когда небо было окутано густыми облаками, извергающими молнии, в ураганный ветер. Гигантская волна — стена воды — поднялась, когда евреи подошли к морю. Посуху они перешли на другой берег. Их преследователи на боевых колесницах, во главе с фараоном погибли в пучине, когда внезапно хлынула вода. К этой истории отношение науки было таким же, как и к предыдущей. Следующее описание Библии — столб дыма днем и столб огня ночью, который все время вел за собой по пустыне на восток освободившихся евреев — вызывал такое же отношение историков. В лучшем случае высказывалось мнение, что гора Синай — вулкан, и именно дым этого вулкана днем и огонь ночью были тем самым «столбом», о котором пишет Библия. Но это объяснение вызвало бурную оппозицию теологических кругов. Английский историк возражал им и настаивал на своей версии. Он считал, что библейский Мицраим — это вовсе не Египет, а какое-то царство на Синайском полуострове, что евреи Исхода перешли Акабский залив и пришли к берегам Аравии, что гора Синай — это бывший активный вулкан на Аравийском полуострове. После смерти этого историка

была опубликована его книга, в которой он рассказывался в своих ошибочных представлениях о физических силах во время Исхода. Тем не менее, его теория была подхвачена другими учеными.

Тщательно анализируя текст Библии, Великовский показывает, что здесь описывается не извержение вулкана, а глобальная катастрофа, охватившая землю, море и небо.

«В суде истории, — пишет Великовский, — приговор будет зависеть от последующего показания и его проверки перекрестным допросом». Неужели, если действительно имела место огромная катастрофа, оставившая такой глубокий след в Святом писании и других еврейских письменах, об этом нет сообщений в египетских документах?

Неизвестно, при каких обстоятельствах был найден папирус, содержащий рассказ Ипувера. Согласно версии его первого владельца (Анастаси), он был найден в Мемфисе, что, вероятно, значит — в окрестностях пирамид в Саккара. В 1828 году папирус был приобретен Лейденским музеем в Голландии. Великовский детально описывает историю переводов и интерпретации папируса. Он критикует эти интерпретации и просто цитирует текст папируса, параллельно приводя отдельные фразы и целые абзацы из Книги Исхода — второй книги Библии.

Параллельное цитирование двух источников и анализ их содержания занимают двадцать страниц «Веков в хаосе». Все десять «казней» в обоих источниках описаны почти в одинаковых выражениях. По мнению всех специалистов, папирус мог быть написан в конце Среднего царства в Египте.

Великовский описывает раку, найденную в эль-Арише в шестидесятых годах прошлого века, нахо-

дящуюся сейчас в музее в Исмаилии. «С момента обнаружения о монументе из эль-Ариша вспоминали только изредка. Его странный текст преимущественно считался мифологическим, хотя в нем названы цари, резиденции и географические места и описано нашествие иностранцев». Цитируя параллельно текст раки и Книги Исхода, Великовский показывает, что в обоих источниках описываются одни и те же события, в том числе гибель египтян во главе с фараоном, когда они преследовали евреев, уходивших за расступившееся море. «Но даже поразительное подобие — еще не идентификация. Предмет обоих сообщений мог бы считаться идентичным, только если можно было бы найти деталь в обеих версиях — в еврейской и египетской, которую нельзя считать случайной». После всех несчастий в резиденции его величества, — сообщает египетский источник, — фараон достиг места, называемого Пи-Хароти, и здесь погиб. Великовский цитирует переводчика этого текста, утверждающего, что географическое название Пи-Хароти неизвестно и нигде больше не встречается, и тут же приводит цитату из Библии /Исход, 14:9/: «И погнались египтяне за ними и настигли их, расположившихся у моря, все кони с колесницами фараона, и всадники его, и войско, у Пи-аХирота». «Пи-Хароти — это Пи-Хирот из еврейского текста. Это то же место. Странно заявление, что это наименование не встречается нигде, кроме надписи на раке». Имя фараона, погибшего в Пи-Хароти — Том, или Тоум. Интересно, что Пи-Том значит местопребывание Тома. Один из городов, построенных евреями-рабами для фараона-притеснителя, назывался Питом. У Манефона в дни фараона Тимамоса (или Тимайоса) небес-

ный гнев пал на Египет, после чего в страну хлынули гиксосы. «Вопрос, задававшийся в течение столетий и даже тысячелетий, где находится море Исхода, может быть разрешен с помощью надписи на раке. На основании установленной идентификации в текстах, Пи-Хирот, где произошли события, был на пути из Мемфиса в Писопед».

Хранящийся в ленинградском Эрмитаже папирус рассказывает о тех же событиях, что и Лейденский. Только форма изложения другая. Вместо прошедшего времени рассказчик пользуется будущим, но речь идет о тех же катастрофах и бедствиях.

«Каковы природа и размеры этой катастрофы, или серии катастроф, сопровождавшихся бедствиями, о которых мы сейчас имеем очень похожие библейские и египетские свидетельства?» «Ответ на этот вопрос включает не только исторические данные, но также исследования во многих других областях. Работа, содержащая результаты исследований гигантских катастроф в прошлом, предваряет эту книгу». (Речь идет о «Мирах в столкновениях»).

Второй вопрос — когда произошел переворот в природе? Еврейская история отвечает: в дни Исхода. Что касается египетской истории, то следует выяснить, когда был написан папирус Ипувер. Великовский цитирует автора, считающего, что этот папирус был написан во времена XIX династии, но, судя по стилю и другим признакам, он — копия более древнего, относящегося ко времени Среднего царства. Поскольку в папирусе говорится о гражданской войне и нашествии из Азии, речь может идти о двух временах — о так называемом «темном веке», времени, разделяющем VI и XI

династии (или Старое и Среднее царство), или о периоде гиксосов (между Средним и Новым царством). Великовский приводит дискуссию между учеными, изучавшими этот папирус, оставившую вопрос о времени описываемых в нем событий открытым. Черпая аргументы из дискуссии, Великовский доказывает, что папирус описывает события в конце Среднего царства, во времена нашествия гиксосов. Следовательно, есть отправные точки для истории двух народов — Израиля и Египта.

Существуют физические свидетельства, указывающие на большие изменения в геологической структуре Египта в конце Среднего царства. Например, уровень Нила там, где он пересекает скалы, сейчас на семь с лишним метров ниже того, который был во времена Среднего царства.

Великовский цитирует надпись царицы Хатшепсут (два или три поколения после освобождения Египта от гиксосов), говорящую о том, что гиксосы пришли в страну, когда она превратилась в руины, а пребывание чужеземцев усугубило разрушения.

Во всех источниках — в Лейденском и Ленинградском папирусах, на раке из эль-Риша и на барельефе Хатшепсут — описывается одна и та же последовательность событий — серия катастроф, а вслед за ними — нашествие гиксосов.

В различные времена одни авторы идентифицировали евреев с гиксосами (аму), другие писали, что евреи пришли в Египет во времена владычества гиксосов, а Исход произошел во время царствования фараона XVIII династии. Подавляющее большинство историков считало, что все эти события произошли значительно позже, что евреи пришли в Египет во времена XVIII династии, что

периодом угнетения было царствование Рамзеса II из XIX династии, а Исход произошел в царствование его наследника Мернепты. Заключение Велюковского: «Евреи оставили Египет в разгар гигантской природной катастрофы. Аму, которые вторглись в Египет и стали хозяевами страны немедленно после этого, безусловно не были евреями. В преданиях евреи точно связывают свой Исход из Египта со днем, когда земля, небо и море взорвались в ярости и разрушении, но не знают ничего о своем приходе в Египет в дни катаклизм».

Если предположения о времени Исхода верны, то эти события произошли за несколько дней или недель до вторжения гиксосов. Кто же они такие?

Одни ученые считали, что гиксосы — это племена арийской расы, другие полагали, что это скифы, третьи, следуя Манефону, доказывали, что это евреи. Не зная, откуда пришли гиксосы и противореча самому себе, Манефон написал: «некоторые говорили, что они арабы». В старой египетской литературе гиксосов называют «аму». Общим для этих людей был дух разрушения. Во время своего владычества они не создали никаких исторических ценностей, памятников искусства или литературы. В Библии нет сведений о том, что произошло в Египте после Исхода. Папирус Ипувер свидетельствует, что вторжение в Египет не встретило сопротивления, что ужасы не ограничились десятью бедствиями, так как оккупанты оказались еще большим бедствием, чем катастрофы в природе. Они разрушили то немногое, что уцелело во время катастрофы, они убивали людей, насиловали женщин. Они ограбили святыни и гробницы...

При сравнении папируса с Книгой Исхода становится ясно, что одиннадцатая «казнь» произош-

ла уже после того, как евреи покинули Египет. В природе еще продолжались перевороты, когда аму наводнили Египет. Как свидетельствует папирус, оккупанты пришли из Азии. Евреи же направились в Азию. Оба материка — Азия и Африка — связаны относительно небольшим треугольным куском земли. Велика вероятность того, что евреи, идущие в Азию, и аму, идущие оттуда, встретились. И они действительно встретились! Еще до прихода к горе Синай евреи столкнулись и вступили в бой с амалекитами. Победа под Рефедим над несметным множеством врагов досталась израэлитам после того, как они были близки к гибели. Это был первый бой евреев с амалекитами. Евреи продолжали свой путь, а племена из пустыни, передвигаясь большими группами, завоевывали земли в Сирии и в Египте, нападая, в основном, по ночам и не вступая в открытый бой с регулярным войском. Евреи, страдающие от недостатка воды в пустыне, также подвергались пиратским налетам банд амалекитов. Помимо непосредственного зла, эти налеты оказались причиной еще больших бед и лишений для евреев. Слух о расступившемся море распространился среди аборигенов, и они не оказывали сопротивления израэлитам. Но их страх исчез, когда они узнали, что амалекиты атаковали евреев. Южный доступ в Ханаан был закрыт для сынов Израиля. Двенадцать разведчиков, вернувшихся из Ханаана, сообщили, что амалекиты направились в «южную страну», то есть, в Египет.

«Если гиксосы пришли из Аравии, не могут ли какие-нибудь доказательства этого факта быть обнаружены также в арабских источниках?» Великовский сравнивает египетские, еврейские и араб-

ские данные. Согласно двум последним, амалекиды были древним арабским племенем, доминировавшим на Аравийском полуострове. Арабские предания рассказывают о страшной волне, внезапно обрушившейся на полуостров, о землетрясении неслыханной силы, о том, что амалекиды нарушили нормы поведения на священной территории и Бог наслал на них мельчайших муравьев, что вынудило их оставить Мекку. Их преследовал голод. Скот погибал от засухи. Об этих же признаках божьего гнева и о «сладких облаках» рассказывают другие арабские предания. В Мекке погибло множество людей. В течение одной ночи страна была превращена в пустыню. Преследуемые стихийными бедствиями, амалекиды достигли берегов Красного моря.

Одинаковое описание бедствий в Египте и в Аравии помогло Великовскому распознать, что эти явления произошли во время исхода евреев. Не только египтяне у Пи-аХирот, но также многие амалекиды и другие арабские племена (джоромиты, катан) погибли в большом количестве, когда море хлынуло на берег. Арабские историки не связали наводнения на берегах Красного моря и других бедствий с Исходом, поэтому не извратили эту историю, как часто поступали с другими библейскими историями. Ссылаясь на старинные предания, арабские историки сообщили, что во время происшедших в природе переворотов амалекиды завоевали Сирию и Египет. Великовский цитирует арабского историка Масуди: «Амалекиды вошли в Египет, разрушили многие монументы и памятники искусства». Это перекликается с цитатой Иосифа Флавия, которую приводит Манефон: «Гиксосы свирепо сжигали города, сметали храмы богов

до основания и с дикой жестокостью относились к местному населению».

У аравийского историка IX века Табари есть перечисление имен амалекитов, бывших египетскими фараонами. Сообщения о фараонах амалекитского происхождения содержатся в работах других арабских историков. Но реакция исторической науки на эти сообщения была отрицательной. Некоторые считали, что фараонов-амалекитов не было, поскольку в Египте не найдены надписи с их именами. Более радикальные историки считали, что вообще никаких амалекитов не было. «Предполагалось, что амалекиты не были известны египтянам. Гиксосы (аму) равно не были известны другим народам. Поэтому историческое существование одних или других ставилось под сомнение». Время, когда амалекиты-гиксосы владели Египтом, почти не освещено историей. Но израэлиты знали, что после их исхода Египет постигло большее бедствие, чем десять предыдущих, — оккупация амалекитами.

Проанализировав ивритское слово и фразу, Великовский показывает, как в перевод псалма закралась ошибка, и вместо «нашествия царей-пастухов» (малкей-роим) писали «послал злых ангелов» (ма-лахей-раим). Придерживаясь рамок конвенциональной хронологии, нельзя было объяснить, почему в книгах «Иошуа» и «Судьи», описывающих более, чем четырехсотлетний период, нет упоминания о египетском владении Ханааном или даже намеков на военные экспедиции, возглавляемые фараонами. Ведь согласно этой хронологии, Палестина в ту пору была зависима от Египта. Согласно хронологии Великовского, в этот период в Египте находились амалекиты-гиксосы, представлявшие

наибольшую военную силу. В Библии, описывающей этот же четырехсотлетний период, есть масса сведений об амалекитах, правивших Египтом и Аравией.

Согласно Библии, первым амалекитским фараоном был Агог I, а последним, спустя 400 лет, Агог II — современник царя Саула. В египетской истории первым фараоном периода гиксосов был Апоп I, а последним, спустя 400 лет Апоп II. Сравнивая написание ивритских букв «гимель» (Г) и «пей» (П) с соответствующим египетским иероглифом, Великовский показывает, что речь идет в двух историях об одних и тех же лицах...

«Время скитаний в пустыне сорок лет; время Судей оценивается... в общем в четыре сотни лет. Темные века на Ближнем Востоке продолжались до тех пор, пока продолжалось владычество амалекитов. Вероятно, израэлиты были единственным народом, который непрерывно воевал за свою независимость против амалекитов и союзных им племен, и благодаря своему сопротивлению они защитили также приморские города Тир и Сидон. Но до тех пор, пока амалекиты правили северной Африкой и Аравией, истинная независимость израэлитов была обречена на провал».

Согласно Манефону и Иосифу Флавию, период гиксосов длился 511 лет. В современной истории Египта этот период существенно уменьшен — до 200 лет. Такое уменьшение основано не на объективных находках, а на основании так называемого периода Сириуса. (В дальнейшем Великовский подробно останавливается на этом ошибочном вычислении). Поскольку между концом Среднего и началом Нового царства определены огромные культурные изменения, некоторые ученые добавляют к

200 годам еще один период Сириуса — 1460 лет, что также неправдоподобно. Великовский считает, что период владычества гиксосов — 440 лет, что составляет время скитания евреев в пустыне и время Судей.

Судя по египетским источникам, освобождение Египта от гиксосов было осуществлено какой-то военной силой извне. В Библии описано, как большое войско израэлитов, руководимое их первым царем Саулом разгромило амалекитов. Библейское и египетское описания этого разгрома соответствуют друг другу. Великовский приводит эти соответствия, параллельно цитируя оба источника. Уже значительно позже Манефон извратил название города, куда убежали уцелевшие гиксосы. Вместо Шарухен он написал Иерусалаим. «Эта ошибка, случайная или умышленная, сыграла жестокую роль в судьбе еврейского народа, начиная со времен Птолемеев».

Победа Саула над амалекитами изменила историю всего Ближнего Востока. Саул освободил Египет от поработителей. «Снова Египет поднялся в силе и блеске, после сотен лет презренного рабства освобожденный потомками евреев, которые были в Египте рабами». «Два царства одновременно поднялись в свободе и силе на развалинах амалекитской империи — Иудея и Египет».

Великовский доказывает свой тезис, продолжая сравнивать библейское описание царствования царя Давида с египетскими документами этого же времени (согласно его, а не конвенциональной хронологии). Он предсказывает, где будет найдена столица амалекитов-гиксосов. «Когда археологи раскопают насыпи эль-Ариша, они найдут останки Ауариса, одной из самых больших крепостей древности».

Почему так детально, пункт за пунктом повторяя последовательность событий, надо было доказывать идентичность амугиксосов и амалекитов? «Последующие главы книги покажут, как важна эта последовательность». «Израэлиты никогда не забывали времени страданий в Египте, но они никогда не испытывали ненависти к египтянам или другим народам древности; только амалекиты стали символом зла и объектом их ненависти». Точно такая же ненависть к гиксосам осталась у египтян. Даже арабские авторы описывают, каким злом были амалекиты.

Великовский находит источник антисемитизма в извращении египетской истории, которая, вместо благодарности евреям и их царю Саулу за освобождение Египта от гиксосов, назвала евреев гиксосами. Но первая волна антисемитизма на востоке связана с именем Амана, визиря Персидской империи, потомка амалекита Агога. Это Аман планировал уничтожение евреев в Персии и Мидии. Можно предположить, что ненависть дома Амана к евреям объясняется тем, что их предок Агог был побежден еврейским царем Саулом и убит еврейским пророком Самуэлем. В Греции антисемитизм начался только после распространения истории Манефона. До этого греческие философы относились к евреям с большой симпатией и уважением. Вслед за Манефоном появилась обильная антиеврейская литература, повторяющая и усиливающая ошибку Манефона. Одним из антиеврейских авторов был Апион, против которого выступил Иосиф Флавий. Но он не опроверг идентификации евреев с гиксосами. Наоборот, он оправдывал и защищал действия последних. «Иосиф сыграл трагическую роль в дни войны в Галилее, Иудее и разру-

шения Иерусалима Титом в первом веке нашей эры. Начав как солдат во главе галилейской армии, он закончил как ренегат. Его защита еврейского дела считалась шедевром и всегда переводилась и цитировалась защитниками еврейского народа; но защита его пером стоила не больше, чем защита его мечом». Ненависть к гиксосам избрала своим объектом евреев. В последующие годы антисемитизм получил пищу из многих других источников.

Хронология Библии верна. Она точно совпадает с хронологией ассирийской истории. Она не может быть изменена в угоду неправильной хронологии египетской истории, с которой согласовывали историю всех стран древнего мира. «Если ошибка гнездится в египетской истории, единственная возможность ошибки заключается в том, что события этой истории описаны дважды и повторены шесть сотен лет». «Химерными кажутся обе альтернативы: что из истории еврейского народа исчезли шестьсот лет, или шестьсот лет были дублированы в истории Египта, а также многих других народов.

Но абсолютно невероятно, что в ту пору, когда в Иерусалиме было десятое столетие, в Фивах было шестнадцатое... Ошибку совершила не история, а историки, и, сопоставляя обе истории столетью за столетием, мы либо найдем шестьсот исчезнувших лет в Палестине, либо шестьсот лет-«привидений» будут обнаружены в Египте». Если совпадет сопоставление десятого и девятого века в Палестине с шестнадцатым и пятнадцатым веком в Египте, это будет еще одним доказательством справедливости идентификации амалекитов с гиксосами.

«Начало знаменитой Восемнадцатой династии, чьи фараоны были египтянами, освободившими

Египет от гиксосов, совпало с началом линии царей Иудеи. Саул нанес фатальный удар по гегемонии амалекитов-гиксосов; Давид сделал Иерусалим своей столицей; во времена Соломона царство достигло блеска». Хотя царствование Давида описано в Библии очень подробно, и известно, что одна из его жен была дочерью фараона, имя ее отца не упоминается. На основании рабанических данных и скурых записей времен Тутмоса I, Великовский предполагает, что принцесса, жена Соломона, была дочерью Тутмоса I. Другая его дочь, Хатшепсут, была совладычицей, а затем наследницей Тутмоса I. Времена Соломона и Хатшепсут были гордостью их государств.

Многие считали, что нет исторических оснований верить в легендарный роман между Соломоном и царицей Савской. Другие верили, но безуспешно искали историческое подтверждение жизни и царствования этой владычицы. Великовский подробно описывает все предположения о местонахождении ее царства. Только у Иосифа Флавия он нашел упоминание о том, что царица Египта и Эфиопии посетила Соломона, наслышанная о его мудрости и о блеске его двора. «Но египетская история, отдаленная примерно на шестьсот лет от синхронизирующего пункта, не может предложить женщину, правившую Египтом и Эфиопией».

Если следовать хронологии, предложенной Великовским, то история царицы Савской — это история Хатшепсут. Самым верным доказательством этого были бы записи о путешествии Хатшепсут в Иерусалим и их сопоставление с записями в анналах царей Иерусалима.

Великовский описывает барельефы, повествующие о жизни Хатшепсут. Один из них рассказывает о

ее путешествии в Пунт, или в Святую землю. Из этого путешествия Хатшепсут привезла в Египет невиданные деревья, подарки из слоновой кости, черного дерева, золота, серебра и драгоценных камней. Тяжелая поклажа даров была на ее корабле.

«Где находилась страна Пунт?» — спрашивает Великовский. Из египетских источников выясняется, что Пунт находится на востоке от Египта. «Официальное лицо Шестой династии оставило законичную запись, извещающую, что он посетил Библос и Пунт одиннадцать раз. Библос был старой столицей Финикии. Руины его находятся в восемнадцати километрах к северу от Бейрута». На основании этой записи официального лица Великовский считает: Пунт был связан с Библосом. «Существуют также многочисленные надписи, упоминающие изделия из Пунта и Святой земли, полученные из Палестины (Ретену)».

Если верно предположение, что Хатшепсут — это царица Савская, то самый логичный, удобный и безопасный путь из Фив в Иерусалим — сушей до эль-Кусейр на Красном море, затем — морем и Арабским заливом и снова — сушей до Иерусалима.

В рабанических источниках сообщается, что царица Савская прибыла в страну после долгого путешествия морем, что она нагрузила корабли лучшими сортами дерева, жемчугом и драгоценными камнями.

В Библии написано, что накануне визита царицы Соломон приехал в новый порт Эцион-Габер и Элат. В еврейских источниках и на египетском барельефе описана экспедиция посла, предшествовавшая визиту царицы. Имя официального лица, встретившего посла, записано иероглифами — оно звучит как Переху или Перуа. Среди двенадцати

губернаторов Соломона в более позднее время губернатором Эцион-Габера и Элата был Иеошафат, сын Паруа.

Цепь логических построений шаг за шагом приближает Великовского к идентификации царицы Савской с Хатшепсут. Он не упускает ни единой детали. Даже изображения египетскими художниками иностранных воинов, которые всегда выглядели весьма непрезентабельно. Но на барельефе Хатшепсут воины из Святой земли выглядят иначе. «Это беспрецедентно и никогда не повторялось, чтобы изображенные египтянами иностранные солдаты выглядели более благородно и грациозно, чем фигуры самих египтян». В описании визита царицы Савской также говорится о впечатлении, произведенном на гостей стражей, которую Соломон послал навстречу царице. Это была процессия наиболее красивых юношей, изумивших ее.

В обоих источниках полностью совпадают описания террас, усаженных деревьями, при подходе к Иерусалиму.

В Библии описаны те самые подарки, которые Хатшепсут везла на своем корабле. На барельефе перечислены подарки, привезенные Хатшепсут из Святой земли. Это были драгоценности, подаренные Соломоном царице Савской.

И еще несколько важных подробностей в этом сопоставлении источников. Флот Соломона привез из дальних стран редчайшие деревья. Часть из них Соломон подарил царице Савской. О редчайших деревьях, подаренных Хатшепсут, сообщает египетский барельеф. Царица Савская получила в подарок обезьян и редких животных, привезенных моряками Соломона, — Хатшепсут получила в

подарок обезьян, невиданных ею прежде, и редких животных. Среди подарков, перечисленных иероглифами, были люди из «южной страны» и их дети. Иосиф Флавий писал, что среди подарков Соломона были «кушим» (негры). Считали, что Флавий прочел как «кушим» какое-то другое еврейское слово, но египетский барельеф доказывает, что он не ошибся.

После возвращения из путешествия Хатшепсут построила перед храмом террасы с растениями, которые так потрясли воображение царицы Савской в Иерусалиме. Египтологи отмечают, что храм в Дейр эль-Бахари, построенный Хатшепсут, по стилю отличается от обычных египетских храмов. Хатшепсут не скрывала, что она построила «Пунт». Это строение считалось одним из красивейших в Египте. Великовский показывает, что в Дейр эль-Бахари были повторены не только стиль и форма Иерусалимского храма, но даже ритуал богослужения.

Интересен филологический анализ происхождения слова «Пунт». Дружба Соломона с Хирамом, царем Финикии, общая морская экспедиция в Офир, помощь Хирама при строительстве Иерусалимского храма — все это давало основание называть Палестину Финикией (Phoenecia). В Библии финикийцев называли людьми из Тира и Сидона, или людьми Хирама. Выходцы из Тира построили Карфаген. Войны против Карфагена римляне называли Пуническими (Punic). «Если Пунт был оригинальным названием финикийских храмов, оно могло произойти от еврейского слова «панот». В таком случае, финикийцы получили свое имя от построенных ими домов богослужения»

В Египте Иерусалим и окружающие его земли называли «Святой землей» еще до того, как эта территория была завоевана Иошуа бен-Нуном. В Библии также говорится о святости этой земли еще со времени Авраама.

Иосиф Флавий писал, что царица Савская была «царицей Египта и Эфиопии». Эфиопы не ограничиваются только тем, что она была их царицей. Они утверждают, что царица Савская родила от Соломона сына, который стал основоположником династии эфиопских царей. Будучи носителями семени царя Давида, они — родственники Иисуса, также носителя семени Давида. Великовский обращает внимание на то, что эфиопские предания о царице Савской не заимствованы из еврейских источников. У эфиопов имя царицы Савской — Македа. Царское имя Хатшепсут, упоминаемое на барельефах, относящихся к Пунту, — Макера. Ра — это священное имя бога. Первых два слога в имени Хатшепсут полностью совпадают с эфиопским именем царицы Савской.

«Возвращение из путешествия на кораблях в гавань Фив на Ниле исключает локализацию Пунта в Южной Аравии или в Сомали и локализует его на берегу Средиземного моря, — писал Великовский. — Полное согласие в деталях путешествия и многие сопровождающие данные делают очевидным, что царица Савская и царица Хатшепсут — одно и то же лицо».

Наследник Хатшенсут — Тутмос III — был одним из самых больших египетских завоевателей. Он подчинил себе 190 палестинских и 300 сирийских городов. «На барельефе в Карнаке показаны сокровища в золоте, серебре, бронзе и драгоценных камнях, которые Тутмос III привез как тро-

феи из одной из своих кампаний». Считалось, что это была кампания против Ханаана, который еще не слышал ничего об израэлитях. Считалось, что исход евреев из Египта и их появление в Ханаане были далеким будущим в те времена, когда Тутмос III завоевал Ханаан и Сирию, что в ту пору евреи только начали организовываться в племена, кочующие между Ефратом и Нилом.

Согласно хронологической схеме Великовского, Тутмос III, наследник Хатшепсут, царствовал в дни наследника Соломона, Рехобоама. «Если правильная предпринятая в этой работе реконструкция истории, победное шествие Тутмоса в Палестину должно было произойти через годы, непосредственно следующие за царствованием Соломона, и записи об этом должны быть сохранены в Писании». Это может послужить еще одним доказательством правильности реконструкции. И наоборот — отсутствие в Библии записей о завоевании Палестины Египтом в дни после правления Соломона опровергнет теорию Великовского.

После победы над амалекитами Израэль стал большим государством — от Евфрата до Египта. Он включал в себя Сирию, Ханаан и Эдом, вклиниваясь далеко вглубь Аравийского полуострова. Тутмос III, либо еще ребенком участвуя в путешествии Хатшепсут, либо просто зная об экспедиции, с завистью смотрел на богатую соседнюю страну.

Несмотря на мудрость Соломона его следует обвинить в тяжелых политических ошибках. В Библии говорится о том, что в угоду своим женам из чужих стран он построил на высотах вокруг Иерусалима святилища для их святынь. «Жемившись на дочери фараона, на моавитянках, амони-

тянках, эдомитянках, женщинах из Сидона и хитянках, Соломон планировал построить в Иерусалиме космополитический центр. Воздвигая святилища чужим богам, он считал, что присутствие чужих святынь в Иерусалиме продемонстрирует его терпимость, и Иерусалим станет сборным пунктом различных религий и культов». В Иерусалиме воздвигли статую Амона-Ра для египетской принцессы, жены Соломона. На египетском барельефе, описывающем путешествие Хатшепсут в Пунт, есть остатки слов, из которых можно заключить, что статуя Амона-Ра была воздвигнута в Святой стране. «Иерусалим с иностранными святынями и культурами не стал политическим центром для чужеземцев, зато быстро стал целью их политических стремлений... Уже во времена миролюбивой Хатшепсут Иерусалим оказался «лакомым» объектом для завоевательских устремлений Египта. «Преобразование Иерусалима в святой город всех наций обрекало его на потерю национальной независимости».

Во времена Давида его эдомитский соперник Хадад, еще ребенок в ту пору, сбежал в Египет. Спустя несколько лет он женился на родственнице фараона. После смерти Давида Хадад вернулся в Эдом и стал данником Соломона, не переставая мечтать о двойной короне. Были и другие данники, вырвавшиеся из-под власти Иерусалима. Еще при жизни Соломона Иеробоам из колена Эфраима замыслил отделить свою землю. Узнав об этом, Соломон решил убить его. Но Иеробоам сбежал в Египет и оставался там до смерти Соломона. Опиравшиеся на Египет заговорщики предъявили требование наследнику Соломона, Рехобоаму, о разделе страны. С Рехобоамом осталось только два

колена — Иегуды и Беньямина. Десять колен Израиля восстали против «дома Давида». Это соответствовало планам Тутмоса III, что и подтверждают египетские записи.

Великовский подробно описывает военную кампанию Тутмоса III. Ее результатом был захват 190 городов, перечисленных на барельефе в Карнаке. На первом месте значится город Кадеш, в храме которого египтяне взяли немало драгоценной утвари, которая также изображена на барельефе. «Наиболее важный вопрос оставался нерешенным. Где находился город Кадеш? Кто был царем этого города — даже не спрашивали.

Как выяснить имя царя нелокализованного города, жившего за сотни лет до Иошуа, если египетские записи не называют его?

Второй вопрос, удивлявший исследователей, — каким образом в таком подробном списке городов Палестины, который содержит наименования всех важных городов в преисраэлитской Палестине, могло быть упущено название Иерусалима, или Салема, или Джебуса, как он назывался прежде?»

Третьей загадкой Великовский считает исключительные формы утвари, захваченной египтянами. Эта форма свидетельствует об очень высоком уровне производства. Весьма удивительно, что люди хананской эпохи были ремесленниками такой высокой школы.

Странно, что царь Кадеша пришел, чтобы защитить Мегидо от египтян.

Историкам известен знаменитый Кадеш в Сирии. Но речь идет о 190 городах в Сирии. В списке на первом месте Кадеш, на втором — Мегидо. Это не мог быть сирийский Кадеш, так как в этой кампании Тутмос не дошел до реки Оронт, на

которой расположен сирийский город. Был еще Кадеш в Галилее. Но этот незначительный город не мог быть во главе списка.

В Библии описывается, как на пятом году царствования Рехобоама фараон Шишак завоевал Иудею и подошел к Иерусалиму. Во многих местах Библии Иерусалим называют «кадеш», что значит святой. В Египте Иерусалим и всю Палестину также называли Святой землей. Кадеш, возглавляющий список городов, взятых Тутмосом III, это и есть Иерусалим.

В египетских источниках Кадеш не значится среди городов, взятых штурмом. В Библии описывается, что после падения городов-крепостей на подступах к Иерусалиму, Рехобоам сдал город без боя.

Описанные в Библии города, укрепленные Рехобоамом, перечислены также в египетском списке: Этам — Итим; Бет-Цур — Бт-Сир; Соко — Ск. «Изучение перечня палестинских городов из списка Тутмоса III, сравнение их названий с именами городов Иудейского царства — новое поле научных исследований. Это может оказаться плодотворной работой», — подчеркивает автор книги.

На стене карнакского храма подробно перечислены трофеи, взятые Тутмосом III в Палестине. В их числе — утварь Иерусалимского храма, точно та, которая описана в Библии, и точно в том же количестве. Здесь не только изделия времен Давида и Соломона, но даже уникальные изделия из золота, серебра и бронзы, творения рук Бецалея, сына Ури, созданные им сразу после прихода к горе Синай. Здесь подарки Хатшепсут царю Соломону. Все сокровища еврейского народа со времен Исхода до царствования Рехобоама перечислены на

стене храма в Карнаке. Великовский не упускает ни одной детали в их перечислении, сопоставляя египетский список с библейским описанием.

Египтяне увезли не только сокровища храма и царского дворца. В качестве трофеев они забрали зоологический и ботанический сад царя Соломона. Они выкорчевали и привезли в Египет деревья дальних стран, которые, кстати, выращивались в Иудее со времен Соломона. На стене карнакского храма изображены диковинные растения. Это — не подарки правителей неизвестных стран, как считали некоторые египтологи, не понимающие, откуда в Палестине могли быть такие растения. Это — коллекция из ботанического сада Соломона.

Иудея была покорена в течение 148 дней. Покорять Израиль не было нужды, так как Иеробоам пришел из Египта и был марионеткой Тутмоса III.

«Сегодня на барельефах Дейр эль Бахари и Карнака мы можем видеть людей Иудеи времен Соломона, животных и растения, которые они выращивали, предметы, которые они лелеяли».

Библия рассказывает, что сын Хадада из Эдома, Генубат, освободился от еврейского правления после смерти Соломона. Тутмосу III не надо было завоевывать Эдом. Так же, как и в Израиле, там царствовал египетский ставленник, исправно плативший дань Тутмосу III. Великовский цитирует египетский источник, не оставляющий в этом ни малейшего сомнения: «Когда его величество вернулся в Египет, пришли посланцы Генубатие, несущие дань». Нет сомнений, что люди Генубатие были, согласно Библии, людьми Генубата — современника Рехобоама. В еврейской и египетской истории это имя упоминается только один раз.

В греческом переводе Ветхого Завета, сделанном в Александрии в III веке до нашей эры, говорится, что, когда Иеробоам узнал в Египте о смерти Соломона, он предложил фараону послать его в Палестину. Фараон Сусахим (Шишак в ивритском оригинале) согласился с этим планом и дал Иеробоаму в жены принцессу Ано, сестру своей жены. «В Метрополитен Музее искусства в Нью-Йорке хранится канопы — сосуд, на котором значится имя принцессы Ано. На основании стилистики было установлено, что создание этого сосуда относится ко времени Тутмоса III. В египетских источниках или документах нет другой ссылки на принцессу с подобным именем». Это дополнительно подтверждает идентификацию библейского Шишака (или Сусаним в греческом переводе) с Тутмосом III.

Среди трофеев, взятых египтянами, были чрезвычайно искусно сделанные колесницы из золота и серебра. Тутмос III подарил их своим приближенным. В их гробницах найдены сообщения о том, что фараон вывез из Палестины искусных ремесленников — кузнецов, резчиков по слоновой кости и черному дереву. Вывез он также отличных каменщиков, построивших храм Амона. Такое высокое развитие ремесла и искусства в Палестине во времена Тутмоса III (согласно конвенциональной хронологии) не просто удивляло ученых, но даже служило предметом их недоумения. «Мы знаем сейчас, что изумляющая цивилизация, изделия которой мы видим на этих (египетских) монументах, не ханаанская, а израэлитская». Интересно, что современные историки придают огромное значение этой неопознанной ими культуре в дальнейшем развитии не только египетского искусства, но вообще в развитии Египта и египтян. Они счи-

тают, что никогда, с начала царств, Египет не знал подобных изменений в своей культуре, как во времена Тутмоса III. Изменения эти оказались возможными благодаря влиянию значительно более высокой цивилизации Палестины.

Считалось, что описание в «Песне песней» отделанной золотом колесницы Соломона — всего лишь поэтический образ. «Египетские монументы показывают, что через пять лет после смерти Соломона в Иерусалиме, а также в Мегидо была не одна, а много колесниц из золота и серебра».

Великовский пишет, что представление о хананском искусстве шестнадцатого и пятнадцатого столетий до нашей эры — это представление о несуществующем предмете. Зато приобретено знание об искусстве евреев в десятом веке до н. э., о чем история искусства вообще не имела никакого представления.

Хатшепсут во время своего мирного путешествия и Тутмос III во время военной экспедиции посетили одну и ту же страну — Иудею. Веским доказательством этого является абсолютное подобие людей из Святой земли, изображенных на барельефах Хатшепсут, и воинов со щитами, воевавших против Тутмоса в Палестине, изображенных на барельефах в Карнаке. Хатшепсут и Тутмос называли страну одними и теми же именами — Пунт и Святая земля.

Великовский подробно описывает все, что Тутмос привозил из Палестины в качестве контрибуции после каждой инспекционной поездки и после военного похода в Сирию, что также соответствует его схеме.

Интересно объяснение происхождения слова «Ретену» или «Резену» — египетского названия

Палестины (Галилея — Верхняя Резену). «В Писании Палестину часто называют — «Эрец» (страна), — «Эрец Исраэль» (страна Израиля) и «Арцену» (притяжательная форма — наша страна). То, что египтологи читают как «Ретену» или «Резену», вероятно, «Арцену» Библии».

Великовский пишет, что библейский Шишак — это египетский Сосенк, еще одно имя Тутмоса III, что он вовсе не относится к Ливийской династии, как полагали египтологи. В таком случае, какого фараона ошибочно отнесли к периоду египетской истории через 500 с лишним лет после времени Тутмоса III и посчитали его современником первых царей Израиля? На страницах, относящихся к Ливийской династии, он будет идентифицирован с фараоном Со, которому Хошеа, последний правитель Израиля, платил контрибуцию.

Города Иудеи, захваченные Тутмосом III, не могли относиться к предисраэлитскому Ханаану, как считали историки, потому что они были построены евреями во времена Судей, незадолго до их оккупации, то есть примерно через 500—600 лет после времени, указанного историками.

С 1929 года в течение двенадцати сезонов возле берега Рас-Шамра в северной Сирии велись раскопки города, который опознали как Угарит, упоминаемый в письменах из эль-Амарны. Раскопки показали, что в глубокой древности город неоднократно разрушался и отстраивался на руинах. Во втором слое раскопок нашли объекты египетского происхождения времен Среднего царства. Последний слой относился к позднему неолиту.

«Возраст находок, обнаруженных в верхнем слое, ...был установлен прежде, чем прочли «записи». Археологи считали, что найденная там керамика

кипрского происхождения, а также микенского производства пятнадцатого, четырнадцатого и частично тринадцатого веков до нашей эры». Эксперты отнесли найденные в этом слое египетские предметы к восемнадцатой и девятнадцатой династии, что подтверждало определение возраста, сделанное на основании находок керамики. «Так как применили два различных метода и оба привели к одинаковым заключениям, в дальнейшем не было сомнений в возрасте этого места, и все публикации, связанные с Рас-Шамра — Угаритом, были основаны на уверенности, что литературные и культурные находки из раскопанного слоя — продукты пятнадцатого и четырнадцатого столетий». Это столетия расцвета и упадка Угарита.

Прежде, чем продолжить рассмотрение этого предмета, Великовский обращается к векам миносской и микенской культуры.

Миносская культура установлена благодаря находкам, относящимся к различным эпохам на Крите. Ее делят на ранний, средний и поздний минос. Микенская культура — это культура греческого материка времен миноса. Миносский и микенский периоды начались в конце каменного века. Их возраст определяется согласно конвенциональной хронологии Египта. Раннюю, среднюю и позднюю миносско-микенскую культуру относят соответственно ко времени Старого, Среднего и Нового царства. «Крит был разрушен катастрофой, которая по времени соответствовала катастрофам в дни Исхода (конец Среднего царства и конец II среднего миносского периода). После III среднего миносского периода, который по времени соответствует гиксосскому правлению в Египте (имя гиксосского фараона Хиан было найдено на крышке вазы в

Кнососе), Крит освобожден от египетского влияния. Это был ренессанс I позднего миносского периода, соответствующего времени египетского ренессанса после изгнания гиксосов».

«Если Эхнатон процветал в -840, а не в -1380 году, керамика из Микен, найденная во дворце Эхнатона, моложе, чем ее считают, на пять или шесть сотен лет, и поздний микенский период передвигается вперед на шкале времени на полтысячи лет». Великовский считает, что великолепная Восемнадцатая династия, царство Давида и Соломона, поздний миносский и микенский периоды начались одновременно, примерно в 1000 году до нашей эры.

Поскольку хронология Крита и Микен строилась на основании египетской хронологии, это не могло не отразиться на проблемах археологии, в частности, на интерпретации данных раскопок в Рас-Шамре.

«Возникает вопрос: нет ли других находок, кроме керамики, которые подтверждают или отвергают общепринятую точку зрения, что верхний слой раскопок Рас-Шамры относится к периоду от пятнадцатого до четырнадцатого столетия?»

Гробницы некрополя из Рас-Шамра — точная копия гробниц, найденных на восточном берегу Кипра, напротив Рас-Шамра. Гробницы на Кипре относятся к восьмому и седьмому веку до н. э. Более 500 лет разделяют время одинаковых гробниц. Могли ли кипрские гробницы быть копией найденных в Рас-Шамра? Нет абсолютно никакой логики в том, что на Кипре через 500 лет стали копировать гробницы, причем не изменив ни стиля, ни материала, ни единой подробности. Кроме того, еще в первые годы раскопок в Рас-Шамра

археологи писали, что культура Кипра была перенесена на материк, а не наоборот.

Были найдены глиняные таблицы с текстом, написанным параллельно на четырех языках. На таблицах прочли имя царя Угарита — Никмед. Два ученых независимо друг от друга заключили, что это ионическое, греческое имя. Но им возразили. Ионическое имя не могло существовать в XIV веке до н. э. А на основании египетской (конвенциональной) хронологии именно к этому времени относятся таблицы, сделанные по повелению царя Никмеда. В таблицах упоминаются ионические города и святыни этих городов. Ученые не могли объяснить этого парадокса. Таблицы содержат «каталог кораблей». Точно такой же каталог есть в «Илиаде». Известно, что Гомер написал «Илиаду» в седьмом веке до н. э. Каталог относится к его времени. Каким же образом в седьмом веке Гомер дословно повторил названия кораблей XIV века?

Кроме клинописи на шумерском и аккадском языках, таблицы содержат текст, написанный также клинописью, но это уже буквы алфавита. Ученые догадались, что перед ними древнееврейский шрифт и очень быстро прочитали текст на этом языке. Одна странность обратила на себя внимание ученых — особый знак в конце каждого слова. Подобная странность наблюдалась и в письме киприотов. Но прежде, чем она повторилась, прошло, как полагали ученые, шестьсот лет. «Снова шестьсот лет! Точно как в случае с гробницами понадобилось шестьсот лет спячки, прежде чем киприоты начали подражать своим соседям, находящимся в шестидесяти милях от них».

Ученые набросились на знакомый им древнееврейский язык и начали читать текст таблиц. Их

изумлению не было предела. За сотни лет до того, как евреи пришли в Ханаан (так они считали), там не только пользовались их языком, но даже азбукой. Причем азбука была не в зачаточном состоянии. Было ясно, что она развивалась в течение нескольких сотен лет.

Еще удивительнее был текст, прочитанный учеными. Судя по библейским источникам, ханаанцы были примитивным народом с низким уровнем духовной культуры. А таблицы говорили о высокой морали, порядке и законности. Следовательно, заключили ученые, Библия оболгала ханаанцев, которые по культуре ничем не отличались от евреев.

В пантеоне богов Угарита ученые обнаружили начала пантеизма. Библейские темы — от Исхода до пророков — свидетельствовали, по мнению ученых, о том, что Библия почерпнула свои сюжеты у ханаанцев.

Поэзия — размер стихов, образы и другие ее элементы — в Угарите та же, что в литературе Ветхого Завета.

Даже мельчайшие подробности быта в Угарите пятнадцатого века те же, что в Иерусалиме на шесть-семь веков позже. Это же относится к средствам лечения, фармакологии, измерениям веса и длины, ювелирным изделиям, орнаменту и многому другому.

Ученые понимали, что на основании всего этого можно было бы считать Угарит современником Иерусалима девятого или восьмого века, если бы они не знали заранее, что Угарит — современник Египта и Микены XV и XIV веков.

Ссылаясь на находки в Рас-Шамре, критики Библии учили своих последователей тому, что Библия

вовсе не написана во времена, указанные в рабанических источниках, что она не могла быть написана евреями до десятого века, так как они получили свою письменность, темы и идеи у ханаанцев.

Четвертым языком на таблицах, найденных в Рас-Шамре, был так называемый хар — язык местных жителей Угарита. В Библии описываются хориты. Однако ученые сомневались в существовании такого народа, хотя язык хоритов был обнаружен, и не только при раскопках в Рас-Шамре. Странная ситуация возникла в истории — существование языка без народа. Но если приблизить конвенциональную историю на 500—600 лет, устраняется эта абсурдная ситуация. Библейские хориты — это карийцы, постоянно упоминаемые классической литературой. Они жили на берегах восточного Средиземноморья. Геродот писал, что теснимые дорианцами и ионианцами карийцы были вынуждены перебраться с островов на азиатский материк.

Таким образом, хар из Рас-Шамры — это карийцы. В Библии упоминается, что в восьмом веке до н. э. карийцы были телохранителями дочери царя Ахаба (она была невесткой иерусалимского царя Иегошафата). Они служили телохранителями также в Египте в седьмом веке до н. э.

Еврейские пророки писали в конце седьмого и начале шестого века о конце существования карийцев на побережье. Когда Навуходоносор завоевал Тир и Финикию, карийцы удрали в Карфаген, который вырос из колонии в метрополию.

Великовский сопоставляет хроники Аменхотепа II, наследника Тутмоса III, с Библией, и на основании этого сопоставления доказывает, что внук Рехобоама, Аса, разгромил египтян и осво-

бодил Иудею от египетского влияния. Победа евреев освободила всю Сирию — Палестину от ига египтян.

Но не только в Библии описана победа евреев над Аменхотепом II. Проведя тщательный анализ текста поэмы, найденной в Рас-Шамра, Великовский показывает, что она воспекает это сражение и поражение Аменхотепа II.

Раскопки в Рас-Шамра установили, что город был разрушен и сожжен и никогда больше не отстраивался. В последующих главах Великовский опишет конец Угарита и историю его царя Никмеда.

В 1887 году в Тель эль-Амарна, на берегу Нила, нашли глиняную таблицу с клинописью. Затем в этом месте были выкопаны 360 таблиц в хорошем состоянии с письмами фараону из Палестины и Кипра. Судя по обращению — «моему брату» — и подписи — «твой брат», письма были написаны царствующими особами. Однако ханаанцы и сирийцы находились под владычеством Египта, и письма их царей адресовались «моему царю» или «моему господину».

Кроме того, найдены письма фараона — очевидно, копии, — хранившиеся в архиве. Тель эль-Амарна расположена на месте бывшего города Ахет-Атон, построенного Аменхотепом IV, назвавшим себя Эхнатонам. Письма адресованы Аменхотепу III и Эхнатону.

Историки считали, что письма были посланы еще до прихода израэлитов в Ханаан.

Во всех письмах Эхнатона просят о помощи против царя Хати, грозящего с востока, и против Хабиру. Историки считали, что речь идет о царе «забытой империи» хититов. Кто такие хабиру, ученые вообще не могли объяснить. Великовский

демонстрирует точки зрения различных историков, анализирует их и показывает их несоответствие логике вещей.

Историки не идентифицировали ни имен людей, ни большинства географических названий. Не мог быть спутан только Иерусалим. Но в преисраэлитскую пору он не назывался Иерусалимом. Еще один город — Шомрон — попросту не существовал до прихода евреев в Палестину. Скрупулезно изучая каждую деталь в письмах и сопоставляя их с Библией, проведя даже фонетический анализ аккадской клинописи и ивритского алфавита, Великовский приходит к заключению, что в письмах фигурируют имена Иегошафата — царя Иудеи, Ахаба — царя Израиля, и Бен-Хадада — правителя Сирии. Великовский распознал в письмах имена иудейских военачальников и египетских официальных лиц, которые упоминаются в книгах Библии. Они убедительно показывают, что в обоих источниках речь идет об одних и тех же событиях.

На стеле моавского царя Меша, восставшего против Израиля, подробно описывается начало, ход и результаты мятежа. В письмах, найденных в эль-Амарне, фараону жалуются на взбунтовавшегося Мешу. Историки считали, что это восстание произошло через 550 лет после времени, когда были отправлены письма.

Наступление моавитов и аммонитов на Иерусалим одинаково описано в Библии (Хроники) и в письмах иудейского царя фараону.

Сведения о второй осаде Самарии сирийцами содержатся в Библии и в письмах из эль-Амарны.

Сопоставляя эти источники, Великовский показывает, как описанная в Библии история излечения от проказы египетского наместника в Сирии

пророком Элиша повлияла на политику Египта по отношению к Израилю и Сирии.

Он находит в Библии имя единственной женщины, автора писем к фараону, сведения о болезни и насильственной смерти сирийского царя и многие другие детали, о которых шла речь и в письмах.

Руководствуясь сведениями из писем, Великовский выяснил, кто завоевал и разрушил Угарит в IX веке до н. э.

Правителем Ассирии, а затем и Вавилона в эту пору был Салманесар III, современник Иегошафата — царя Иудеи, и Ахаба — царя Израиля. В анналах ассирийского царя, в письмах из эль-Амарны, в материалах раскопок в Рас-Шамра (Угарит) и в Библии содержатся сведения об одних и тех же событиях, происшедших в одно и то же время.

Сопоставляя четыре источника, Великовский реставрирует недостающие собственные имена в любом из них, находя эти имена в другом источнике. Он отбрасывает несостоятельные интерпретации событий, сделанные комментаторами на основании неправильного определения событий при изучении каждого из четырех источников в отдельности. Все это строго аргументировано цитатами из соответствующих документов.

Великовский показывает, что стиль писем, посланных из Палестины, идиомы, манера экспрессии буквально те же, что в речах пророков и псалмах той поры.

Период эль-амарнской переписки Великовский называет «веком слоновой кости». «Вслед за золотом, желанным во все века, изделия из слоновой кости, покрытые ляпис-лазурью, были наиболее часто упоминаемыми царскими подарками».

Великовский приводит перечень изделий из слоновой кости, подаренных Аменхотепом IV (Эхнатон) царю Вавилона, которым, по мнению автора, в ту пору был Салманесар III.

Еврейский пророк Амос, живший через несколько поколений после царя Ахаба, упоминал в своих писаниях кровати и даже дома из слоновой кости. Историки считали это поэтическим образом. Но во время более поздних раскопок на месте древней Самарии археологи нашли сотни предметов из слоновой кости, которые были созданы в царствование Ахаба. Фрагменты из слоновой кости надписаны еврейскими буквами. Их сравнение с надписями Меша свидетельствует, что они сделаны в то же время. Археологов удивляли эти находки в Самарии. Они явно относились ко времени Ахаба, но почему-то были похожи на образцы египетского искусства времени Эхнатона. Археологи были вынуждены сделать смущавший их вывод о том, что еврейские изделия созданы по образцу более древних египетских. Синхронизация времени Эхнатона и Ахаба делает ненужными эти «натяжки».

Историки, настаивающие на конвенциональной хронологии, должны признаться в том, что события, о которых в эль-амарнских письмах сообщают ханаанские правители, точно так и в такой же последовательности повторились через 500 лет, что Сумум-Шумер существовал за 500 лет до его создания и, не существуя, периодически подвергался осаде царя Давида из Дамаска и т.д. и т.п. Великовский перечисляет нонсенсы во всех сферах — от военно-политической до архитектуры и искусства — с которыми сталкиваются ученые, придерживающиеся конвенциональной хронологии.

Закljučая книгу, Великовский пишет, что можно было бы допустить случайное совпадение истории Египта в одном веке с историей этой страны в другое время, «но абсолютно невозможно, чтобы три следующих одно за другим поколения в Египте и в соседней Палестине в двух различных веках могли представить полное совпадение в таком множестве деталей». Еще больше удивляет, что эти три поколения не были выбраны произвольно, а на основании параллелей в предыдущих главах, синхронизирующих время Исхода и последующих веков в двух странах. «Было бы чудом, если все эти совпадения являлись чисто случайными». Согласно теории вероятности, такое совпадение невозможно. Но больше того, дальше совпала история и четвертого поколения в Египте, Иудее и в Израиле.

Великовский пишет, что нить Ариадны, которую он взял из рук Ипувера, проведет его по лабиринтам истории и покажет истинное место Девятнадцатой, Двадцатой и Двадцать первой династий и их соответствие истории других народов. Это неизбежно ведет к полной ревизии древней истории.

37. «ВЕЛИЧАЙШИЙ ВКЛАД В КОГДА-ЛИБО ОПИСАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

Несколько высокопрофессиональных писателей и журналистов изложили содержание «Мир в столкновениях». Все, кто затем читал труд Великовского, отмечали, что изложение не идет ни в какое сравнение с книгой. Писателей и журналис-

тов нельзя упрекнуть. Это — не их вина. Трудно сказать, смогли ли бы они написать книгу, как написал ее Великовский. Даже его враги сквозь сжатые зубы замечали, что пишет он значительно лучше других. Изложить «Миры в столкновениях», сохранив достоинства книги, просто невозможно. Во много крат труднее изложить «Века в хаосе». Информацию несет и обогащает читателя не только каждая страница — каждый абзац, каждая фраза. Каждое слово «работает», привнося в информацию своеобразный обертон, что в значительной мере облегчает процесс усвоения новых сведений.

Читая «Века в хаосе» ты невольно становишься сотрудником Великовского в его научной лаборатории. Ты соучаствуешь в процессе сбора сведений, в распутывании клубка противоречий, в создании истинной хронологии народов древнего мира. Можно понять, почему выдающийся историк и знаток Библии профессор Роберт Пфейфер, всей силой своего необычного интеллекта сопротивляясь содержанию книги, не мог скрыть своего восхищения, знакомясь с каждой последующей главой «Веков в хаосе».

Биограф обязан изложить содержание основополагающей книги Великовского, понимая, как убого выглядит его изложение в сравнении с оригиналом.

Увидев «Века в хаосе», профессор Харлоу Шапли схватился за сердце. Он остановился у витрины книжного магазина не в состоянии продолжать путь. Более двух лет назад он даже не представлял себе, что начинает борьбу. Он, маститый астроном, не сомневался в том, что просто так, проходя, сотрет в пыль какого-то никому не известного Великовского.

Более двух лет титанических усилий. Организация давления на компанию «Макмиллан», увы, не оставшаяся анонимной. Мобилизация общественного мнения. Обширная переписка. А результат? Несколько мучительно болезненных пощечин от Теда Теккеря, от друга и товарища по лагерю. Запятнавшая его репутацию статья в газете его же университета, не говоря уже о многих десятках статей в других газетах, причем не только в Америке. Главный соперник, этот Адамс из Калифорнии, с благородным видом смеет осуждать его поступки, да еще становится другом Великовского. Куда дальше? Пайн-Гапошкин, которой он поручил выступить через неделю на заседании Американского философского общества с критикой «Мир в столкновениях», вдруг, видите ли, срочно должна уехать в Европу. Определенно, до нее дошли слухи о том, что Великовский собирается присутствовать на заседании. А после его публичной дискуссии со Стюартом они все струсили. Студенты — и это печальнее всего! — в лучшем случае холодно раскланиваются с ним, а многие просто делают вид, что не имеют о нем представления. Еще совсем недавно он проходил по университету как абсолютный монарх. Ах, как это больно! Он даже не представлял себе, что мнение студентов для него важнее признания коллег и академических почестей.

И вот после этих двух тяжелых лет Великовский не только не стерт в порошок — в витрине книжного магазина красуется его следующая книга. Но больше того! На суперобложке кричаще выделяется надпись: «Если д-р Великовский прав, эта книга — величайший вклад в когда-либо описанное исследование древних времен».

Сама по себе такая фраза могла довести его до сердечного припадка. А тут еще под ней подпись самого Роберта Пфейфера, выдающегося специалиста по древней истории и крупнейшего в мире знатока Ветхого Завета. Подпись Роберта Пфейфера, профессора Гарвардского университета! Нож в спину!

Что делать? И ведь его не накажешь, как Эвотера. Мировая величина. Боже мой! Но ведь надо что-то предпринять!

38. ЗАСЕДАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА

Утром 24 апреля 1952 года Великовские встретились с О'Нейлом на Пенсильванском вокзале. Вряд ли кому-нибудь в огромном зале могло придти голову, что тщедушный седовласый джентльмен в белоснежной рубашке с жестким воротничком, в тщательно отглаженном костюме-тройке чувствует себя морально ответственным, словно взрослый по отношению к ребенку, а ребенок — это высокий широкоплечий элегантный мужчина.

Несколько дней назад О'Нейл позвонил Великовскому и предупредил его о том, что 24 апреля состоится годовое собрание Американского философского общества. Он предложил ему присутствовать на этом собрании, так как три из пяти докладов послеобеденной сессии будут посвящены теории Великовского. Один из этих докладов представлен Пайн-Гапошкин. Великовский не задумываясь согласился.

Американское философское общество было создано Бенджамином Франклином в 1743 году в тогдашней столице, в Филадельфии. По своему

статусу и значению оно приравнивалось к Французской Академии, которую скопировал Франклин, Английскому Королевскому обществу или Российской Академии наук.

Великовские и О'Нейл приехали в Филадельфию вскоре после полудня и направились в старое здание Общества на площади Независимости. Американские «бессмертные» в это время обедали в зале приемов.

О'Нейл представил Великовского президенту Эдвину Конклину, древнему, уже ко всему безучастному профессору, который как раз в этот момент находился в вестибюле. Великовский с Элишей направились в еще пустой зал заседаний и заняли отличную позицию справа у стены возле закругления, откуда было удобно наблюдать за залом.

Закончился обеденный перерыв. Публика начала занимать места. Профессор Олбрайт, историк, за несколько дней до этого опубликовавший статью против «Веков в хаосе» — бездоказательную, вместо науки содержащую поток эмоций — заметил Великовского. Словно бабка, сплетничающая на сельском празднике, он заерзал, сообщая своим соседям о присутствии в зале великого еретика. Профессора стали с любопытством поворачиваться, что было не очень удобно и очень заметно.

Перед самым началом заседания Великовский поднялся на возвышение к председателю, профессору Корнеру, представился и попросил дать ему слово для ответа. Корнер любезно пообещал.

Первым докладчиком был Бернард Коэн, профессор истории науки из Гарвардского университета. В размноженных на мимеографе тезисах, упомянув Великовского в созвездии выдающихся уче-

ных от Птолемея до наших дней, молодой профессор был очень осторожен в выражениях. Хотя он позволил себе одну ироническую фразу по отношению к Великовскому, но, страшась суда истории, не преминул сказать об инерции ортодоксальных ученых, сопротивляющихся всему новому тем сильнее, чем значительнее новая теория. Тон его выступления был менее осторожным и уважительным, чем тезисы.

Второй доклад был посвящен телепатии.

Третьим был доклад Пайн-Гапошкин. Прежде, чем предоставить слово физичке из лабораторий Белл Телефон, который прочитает ее доклад, председатель огласил направленное Обществу письмо Пайн-Гапошкин. Она сообщала, что сейчас, во время путешествия на корабле в Европу, она прочтет «Века в хаосе». У нее нет сомнений, что эта книга окажется такой же ошибочной, как «Миры в столкновениях».

Специализирующаяся на поисках несуществующих ошибок в ссылках Великовского, гарвардская профессорша на сей раз ухватилась за то, что в Библии в одном месте уничтожение армии Сене-хариба приписывается ангелу, а в другом месте Великовский обнаруживает гигантскую молнию.

С невольным недоумением Великовский оглядел аудиторию, чтобы убедиться в том, что сейчас двадцатый век, что здесь собрался цвет американской науки, в том числе несколько Нобелевских лауреатов, а не средневековое теологическое собрание, спорящее о том, сколько чертей может уместиться на булавоочной головке.

Пытаясь придать своему докладу хоть какое-то наукоподобие, Пайн-Гапошкин сослалась на столкновения в Солнечной системе, описанные уже

после опубликования «Миров в столкновениях». Мол, мы не возражаем против того, что катастрофы имели место, просто их не было в течение последних 3000 лет.

Весьма странное заявление, если учесть, что одна из упомянутых Гапошкин работ принадлежала ее нынешнему шефу, директору обсерватории Гарвардского университета Уипли, сменившего Шапли в этой должности. Уипли говорил о катастрофах в Солнечной системе 4700 и 1500 лет назад, то есть значительно позже, чем произошла катастрофа, о которой писал Великовский. Пайн-Гапошкин лгала уже не впервые. Но не кажется ли странным, что на эту ложь не отреагировал ее шеф?

Четвертый доклад был посвящен доззерам, людям, которые ищут подпочвенную воду с палкой-рогатинной в руках. Великовский знал, что даже правительственные организации нанимают на работу доззеров. Но он не мог понять, почему его теория рассматривается на заседании совместно с телепатией и доззерами.

Пятый доклад был представлен психологом все того же Гарвардского университета, профессором Эдвином Борингом. В тезисах его доклада, размноженных на мимиографе, содержалась уравновешенная направленность против Великовского и Пайн-Гапошкин. Но в самом докладе «Обоснование научного убеждения» все стрелы его едкого остроумия были нацелены только на Великовского. Его юмор время от времени вызывал смех и одобрение аудитории.

Пожилой профессор в третьем ряду при каждом взрыве смеха поворачивался в сторону Великовского и хохотал, строя дикие гримасы. Видя его поведение, некоторые перестали смеяться в ответ

на юмор Боринга. Великовский с грустью подумал: как должны его ненавидеть, чтобы пожилой профессор напрочь забыл приличные манеры. Сыграй артист кино подобным образом роль члена Американского философского общества, его игру посчитали бы бездарным гротеском.

Председатель объявил, что после короткого перерыва с получасовым ответным словом выступит доктор Великовский.

После перерыва Великовский поднялся на возвышение и спокойно оглядел аудиторию, все еще находящуюся под впечатлением юмора профессора Боринга. После заседания в кулуарах кто-то заметил, что в эту минуту он напоминал врача-психиатра в палате разбушевавшихся больных.

— Уважаемые господа, — начал он, — я сердечно признателен двухсотлетнему обществу, посвятившему послеполуденное время моей теории. Когда она впервые увидела свет, ученые назвали ее абсурдом. Затем они посчитали ее мистификацией. Затем — ересью. Сегодня она произведена в «неортодоксальность в науке». Надеюсь, она не станет догмой в будущие дни. Что касается миссис Гапошкин, которая посвятила два последних года борьбе с моей теорией в своих многочисленных статьях, то она, безусловно, заслуживает кафедру в Гарварде, которую следовало бы назвать «кафедра Великовского в астрономии».

Смех в разных концах зала был реакцией на эти слова и показал Великовскому, что он начинает овладевать аудиторией. В этот момент он с огорчением обнаружил, что заметки, сделанные во время выступления гарвардских докладчиков, затерялись среди его бумаг. Великовский опасался, что может произвести неблагоприятное впечатление,

роясь в бумагах. Поэтому он решил вообще обойтись без них. Именно в этот момент в зал вошла его дочь Шуламит.

За несколько месяцев до этого дня Шуламит и Авраам приехали из Хайфы в Принстон, где физику Аврааму Когану предстояло сделать докторат. Великовскому всегда было небезразлично мнение его старшей дочери. И, поднимаясь на возвышение, он прикинул, что поезд из Принстона должен был прибыть в Филадельфию несколько минут назад. Появление Шуламит обрадовало и воодушевило Великовского. Элишева, Шуламит, О'Нейл и еще трое друзей. Их он не должен был завоевывать.

— Прежде всего я бы хотел ответить господам астрономам. Существует ли противоречие между моей теорией и астрономическими фактами? Нет. Ни одного противоречия вы не обнаружите. Отвергает ли любой из приведенных мною фактов законы инерции или любые объективные законы природы? Нет, не отвергает и не опровергает. Укладываются ли описанные мною факты и факты, наблюдаемые сотнями астрономов во всех концах мира, в существующие астрономические теории? Нет, не укладываются. Ну что же, тем хуже для фактов. Может ли ваша косная небесная механика объяснить поведение хвоста кометы, на космических скоростях пролетающей мимо Солнца? Почему этот хвост изгибается, как лук? Какие гравитационные силы действуют на него? Почему солнечные протуберанцы, как детские шарики на резиновых шнурах, возвращаются к Солнцу, а не отрываются от него соответственно вашей небесной механике? — Великовский адресовал астрономам десятки вопросов, демонстрирующих их уязвимость и правильность его теории.

Иммануил Великовский в Принстоне.

— Почему Солнце круглое, хотя в соответствии с созданными вами теориями оно обязано быть овальным? Упоминание электрических разрядов и существование магнитных полей страшит вас, потому что это не укладывается в вашу небесную механику. Но, господа астрономы, не существует стерильного электричества и импотентного магнетизма. Вы не можете отвергнуть их только потому, что они противоречат вашей такой удобной теории...

Зал слушал с напряженным вниманием. Каждое слово буквально взрывало абсолютную тишину. Великовский заметил, как в последнем ряду Нобелевский лауреат, профессор физики Комптон согласно кивал головой.

— Нет, господа астрономы, вы не верите фактам. Вы верите только созданным вами теориям. Существуют ли на земле доказательства описанных мною катастроф? Существуют ли факты не только в небесах для астрономов, но и на земле, для геологов? — Великовский рассказал о работе оксфордского профессора Джосефа Прествича, который описал следы гигантских катастроф во всей Западной Европе и на островах Средиземного моря... — С тех пор появились сотни работ геологов. Но вы, господа ученые, не хотите видеть этих объективных фактов, потому что они не укладываются, они противоречат теории единообразия.

Изложив несколько работ видных геологов, подтверждающих его тезис, Великовский сейчас адресовал свою речь непосредственно профессору Олбрайту, который вобрал голову в плечи словно в ожидании удара.

— Ну, а вы, господа историки? Где вы нашли несоответствие с фактами в моей теории? Неуже-

ли вам все настолько известно и ясно, что не было необходимости прочитать капитальный труд профессора Клода Шаефера, выдающегося археолога, о последних его находках? А между тем профессор Шаефер четко и достоверно показывает, что весь Древний Восток, от Трои до Ирана и от Кавказа до Египта, был неоднократно разрушен гигантскими катастрофами. И страшнейшая из них произошла именно в конце Среднего царства в Египте, то есть именно тогда, когда, соответственно обеим моим книгам, эта катастрофа имела место. Факты, господа, факты. Первое правило в поведении человека, считающего себя ученым, изучать факты, затем думать и только затем выражать свое мнение. Увы, по отношению к моей теории группа ученых повела себя как раз наоборот. И даже хуже! Высказав свое мнение, эти ученые не подумали и тем более не изучили факты. Они даже написали о стиле моей книги, не прочитав ее. В заключение я позволю себе напомнить слова Томаса Хаксли: «Сядьте перед фактом, как малый ребенок, будьте готовы отказаться от заранее предуготовленного представления, следуйте скромно за природой, как бы и в какую бы пропасть она вас не завела, иначе вы ничему не научитесь». Благодарю за внимание...

Небывалые в этом зале аплодисменты взорвались, пока Великовский спускался с возвышения. Профессор Корнер сошел с председательского места, чтобы пожать ему руку и выразить свой восторг. Гром аплодисментов сопровождал Великовского на всем пути до места у стены недалеко от бюста Франклина.

Вестибюль Американского философского общества еще не видел таких оживленных и таких противоречивых споров и бесед.

— Господа, он ткнул общество носом в кучку, как нагадившего котенка.

— Слишком уж менторский тон у этого доктора. Он забыл, что перед ним не пациент, а цвет американской науки.

— Да, вы правы. Он действительно говорил с нами, как с пациентами. Но не станете же вы утверждать, что американская наука здорова, если ее представители посмели поступить с этим большим человеком так, как они поступили?

— Вы действительно считаете его большим человеком?

— Я не читал его книг, но даже из его выступления видно, что это светлейший ум.

— Господа, я читал «Миры в столкновениях». От книги нельзя оторваться. Она читается как увлекательный детектив. Не знаю, верна ли содержащаяся в книге теория, но я смею утверждать, что ее автор — величайший мозг современности.

— Чепуха!

— Простите, профессор, вы читали его книги?

— Мне незачем съесть все яблоко, чтобы знать, что оно червивое.

— Вот-вот. Недаром он так всыпал уважаемому Обществу, как за 209 лет его существования никто ему не всыпал.

— Я посмею вас дополнить, господин профессор. Бенджамин Франклин смотрел на аудиторию с портрета и наслаждался каждой минутой выступления доктора Великовского.

Группа молодых профессоров беседовала не так громко, как их маститые коллеги:

— С Великовским можно справиться, пользуясь патентом Джонатана Свифта.

— То есть?

— Так же, как лилипуты справились с Гулливером. Связать его сонного.

— Вы правы. Примерно так и поступает наш истеблишмент. В честной дискуссии они терпят поражение. Поэтому лучший способ не выглядеть побежденными — поливать Великовского грязью и не давать ему возможности отвечать.

— Кажется, мы уже упали ниже дозволенного уровня.

— В истории науки «дело Великовского» назовут американским позором.

— Обидно только, что мы — представители этой науки в это конкретное время.

— Вы очень деликатно выразились. Не обидно, а подло. И мы тоже в какой-то мере причастны к этой подлости. Своим трусливым молчанием.

— Не стану отрицать этого. Но у меня есть семья и дом, купленный в рассрочку, и я еще пока всего лишь адъюнкт-профессор.

— Напрасно вы думаете, что полному профессору лучше. Говорят, что даже у самого Пфейфера назревают неприятности за поддержку Великовского.

— У Пфейфера? Не может быть!

В это же время в другой группе ученых:

— Бледно выглядят корифеи в дискуссии с Великовским.

— Обратите внимание, коллеги, доктор медицины нокаутировал астрономов, геологов и историков. Всех в их собственной области науки. При этом нокаутировал с легкостью необычайной.

— Я бы добавил: как тяжеловес-профессионал в бою с повичком в весе «пера».

Профессор Комптон, заметив проходящего мимо гарвардского психолога Боринга, громко сказал стоявшим рядом с ним физикам:

— Боринг имел возможность убедиться в том, что у него нет монополии на юмор. Если к этому добавить, что у Великовского, кроме юмора, есть еще неисчерпаемый запас знаний, не встречавшийся мне у других ученых, то, надо полагать, в Гарварде у него увеличится число личных врагов.

Боринг отошел с невозмутимым видом, словно не услышал сказанного Нобелевским лауреатом.

В этот момент с раскрытыми, как для объятия, руками к проходящему мимо Великовскому направился профессор Олбрайт. Пожимая Великовскую руку, он произнес патетическим голосом:

— Я восхищаюсь тем, что вы пришли и говорили подобным образом в стане ваших противников!

— Профессор Олбрайт, можете ли вы указать мне какую-либо ошибку в описании исторических фактов, в цитатах, в ссылках, которую я допустил в «Веках в хаосе»?

— Нет, ошибки я не нашел. Но, согласитесь, уважаемый доктор, что десятки тысяч историков не могли ошибаться в течение многих сотен лет.

— Соглашусь, если вы мне покажете, где ошибаюсь я.

Смущенный профессор Олбрайт попытался сменить тему разговора. На помощь ему пришел палеоботаник Чани, явно недовольный поражением своего коллеги. О'Нейл с гордостью и удовольствием смотрел, как Великовский засыпал его серией вопросов, на каждый из которых профессор Чани беспомощно отвечал: «Не знаю». Чани решил взять реванш и объявил Великовскому, что журнал «Харпер'с» предложил ему написать разгромную рецензию на «Века в хаосе», но он отказался от этого, чтобы не сделать книге еще большую рекламу. Расставаясь, Великовский великодушно подал Чани

руку. Палеоботаник пожал ее так, словно это был провод с током высокого напряжения.

39. ПИСЬМО, КОТОРОЕ ШАПЛИ НИКОГДА НИКОМУ НЕ ПОКАЖЕТ

Спустя несколько дней профессор Пфейфер получил письмо от Шапли. Университетский коллега писал, что его пригласили доложить о Великовском на встрече сотрудников Гарварда. Десять дней назад в «Геральд трибюн» была опубликована критическая статья на «Века в хаосе». На следующий день автор статьи, ориенталист и археолог доктор Олбрайт, прислал ему копию. Он также полностью информирован о заседании Американского философского Общества.

«Естественно, комментируя «Века в хаосе», я прокомментирую также суперобложку и приписываемое вам заявление... Заявление, весьма очевидно, вырвано из контекста. Мне кажется, что вы могли бы быть любезны представить мне весь контекст только для того, чтобы не были сделаны неправильные заключения. Мы также были бы очень рады узнать, какова ваша реакция на такое употребление вашего действительного заявления, касающегося «Веков в хаосе». Я и другие были бы рады узнать, была ли цитата употреблена с вашего разрешения, а если нет, намереваетесь ли вы опротестовать это».

Затем Шапли просил не считать это вмешательством в личную жизнь, или критикой, или вмешательством в свободу профессора Пфейфера. Просто он хотел бы представить своим коллегам истинные факты об этом деле.

«Кстати, д-р Вальтер С. Адамс, бывший куратор обсерватории Маунт Уилсон, написал любезное письмо Великовскому, в котором он уважительно отнесся к «Мирам в столкновениях», что, к сожалению, широко использовали издатели для улучшения продажи книги».

Первой реакцией старого профессора на письмо Шапли был гнев. Лютый. Требующий выхода.

Ах ты, лиса! Кто-то из гарвардских либералов назвал Шапли львом. Какой к дьяволу дев! Лиса. Мелкая вонючая лиса!

«Вы могли бы быть любезны представить...» Я тебе представляю! А что сказать по поводу Адамса? По поводу употребления его имени? Старый склочник и лгун! Никогда ни один издатель даже не упоминал имени Адамса. Только во время дискуссии со Стюартом Иммануил в весьма сдержанных тонах сослался на него. Ах ты, сукин сын!

Вспышка угасла довольно быстро. Не только тормоза джентльмена, но и просто здравый смысл взяли верх. Собственно говоря, разве ты не ожидал чего-нибудь подобного? Разве ты не предвидишь больших пакостей? Как сказал тогда Иммануил во время их телефонного разговора? «Они бросят камень и в ваше окно». И ты эпикурейски-спокойно ответил: «Пусть бросят».

За десять лет их знакомства и дружбы у Иммануила накопилось достаточное количество его писем с выражением не только одобрения, но даже нескрываемого восторга, хотя ему нелегко согласиться с тем, что теория Великовского верна. Особенно его хронология. А ведь за десять лет он не обнаружил у него ни единой ошибки. Но дело не в этом. Когда в январе Великовский позвонил ему

и спросил, может ли издательство «Даблдей и К°» взять для суперобложки цитаты из его писем, в основном адресованных другим лицам, он согласился немедленно. Великовский несколько раз предупредил, что это может оказаться небезопасным. Именно тогда Иммануил сказал: «Они бросят камень и в ваше окно».

Подонки! Конечно, ему не хочется прекратить преподавание в университете. Сам процесс общения со студентами доставляет ему удовольствие. Он словно молодеет в их присутствии. И, тем не менее, этому Шапли следует преподать урок порядочности.

Пфейфер сел за машинку и отстукал письмо, которое, он был уверен, Шапли никогда никому не покажет.

40. В ПРИНСТОНЕ. ГАРВАРДСКИЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ НЕ УСПОКОИЛИСЬ

В начале лета 1952 года Великовские переехали в Принстон. Ко времени их переезда уже был переоборудован и отремонтирован купленный ими двухэтажный дом № 76 на Хартли авеню, в котором раньше жили две итальянские семьи.

Этот шаг был предпринят после тщательного взвешивания различных вариантов. Первый — возвращение в Израиль. Это могло привести к резкому снижению темпа работы. А ему уже, увы, не тридцать и даже не сорок... Кроме того, в какой-то мере это значило уступить поле боя. Второй вариант — остаться в Нью-Йорке и продолжить работу над следующими книгами исторического исследования. Третий вариант — осуществить часть

работы, о которой шла речь в эпилоге «Мир в столкновениях», а именно написать книгу о находках геологов, палеонтологов и археологов, подтверждающих его теорию. Четвертый вариант — осуществить исследования, могущие подтвердить или опровергнуть его теории: спектроскопию атмосферы планет, изучение электромагнетизма в Солнечной системе, радиоуглеродные исследования находок археологов или предметов искусства, хранящихся в музеях, для установления истинного возраста этих предметов.

Предпочтительным, но наименее реальным был четвертый вариант. Ученые категорически отказывались проверить теории Великовского. Поэтому следовало выбрать самый близкий к нему третий вариант, могущий в конце концов пробудить совесть ученых мира. Настоящие ученые — а Великовский, несмотря ни на что, продолжал верить, что их большинство — не устоят перед очевидностью объективных фактов.

Тихий университетский город с богатой библиотекой, хранящей книги по геологии, палеонтологии и археологии, — отличное место для исполнения задуманного. Богатейшая библиотека знаменитого Гюйо-Холла — геологического факультета Принстонского университета — можно ли было мечтать о чем-нибудь лучше? Великовские поселились в Принстоне.

Вскоре после переезда Великовский зачастил в библиотеку Гюйо-Холла. Даже будучи избалованным библиотеками в Нью-Йорке, он не мог не восторгаться полнотой собрания материалов, необходимых ему для работы над новой книгой, которую он назвал «Земля в переворотах».

Нельзя сказать, что реакция преподавателей геологического факультета на появление в их здании Великовского напоминала реакцию пчелиного роя на случайно залетевшую в их улей чужую пчелу. Но долгое время Великовский ощущал атмосферу отчужденности и даже враждебности, подобную той, которая окутывала его на заседании Американского философского общества перед его выступлением.

Однажды, когда он просматривал карточки в ящике каталога, к нему подошел симпатичного вида джентльмен и, доброжелательно улыбаясь, спросил:

— Доктор Великовский, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошиблись.

— Да, я узнал вас. Я видел вас в Филадельфии, на заседании Философского общества. Да. Простите, я не представился. Профессор Глен Джепсен.

В течение нескольких месяцев профессор палеонтологии был единственным сотрудником геологического факультета, с кем Великовский изредка общался в библиотеке.

А дома, на сей раз неспеша, писалась еще одна книга. Просто так. На всякий случай. Пока не для публикации. В стол. «Звездочеты и гробокопатели» — так, шутя, озаглавила ее когда-то Элишева.

Когда-то Великовскому рассказали о враче, который всегда был корректен и любезен со своими самыми невыносимыми пациентами. Даже доведенный кем-либо из них до белого каления, внешне он оставался неизменно безупречным. Но после ухода такого пациента он хватал со стола тяжелое пресс-папье и с ожесточением швырял его в стенку.

Великовский не бросал пресс-папье, прочитав абсурдную критику враждебных ученых или опусы

безграмотных журналистов, ради доллара создающих свою низкопробную продукцию. Он писал «Звездочеты и гробокопатели».

Все книги Великовского, уже написанные и те, которые ему только предстояло написать, отличаются тем, что каждая глава, раздел и даже подглавы четко и интересно озаглавлены. Тем более, это относится к книге, которую без натяжек можно причислить к беллетристике. Это история создания и публикации «Миров в столкновениях» и реакция на эту книгу. Но три части «Звездочетов и гробокопателей» названы «файлами»*, что подчеркивает ее документальность.

Осенью 1952 года в «Протоколах Американского философского общества» появилась статья Пайн-Гапошкин, обвиняющая Великовского в том, что он извращает цитируемую им литературу. Как доказательство она привела пять примеров. Последний вообще не имел отношения к «Мирам в столкновениях». Но так же, как и четыре предыдущих, так же, как и многие тысячи цитат, Великовский и эти привел абсолютно точно. Зато Гапошкин ловко заменила части фраз многоточиями, чтобы создать у читателя впечатление, будто автор «Миров в столкновениях» поддерживает свою теорию ссылками на несуществующие данные. Это были ложь и фальсификация.

Великовский послал в «Протоколы» статью, в корректной академической манере сравнивающей цитаты из книги с их извращением в статье Гапошкин.

Через некоторое время он получил ответ, что редакционная коллегия решила не публиковать его

---

* Наиболее близкий перевод на русский язык: подшивка бумаг, подшивка к делу, скоросшиватель.

статью. Редакционная коллегия «Протоколов Американского философского общества» стала сообщником фальсификатора и лжеца. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения.

Возмущение Великовского легко понять: он не только не нуждался «в извращении цитат» для доказательства своей теории, но даже цитировал работы, противоречащие ей.

По этому поводу профессор Этьен Дриотон, генеральный директор всех египетских древностей, в том числе Каирского музея, 29 мая 1952 года написал Великовскому: «...книгу («Века в хаосе») ... которую получил сегодня утром, я уже почти полностью прочитал, настолько она волнующа и пленительна.

Вы действительно перевернули — и с какой пикантностью! — множество наших исторических исходных посылок, которые мы считали установленными. Но вы сделали это с абсолютным отсутствием предубежденности, беспристрастно и с полной документацией, что заслуживает особой похвалы... Можно дискутировать по поводу ваших заключений. Но независимо от того, примут их или нет, они ставят вопросы заново и делают необходимостью глубокое их обсуждение в свете ваших гипотез. В любом случае это замечательная книга, и она очень важна для науки».

Таково заключение виднейшего ученого в области, которая была темой книги.

Таким образом, самый крупный в мире специалист по древней истории и по «Ветхому Завету» профессор Роберт Пфейфер и самый крупный в мире египтолог, профессор Этьен Дриотон независимо друг от друга дали наивысшую оценку историческому исследованию Великовского.

41. ЮПИТЕР ДОЛЖЕН ИЗЛУЧАТЬ РАДИОШУМЫ!

14 октября 1953 года Великовского пригласили прочитать лекцию на форуме аспирантов Принстонского университета. Аудитория была заполнена до отказа: пришли не только аспиранты различных факультетов, но и профессора, и студенты старших курсов.

Лекцию о своей книге «Миры в столкновениях» в свете последних открытий Великовский начал с рассказа о том, как учения XIX века превращались в догму, как период между 1895 и 1950 годами стал временем созревания «еретических идей». Он рассказал, как крупнейший французский археолог, профессор Клод Шаефер, основываясь на данных раскопок, пришел к тем же выводам, к каким Великовский пришел, изучая исторические источники. Он рассказал о недавних находках в геологии, подтверждающих его теории. В том числе и о последних открытиях в астрономии, неопровержимо подтверждающих его «крамольные», по мнению ортодоксальных ученых, мысли — о коллизиях не только в Солнечной системе, но даже о столкновениях галактик, об электромагнитном взаимодействии между телами в космосе. Тут же Великовский высказал мысль о том, что Юпитер должен излучать радишумы.

По аудитории прокатился ропот: это собравшимся здесь представлялось абсолютно невероятным. Астрономы только улыбнулись, услышав эту «нелепость». Какое радиоизлучение может быть у холодной планеты? Вероятно, сейчас они не вспомнили о том, что еще три года назад утверждения Великовского об электромагнитных явлениях и столкновениях миров тоже звучали абсурдно...

Великовский не знал, что на лекции присутствовали дочка Эйнштейна Марго и его личная секретарша Элен Дюкас — они специально были посланы профессором. Впрочем, Марго и сама собиралась пойти: ей очень нравилась Элишева, и она представляла себе, каково приходится жене ученого, постоянно живущего в атмосфере преследования и ненависти. Отчет Марго и Элен Эйнштейну был весьма эмоциональным.

— Господин профессор, я вам весьма признательна за то, что вы послали меня на лекцию. Я уже давно не получала такого удовольствия от публичной лекции.

— Папа, мне очень жаль, что тебя не было с нами.

— Женщины, пожалуйста, последовательно. Как аудитория?

— Была переполнена, господин профессор.

— Нет, я имею в виду реакцию аудитории...

— Великовский поразил всех. Даже несогласные с ним профессора сидели, затаив дыхание. Об аспирантах и студентах и говорить не приходится.

— Ну, а по существу?

— Папа, даже я поняла каждое слово. Меня он убедил.

— Марго, не только вас. Я видела, что он убедил многих. Я застенографировала для вас, господин профессор, образец его риторических приемов. Вы позволите?

— Разумеется.

— Однажды в предзакатный час, — начала читать мисс Дюкас, — в мой кабинет вошел посетитель, джентльмен с заметной внешностью. Он принес манускрипт, описывающий небесную механику. Бросив взгляд на несколько страниц, я почувствовал, что передо мной работа математического

гения. Я вступил в беседу с моим посетителем и упомянул имя Джеймса Кларка Максвелла. Мой гость спросил: «Кто это?» Смущенный, я ответил: «Знаете, это ученый, который дал теоретическое объяснение экспериментам Фарадея». «А кто такой Фарадей?» — спросил чужеземец. С растущим смущением я сказал: «Конечно, человек, который осуществил основополагающие работы в электромагнетизме». «А что такое электромагнетизм?» — спросил джентльмен. «Как ваше имя?» — спросил я. Он ответил: «Исаак Ньютон». Я проснулся. На моих коленях лежал раскрытый том: «Принципы» Ньютона. История рассказана, чтобы проиллюстрировать то, что я сказал раньше. Стали бы вы слушать кого-либо, обсуждающего механику сфер, кто не знает элементарных физических сил, существующих в природе? Но это именно позиция, занятая астрономами, которые шумно приветствуют «непогрешимую» небесную механику, как представляли себе ее в 1660 году, небесную механику, в которой электричество и магнетизм не играли существенной роли.

Эйнштейн уже давно так не смеялся.

— Ай, да Великовский! Ну и прием! Он это умеет! Он меня тоже однажды поддел подобным образом. Он показал мне брусчатку под моими окнами... — Эйнштейн перестал хохотать, что-то невнятно пробурчал в усы и сказал:

— Мне бы очень хотелось пригласить его и побеседовать.

— Папа, он будет рад твоему приглашению. Элишева рассказывала мне, как он тебя почитает.

— Первая скрипка? Очаровательная женщина. Ты считаешь удобным пригласить Великовских?

— Разумеется. Если хочешь, я могу это взять на себя.

42. ВЕЧЕР У ЭЙНШТЕЙНА

Со сложным чувством, основным компонентом которого была грусть, приближался Великовский к двухэтажному каменному дому с зелеными ставнями на улице Мерсерстрит, 112.

Дверь отворила мисс Элен Дюкас. Эйнштейн встретил Великовских у порога. Несколько первых фраз были адресованы Элишеве. Он вспомнил ее проникновенную игру, когда они исполняли моцартовские квартеты, поинтересовался ее успехами в скульптуре. Он усадил Великовских и начал сражаться с тяжелым массивным креслом, резко отличающимся от скромной обстановки комнаты. Он пытался приблизить его к стульям гостей. Великовский встал и поспешил помочь. Эйнштейн поблагодарил кивком головы и, улыбнувшись в свисающие усы, сказал:

— Это мое юпитерово кресло.

Эйнштейн обратился к Великовскому так, словно сегодня утром они на полуслове прервали беседу:

— Сперва вы подняли шторм вашей книгой «Миры в столкновениях», а сейчас только и слышишь о лекции Великовского. Конечно, ваш хитрый рассказ о странном госте, оказавшемся Ньютоном, — блестящий лекторский прием, но он вовсе не доказывает вашу правоту.

— Вы так считаете?

— Уверен. Признаюсь, ваша книга увлекла меня. Но мне кажется, что ваши критики правы. Зачем вам понадобились электромагнитные взаимодействия?

— Зачем вам понадобилась теория относительности? Разве вы обнаружили ошибку в ньютоновской теории?

Эйнштейн ничего не ответил, воспользовавшись тем, что именно в этот момент подали чай.

— Кстати, вы упомянули, что сидите в кресле Юпитера, — продолжал Великовский. — Не допускаю, что кто-либо может не согласиться с этим. Но задумывались ли вы, почему Юпитера? Почему не Солнца, которое ярче и важнее? Представьте себе, что однажды вечером я бы остановил любого студента или профессора и спросил бы их, какая из сияющих над головою звезд — Юпитер? Нашелся ли бы хоть один, кто смог указать мне планету? Как же произошло, что Юпитер стал величайшей святыней в Риме точно так, как Зевс — в Греции, Мардук — в Вавилоне, Маздра — в Персии? Всё это названия планеты Юпитер. Можете вы объяснить, почему эта планета обожествлялась народами древности, почему ее имя было на устах у каждого? Движение планеты не представляет собой чего-либо исключительного — раз в двенадцать лет она пересекает небо. Это яркая планета, однако она не доминирует в небесах. В то же время Аполлон — Солнце — источник света и тепла, был только второй святыней.

— Действительно, я никогда не задумывался над этим.

— Помните, как в «Илиаде» Гомер рассказывает о том, что Зевс сильнее всех богов, вместе взятых, что он своей цепью может притянуть их всех вместе с Землей? Византийский ученый Евстахий прокомментировал это описание буквально в современных терминах: сила притяжения планеты Юпитер больше, чем всех остальных планет вместе взятых, включая Землю.

— Невероятно! Выходит, древние знали уйму вещей, до которых человечеству потом пришлось

добираться, сражаясь с Аристотелем и догматизмом католической церкви?

— Как и глубоко уважаемый мною профессор Адамс, вы недооцениваете древних. Они действительно знали уйму вещей. Аристотель сделал все возможное, чтобы человечество забыло о них. Но это — особая тема.

Великовский украдкой посмотрел на часы. Эйнштейн сидел в своем «юпитеровом кресле» сорок пять минут. Великовский подал знак Элишеве. Они встали, чтобы поблагодарить гостеприимного хозяина и попрощаться с ним. Эйнштейн запротестовал:

— Нет, нет, я вас не отпущу! Мы только начали беседу, а вы уже собираетесь меня покинуть.

Великовский не возвращался к теме, связанной с его работой. Он ловко повернул беседу в другое русло. Эйнштейн заговорил о вещах, которые явно были постоянным предметом его размышлений. Разговор шел об относительности времени. Затем они заговорили о случайном и совпадении. Чувствовалось, что даже сейчас Эйнштейн продолжает философский спор с представителями копенгагенской школы. Он посмотрел на Великовского и очень серьезно сказал:

— Конечно, это редкий случай, когда мое кресло занимает нынешнюю позицию в пространстве. Но нет ничего случайного в том, что мы сейчас сидим и беседуем, потому что мешугоим притягиваются друг к другу. — Эйнштейн применил ивритское слово «мешугоим», что означает «сумасшедшие», бывшее в его лексиконе самой высокой оценкой нестандартного, выдающегося интеллекта.

43. ПОЧЕМУ СОЛНЦЕ КРУГЛОЕ?

В конце ноября 1953 года Великовский тщательно отредактировал свою лекцию, прочитанную в Принстонском университете (в таком виде она будет опубликована как послесловие к книге «Земля в переворотах»). Один экземпляр он послал Эйнштейну. Через несколько дней старый ученый снова пригласил Великовских к себе.

После короткой светской беседы Эйнштейн высказал недоумение, почему Великовский упорно говорит об электромагнитных взаимодействиях.

— Если вы позволите, — сказал Великовский, — я выскажу мысль, которая может показаться вам банальной.

— Что-нибудь наподобие брусчатки на берлинской улице? — Эйнштейн хитро улыбнулся.

— На сей раз ближе к вашей специальности. Мне бы хотелось напомнить вам, что не Великовский, а Эйнштейн мечтал о единой теории поля. Эйнштейна почему-то не удовлетворяли только гравитационные взаимодействия.

— Ну, мой дорогой, это — совсем из другой оперы. Ньютоновская теория отлично объясняет небесную механику и ей вовсе не нужна единая теория поля.

— Сомневаюсь. Тем более, что повод для сомнений мне дал профессор Эйнштейн.

— Что вы имеете в виду?

— Если я не ошибаюсь, вы вместе с двумя другими евреями — Инфельдом и Гоффманом — определили траектории движения двойных звезд значительно точнее, чем это было сделано на основании ньютоновской механики.

— Ух, ты! Вот это удар! Какое счастье, что

среди копенгагенских философов, более тридцати лет воюющих против меня, нет Великовского.

— Это не моя профессия, но мне кажется, что у копенгагенской школы просто нет аргументов против вас. А мне вы предоставили отличную возможность.

— Ну, что касается вашей профессии, то еще в Берлине я запутался в этом вопросе. А вот небесная механика... Надо подумать. Хотя мне кажется, что вы не правы.

— Конечно. Здравый смысл. Как говорится, Kann ich meinen kleinen Finger als Zeuger beibringen*.

— Великовский, вы — форменная язва. Я же сказал, что надо подумать.

— Ну, уж если я язва, а вы хотите подумать, то я посмею напомнить вам еще одно, по-моему, просто изумительное изречение. — Великовский пристально посмотрел на Эйнштейна.

— Чье изречение?

Великовский не ответил на вопрос и перешел на английский:

— Прости меня, Ньютон! Ты нашел единственный для твоего времени путь, который был доступен только человеку величайшей силы мысли, каким был ты... Созданные тобой понятия еще сейчас движут наше физическое мышление, но сегодня мы уже знаем, что для более глубокого постижения глобальных связей мы должны заменить твои понятия другими, более отдаленными от непосредственного опыта.

Эйнштейн улыбнулся:

— Да, я написал это. Я действительно чувствовал себя виноватым. Но как это вам удастся нащу-

---

* Могу я привлечь мизинец в качестве свидетеля? (нем.)

пивать самое уязвимое место у оппонента? И главное — какой феноменальной памятью надо обладать, чтобы вдруг с такой точностью цитировать нужный абзац. Господь вообще не очень щедр на мешугоим, но мешуга, подобного вам, я вообще не встречал. Доктор медицины? Ну и ну!

Великовский чувствовал, что этот диалог и беседа с Элишевой о музыке — только прелюдия к теме, ради которой, вероятно, Эйнштейн пригласил их. Действительно, он заговорил о круглом Солнце, о форме, которая, как считал Великовский, не соответствует ньютоновским законам. Эйнштейн яростно сопротивлялся, ощущая, однако, слабость своей позиции. Великовский увлекся и очень удивился, когда Элишева напомнила, что уже далеко за полночь и не следует злоупотреблять гостеприимством.

На следующее утро, чувствуя угрызения совести, Великовский собрался позвонить и попросить у Эйнштейна прощения за вчерашний затянувшийся визит. Но вдруг раздался телефонный звонок: Элен Дюкас сказала, что профессор сейчас возьмет трубку.

— Дорогой доктор, после нашей беседы вчерашней ночью я прокрутил в своем сознании проблему сферической формы Солнца. Уже перед самым утром я включил свет и подсчитал, какую форму должно иметь Солнце под влиянием ротации. Я бы хотел доложить вам полученные результаты...

Если раньше Эйнштейн категорически возражал даже против самой возможности космических катастроф в историческое время, то сейчас он задумался над тем, какую объективную ценность представляют древние записи и предания. Вместе с тем, описанная Великовским причина катастроф все еще

вызывала у него сомнение. Нет, он просто не мог согласиться с Великовским.

Психоаналитику было бы даже интересно наблюдать, как Эйнштейн постепенно сдает свои казалось бы неприступные позиции. Но Великовскому трудно было оставаться наблюдателем, когда дело касалось его теорий.

44. ЭЙНШТЕЙН ЗНАКОМИТСЯ СО «ЗВЕЗДОЧЕТАМИ И ГРОБОКОПАТЕЛЯМИ»

В марте 1954 года Шуламит и Авраам Коган прислали из Хайфы телеграмму о рождении Ривки, еще одного представителя рода Великовских в Израиле. Вскоре Рут сообщила о рождении сына Рафаила. Два внука и две внучки. Две опубликованных книги и две книги в работе, завершение которой можно было уже предвидеть.

...Был теплый майский вечер 1954 года. За большим во всю стену окном кабинета зажглись первые звезды. Бесконечность, казалось, окутала тихие холмы Нью-Джерси. Смягчилось даже ощущение неухоженности в эйнштейновском кабинете со стопками книг на полу, с коллекцией курительных трубок, кажущихся почему-то запыленными. Великовский принес Эйнштейну главы книги «Земля в переворотах» — от восьмой до двенадцатой. Очень важно было узнать мнение Эйнштейна по поводу высказанных в них мыслей.

В течение полугода Эйнштейн неоднократно пытался завести разговор о реакции ученых на «Миры в столкновениях». Великовский охотно говорил о научном и психологическом аспектах этой проблемы, но всякий раз ловко уходил от необходимости называть конкретные имена. Но

сейчас Эйнштейн случайно, а, может быть, и умышленно, больно задел его, сказав:

— Я догадываюсь, что какая-то непорядочность могла вынудить даже такую благородную душу, как Великовский, отреагировать соответствующим образом. А все-таки мне не хотелось бы вдруг узнать, что вы дали журналистам пищу против ученых.

— Как это ни удивительно, на подлость ученых я публично отреагировал только один раз, после увольнения из издательства «Макмиллан» редактора моей книги. Но мне интересно было бы увидеть, как бы вы отреагировали, скажем, на это. — Великовский вынул из портфеля первый «скоросшиватель» «Звездочетов и гробокопателей», извлек из него несколько писем Шапли и других, положил их на стол перед Эйнштейном.

Эйнштейн, прочитав, был потрясен и даже не пытался скрыть этого.

— Великовский, все это должно быть опубликовано. Писатель, обладающий хорошим драматическим талантом, должен оформить имеющийся у вас материал в книгу. Боже мой, какой это будет документ!

В тот вечер Великовский не рассказал Эйнштейну, что уже оформляет имеющийся материал в книгу. Ему вообще сегодня не хотелось тратить время на разговоры, не имеющие отношения к его теории.

Через несколько дней Великовский получил большое письмо от Эйнштейна, написанное им собственноручно. Письмо содержало критические замечания по поводу пяти глав «Земли в переворотях». Несколько абзацев были посвящены письмам, прочитанным им в тот вечер. Эйнштейн пи-

сал, что Шапли можно понять, хотя его нельзя простить. И тут же, противореча самому себе, он писал: «Однако, следует отдать ему должное — на политической арене он вел себя мужественно и независимо...» Поэтому, мол, в какой-то мере будет справедливо, «если мы накинем на него мантию еврейского сострадания, как это ни трудно». Однако он не отказывался от мысли, что имеющиеся у Великовского документы должны быть оформлены в книгу.

Во время следующей встречи после обсуждения проблем, связанных с «Землей в переворотах», Эйнштейн решил продолжить разговор, касающийся Шапли, но тут же деликатно прекратил, видя, как болезненно Великовский реагирует на эту тему.

Именно деликатность хозяина удерживала Великовского от откровенного разговора. Эйнштейну — 75 лет. В этом возрасте трудно, если вообще возможно, изменить мировоззрение. То, что мог рассказать Великовский, безусловно ущемит чувства доброго и порядочного человека, такого одинокого и легко ранимого.

Возвращаясь ночью домой, Великовский упорно думал, почему Эйнштейна так глубоко задела эта проблема. Дело не только в хорошем отношении и в интересе к нему. Эйнштейн не случайно препарирует поведение Шапли. Что-то скрытое от самого себя пытается выяснить старый ученый, что-то касающееся лагеря либералов, к которому он принадлежит и к которому не принадлежит Великовский, несмотря на гуманизм, пропитавший его до мозга костей.

Поэтому через несколько недель в письме, обсуждающем научные проблемы, Великовский принял вызов Эйнштейна и написал: «Очень рано вы

накинули на Шапли мантию еврейского сострадания: вы видели только начало подшивки документов, относящихся к «Звездочетам и гробокопателям» и к их лидеру. То, что он либерал, не извиняет, а усугубляет его вину».

Они встретились через несколько дней. Эйнштейн начал разговор именно с этой фразы:

— Великовский, что у вас на душе? Что вы боитесь рассказать, чтобы не ущемить старика?

Великовский улыбнулся, дав этим понять, что Эйнштейн не ошибся в мотивах ухода от нежелательной темы.

— Хорошо. Я расскажу. Но сперва о мантии нашего еврейского сострадания и любви к ближнему. Не стану касаться истории, напоминать вам, как Саул пощадил царя амалекитов, злейших врагов евреев, и как это милосердие отразилось на судьбе нашего народа.

Я расскажу вам о событии, происшедшем шесть лет назад. Дорога между еврейским поселением Гуша-Цион возле Хеврона и Иерусалимом была заблокирована арабами, численно неизмеримо превосходящими кучку защитников поселения, оставшихся почти без боеприпасов. Тридцать пять еврейских юношей решили пробраться в поселение с грузом боеприпасов тайно, по горам Иудеи. На своем пути они случайно наткнулись на старика-араба, пасущего овец. Что в подобных условиях должны были предпринять воины, успех операции которых всецело зависел от того, удастся ли им остаться необнаруженными?

Эйнштейн беспокойно заерзал в кресле.

— Да, вы правы. Они накинули на араба мантию своего еврейского сострадания. Вы молчите и не спрашиваете, чем закончилось это человеколю-

бие. Старик поспешил в деревню, и все тридцать пять юношей пали в неравном бою. Гуш а-Цион остался без боеприпасов. В 1929 году в Хевроне, в городе нашего праотца Авраама, в одном из четырех наших священных городов были вырезаны евреи. В 1948 году защитники поселения возле Хеврона, почти безоружные, без боеприпасов были атакованы танками Арабского легиона и тысячами арабов из всех окрестных деревень, спешивших вырезать несколько десятков евреев. Вот оно, проповедуемое вами еврейское сострадание! Сегодня, в 1954 году, нет возле Хеврона еврейского поселения.

Эйнштейн молчал. Великовский все еще взвешивал, рассказать ли то, что, как он считал, может болезненно ранить старика. Словно прочитав его мысли, Эйнштейн поприсил:

— Пожалуйста, расскажите то, что вы все не решаетесь рассказать.

— Хорошо. Я расскажу о происшествии с одним из свидетелей Давида Руссе на его процессе против коммунистического журнала «Летр Франсез».

— Я что-то слышал об этом процессе. Если я не ошибаюсь, какая-то антисоветская акция?

— Вот, вот! Именно поэтому я не хотел затрагивать этой темы.

— Ну, ладно, не буду вас перебивать. Я весь — внимание.

— Давид Руссе — французский антифашист, участник движения Сопротивления. Он чудом уцелел в нацистском концентрационном лагере. После войны он посвятил себя борьбе против системы лагерей, где бы они ни были. Естественно, ему пришлось выступить и против страшных ста-

линских лагерей. Коммунистическая печать Франции, в частности «Летр Франсез», обвинила Руссе во лжи и в клевете. Процесс, длившийся с ноября 1950-го по январь 1951 года, потряс Францию раскрывшейся картиной рабского труда в лагерях, назначение которых — уничтожение личности и физическое уничтожение миллионов советских граждан, несогласных или кажущихся несогласными со сталинским режимом. Одним из свидетелей Руссе был Александр Вайсберг. Вам ничего не говорит это имя?

— Вы имеете в виду физика Вайсберга?

— Да.

— Я знаком с двумя его работами. Хороший физик. Я слышал, что он коммунист.

— Бывший. Его жену и детей уничтожили немцы. Он сбежал в Советский Союз, попал в лагерь и на своей шкуре испытал прелесть победившего социализма — той общественной формации, за которую он так усердно ратовал. Жолио-Кюри и Пэрэн написали письмо Сталину, в котором поручились в верности Вайсберга идее коммунизма. Даже адвокаты Руссе не знали, что у Вайсберга есть это письмо. Суд, публика, журналисты, — все были потрясены, когда физик, рассказав об ужасах советского лагеря, подтвердил свое коммунистическое прошлое письмом Жолио-Кюри и Пэрэна, двух выдающихся физиков-коммунистов. На следующий день в «Юманите» было опубликовано письмо Жолио-Кюри, в котором он отказывался от своей рекомендации. Как совместить это с либерализмом Жолио-Кюри? Следовало ли Вайсбергу накинуть на него мантию своего еврейского сострадания?

— Вы уверены, что Жолио-Кюри опустился до подобной подлости?

— Глубокоуважаемый профессор, вы желаете, чтобы я принес вам «Юманите», или это может сделать для вас фройлен Дюкас?

Эйнштейн пытался продолжить разговор о коммунистах, либералах, борцах за мир и за запрещение атомного оружия. Но Великовский был непреклонен:

— Дорогой профессор, как врач советую вам не принимать дозу больше той, которую вы уже приняли. Для первого раза достаточно. Обещаю вам вернуться к этой теме. Но не сегодня.

Беседа состоялась уже в преддверии осени. Во время многих предыдущих Великовскому удавалось «ускользнуть» от неприятной темы, обсуждая научные проблемы, интересующие Эйнштейна философские и психологические вопросы и вспоминая прошлое.

Эйнштейн снова прочитал «Миры в столкновениях», уже в немецком переводе. На сей раз он был менее категоричен. Видно было, как в нем происходит медленная и нелегкая переоценка прочитанного. В конце зимы 1955 года Великовский дал ему прочитать рукопись «Звездочетов и гробокопателей», в том числе главы, описывающие их встречи.

В письме от 17 марта 1955 года Эйнштейн писал Великовскому: «Я уже прочитал внимательно первый том «Воспоминаний к “Мирам в столкновениях”» («Звездочеты и гробокопатели») и пометил его множеством карандашных заметок на полях, которые могут быть легко вытерты резинкой. Я восхищаюсь вашим драматическим талантом так же, как и искусством и прямоотой Теккерера, который заставил рычащего без всякого уважения к правде астрономического льва в какой-то мере подо-

братъ свой королевскій хвост. Я был бы счастлив, если бы вы тоже могли наслаждаться всем этим эпизодом, видя в нем только юмористическую сторону».

Карандашные пометки, сделанные Эйнштейном, не дают основания полагать, что он «наслаждался этим эпизодом, видя в нем только юмористическую сторону». На полях страниц с письмами Шапли, Струве и К° множество написанных им эпитетов «подлый», «низкий», «жалкий», мало соответствующих реакции на юмор.

За полтора года их частого общения, их дружбы, Эйнштейн медленно прошел путь от человека, не принимавшего теорию Великовского, до ученого, поддерживающего значительную часть ее основополагающих мыслей. Такая метаморфоза не была «данью» дружбе, что подтверждают следующие слова Эйнштейна: «Я бы вам написал: исторические аргументы о неистовых событиях в коре земного шара вполне убедительны. Однако попытка объяснить их рискованна и должна быть предложена только как предварительная. В противном случае хорошо ориентированный читатель потеряет доверие также к тому, что солидно установлено вами».

Следующую их встречу в конце марта 1955 года Эйнштейн снова начал с разговора, который Великовский обычно старался не поддерживать:

— Еще во время моего первого приезда из Европы, когда я работал в Калифорнии, на меня обрушились американские реакционеры.

— Надо полагать, им не понравилась теория относительности, — не без ехидства заметил Великовский.

— Так что, вы прикажете ученому замкнуться в башне из слоновой кости?

— Я предпочел бы побеседовать по поводу вашего интересного замечания о главе из «Земли в переворотях».

— Великовский, не увиливайте. Вы обещали вернуться к этой теме.

— Хорошо. Рассмотрим эту проблему на конкретном примере. Сцилард и Теллер. Два товарища. Два блестящих физика. Должен вас предупредить, что Сцилард мне глубоко симпатичен и я разделяю его нелюбовь к атомной бомбе. Когда он пришел к вам и настойчиво уговаривал написать Рузвельту письмо о необходимости создать атомную бомбу, у него была информация о работах немецких физиков и об опасности этой работы. Информация, профессор. Вы улавливаете мою мысль? Вы тогда вышли из башни из слоновой кости, вооруженные информацией, чтобы воспрепятствовать уничтожению цивилизации немецким фашизмом. Кстати, помните, как один весьма уважаемый профессор во время разговора в Берлине назвал их кучкой крикунов из мюнхенских баров?

— Неужели я мог сказать такую глупость?

— Немецкий язык тем хорош, что в нем есть плюсквамперфект. Но вернемся к Сциларду. После войны, уже не имея информации, он начал выступать против той же атомной бомбы и вообще за разоружение. Его друг Теллер, продолжающий видеть явления, как раньше их видел Сцилард, понимал, что это — самоубийство. Не важно, какого цвета, или как называется сила, которая уничтожит цивилизацию.

— Надо полагать, что вы осуждаете мое выступление по телевидению?

— По-моему, нам уже пора сменить тему.

— Великовский, вы стареете и становитесь трусливым. Юношей в Берлине вы не боялись говорить мне гадости.

— Во-первых, я никогда не мог сказать вам даже чего-нибудь отдаленно неуважительного. А во-вторых... Знаете, однажды к ортодоксальному еврею в глухом польском местечке пришел сват и предложил выдать замуж красавицу-дочь этого еврея, который, разумеется, обрадовался предложению. У меня есть изумительный жених, — сказал сват. — Это граф Потоцкий. Но ведь Потоцкий — гой, — возразил еврей, — я не могу выдать за него свою дочь. — Целый день сват уговаривал еврея, объяснял, что его дочь станет аристократкой, что Потоцкий самый богатый человек и привел еще тысячи аргументов. Весь взмокший от споров, он в конце концов уговорил еврея. Ну, — сказал сват, — полдела сделано, осталось уговорить графа Потоцкого.

Эйнштейн долго хохотал, держась за подлокотники кресла.

— Так что, я и есть тот самый «сват» из польского местечка?

— Нет, он был более профессиональным. К тому же, хоть это и портит анекдот, у него были шансы уговорить антисемита Потоцкого жениться на местечковой еврейке, конечно, если бы у него была возможность говорить с Потоцким. У вас, я имею в виду не лично профессора Эйнштейна, не только нет шансов убедить другую сторону, но вы даже не пытаетесь этого сделать. Вы просто самоубийцы. И как это ни парадоксально, нужен сенатор Маккарти, нужны американские реакционеры, чтобы не дать вам совершить самоубийство, а заодно уничтожить демократию. Действительно, па-

радокс — реакционеры, защищающие демократию от истинных демократов!

А теперь по поводу вашего выступления по телевидению в 1950 году. Я готов подписаться под каждым вашим словом.

Эйнштейн вопросительно посмотрел на Великовского.

— Нельзя сказать, что вы, Бертран Рассел и компания не руководствуетесь здравым смыслом. Но доля его маловата в сравнении с эмоциональной реакцией. Под этой маловатой дозой я и готов подписаться, тем более, что как психоаналитик я понимаю ужас ситуации, причину которой вы не видите, хотя и ощущаете. Это ощущение и определяет накал ваших эмоций.

— Я все еще не улавливаю вашей мысли.

— Травматический опыт субъекта, забытый, скрытый в подсознании, в предельном случае может быть причиной тяжелого патопсихического состояния. Обычно он — причина необъяснимых страхов. Психоаналитик знает, что скрытый в подсознании травматический опыт нередко ищет выход в повторении ситуации, приведшей к травме. При этом субъект старается стать создателем ситуации и наблюдателем того, что произойдет, но не с ним, а с другими. Он становится агрессивным и даже иногда нападает на психоаналитика. Все мы — наследники уцелевших в космических катастрофах. Все мы храним в подсознании травматический опыт, пережитый нашими дальними предками. Сейчас, когда появилось атомное оружие, Земля может быть ввергнута в страшнейшую катастрофу, хуже той, которая была вызвана коллизией тел в космосе. Это — ужасно!

— Именно! Разве не об этом ужасе я говорил по телевидению?

— Да. Но вместо предотвращения несчастья вы способствуете его приближению.

Эйнштейн не скрывал недовольства. Он долго молчал, покусывая усы. Наконец, нарушил затянувшееся молчание:

— Я уже хотел рассердиться на вас, но...

— Вспомнили дело врачей, как одно из доказательств моей правоты.

— Да. Как это вы угадали?

— Я подумал, что западным левым интеллектуалам нужна очень большая доза рвотного, чтобы их наконец стошнило.

Эйнштейн задумчиво произнес:

— Вчера я подписал присланное Бертраном Расселом обращение о запрещении атомного оружия.

Великовский не отреагировал.

— Почему вы молчите?

— Что вы хотите от меня услышать? Я тоже против атомного оружия. И против конвенционального заодно. Меня вы уже уговорили. Согласятся ли с вами по ту сторону занавеса?

— Конечно, согласятся! Это совпадает с их предложением.

— Вот именно. А как это совпадает с их доктриной о насильственной победе пролетариата во всем мире? Кстати, знаете ли вы, что у американских пролетариев несравнимо больше прав и возможностей, не говоря уже о материальных благах, чем там, где, прикрываясь именем пролетариев, правит кучка захвативших власть преступников?

— В одном вы меня убедили: над физической проблемой сферического Солнца я думал значительно дольше, чем над тем, подписать ли обращение,

хотя моя область — физика, а не политика. — И, словно желая отомстить за свое поражение, он вдруг сказал:

— Да, Великовский, вы умеете убеждать. Даже по поводу вашей теории вы меня сдвинули с непримиримой позиции. И довольно основательно. Но в науке все значительно сложнее и... проще. Теория может быть принята лишь тогда, когда она генерирует корректные предсказания. А корректность ваших предсказаний пока, увы, не доказана.

45. ПРАВИЛЬНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

8 апреля 1955 года Великовский поспешил на Мерсерстрит, 112, пообещав себе не отвлекаться от единственной темы — цели его визита к Эйнштейну.

В начале июня прошлого года Великовский попросил Эйнштейна воздействовать своим авторитетом на радиоастрономов, предложив им относительно простое исследование — проверить, излучает ли Юпитер радишумы. Эта планета холодна и мертва как и все, кроме Земли, в Солнечной системе. Так считают астрономы. Но он не сомневался в том, что у Юпитера есть мощное радиоизлучение. Впервые он публично заявил об этом во время лекции в Принстонском университете 14 октября 1953 года.

Оттиски лекции он послал не только Эйнштейну, но также профессорам Бергману и Мотцу. Он просил их проверить его гипотезу. Он не сомневался в ее правильности, потому что она была следствием и предтечей его теории. Но астрономы

считали идею о радиоизлучении Юпитера такой же абсурдной, как и все остальные теории Великовского.

В письме от 16 июня 1954 года он снова попросил Эйнштейна содействовать исследованию радишумов Юпитера. Из заметок Эйнштейна на полях этого письма было видно, что и он не верит в положительный результат такого исследования.

И вдруг на полугодичном заседании Американского Астрономического общества, состоявшемся три дня назад, вне программы, что было совсем необычно, прозвучал сенсационный доклад.

За несколько недель до этого заседания астрономы Бурке и Франклин из института Карнеги в Вашингтоне совершенно случайно обнаружили мощное радиоизлучение Юпитера. Они не могли понять природу радишумов, появляющихся в строго определенное время при строго определенном направлении антенны. Сперва они даже подумали о помехах какого-то сильного источника радиоизлучения, работающего рядом с ними. Тщательные наблюдения позволили им распознать, что источник этот — Юпитер. Их изумлению не было предела.

Хотя все доклады на заседании Астрономического общества были отобраны и запланированы заранее, Бурке и Франклин получили время для незапланированного сенсационного сообщения. Никто не назвал Великовского, никто не вспомнил, что Великовский предсказал это открытие, никто не упомянул, что Великовский объяснил непонятную природу радиоизлучения Юпитера задолго до того, как оно было обнаружено.

Когда во время предыдущей встречи Эйнштейн сказал, что корректность его предсказаний пока не

доказана, Великовский спросил, почему ученые отказываются проверить его теорию. Разве он не предлагает провести исследования, которые на основании его теории дадут предсказанные им результаты? Разве он не просил профессора воздействовать своим авторитетом, чтобы проверили радиоизлучение Юпитера? Эйнштейн не ответил на этот вопрос. Великовский видел, что у него испорчено настроение, и покинул его, несмотря на просьбу Эйнштейна побыть еще немного.

И вот сейчас он шел показать Эйнштейну сообщение об открытии явления, которое Эйнштейн, как и все другие, считал невозможным, явления, подтверждающего правильность его теории.

Великовский был поражен, увидев Эйнштейна. За прошедшие несколько дней в нем произошли разительные перемены. Острый глаз врача разглядел признаки тяжелой болезни. Эйнштейну было 76 лет. Но только в последние несколько дней время так резко совершило свою разрушительную работу. Великовскому расхотелось вести беседу в подготовленном им ключе. Ему расхотелось взять реванш за последние фразы предыдущей встречи.

Увидев сообщение, Эйнштейн преобразился.

— Я виноват. Вы меня убедили. Что я могу сделать для вас сейчас? Какое исследование вы бы хотели провести в первую очередь?

— В Метрополитен-музее есть значительное количество предметов искусства Древнего Египта. Я считаю, что им на 500—600 лет меньше, чем считают специалисты. Исследование изотопов углерода в этих предметах может установить истину.

— Отлично. Я обещаю вам обратиться в Метрополитен-музей с этой просьбой.

— Спасибо. Предвкушаю удовольствие от созерцания выражения вашего лица, когда вы увидите результаты этих исследований.

Увы, Великовский не получил этого удовольствия, хотя результаты оказались такими, как он предсказал. Эйнштейн скончался через девять дней после этой встречи. Его просьба о проведении радиоизотопного исследования была послана в Метрополитен-музей душеприказчиками ученого.

46. НЕЛЬЗЯ ОЖИДАТЬ ПОРЯДОЧНОСТИ ОТ НЕПОРЯДОЧНОГО

За последние пять с половиной лет Великовский привык к непорядочности в научном мире. Фальсификация Гапошкин положила начало длинному списку лжи, наводнившей американскую научную литературу. Ничто новое, казалось, уже не могло удивить Великовского. Но то, что он прочитал в июльском номере «Scientific America» потрясло его до глубины души. Гарвардский историк науки профессор Бернард Коэн опубликовал интервью, взятое у Эйнштейна 3 апреля 1955 года, за две недели до смерти ученого. Из статьи следовало, что, перечисляя крупнейших ученых в истории человечества и говоря в основном о Ньютоне, Эйнштейн, не называя имени, заговорил о Великовском и его книге. Коэн писал, что Эйнштейн считал этого ученого и его книгу «неплохим». Беда, мол, заключается в том, что и ученый, и книга «сумасшедшие». Действительно, мол, ученые поступили неразумно, подавляя эту книгу.

Искажение смысла сказанного и фальшиво расставленные акценты создавали впечатление об эта-

ком насмешливо-покровительственном отношении Эйнштейна к Великовскому.

Элишева видела, что снова, как после смерти отца и во время их визита в Израиль, на Иммануила накатывает волна тяжелой депрессии. Сейчас Элишева была бессильна. Единственное, что оставалось ей, — просить Бога, чтобы он помог ее Иммануилу.

Великовский уходил на берег океана от людей, от газет, от научных журналов, от мерзости, переполняющей мир. Может быть, человечество действительно заслужило катастрофы, в которых многие уцелели?

Бесконечные шеренги волн монотонно набегали на пустынный пляж. Великовский часами быстро ходил по пляжу, оставляя следы на мокром песке. Зачем ему понадобилась грязная свора никчемных душонок в профессорских мантиях? Там, на востоке, за тысячи километров отсюда — любимая страна, о которой в Смоленске, Витебске и Москве мечтал его отец, о которой в Мстиславле мечтали его деды и прадеды, в которой его продолжение — дочь и внуки. Страна, в сторону которой во всех местах рассеяния смотрят его единоверцы в час молитвы. Страна, история которой оторвала его от благородной профессии, обеспечивающей достаток, и обрекла на тяжкий многолетний труд и участь непризнанного ученого. Почему он здесь? За что ему наносятся оскорбления ничтожествами, паразитирующими на теле науки? Что предпринять сейчас, в этой конкретной ситуации?

Никогда прежде отравленные стрелы недоброжелателей не причиняли ему такой страшной боли, как эта подлая статья, содержащая полуправду, извращавшая смысл сказанного Эйнштейном.

Действительно, и Великовского, и самого себя Эйнштейн называл «мешуга». Коэн умышленно употребил дословный перевод этого слова — «сумасшедший», отлично понимая, что в устах Эйнштейна оно было частью ивритской идиомы «мешуга ле'иньян» — «увлеченный», «погруженный в идею». Титул «мешуга» свидетельствовал об искренней симпатии и высшем уважении большого ученого к другому большому ученому.

Это была не просто симпатия к интересному интеллигентному человеку, как тогда, тридцать лет назад, при первой встрече в берлинской квартире Эйнштейна. Здесь, в Принстоне, симпатия постепенно переросла в дружбу родственных по духу натур. Даже еще отрицая теории Великовского, Эйнштейн ощущал потребность в общении с этим большим человеком. История публикации «Миров в столкновениях» и последовавшая кампания улюлюкания и травли потрясла и возмутила Эйнштейна. Именно он заставил Великовского описать это все, не упуская ни единой детали. Карандашные заметки на полях «Миров в столкновениях», прочитанной им дважды, свидетельствовали о том, как старый ученый все более склонялся к принятию теории Великовского. Их последняя встреча за девять дней до смерти Эйнштейна показала, как быстро совершался этот процесс.

Гарвардский историк науки Коэн... Даже история науки может быть извращена тенденциозным историком подобно тому, как история страны — историком с определенными политическими симпатиями. Что уж говорить о социальном заказе? И это называется «наукой»?

Несколько дней Великовский приходил к океану. Он заставил себя успокоиться. Он перебирал

варианты. После долгих раздумий он решил написать письмо Коэну.

Кто когда-либо в истории науки упомянул бы Бернарда Коэна, не окажись он среди преследователей Великовского? В тезисах выступления на заседании Американского философского общества он попытался быть объективным и, говоря о догматизме в науке, поставил Великовского в ряд с самыми выдающимися учеными всех времен. Испугавшись своего поступка, он затем выступил менее почтительно. В «Протоколах АФО» выступление уже соответствовало «стилю» его коллег по Гарвардскому университету, преследовавших Великовского. А сейчас эта подлая статья...

В очень сдержанных тонах Великовский написал, что он беседовал с Эйнштейном через пять дней после того, как Коэн взял интервью. Зная Эйнштейна, он не сомневается в его искренности, а если верить статье, Эйнштейн был двуличным и циничным, что оскорбляет его память. Великовский предложил Коэну при случае познакомиться с имеющимися у него письмами Эйнштейна и с многочисленными записями на полях рукописей, сделанных рукой ученого.

Коэн не ответил на это письмо. И не оно, надо полагать, явилось причиной его публикации в сентябрьском номере «Scientific America», если не опровергающей, то значительно смягчающей отвратительный тон предыдущей статьи. Он писал, что Эйнштейн говорил с чувством симпатии к книге и ее автору. Это была попытка оправдаться перед душеприказчиком Эйнштейна, доктором Отто Натаном, который в этом же номере журнала резко выступил по поводу публикации Коэна, по поводу цитирования Эйнштейна в явно извращенном виде.

«Как душеприказчик Эйнштейна, — писал доктор Натан, — ответственный за защиту его научных и литературных интересов, я чувствую себя обязанным заявить, что я глубоко сожалею о сообщении профессора Коэна. Статья не была представлена мне до публикации. Если бы это было сделано, я предпринял бы все усилия против ее публикации в нынешнем виде. Профессор Коэн определенно не опубликовал бы ее без одобрения Эйнштейна, будь он жив. Точно так же после смерти Эйнштейна профессор Коэн был обязан получить разрешение на публикацию...»

Наивный доктор Натан. Он ожидал порядочности от человека, который всей линией поведения продемонстрировал свою непорядочность.

47. «ЗЕМЛЯ В ПЕРЕВОРОТАХ»

В ноябре 1955 года издательство «Даблдей и К°» выпустило в свет книгу Иммануила Великовского «Земля в переворотах», которую он посвятил своим дочерям — Шуламит и Рут.

«Я намеревался связать воедино истории более ранних глобальных переворотов, представить геологические и палеонтологические материалы, подтверждающие свидетельства человека, — писал Великовский. — Но прием «Миров в столкновениях» определенными группами ученых убедил меня: прежде, чем оживлять яркое зрелище более ранних катастроф, представить, по меньшей мере, некоторые свидетельства скал, которые так же убедительны, как свидетельства, дошедшие до наших дней в письменах и в устных преданиях».

На Аляске обнаружены многокилометровые скопления костей исчезнувших животных — ма-

монтов, мастодонтов, супербизонов и лошадей. Эти животные исчезли в конце ледникового периода. Здесь же, в этой массе, обнаружены останки существующих ныне видов — многие миллионы животных с переломанными и оторванными конечностями вперемешку с вырванными с корнями деревьями.

Великовский перечисляет известные стихийные бедствия и задает вопрос: могли ли они привести к такому массовому уничтожению? Подобные скопления обнаружены почти вдоль всего побережья Аляски, длина которого превышает расстояние от Ньюфаундленда до Флориды.

В вечной мерзлоте северной Сибири обнаружены вмерзшие мамонты, размороженное мясо которых без ущерба ели собаки. Грунт должен был замерзнуть в момент гибели животных, в противном случае их тела сгнили бы. Новосибирские и другие острова, находящиеся на 1000 километров севернее Северного Полярного круга, буквально напессованы огромным количеством останков мамонтов, слонов, носорогов — животных, требующих большого количества растительной пищи ежедневно в течение всего года. Каким образом большие стада этих животных могли существовать в условиях полярного климата? Громадное количество бивней мамонтов находится на дне Северного ледовитого океана между островами. Эти места были материком, когда здесь жили мамонты.

Великовский ссылается на французского палеонтолога Кювье, считавшего, что страшная катастрофа должна была сопровождаться приливной волной, хлынувшей на материк, и вслед за этим — внезапным падением температуры.

Чарльз Дарвин, отрицавший возможность таких катастроф, считал исчезновение мамонтов в Сибири неразрешимой загадкой.

В желудке и между зубами замерзших мамонтов были найдены растения, не растущие ныне в Северной Сибири. При микроскопическом исследовании кожи обнаружены эритроциты, свидетельствующие о том, что мамонты погибли не мгновенно, а задохнулись — то ли от газов, то ли от воды. Остается загадкой мгновенное замораживание такого громадного животного, как мамонт. Что могло привести к внезапному изменению температуры в этой области, где когда-то паслись огромные стада мамонтов, слонов, носорогов, бизонов, а сейчас произрастает лишайник, да и то только несколько месяцев в году?

На Новосибирских островах обнаружены внезапно поваленные огромные леса, высокие холмы, состоящие из сломанных деревьев, причем, сохранились следы листьев и плодов. «Уничтоженные леса были унесены из Северной Сибири в океан и вместе с костями животных и наносами песка построили острова». Ученые, обнаружившие гигантские кладбища животных на Аляске, не обратили внимания на подобную картину в полярных областях Сибири и на арктических островах. Они не обнаружили общей причины этой загадки. Находки на Новосибирских островах относятся к XVIII—XIX векам, на Аляске — к XX веку.

Прежде чем писать о находках не только на севере, но и в других частях света, Великовский представляет главные теории истории Земли и животного мира.

Валуны весом в несколько тысяч тонн перенесены на огромные расстояния (например, из Скандинавии).

динавии на Британские острова и на территорию Германии). Огромные каменные блоки перенесены из Финляндии в Карпаты и через Валдайскую возвышенность — в район Москвы и Дона. Валунны из гранитов Канады и Лабрадора найдены в долинах и на высотах во многих штатах Америки. Найдены валуны весом более 18000 тонн, перенесенные на 80 километров. В различных местах земного шара скалы не местного происхождения перенесены на большие расстояния огромной силой.

Кювье пришел к заключению, что море и суша не раз менялись местами, причем, процесс этот происходил не постепенно, а внезапно. Ни одна из существующих на Земле сил не могла быть причиной этого явления. Кювье не нашел ответа на вопрос, что могло послужить причиной катастрофы.

Великовский ссылается на книгу оксфордского геолога профессора Баклэнда, опубликованную в 1923 году. В ней описаны находки в пещерах на территории Англии. В одной из пещер, на высоте 3 метров над уровнем долины, геолог нашел кости и зубы слонов, носорогов, гиппопотамов, лошадей, оленей, тигров (с зубами большими, чем у львов или бенгальских тигров), медведей, волков, гиен, лисиц, зайцев, кроликов и разных птиц. Многие из этих животных погибли, едва успев родиться. Подобные находки обнаружены на территории всей Англии. Как могли тропические животные жить в холодном климате северной Европы? Так же, как и Кювье, Баклэнд был почти убежден, что если произошли изменения в климате, это случилось внезапно и не раньше чем пять или шесть тысяч лет назад. К таким же выводам

пришли другие ученые на основании собственных исследований.

Во многих местах земного шара (Шотландия, Италия, Германия, Огайо—Мичиган, Калифорния) обнаружены следы внезапной одновременной гибели рыб на территориях в многие десятки тысяч квадратных километров.

Главу об единообразии Великовский начинает историко-политическим анализом, дающим психологическое объяснение условий возникновения этой теории. После 1815 года в Европе была универсальная потребность в мире и спокойствии. Именно в таком климате теория медленной, едва ощутимой эволюции в природе на протяжении миллионов лет могла стать популярной и доминирующей в естественных науках. Теория, предложенная Хатоном в 1795 году и Ламарком — в 1800, была поднята на нынешнюю позицию Чарльзом Лайеллом, молодым юристом, увлекавшимся геологией. Его друг и ученик Чарльз Дарвин построил свою эволюционную теорию на лайелловских принципах единообразия, заключавшихся в том, что ветер, солнечное тепло и дождь в течение многих миллионов лет медленно строили геологию планеты. Реки уносят наносы в море и т. д. Никакие большие катастрофы никогда не меняли лица Земли. Спорадические извержения вулканов, по мнению Лайелла, не могли иметь такого значения для строения Земли, как ветер или морские волны. «Согласно теории единообразия, в прошлом не было процессов, которые не происходили бы в настоящее время; и не только природа, но даже интенсивность физических феноменов в настоящее время являются критерием того, что случилось в прошлом». Великовский цитирует Лайелла, так как его

теория единообразия не только предмет обучения. Сомневаться в ней — значит быть еретиком. Анализируя цитаты, Великовский четко показывает, что речь в них идет не о научных принципах, а о принципе веры.

Как Лайелл объяснял находки останков гиппопотамов в Англии? Они совершали путешествие от Нила вдоль берегов Средиземного моря, по рекам Испании и Франции — до Соммы, затем — по Темзе или Северну и возвращались на юг до того, как снег и лед настигали их.

В пещере в Западном Йоркшире на высоте 480 метров над уровнем моря в наносах глины, содержащих валуны, были найдены останки мамонтов, носорогов, гиппопотамов, бизонов, гиен и других животных. В пещерах в Северном Уэльсе на высоте 130 метров над уровнем моря жилища человека и животных были уничтожены действием моря во время больших катаклизмов и затем заполнены морским песком. «Гиппопотамы не только путешествовали в летние ночи в Англию и Уэльс, — пишет Великовский, — но также взбирались на холмы, чтобы мирно умереть среди других животных в пещере, и лед, медленно приближаясь, нежно рассыпал мелкую гальку на путешественников, почивших в мире, и земля с ее холмами и пещерами в медленном ритме колыбельной песни погружалась ниже уровня моря, и нежные ручьи ласкали мертвые тела и покрывали их розовым песочком».

Сторонники теории единообразия полагали, что климат Британских островов был мягче, что острова сперва погрузились, а затем снова поднялись на нынешнюю высоту — и все это без катастрофических явлений.

Палеонтологические находки, какое бы объяснение им ни давали, демонстрируют огромные изменения в природе. Гигантские наносы песка, гравия, органического вещества и даже валунов Лайелл объясняет работой айсбергов. Но трудно представить себе айсберги как мыслящие носители. Лайелл не мог не видеть слабости своей теории в этом вопросе. Единственной альтернативой в его время была теория приливной волны. «Но Лайелл ненавидел катастрофы. Они одинаково не нравились ему и в политической жизни Европы, и в природе».

Дарвин записывал в своем дневнике наблюдения, сделанные в основном в Южной Америке. Его изумляли огромные изменения в животном мире континента. Он писал об исчезнувших животных. Будучи учеником, последователем и поклонником Лайелла, он считал, что никакие катастрофы не имели места. Что же в таком случае привело к уничтожению больших и малых животных в Южной Патагонии, Бразилии, перуанских Кордильерах и в Северной Америке вплоть до Берингова пролива? Дарвин не знал ответа на этот вопрос. «Из дарвиновского смущения выросла идея об исчезновении видов как прелюдия к естественной селекции».

Швейцарский натуралист Л. Агассис предложил теорию, согласно которой во время ледникового периода гигантские ледники переносили валуны, образовавшие морены, ледники создавали водоемы озер, перепахивая грунт крепкими кремневыми валунами. Лайелл принял эту теорию. Для Агассиса ледниковый период и его окончание были катастрофическими событиями. Он считал, что мамонты в Сибири были внезапно захвачены льдом,

распространившимся на значительную часть Земного шара. Он считал, что западные Альпы поднялись недавно, в конце ледникового периода, что они моложе скелетов мамонтов, погибших в начале этого периода. Агассис приблизил последний ледниковый период на время от полумиллиона до миллиона лет (в лайелловской схеме). Но Лайелл интерпретировал теорию Агассиса в духе единообразия. В свое время Баклэнд показал Лайеллу цепочку морен в двух милях от отцовского дома последнего. «Теория континентального ледникового покрова, — пишет Великовский, — была приемлема для Лайелла. Он согласился с нею, удовлетворившись пройтись для ее проверки не дальше двух миль от своего дома».

Противник этой теории англичанин Марчисон после тщательных полевых исследований пришел к заключению, что в Южной Швеции, Финляндии и Северо-Восточной Сибири, где нет гор, с которых могли спускаться ледники, только внезапная гигантская деятельность моря могла произвести обнаруженные им изменения. Он обратил внимание на то, что в Сибири вообще нет валунов, хотя она с трех сторон окаймлена высокими горами.

Когда находки, приписываемые ледниковому периоду, были обнаружены в самом жарком месте Бразилии, а затем в экваториальной Африке, смутились даже самые ярые сторонники Агассиса. Но больше того. Получалось, что лед распространялся от экватора к более умеренным широтам, а в Индии — не только от экватора к северу, но даже из долины вверх, к подножью Гималаев. Геологи решили, что эти события произошли не в последний ледниковый период, а значительно раньше. Но

откуда могло появиться такое количество льда на экваторе, пусть даже раньше?

Гренландия почти вся, за исключением прибрежной части и северной оконечности, покрыта огромным ледником, толщина которого достигает двух километров. Северная часть Гренландии, как и Северо-Восточная Сибирь и Аляска, никогда не была покрыта ледником. Почему ледники были на Мадагаскаре и в Британской Гвинее, расположенных в тропиках, и никогда не были на севере Гренландии, расположенном в 7° от Северного полюса?

Для объяснения, почему северные животные найдены в южной Франции, а львы — на Аляске, были сконструированы четыре ледниковых периода, когда северные животные отступали к югу, и, соответственно, три межледниковых периода, когда южные животные мигрировали на север. Но может ли объяснить эта теория, каким образом в северной части Гренландии росли магнолии и фиговые деревья? «Леса экзотических деревьев и заросли сочных субтропических растений покрывали страну, глубоко лежащую в холодной Арктике...» Архипелаг Шпицберген расположен далеко за Полярным кругом. Большие залежи каменного угля образовались здесь из субтропических лесов. На Шпицбергене обнаружены кораллы, для которых недостаточно тепла в Средиземном море у берегов Египта и Марокко. Кораллы найдены также на Аляске, в Канаде и Гренландии. В Антарктиде на широте 85° , где нет ничего живого, обнаружены залежи каменного угля. Здесь тоже росли леса.

«Иногда кажется, что история климата это — коллекция нерешенных, даже нерешаемых вопро-

сов. Без резких изменений в позиции земной оси или в форме орбиты или вместе того и другого не могло быть условий, при которых тропические растения процветали в полярных областях. Если кто-нибудь не убежден в этом, он должен попробовать культивировать кораллы на Северном полюсе».

На территории США на высоте около 200 метров над уровнем моря в слоях, образовавшихся после последнего ледникового периода, найдены останки китов. Геологи пытались объяснить это тем, что земля поднялась, освободившись от тяжести льда. Но буквально рядом обнаружены огромные территории бывшей суши, погружившейся в океан. «Если земля медленно поднималась, освобождаясь ото льда, и поднимала кости китов на вершины холмов, почему соседняя земля осела на глубину нескольких миль?» — спрашивает Великовский.

На территории Англии, Франции, Гибралтара, Корсики, Сардинии, Сицилии в щелях скал на холмах и возвышенностях найдены переломанные кости множества животных вперемешку с острыми камнями. Всюду следы насильственной смерти, причем не от руки человека и не в борьбе с другими животными. По мнению оксфордского профессора-геолога Прествича, животные погибли в результате катастрофы, причиной которой было внезапное погружение и последующий подъем континентов. Прествич считал, что пострадавшая территория была больше обсуждаемой в его работе. «Катастрофа произошла, когда Англия вступила в век полированного камня, или, возможно, когда центры древней цивилизации были в бронзовом веке».

Великовский приводит подобные примеры из других источников — примеры, свидетельствующие о внезапной гигантской катастрофе. Такие же находки обнаружены на территории Америки (Мэриленд), в северном Китае, недалеко от Пекина. Исследователей наиболее удивляло невообразимое количество костей животных различных климатических зон. Причем, кости не могли быть занесены водой.

Во многих местах мира наносы, покрывавшие останки, окрашены в красный цвет. Появилась гипотеза, согласно которой гранитный гравий был разрушен в пыль, и освободившееся железо обусловило окраску. Но Х. Петерсон из Гетеборгского Океанографического института, изучая красную глину со дна Тихого океана, обнаружил, что она содержит слои пепла и высокую концентрацию никеля, почти абсолютно отсутствующего в воде. Петерсон считал, что никель и железо в красной глине — результат дождя метеоритов.

На территории Лос-Анжелеса было найдено огромное количество останков саблевидных тигров, волков, мамонтов, бизонов, лошадей, верблюдов, мастодонтов, птиц (включая павлинов), погруженных в асфальт. Отлично сохранившиеся сломанные кости и положение скелетов отчетливо свидетельствовали о том, что огромные стада животных были внезапно захвачены волнами, гравием и текучим битумом. Подобные находки обнаружены еще в двух местах в Калифорнии. Здесь же, среди костей исчезнувших животных, обнаружены кости человека. Найденные черепа ничем не отличаются от черепов живущих ныне индейцев. Это свидетельствует о том, что время, когда был погребен или погиб человек, предшествовало или совпало

со временем, когда исчезли многие виды животных, в том числе — саблезубый тигр.

В штате Небраска обнаружено гигантское кладбище трех видов исчезнувших животных, принесенных сюда неудержимым потоком воды. Количество скелетов необычно — 820 на 150 кв. м. На всей площади находилось около 16400 скелетов двурогих носорогов, 500 скелетов когтистых лошадей и 100 скелетов гигантских свиней. Этих животных нет сейчас на Земле. В нескольких милях отсюда найдены скелеты других исчезнувших животных. Подобные следы гигантской катастрофы найдены во многих других местах — в штатах Кентукки, Орегон, Колорадо, в Швейцарии и в Германии.

Возраст скальных образований определяется по содержанию в них ископаемых. К удивлению многих ученых, было установлено, что горы «путешествовали», так как старые формирования были вытолкнуты на вершины более молодых. Великовский коротко излагает теории образования гор и цитирует работы геологов, описывающих странное перемещение гор со своего места... через долины на хребты и вершины других гор. Скалистые горы, Альпы, горы западной Шотландии, Норвегии сдвинуты со своих мест на десятки и сотни километров. Какая сила могла передвинуть миллиарды тонн скал на такие расстояния, иногда и снизу вверх? На Земле не существуют такие силы. «Вряд ли это могло бы случиться, если бы ротация и орбитальное вращение нашей планеты никогда не были возмущены».

Великовский ссылается на геологов, показывающих, что Кордильеры в Северной и в Южной Америке, Альпо-кавказско-центральноазиатская сис-

тема и другие образовались не просто во время существования человека, а во время существования исторического человека.

Самые высокие горы — Гималаи — поднялись из моря. Над Эверестом когда-то проплывали рыбы. Еще недавно считали, что Гималаи поднялись до настоящей высоты со дна моря десятки или сотни миллионов лет назад.

Согласно общей геологической схеме, первые формы жизни появились на земле 500 000 000 лет назад. Жизнь постепенно развивалась, и 200 000 000 лет назад появились рептилии, достигавшие огромных размеров. Они вымерли 70 000 000 лет назад. Затем появились млекопитающие. Самый поздний срок поднятия гор в соответствии с этой схемой относится к периоду, закончившемуся многие миллионы лет назад. Только затем начался век человека. Это также время ледниковых периодов, а затем — старого каменного века. После его окончания начался поздний каменный век, бронзовый и железный века. Согласно этой схеме, «профиль земли с ее горами и океанами уже установился, прежде чем появился человек».

Однако в последнее время появились многочисленные факты, опровергающие эту схему. Было установлено, что Гималаи появились в конце ледникового периода, то есть, в историческое время. Это время древнего Египта и Шумера, Индии и Китая.

Холмы севернее Дели у подножья Гималаев высотой до одного километра поражали ученых огромным множеством погибших животных, как исчезнувших, так и существующих ныне видов. Тут найден панцирь черепахи длиной почти в 7 метров. Как такое животное могло взобраться на хол-

мы? Нигде в мире не было одновременно такого количества различных животных, как на этих холмах, и нигде их не исчезло больше, чем здесь. Из почти 30 видов слонов, в том числе гигантского слона с бивнем длиной чуть меньше 5 метров и окружностью в один метр, выжил только один вид.

Внезапное и повсеместное исчезновение животных на холмах в предгорьях Гималаев — событие, наиболее изумлявшее геологов и биологов. Нигде в мире для животных не могло быть более благоприятных условий обитания, чем в этом месте. Животные погибли в результате катастрофы, причем, не локальной, так как точно такая же картина обнаружена в Бирме, более чем в 2000 километров от упомянутых холмов. Территория от Кашмира до Индокитая подверглась катастрофе, вырвавшей с корнями огромные леса, уничтожившей многие виды животных и засыпавшей их песком на холмах на тысячеметровой высоте.

В Андах на высоте свыше 4 километров был найден город на берегу озера. Как показали радиоактивные исследования, всего лишь не более 4000 лет назад и город, и озеро находились вблизи берега океана. Еще одно подтверждение того, что Анды образовались не миллионы лет назад, как считала ортодоксальная наука, а в историческое время.

Великовский цитирует Дарвина, не скрывавшего своего изумления перед тем, что наблюдаемая им картина противоречит теории единообразия.

Несколько тысяч лет назад, когда на территории Америки процветала цивилизация, не река, не поток, а наводнение лавы затопило огромные пространства, уничтожив все на своем пути.

Гигантская трещина, тянущаяся от Ливана до Южной Африки — треть расстояния от одного полюса Земли до другого — также возникла в пору последнего образования гор. Опять-таки — в историческое время!

Сахара, самая большая пустыня, занимающая территорию, равную по площади почти всей Европе, была цветущей степью со множеством животных. Она была густо населена людьми. Плодородная территория превратилась в песчаную пустыню также уже в историческое время.

Огромная поверхность Аравийского полуострова была цветущим краем с джунглями, подобными индийским. Три полноводных реки пересекали полуостров. Здесь было большое озеро. В южной части Аравийской пустыни обнаружены древние руины. Двадцать девять полей, — некоторые из них диаметром в сто миль, — усеяны разбитыми обгоревшими камнями с острыми краями. На некоторых участках количество камней настолько велико, что там почти невозможно пройти. Установлено, что эти камни, содержащие железо и никель, — неземного происхождения. Биллионы камней свидетельствуют о том, насколько густым был дождь метеоритов. Это могло быть только следствием прохождения Земли сквозь хвост кометы. В пустыне обнаружен образованный метеоритом кратер, содержащий железо и никель — опять-таки неземного происхождения.

Так же, как в Сахаре, и в Аравийской пустыне, и на Тибете, и в пустыне Гоби обнаружены следы процветавших когда-то цивилизаций. Эти пустыни образовались в результате тектонических нарушений — вода ушла в глубину, источники стали солеными, реки полностью высохли.

На всей равнине, примыкающей к атлантическому побережью США — от Нью-Джерси до северо-восточной Флориды — обнаружено около миллиона эллиптических углублений, длинный диаметр которых в отдельных случаях достигает более 2,5 километра. Длинные диаметры абсолютно всех углублений строго параллельны и направлены с северо-запада на юго-восток. Юго-восточный край всех углублений окаймлен земляным валом. Теория, объясняющая образование этих углублений, внесена в учебники: это объясняется столкновением с кометой, летевшей с северо-запада на юго-восток. Большинство авторов считают, что такое событие произошло во время ледникового периода.

В Атлантическом океане на расстоянии 1200 миль от берега, на глубине, достигающей 3 миль, обнаружен песок древнего пляжа. Профессор Юинг, обнаруживший этот парадокс, стоял перед дилеммой: либо земля погрузилась на 3 мили, либо уровень океана был на 2—3 мили ниже, чем сейчас. Но где в этом случае была вся вода?

И другая загадка этой экспедиции: обнаружилось, что по обе стороны находящегося в Атлантическом океане хребта, расположенного вдоль меридиана, толщина осадков свидетельствует о его недавнем образовании. В осадках ученые нашли пепел сгоревших метеоритов и космическую пыль. «Если метеоритная пыль в наше время так редка, что она едва обнаружима на снегу вершин, как могли пепел сгоревших метеоритов и космическая пыль стать существенной частью океанских осадков? И как могло случиться, что все остальные источники, включая детрит, принесенный реками, за все века с самого начала образовали осадок

весьма скромной толщины?» — спрашивает Великовский.

Оказалось, что хребет, как и многие другие горы на дне Атлантического океана, — вулканического происхождения. Юинг обнаружил еще немало удивительных признаков переворотов. Но, боясь прослыть еретиком, он сделал только негативное заключение, мол, нельзя идентифицировать мощные подводные горы с Атлантидой, которая, согласно описанию Платона, утонула под волнами.

Уже упомянутая шведская морская экспедиция во главе с Х. Петерсоном обнаружила во всех морях и океанах следы гигантских катастроф — осадки метеоритного происхождения, содержащие большое количество неземного железа и никеля. Петерсон считал, что тяжелый дождь метеоритов обрушился на Землю в недавнее время. Принципиальная трудность такого объяснения заключается в том, что оно вступает в противоречие с прикидками астрономов, в тысячи раз превосходя наблюдаемое ими количество.

«Под тяжестью этих доказательств становятся все более уязвимыми две великие теории девятнадцатого столетия: теория единообразия и построенная на ее основе эволюционная теория».

В девятнадцатом веке было создано еще одно фундаментальное учение — теория ледникового периода. Великовский излагает астрономические, геологические и атмосферные теории охлаждения Земли и образования льда. Ни одна из этих теорий не принята.

Для объяснения феноменов ледникового периода надо было понять, откуда взялась огромная сила, внезапно воздействовавшая на Землю. Великовский цитирует работу астронома, утверждающего:

земная ось изменила свое направление. Одним из доказательств этого является факт, что плоскость орбиты Луны не совпадает с плоскостью экватора. Под влиянием какой силы сместилась ось Земли? Постепенно или внезапно?

Площадь льда во время ледникового периода была больше площади нынешнего полярного льда. Толщина его исчисляется специалистами от 2 до 4 километров. Чтобы образовалась такая масса льда, необходима была вода. Для этого уровень Мирового океана должен был понизиться на 100 метров (некоторые ученые полагают, что на 200 метров, а иные — даже на 700). Эта масса воды, как правильно указывают физики и астрономы, должна была испариться, чтобы, охладившись, выпасть снегом и образовать лед. Следовательно, для изменений ледникового периода предварительно необходимо было колоссальное количество тепла — чтобы испарились океаны. «При прохождении через большое облако пылевидных частиц или метеоритов Земля и ее атмосфера могли нагреться благодаря прямому удару этих тел в атмосферу, океан и землю. Вызванное столкновением смещение полюсов или оси вращения также продуцировало бы тепло в каждой частице земного шара благодаря превращению части энергии движения в тепло». Еще одна возможность разогрева связана с тем, что Земля — большой магнит. Если пыль и метеориты несут электрический заряд, электромагнитное взаимодействие может дать такое количество тепла, которое испарит океан на большую глубину.

«Астрономы, возражающие против теории космической катастрофы, должны также отбросить теорию ледникового периода», — утверждает Великовский. Он приводит еще несколько геологи-

ческих и климатологических находок, подтверждающих его теорию.

«Катастрофическое смещение оси — однажды или несколько раз, предложенное здесь как рабочая гипотеза, но все без исключения его потенциальные эффекты имели место.

Предполагая, что рабочая гипотеза неверна, мы сталкиваемся с необходимостью найти специальные объяснения для каждого обнаруженного феномена в отдельности». Рабочая гипотеза объясняет ледниковый период и гигантские приливы, обрушившиеся на континент, обнаруженное изменение магнитных полюсов, вулканическую деятельность невероятной силы, землетрясения и огромное количество метеоритов. И все эти явления совпадают во времени.

Великовский приводит данные ученых, определявших время окончания ледникового периода различными методами. Это просто непостижимо, считали они, но их данные абсолютно не совпадают со схемой, принятой в геологии: ледниковый период окончился относительно недавно. На основании радиоактивных исследований — всего лишь 3300 лет назад (плюс—минус 200 лет), то есть, в середине второго тысячелетия до нашей эры. Ученых не могло не удивить, что водопад Ниагара, который образовался в конце ледникового периода, существует всего лишь 2500—3500 лет. Множество ледников в Альпах возникли не 100000 лет назад, как считали геологи, а только 3000—4000 лет назад. На основании подсчета осадков установлено, что дельта Миссисипи образовалась 4800 лет назад. Но если учесть, что в начале таяния ледников наносов было значительно больше, чем сейчас, то время это будет уменьшено. Дельта

Медвежьей реки образовалась 3600 лет назад, то есть в середине второго тысячелетия до н. э.

Находки во Флориде человеческих останков вместе с животными ледникового периода, в том числе исчезнувшими, или не живущими сейчас в Америке, изумили геологов и антропологов. Это было не единственное доказательство совместного существования человека и исчезнувших животных, живших от 2000 до 4000 лет назад.

«Из этого следует, что исчезнувшие животные относятся к недавнему прошлому. Из этого следует, что какой-то пароксизм природы нагромоздил это скопление, тот же пароксизм природы мог уничтожить множество видов, ставших ныне вымершими».

Великовский приводит несколько примеров исследования возраста озер в различных частях Америки. Во всех случаях получен удивительный результат: ледниковый период окончился всего лишь от 2500 до 4000 лет назад.

Еще недавно считалось общепринятым, что климатические изменения произошли в конце ледникового периода — сотни тысяч лет назад, а после этого климат на Земле существенно не менялся. Но в 1910 году на Интернациональном геологическом конгрессе в Стокгольме были представлены факты о колоссальных изменениях климата в течение последних нескольких тысяч лет. Резкий климатический скачок произошел в середине второго тысячелетия до нашей эры, а следующий — после 800 года до нашей эры, то есть, в хорошо документированное историческое время.

Великовский рассказывает о годовых кольцах деревьев, наиболее старое из которых имело возраст 3200 лет. Резкие изменения годовых колец

произошли 2700 лет тому назад. В «Мирах в столкновениях» представлены исторические материалы, свидетельствующие о катастрофах в 747, 702 и особенно в 687 году до нашей эры. Институт Карнеги опубликовал работу, в которой сообщалось о резком изменении годовичных колец деревьев в 687 году до нашей эры. Великовский обращает внимание на то, что немногие деревья выжили в условиях катастроф.

Поселения людей каменного века в Европе — от Северной Италии до Скандинавии, существовавшие на берегах озер 3800 лет назад, исчезли в середине второго тысячелетия до нашей эры. Они снова появились спустя 300 лет. Это были уже поселения людей бронзового века. После 400 лет процветания они перестали существовать в восьмом веке до нашей эры. И во времена неолита и в бронзовом веке поселения на берегах озер были сметены водой и занесены илом. Ученые обратили внимание на то, что обе катастрофы сопровождались очень значительным изменением климата, чрезвычайно высоким уровнем подъема воды, тектоническими явлениями, изменением горизонтальной позиции, внезапным исчезновением воды из озер, изменением русла рек, внезапным таянием ледников и т. д. «Это произошло в послеледниковый период, в последний раз действительно в историческое время, незадолго до того, как римляне начали распространяться в этой части мира», — подчеркивает Великовский.

Падение уровня Мирового океана обнаружено многими учеными. Некоторые из них определили, что это произошло 3000—4000 лет назад, другие — 3000—3500 лет назад. К этому же времени относится катастрофа, образовавшая Северное море

на месте суши, населенной людьми и животными.

Остров Крит с его высокой культурой был разрушен гигантской природной катастрофой в конце Среднего царства в Египте (во время Исхода). Повторная катастрофа обрушилась на остров спустя одно или два поколения. В это же время в бешеном пароксизме природы в Малой Азии погибла Троя II и другие города, в Сирии огнем был уничтожен Угарит II.

Выдающийся французский археолог Клод Шаефер описал шесть переворотов, охвативших весь Восток. Некоторые катастрофы были такой силы, что они полностью уничтожили великие цивилизации древности. Огнем и землетрясениями одновременно были уничтожены Малая Азия, Месопотамия, Кавказ, Иранская равнина, Сирия, Палестина и Египет. Шаефер писал, что сила этих катастроф не имеет параллелей в анналах истории или в представлениях сейсмологов. По мнению Шаефера, наиболее древняя из этих катастроф произошла между 2400 и 2300 годами до нашей эры.

Приведенные многочисленные примеры не следует считать свидетельством того, что глобальные катастрофы произошли только во втором и в первом тысячелетии до нашей эры. Катастрофы происходили и раньше. Но приведенные примеры поддерживают утверждение Великовского о том, что в историческое время также были глобальные катастрофы — последние в ряду, уходящем в более далекие времена.

Существует противоречие между измерением времени в геологии и палеонтологии, с одной стороны, и в антропологии и археологии — с другой. Таблицы времени в геологии, предложенные Лай-

еллом, не имели под собой объективной основы. Они построены на основании... предположений. Главное из них, что все геологические процессы совершались путем незаметных изменений в течение десятков и сотен миллионов лет, что Земля не претерпела никаких катастроф. Ледниковый период лайелловской схемы продолжительностью в 1000000 лет под тяжестью фактов был сокращен до 30000 лет. Но и это неверно так же, как неверно, что предшествующий ледниковому периоду период построения гор продолжался 60000000 лет. Исследования древних скал показали, что они стали свидетелями катастроф, в сравнении с которыми последние перевороты можно считать незначительными. В различные периоды горы образовывались в результате катастроф.

Уголь также формировался не в течение миллионов лет. Ураганы выкорчевывали горящие леса и вместе с огромными приливными волнами сносили их в мощные скопления. Приливная волна засыпала их наносами различной толщины. Нагретая земля превращала обугленные деревья в уголь. Если лес горел в результате воспламенения горящим битумом, при подобных условиях образовывался битумизированный уголь. Великовский находит подтверждение своей гипотезы в работах различных авторов.

«Миллионы бизонов умерли естественной смертью в прериях Запада более чем за четыреста лет с момента открытия Америки: их мясо было съедено хищниками или сгнило и разложилось; их кости и зубы несколько сопротивлялись процессу разложения, однако в конце концов выветрились и искрошились в пудру. Кости этих мертвых бизонов не стали ископаемыми в осадочных скалах, и вряд ли

некоторые могут быть найдены в сохраненном состоянии». Само наличие ископаемых в осадочных породах противоречит эволюционной теории. Время, необходимое для покрытия погибшего животного осадками, значительно больше времени полной дезинтеграции трупа. Миллионы рыб найдены в осадочных породах в состоянии агонии без всяких следов атаки хищников.

Теория единообразия утверждает: в прошлом не происходило ничего, что бы не совершалось сейчас. Но сейчас почему-то животные не превращаются в ископаемых.

Предполагают, что осадочные породы постоянно формируются в океане. По их толщине даже можно определить возраст океана. Но, вопреки ожиданиям, в некоторых местах на дне почти нет осадков, что свидетельствует о недавнем образовании дна. В других местах в океане и даже на суше осадочные породы необыкновенно большой толщины. Такая неоднородность необъяснима так же, как и образование ископаемых. Но оба этих явления можно объяснить катастрофическими событиями в прошлом.

Во многих местах и в различных формированиях найдены отпечатки ног доисторических животных, что объясняли окаменелостью болотистого грунта. Но если в следующем сезоне мы уже не находим следов стад, которые паслись в предыдущем сезоне, каким образом уцелели следы доисторических животных?

В руинах Помпеи и Геркуланума вулканическая лава и пепел сохранили до наших дней колеи на улицах. Извержение вулкана на Гавайях в 1790 году сохранило до наших дней следы людей и животных, попавших в лаву. Найденные следы доис-

торических животных — также результат катастроф. Процесс образования этих следов подробно описывается Великовским.

В историческое время в Америке — от Аляски до Мексики — исчезли десятки видов животных. Сильные и слабые, они погибли не в борьбе за существование, без признаков дегенерации. Дарвин знал, что зубы мамонтов были развиты лучше, чем зубы слонов. Он знал, что адаптация мамонтов к условиям внешнего мира была более совершенной, чем у других животных. Согласно эволюционной теории у них были самые высокие шансы выжить в борьбе за существование. Рисунки человека каменного века дают основание предположить, что некоторые мамонты были одомашнены. Мамонты не погибли от голода. Они погибли внезапно — при катастрофических обстоятельствах. Это же относится к мастодонтам. Лошади были широко распространены в Америке. Выжившие в Старом Свете они внезапно погибли в Америке, где впоследствии отлично расплодились, привезенные испанцами. Кости ископаемых лошадей находят в скалах, в лаве. Эти кости ничем не отличаются от костей современных лошадей. Почему они исчезли в конце ледникового периода, когда климат стал таким благоприятным для них?

Великовский коротко рассматривает историю эволюционного учения, одним из основателей которого был греческий философ Анаксимандр. «Новым в учении Дарвина были не принципы эволюции в целом, а объяснение ее механизма естественным отбором». Это было развитием мальтузианского учения о том, что популяция растет быстрее, чем средства для ее существования. Спенсер, как и Дарвин, пришел к заключению, что в борьбе за

существование выживает сильнейший. Теория Дарвина была направлена против теории катастроф. Он ожидал критики именно со стороны атакуемой им теории. Но основная критика пришла со стороны церкви, утверждающей, что мир сотворен в течение шести дней. Признание эволюционной теории большинством ученых нового поколения в значительной степени было не учетом реальных факторов, а бунтом науки против церкви. Дарвин боялся, что, если потоп был менее пяти тысяч лет назад, Творение могло произойти шесть тысяч лет назад, как об этом пишет Книга Бытия. Если же принять теорию эволюции, основанную на единообразии, Дарвин располагал нелимитированным временем. Правильность своей теории он доказывал разнообразием домашних животных, анатомическим подобием в животном мире и данными геологии.

Однако несмотря на успехи гибридизации никому еще не удалось создать новый вид животных. Единственную поддержку своей теории Дарвин находил только в геологии. Великовский цитирует различные места из книги Дарвина «Происхождение видов» и демонстрирует их вопиющее противоречие с геологическими находками. Дарвин был вынужден принять теорию Агассиса (без этого у Дарвина вообще концы не сходились с концами), хотя он не соглашался с катастрофическим началом ледникового периода. Агассис, опираясь на собственные геологические наблюдения, попросту отрицал теорию Дарвина.

В сравнении с догматическим утверждением церкви о неизменности мира с момента Творения, дарвиновская теория казалась прогрессивной. Но она далека от истины! Во время катастроф пол-

ностью прекратили существование лучшие образцы животного мира без каких-либо признаков дегенерации.

Геологические данные свидетельствуют о том, что в прошлом жили животные, которых нет сейчас, а из животных, живущих сегодня, многих не было в прошлом. Как они появились? В дикой природе ученые не наблюдали ни единого случая перекрестной гибридизации. Дарвин предложил теорию, согласно которой любая клетка животного или растения влияет на половую клетку, объясняя таким образом наследственность. Теория эта отвергнута. Все были согласны с генетическим фактором эволюции, но по поводу механизма эволюции были фундаментальные разногласия. В любом случае, новые виды животных не появлялись. Дарвин объяснял это медленностью процесса, который не поддается наблюдению. Некоторые ученые заявляли, что эволюция вообще завершена.

Через девять лет после выхода в свет книги Дарвина появилась никем не замеченная статья августинского монаха Грегора Менделя о мутантах и статистических закономерностях в генетике. С начала нынешнего века спонтанные мутации, передающиеся по наследству, стали предметом пристального наблюдения. Но эти мутации чрезвычайно редки и весьма незначительны. Они не могут привести к созданию нового вида.

Итак, Дарвин не был создателем эволюционной теории. Его вклад в эту теорию заключается в предложении механизма эволюции, которым является естественный отбор. Но если такой отбор не образует новых видов, то вклад Дарвина уменьшается до констатации, что в результате естественного отбора погибает слабейший. И в этом случае

Дарвину не принадлежит приоритет. Эта идея была высказана Гербертом Спенсером.

Закljučая, Великовский пишет, что в этой книге он привел свидетельства камней и костей. В нее не включались свидетельства человека. Но именно эти свидетельства можно найти в «Мирах в столкновениях». В обеих книгах содержатся неопровержимые доказательства катастроф.

«Неумолимой логикой фактов и цифр мы были ведомы по геологическому следу к заключению о том, что Земля не раз была ареной великих драм, и нет места на Земле, где не было бы этих эффектов». Последние пароксизмы природы произошли в историческое время, всего лишь несколько тысяч лет назад, когда цивилизация в некоторых местах достигла железного века. Причиной этих катастроф, либо их следствием было изменение наклона земной оси и нарушение дневного и годичного циклов движения Земли. Это не могло случиться благодаря внутренним причинам, как считали в XIX веке авторы теории ледникового периода. Только внеземной объект мог стать причиной описанных катастроф.

Великовский приходит к такому заключению на основании геологических свидетельств так же, как и на основании исторических и литературных.

Катастрофы происходили в доисторические и в исторические времена. Мы — потомки выживших, которые, в свою очередь, тоже были потомками выживших.

Этими словами Иммануил Великовский закончил свою третью книгу.

48. ГЮЙО-ХОЛЛ И ПРОФЕССОР ГАРРИ ГЕСС

Мертвое молчание было реакцией на выход в свет «Земли в переворотах». Великовский предъявил ученым огромный список вещественных доказательств, подтверждающих его теорию. На сей раз они не могли использовать аргумент Стюарта, что исторические записи, предания, мифы — это, мол, бабушкины сказки.

Истинные ученые, которых, увы, всегда немного (не степенями и званиями, не общественной позицией, не титулами и премиями определяется их истинность), задумались над странным фактом. Две предыдущих книги Великовского публикуются в повторных изданиях. Третья книга также издана огромным тиражом. Сотни тысяч людей раскупают его книги. Круг читателей этих книг ограничен интеллигенцией. Как объяснить, что человек, не просто отвергаемый, но даже поносимый так называемой официальной наукой, горячо и с пониманием воспринимается думающими людьми?

Через несколько лет крупнейший итальянский математик Бруно де Финети из Римского университета напишет по этому поводу, что профессионализм, обособление в узкой области знаний, стали главным препятствием для продолжения обновления, так необходимого науке. Ученые не хотят обсуждать теорию Великовского, потому что их беспокоит персональный вопрос — факт, что он возражает против «права их окаменевших мозгов почивать в покое», считая, что все проблемы уже решены. Великовский выступил как представитель интердисциплинарной науки, универсальной, всеобъемлющей. Для него наука как и мир, изучаемый ею, — едина.

Он не признает границ между науками, существующими только условно для облегчения деятельности ученых. Защита шкурных интересов, сказывающаяся в настойчивом желании сохранить границы специальностей, может превратить «каждый клан специалистов и большой клан ученых вообще в вид деспотичной и безответственной мафии».

Де Финети знал, о чем он говорил.

Первой реакцией на «Землю в переворотах» оказалась радиопередача «Беседа», транслировавшаяся компанией NBC 5 января 1956 года. В ней участвовали профессор Барзум, физик, декан аспирантского факультета Колумбийского университета, и Альфред Голдсмит, президент общества американских радиосинженеров и вице-президент Американской Радиокорпорации. Председательствовал журналист Клифтон Фединэм.

В течение часа все три участника беседы говорили об учености Великовского, об убедительности представленных доказательств, о его высочайшей научной честности и добросовестности. Они считали, что его работа может стать началом важных новых концепций в науке, в истории. Они согласились, что работа Великовского заслуживает объективного отношения ученых. Профессор Барзум говорил о Великовском с таким энтузиазмом, что в какой-то момент Голдсмит напомнил ему о грозящей опасности, если его сейчас слушают коллеги-ученые.

Следующая реакция оказалась еще более важной для Великовского. Он получил письмо на десяти страницах, написанное Клодом Шаефером 23 июля 1956 года.

Крупнейший археолог современности сообщал о том, какое огромное впечатление произвела на него

работа Великовского. Он писал, что пользуясь различными методами, они пришли к очень похожему выводу. Он спорил с Великовским по поводу некоторых несущественных подробностей. Он с радостью предлагал материал из своих раскопок для радиоизотопных исследований, о которых мечтал Великовский, чтобы доказать правильность своей хронологии. *«Уменьшение принятой хронологии от 5 до 7 столетий, вероятно, не невозможно, но кажется нереальным при нынешнем состоянии знаний. Но тесты, сделанные, как вы предлагаете (стр. 278), это решат».*

Профессор Шаефер писал о своих дальнейших исследованиях. *«Потребуется немало времени, пока укоренится новая идея, но она непременно укоренится, потому что в конце концов правда всегда побеждает».* *«Вероятно, в настоящее время лучше всего установить только реальность этих кризисов и огромных переворотов в течение последнего тысячелетия до нашего времени, или до р. Х., и оставить изучение их причин будущим исследователям. Потому что историки и публика еще не готовы принять мысль о том, что Земля намного менее безопасное место, чем они привыкли считать...»*

Свое письмо профессор Шаефер закончил следующими словами: *«Я уверен, что вы преуспеете в своих исследованиях. Вы работаете в правильном направлении, и время поможет показать истинность глобальных или почти глобальных катастроф. Уже сейчас континентальные или почти континентальные катастрофы не могут вызвать сомнения, как я показал в моей стратиграфической работе на Ближнем Востоке. Понадобится время, чтобы ваши и мои находки были восприня-*

ты. Это может сделать нас несколько нетерпеливыми. Но это будет стимулировать нас к более интенсивной работе над нашими исследованиями».

Еще одна реакция на «Землю в переворотах» оказалась неожиданной и в высшей степени приятной. Более трех лет Великовский почти ежедневно посещал библиотеку в Гюйо-Холле. Кроме профессора Глена Джемсена, никто из штата геологического факультета Принстонского университета не пожелал или не осмелился общаться с «еретиком». В дом на Хартли авеню приходили старые друзья. Тут бывали профессор Кален, О'Нейл, Эрик Лараби с женой Элеонорой. Приходили принстонские и приезжие профессора, несогласные с позорным поведением научного истеблишмента. Среди них были сторонники и противники теории Великовского. Несколько вечеров в доме на Хартли авеню провел приехавший из Оксфорда профессор Сальвадор де Марadiaга. Он был потрясен, прочитав рукопись «Звездочетов и гробокопателей».

И вот сейчас к Великовскому пришел необычный посетитель — посланец аспирантов геологического факультета Принстонского университета — с просьбой прочитать лекцию у них на факультете.

Великовский охотно откликнулся на эту просьбу, но поставил одно условие: аспиранты предварительно должны прочитать «Землю в переворотах».

В аудитории Гюйо-Холла 30 ноября 1956 года Великовский читал лекцию на тему «Общий фронт геологии с астрономией, археологией и фольклором». Аудитория состояла не только из аспирантов. Присутствовали профессора, научные сотрудники, студенты старших курсов. И хотя некоторые профессора пришли на лекцию как на зрелище,

даже они не смогли оставаться наблюдателями или участниками негласного бойкота. Великовский очень убедительно атаковал их устоявшиеся представления. Тем не менее, атмосфера в аудитории в течение лекции становилась все более дружественной.

Посыпались вопросы. Профессора пытались нащупать слабинку в его позиции. Но четкие ответы, поражающие аудиторию запасом знаний и феноменальной памятью этого Великовского, демонстрировали слабость позиции сторонников теории единогообразия и других ортодоксальных течений.

Наиболее активным в завязавшейся дискуссии оказался декан геологического факультета профессор Гарри Гесс. После лекции на виду у всей аудитории он подошел к Великовскому и с почтением пожал его руку, а затем предложил проводить его до дому.

Пустынные улицы Принстона были свидетелями их продолжающейся дискуссии. Они заговорили о строении морского дна. Великовский сослался на подводную экспедицию в Карибском море в тридцатых годах. Выяснилось, что Гесс был участником этой экспедиции. Затем Гесс рассказал о своих исследованиях во время войны, когда он служил в американском флоте в чине контр-адмирала. Он дал Великовскому свою статью о подводных высотах с плоскими вершинами. Они долго бродили по ночному городу, провожая друг друга.

Гесса явно заинтересовали предложения Великовского об исследованиях, которые можно было бы провести в ближайшее время. Он не мог согласиться с теорией Великовского. Но как не согласиться с его предложениями, если они так интересны и важны сами по себе? Например, утверждение о том, что магнитное поле Земли, такое

слабое на поверхности, над ионосферой имеет значительно большую напряженность. И это можно обнаружить уже сейчас. А со временем его обнаружат даже на орбите Луны. Звучит фантастически. Но очень интересно! Необычный человек этот доктор Великовский. Такого обаятельного собеседника профессор еще никогда не встречал.

Они заговорили о приближающемся Международном геофизическом годе. Предложенные Великовским исследования можно было бы провести в рамках этого мероприятия. Грустно улыбнувшись, Великовский сказал:

— Если под этими предложениями увидят мое имя, их отвергнут, как бы убедительно они ни выглядели.

— Возможно. Но я член координационного комитета Международного геофизического года. Пришлите меморандум на мое имя. Все свое влияние и возможности я употреблю на то, чтобы ваши предложения были приняты.

Они расстались, испытывая глубокую симпатию друг к другу.

5 декабря Великовский отправил Гессу письмо с тщательным анализом и серьезной критикой его статьи. Великовский не подумал о том, что Гесса может ущемить критика. Речь шла о науке, а не о светских взаимоотношениях. В данном случае, как выяснилось, он не ошибся. Гесс действительно воспринял критику, как должен ее воспринять истинный ученый. Ему и в голову не пришло, что научную статью крупнейшего геолога раскритиковал не представитель его корпорации, а врач. Критика была в высшей степени профессиональной.

Вместе с этим письмом Гесс получил меморандум Великовского с предложениями об исследова-

ниях во время Международного геофизического года, который он тут же направил в координационный комитет, сопроводив его своей рекомендацией.

49. ПОЯСА МАГНИТНОГО ПОЛЯ НАД ИОНОСФЕРОЙ

Завершался 1956 год — год утрат и приобретений. Умер профессор Вальтер Адамс, выдающийся астроном, — тот, кто первым практически подтвердил теорию относительности Эйнштейна, кто первым из американских астрономов распознал в Великовском великого ученого, кто первым из представителей точных наук стал другом Великовского.

Завершена рукопись книги «Звездочеты и гробокопатели» (как выяснилось потом, ее первый вариант). Что с ней делать? Элишева все еще против публикации книги. Великовский не ожидал, что файлы — скоросшиватели, подшивки документов, одобренные его комментариями, могут стать такой интересной книгой. Ему бы очень хотелось опубликовать ее. Но он больше полагался на здравый смысл Элишевы.

30 декабря 1956 года Национальное географическое общество сообщило о радиоуглеродных исследованиях для установления возраста древних культур на территории Мексики. Оказалось, что эти культуры на тысячу лет старше, чем считалось раньше. В июне 1950 года профессор Кублер, историк из Йельского университета, специалист по центральноамериканской цивилизации, пытался опровергнуть «Миры в столкновениях», доказывая,

что Великовский неправильно датировал события, происшедшие на территории Мексики. Авторитет профессора Кублера придал вес гонениям, организованным против Великовского и его книги.

Понадобилось всего лишь шесть с половиной лет, чтобы мир убедился в том, кто лучше знает время существования среднеамериканских цивилизаций — наибольший авторитет в этой области или Великовский. Настоящий ученый отличается способностью признать свою ошибку. Кублер не выступил в печати по этому поводу и даже не прислал Великовскому извинения за причиненный им моральный ущерб.

Забавно выглядят у пожилого человека, особенно у большого человека, черты, присущие детскому возрасту. Ничто не вызывало у Великовского такого чувства самоуважения, как успешное окончание им курса вождения автомобиля и получение водительских прав. Он испытывал гордость, возвращаясь без всяких происшествий и приключений домой после поездки с Элишевой на их автомобиле. Как-то раз он внезапно остановил автомобиль у обочины и поцеловал руку Элишевы. Она с недоумением посмотрела на мужа. Великовский прикоснулся указательным пальцем к счетчику миль, на котором появилась цифра 1000, и торжественно заявил: «Юбилей». С этих пор каждый раз, когда на счетчике появлялась следующая тысяча. Великовский останавливал автомобиль и целовал Элишеве руку. Однажды он внезапно остановил автомобиль на принстонской улице и, убедившись в том, что позади нет помех, включил задний ход. Проехав более ста метров, он снова остановил автомобиль и совершил традиционный ритуал. Оказывается, заговорившись, он не заме-

тил на счетчике юбилейной цифры! Чрезвычайно скромный во всех отношениях, хотя и знающий себе цену, Великовский считал себя отличным шофером, но Элишева почему-то неуважительно называла его «бексит-драйвером».*

В письме от 2 января 1957 года Гесс благодарил Великовского за острую критику его статьи. «Вы вонзили палец именно в наибольшие недостатки моей гипотезы, какой она была в 1946 году. Вероятно, вам будут интересны некоторые дальнейшие объяснения». Крупнейший американский геолог прислал Великовскому специальный научный материал, снабженный цифровыми выкладками, диаграммами, кривыми, понимая, что только этот врач по-настоящему сможет оценить его работу — работу геолога. Гесс писал, что он весьма скептически относится к приближающемуся Международному геофизическому году и не ждет от него выдающихся результатов несмотря на астрономические ассигнования — пятьдесят шесть миллионов долларов. «Научные открытия и идеи создаются интуицией, творчеством и гением человека. Доллары сами по себе не создают этого, точно так же, как нельзя от них ожидать создания еще одной Моны Лизы. Кто лучше вас может понять это?»

Гесс был прав. Пятьдесят шесть миллионов долларов не создали шедевров науки в течение Международного геофизического года. Самым выдающимся результатом оказалось действительно важное открытие поясов магнитного поля над ионосферой. Причем, когда Ван Аллен из Айовского университета увидел результаты наблюдения, он не поверил им, посчитав, что неисправна аппаратура. Но усовершенствованная его помощниками аппа-

---

* Водитель, сидящий на заднем сидении (ам.).

ратура подтвердила существование магнитного поля Земли над ионосферой. Ван Аллен забыл, по-видимому, сослаться на Великовского, без всякого удивления предсказавшего это открытие еще четыре года назад и предложившего это исследование в меморандуме, переданном Гессом координаторам Международного геофизического года. И на сей раз, как и после обнаружения ради шумов Юпитера, ученый «клан» Америки постарался не заметить, что предсказанные Великовским явления подтверждают его теорию и противоречат ортодоксальной науке. Все шло своим чередом...

50. РАМБАМ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В АМНЕЗИИ

Летом 1957 года Великовские предприняли большое путешествие.

В Англии самое сильное впечатление на Великовского произвело загадочное сооружение людей каменного века. Огромные призмы грубо отесанного камня были выстроены по кругу. И еще два концентрических круга камней, каждый из которых весит несколько тонн. И еще гигантские камни, расположенные подковой. И авеню из таких же камней. Камни весом до 50 тонн древний человек должен был доставить за многие десятки километров отсюда. Зачем?

Великовский понимал, вернее, чувствовал, что этот гигантский монумент имеет отношение к его теории. Определенно, это сооружение было создано для слежения за небесными телами. Это какой-то непонятный астрономический инструмент. Только страх перед изменяющимся, нерегулярным дви-

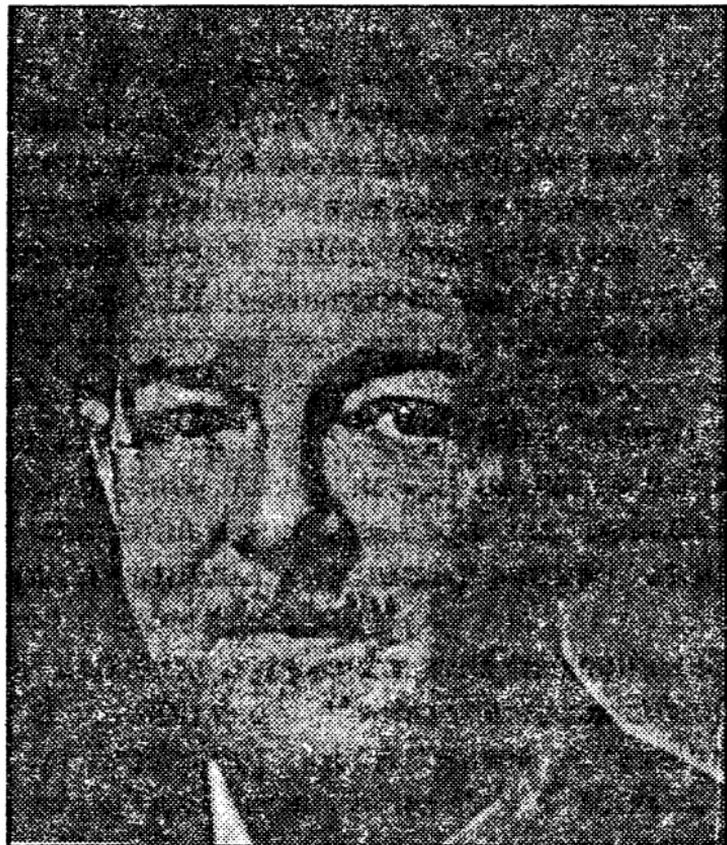
жением светил мог заставить древних людей предпринять огромные усилия — волоком на катках и по рекам доставить сюда гигантский груз и воздвигнуть этот циклопический монумент.

Великовские пересекли всю Францию — от Кале до Мюлуза. С радостью они приняли приглашение профессора Клода Шаефера отдохнуть вместе с ним на Люцернском озере. Конечно, переписка создала определенный фон в их отношениях, укрепила взаимную симпатию между двумя большими учеными. Но неделя, проведенная в Швейцарии, сблизила их и сделала друзьями, что нечасто случается с людьми их возраста даже после значительно более продолжительного общения. Шаефер признался Великовскому, что он не расстается с книгой «Века в хаосе». Он не сомневается в истинности каждой буквы этой книги. Он лично видел подтверждения этого во время своих раскопок. Но кто знает, сколько лет пройдет, пока историки поймут истинность реконструкции хронологии древнего мира?

Из Швейцарии Великовские прилетели в Израиль. Приближались осенние праздники. В Европе уже ощущалась осень. А Хайфа сверкала, пронизанная летним солнцем. Счастливая пора полной расслабленности. Счастливые дни общения с внуками. Трехлетняя Ривка была полностью в распоряжении бабушки и дедушки. Солидный шестилетний Меир дарил им только свободное от школы время.

Свидание с возрожденной страной, вступившей в свое десятилетие, радовало Великовских.

Еще один подарок свалился буквально с неба. 4 октября 1957 года Советский Союз сообщил о запуске искусственного спутника Земли. Началась

Профессор Гарри Гесс.

новая, космическая эра. Можно было надеяться, что исследования, произведенные непосредственно в космосе, прольют свет на истинную ценность противостояния Великовского ортодоксальной астрономии. Слава Богу! Он дожил до этого дня, до этого времени, о котором даже не смел мечтать.

Радостные дни в Израиле омрачились внезапной болезнью. Впрочем, внезапной ее можно было считать только потому, что врачи настаивали на немедленном оперативном лечении. Он уже давно чувствовал неблагополучие в брюшной полости и подозревал, что не избежит хирургического вмешательства. В ноябре 1957 года Великовский был госпитализирован в хайфскую больницу Рамбам.

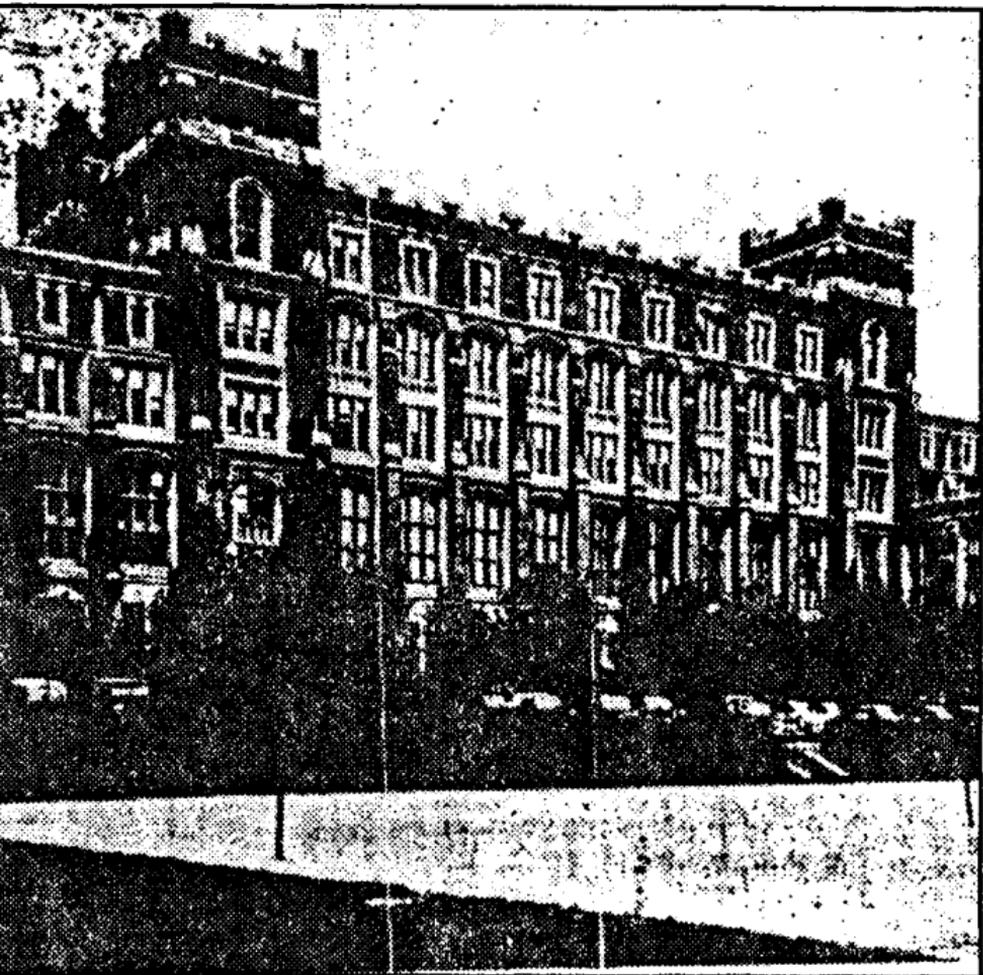
Из небытия, из тумана наркоза он медленно возвращался к действительности. Ею оказалась ночь, намек на синее свечение из окна, достаточное, чтобы разглядеть ширму справа от кровати, штатив с капельницей, трубка от которой тянулась к игле в локтевом сгибе. Действительностью оказалась боль во всем животе, тяжесть в голове и немедленная потребность разобраться в ситуации. Чтобы притупить боль, он стал думать о ее механизме. Мысли путались, не выстраивались в последовательную логическую цепь.

Боль. Механизм боли... В течение последних 18 лет он перерыл горы книг и научных журналов во всех областях знаний. Кроме медицины. И это врач, которого еще в молодости считали медицинским гением.

Конечно, его теория, кроме всего прочего, должна оздоровить человечество. Психоаналитик должен вытащить на поверхность из подсознания скрытый и подавленный страх, унаследованный от предков, уцелевших в аду космических катастроф. Это необ-

Гюи-холл —

– геологический факультет Принстонского университета.

ходимо сейчас, когда человечество обладает атомным оружием. Русские запустили спутник. Это, конечно, хорошо. Но они запустили его не из рогатки. У них есть баллистические ракеты огромной мощности. Начинается эра космических исследований. Он дожил до этого дня, благодарение Богу. Его теории будут проверены и подтверждены. Но с таким же успехом русские могут запустить в космос не аппарат для научных исследований, а самое ужасное оружие. Несомненно, американцы начнут догонять русских. Нельзя упускать из виду еще одну силу — Китай. У русских, американцев и китайцев на знаменах пятиконечные звезды — старый символ Венеры, едва не уничтожившей Землю. Странное совпадение в символе разрушения...

Началом цепочки размышлений была боль. Попытка разобраться в ее механизме. Для этого надо было выползти из тумана наркоза ночью в больнице Рамбам.

Больница Рамбам. Рамбам — аббревиатура, понятная любому верующему еврею — Раби Моше бен Маймон — Маймонид. Великий врач XII века. Неоценим его вклад в медицину, во врачебную этику. Но его философия...

Великовский мысленно улыбнулся. Суждено тебе быть еретиком, одинаково неприемлемым диаметрально противоположными группами и течениями. Далласская газета назвала его чуть ли не русским ставленником, разрушающим западную цивилизацию. Коммунистическая «Дейли уоркер» — признаком вырождения буржуазного общества. Английский эволюционист — агентом американского милитаризма, пытающегося превратить Англию в свой непотопляемый авианосец.

На сей раз, если он сформулирует свое отношение к философии Рамбама, ортодоксальный иудаизм предаст его анафеме. Ведь ортодоксы относятся к Рамбаму чуть ли не с таким же почтением, как к Библии. А между тем, Рамбам комментировал Библию как истинный последователь Аристотеля. Четким описаниям Пятикнижия и пророков он придал метафорический смысл. Он увел евреев от их коллективной памяти о страшных событиях прошлого, он убедил их в стабильности и безопасности нашего мира. Рамбам спаял иудаизм с Аристотелем.

Случайно ли, что именно в то же время арабский врач и философ Ибн Рошд, известный под латинизированным именем Аверроэс, спаял Аристотеля с мусульманством? Случайно ли, что в следующем веке доминиканский монах Фома Аквинский спаял с Аристотелем католицизм? Когда-то Эйнштейн сказал Великовскому, что подобные явления не могут быть случайными.

Догма сильна. Ни Коперник, ни Бруно, ни Галилей не поколебали аристотелианство до основания. Разве сейчас, в середине XX века, ему не приходится воевать против той же догмы?

В «Мирах в столкновениях» он затронул проблему человечества в забвении. Не написать ли книгу о том, как и почему человечество забыло о катастрофах, обрушившихся на Землю? Как память об этом ушла в подсознание? Это будет книга о том, как опасна для человечества такая амнезия. Да, следует выполнить свой врачебный долг. Книга сможет стать пособием для лечения больной психики человечества. Надо подумать об этом. Но — не превозмогая боль. Успокоится ли она когда-нибудь? Книгу можно назвать «Человечест-

во в амнезии». Пожалуй, это название соответствует тому, что ему хотелось бы рассказать...

В больнице Рамбам занимались не философией, а врачеванием, тем, что было сильной стороной деятельности средневекового медика. Великовский вышел из послеоперационного состояния в минимальный срок. Эстафету из «рук» больницы приняли заботливые руки Элишевы и Шуламит.

Наступил 1958 год.

Холодные дожди сменялись по-летнему теплыми днями. Хайфа была необыкновенно красива. Промытая зелень спускающихся к морю улиц, тихое очарование кварталов, примыкающих к Техниону, загадочно-фантастические отсюда, сверху, сооружения заводов на северной окраине, глубоко врезающаяся в полуостров бухта с постоянной суетой южного порта, — все это было таким родным, таким необходимым, что, порой, хотелось сказать самому себе: «Хватит! Кое-что ты сделал. Можно и отдохнуть». Но заложенное в генах беспокойство требовало продолжить работу. Надо возвращаться в Америку. Шестьдесят два с половиной года даже формально — не пенсионный возраст.

51. РАДОСТИ И ГОРЕСТИ

Весеннее тепло обласкало атлантическое побережье, университетский городок, поля Нью-Джерси. Казалось, во всем мире наступило потепление. И не только в природе. Из Принстона в Советский Союз отправлялась полунаучная, полутуристская группа. Великовский попросил знакомого профессора встретиться с Александром и Даниилом, если это окажется возможным.

По возвращении из Москвы профессор рассказал о странных вещах, помешавших ему исполнить эту просьбу. В телефонной книге он нашел соответствующие номера. В течение всего пребывания в Москве попытки дозвониться по одному из телефонов оставались тщетными. А по второму... Ему ответил немолодой женский голос. По-русски, хотя и не без некоторого затруднения, профессор объяснил цель своего звонка. После непродолжительной заминки женщина испугано сказала, что Великовский в этой квартире не живет и, пожалуйста, больше сюда не звоните. Решив, что в телефонной книге указан неправильный номер, профессор набрал 09 — справочное бюро. Нет, в телефонной книге не было ошибки. Профессор снова набрал тот же номер. Знакомый женский голос, уже откровенно враждебно, предложил ему не разыскивать Великовских. У них нет никаких родственников в Америке и вообще за границей. Очень странно!

Великовский грустно улыбнулся. В отличие от профессора, он знал, что это не странно, а страшно. Оставалось только время от времени ездить в Филадельфию, просматривать в библиотеке советские химические журналы и, находя в них статьи Александра и Даниила, радоваться тому, что они еще живы.

Летом 1958 года Великовский был на распутье. В течение нескольких лет он безуспешно пытался убедить научный мир проверить его теории. Он писал статьи, которые, как он надеялся, пробьют себе путь в научные журналы. Он пополнял архив, относящийся к его теориям. Единственной отдушиной были спорадические лекции на геологическом факультете, которые ему устраивал до-

брый порядочный Гесс, с пиететом относящийся к нему лично, но не к его теории.

Надо было решать, чему отдать предпочтение — продолжить ли реконструкцию древней истории, либо заняться другими проблемами, связанными с его теорией.

Идея книги «Человечество в амнезии» все более обростала плотью. Пока еще только в мозгу и в коротких заметках. Он понимал: его врачебный долг написать такую книгу. Но он смертельно устал. Сказались годы нечеловеческого труда. Сказались болезнь и операция. Стоило взглянуть в зеркало и увидеть абсолютно белые волосы, чтобы понять нереальность дальнейшей работы в том темпе, в котором он работал всю жизнь. А тут еще Гораций Кален настойчиво требует вернуться к далекой заброшенной книге о героях Фрейда. В самом деле, почему бы не дать себе некоторую передышку? Тем более, что сейчас он значительно лучше понимает место этих героев в истории.

Великовский извлек старую рукопись и стал работать над книгой «Эдип и Эхнатон».

В апреле 1958 года, когда Великовские еще были в Израиле, из Америки пришла радостная весть. Рут сообщала о рождении дочери Кармель. Да у него огромное богатство: пять внуков и внучек, две дочери и три книги, которые Великовский называл «сыновьями».

1958 год был омрачен тяжелой утратой — умер профессор Роберт Пфейфер, выдающийся ученый, человек удивительной цельности и честности, высоких принципов и благородства. Роберт Пфейфер, верный незаменимый друг. Единственный в Гарвардском университете, кто восстал против банды преследователей Великовского. Мир стал беднее.

52. ВЕНЕРА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ГОРЯЧАЯ ПЛАНЕТА

В начале 1960 года издательство «Даблдей и К°» опубликовало книгу Иммануила Великовского «Эдип и Эхнатон — миф и история». Три предыдущих книги были посвящены Элишеве, отцу и дочерям — Шуламит и Рут. Четвертую книгу Великовский посвятил Горацию М. Калену, который был у ее истоков двадцать лет назад, который в течение двадцати трудных лет оставался верным и надежным другом.

Книга раскупалась, как и другие книги Великовского. Ее почти немедленно издали в Англии. Но научный мир встретил ее враждебным молчанием только потому, что она была написана Великовским. Правда, 3 апреля 1960 года в газете «Чикаго трибюн» появилась большая положительная рецензия одного из ведущих американских классиков, профессора Чикагского университета Гертруды Смит.

Ровно восемь лет назад профессор Олбрайт резко выступил в нью-йоркской «Геральд трибюн» против «Веков в хаосе», хотя он признался, что не мог найти ни единого возражения по поводу содержания книги. Сейчас Олбрайт снова опубликовал в «Геральд трибюн» статью, правда, очень деликатную, в которой высказал сомнение в возможности контактов между Египтом и Грецией в такие ранние времена. Профессор-историк явно забыл об имеющихся данных археологических исследований.

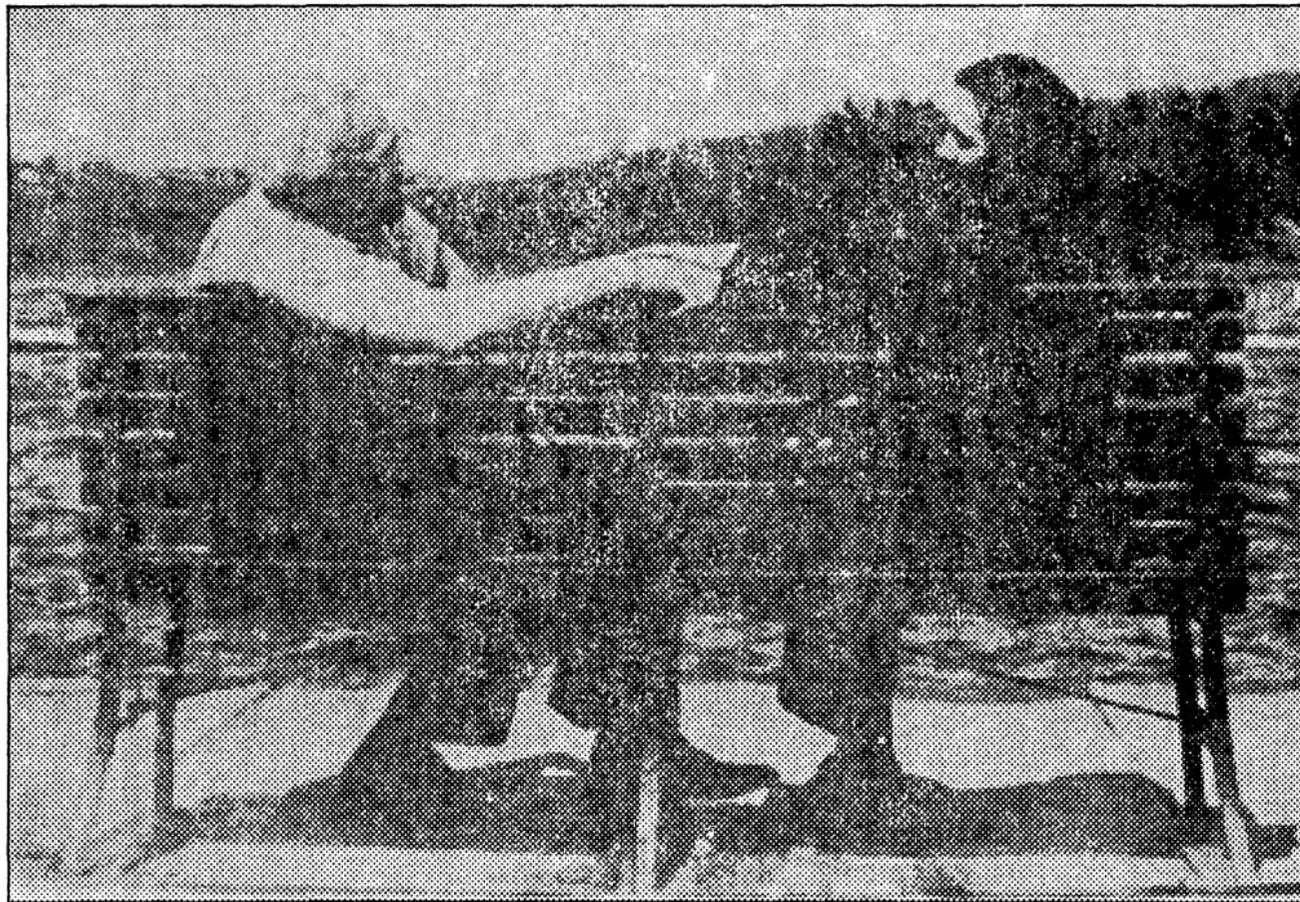
Когда в 1952 году «Протоколы Американского философского общества» опубликовали очередной пасквиль Пайн-Гапошкин, было ясно, что одними

эмоциями уже трудно обойтись в борьбе с Великовским. На помощь коллеге по Гарвардской обсерватории пришел астроном Дональд Менцель, добавивший «количественные опровержения абсурдных гипотез Великовского». Для того, чтобы произошли чудовищные коллизии в космосе, потенциал электрического заряда Солнца должен быть 10^{19} вольт. Бейли не знал, что именно такой потенциал назвал Менцель, чтобы убедить читателей в абсурдности теории Великовского.

В этом же году профессор А. Т. Вильсон из университета Виктория в Веллингтоне (Новая Зеландия) установил, что при электрическом разряде в метано-аммониевой атмосфере (подобной атмосфере Юпитера) образуются тяжелые углеводороды. Спустя два года, подтверждая теорию Великовского, но забыв упомянуть его имя, Вильсон напишет, что нефть на земле может быть космического происхождения.

В мае 1960 года, после почти шестинедельного пребывания американского космического корабля «Пионер V» на орбите вокруг Солнца NASA созвала пресс-конференцию. Единственным, что препятствовало Эйнштейну полностью принять теорию Великовского, была уверенность в справедливости господствующего в астрономии представления об электрически нейтральных космических объектах и межпланетном пространстве, свободном от электромагнитных полей. Сообщение о радиошумах Юпитера потрясло Эйнштейна. Кто знает, как бы он отнесся к теории Великовского сейчас.

Пять лет спустя после смерти Эйнштейна на пресс-конференции NASA журналистам сообщили, что «Пионер V» обнаружил в межпланетном пространстве магнитные поля, электрические потоки,

Элишева и Иммануил Великовские в Принстоне.

окутывающие Землю, заряженные частицы высокой энергии из солнечных вспышек. Нет электрически нейтральных космических объектов.

В споре с Эйнштейном правым оказался Великовский.

Иной была причина разногласий с другим большим ученым. Профессор Гарри Гесс, геолог, со студенческой скамьи впитал основы теории единообразия. Геологические эры и периоды, длившиеся десятки и сотни миллионов лет, были для него незыблемой истиной. И вдруг отказаться сейчас от всего этого, если прав Великовский? Отказаться от фундамента, на котором воздвигнуты все его работы? Он не мог согласиться с ним.

Гесс не мог также отказаться от помощи этому великому, как он считал, заблуждающемуся ученому. Немногое, увы, мог он сделать для него даже в своей исключительной научной позиции. Но предоставить ему аудиторию (Гесс знал, как нуждается в ней ученый) было во власти заведующего кафедрой геологии Принстонского университета.

Время от времени Великовский выступал с лекциями, которые охотно посещали не только студенты и аспиранты, но также преподаватели геологического факультета. 12 апреля 1961 года Великовский снова выступил на форуме аспирантов с лекцией «Как много великой ереси 1950 года осталось ересью в 1961 году?» Длинный список открытий и находок, подтверждающих его правоту и дискредитирующих его противников, не оставил аудиторию равнодушной.

После овации, устроенной Великовскому, молодежь расходилась убежденная в скорой победе его теории. Большинство профессоров, всеми силами стараясь удержаться на привычной позиции едино-

образия, понимали, что этот большой человек достоин лучшей участи. Иным должно быть отношение к нему ученого мира. По меньшей мере, как к равному.

Аудитория не могла знать, что через две недели американские радиоастрономы обнаружат еще один факт, предсказанный Великовским: температура поверхности Венеры 600° по Фаренгейту. Нет этому объяснения в рамках ортодоксальной теории о Солнечной системе.

Американский космический корабль «Маринер II», уже оборудованный для определения высокой температуры, в 1962 году обнаружил, что температура Венеры на 200° по Фаренгейту выше определенной радиоастрономами. В этом же году было обнаружено, что Венера вращается в сторону, противоположную вращению других планет, следовательно, она возникла не так, как другие планеты Солнечной системы.

История науки не знала такого количества открытий, сделанных различными учеными в относительно непродолжительный отрезок времени, подтверждающих какую-либо одну гипотезу. Но ни один из ученых, получивших удивительные и неожиданные результаты, не удосужился упомянуть Великовского, предсказавшего эти удивительные и неожиданные результаты. Название этому — непорядочность. Но в непорядочности нельзя упрекнуть всех американских ученых.

В декабре 1962 года в журнале «Science» появилось письмо двух видных профессоров:

«В свете последних открытий радиоволн Юпитера и высокой температуры поверхности Венеры мы считаем должным и справедливым сделать следующее заявление.»

14 октября 1953 года Иммануил Великовский, обращаясь к Форуму аспирантского колледжа Принстонского университета с лекцией, озаглавленной «Миры в столкновениях в свете последних находок в археологии, геологии и астрономии», заключил свое выступление следующим образом: «Планета Юпитер холодна, но газы ее в движении. Мне представляется вероятным, что она излучает радишумы так же, как Солнце и звезды. Я предсказываю, что это будет обнаружено». Вскоре после этого текст лекции был представлен каждому из нас (он был опубликован как добавление к книге Великовского «Земля в переворотах» /Даблдей, 1955/). Восемь месяцев спустя, в июне 1954 года, в письме Эйнштейну Великовский просил его использовать свое влияние, чтобы проверили радиослучение Юпитера. Письмо с этим предложением и замечками Эйнштейна на полях сейчас перед нами. Прошло еще десять месяцев, и 5 апреля 1955 г. Б. Ф. Бурке и К. Л. Франклин из Института Карнеги объявили о случайном обнаружении сильных радиосигналов, излучаемых Юпитером. Они принимали сигналы в течение нескольких недель, прежде чем идентифицировали их источник.

Это открытие явилось сюрпризом, потому что радиоастрономы никогда не предполагали, что такое холодное тело, как Юпитер, может излучать радиоволны.

В 1960 г. В. Радхакришна из Индии и Дж. А. Робертс из Австралии, работавшие в Калифорнийском технологическом институте, определили существование радиационного пояса, окружающего Юпитер, «дающего в 10^{14} раз больше радиоэнергии, чем дает пояс Ван Аллена, окружающий Землю».

5 декабря 1956 г. благодаря любезности Г. Г. Гесса, заведующего кафедрой геологии Принстонского университета, Великовский представил меморандум Американскому Национальному Комитету Международного геофизического года, в котором он предсказал существование земной магнитосферы, достигающей

Луны. Получение меморандума было подтверждено Е. О. Гельбуртом из Комитета. Магнитосфера была обнаружена Ван Алленом в 1958 году.

В последней главе «Мир в столкновениях» (1950) Великовский заявил, что поверхность Венеры должна быть очень горяча, хотя в 1950 году было известно, что температура поверхности облаков Венеры -25°C как на дневной, так и на ночной стороне».

В письме излагается, как ученые еще до 1959 года считали, что температура поверхности Венеры, только немного выше средней температуры Земли.

«Однако в 1961 году стало известно, что температура поверхности Венеры почти 600°C . Ф. Д. Дрейк описал это открытие, как «сюрприз... в области, где менее всего ожидали сюрпризы». «Мы могли бы ожидать температуру только слегка выше земной... Источники внутреннего нагревания (радиоактивность) не произведут повышения поверхностной температуры». Корнель Х. Майер писал: «Все наблюдения совпадают и говорят о температуре почти 600°C и допускает, что «температура значительно выше, чем кто-либо мог предсказать».

Хотя мы не согласны с теорией Великовского, наш долг сделать это заявление, чтобы установить приоритет Великовского в этих двух пунктах и предупредить, в свете этих предсказаний, что другие его заключения следует объективно проверить.

В. Бергман, кафедра физики Принстонского университета,

Принстон, Нью-Джерси.

Ллойд Мотц, кафедра астрономии Колумбийского университета,

Нью-Йорк».

Письмо Бергмана и Мотца, опубликованное в «Science», все же не изменило отношения ученого мира к Великовскому. Когда он послал в «Science»

свою статью «Некоторые дополнительные примеры правильных прогнозов», редактор Филипп Эйбельсон возвратил ее, даже не прочитав.

53. ПРОБУЖДАЕТСЯ СОВЕСТЬ НАУЧНОЙ АМЕРИКИ

Несколько раз молодой профессор Стечини упоминал имя Великовского в беседах с Альбертом де Грация, издателем и редактором «American Behavioral Scientist», журнала, издающегося в Принстоне. Он говорил о революционных теориях выдающегося, но непризнанного ученого, о позорном поведении научного истеблишмента, а вслед за ним — научной общественности.

Случилось так, что обремененный семьей, тяжелой работой армейского психолога, получением профессуры, организацией журнала и еще сотней дел де Грация не заметил бури, связанной с «делом Великовского». Даже имя это, несколько странное для американского уха, было ему не знакомо. А что касается гонений и прочего, то мир переполнен подобными историями, и респектабельному научному журналу не следует ввязываться в какие-то сомнительные споры.

...В тот вечер супруги де Грация были в гостях у его брата. Уже попрощавшись, де Грация случайно заметил книгу «Эдип и Эхнатон». Автор — Иммануил Великовский. Фамилия показалась ему знакомой. Да, конечно, он слышал ее от Стечини. Де Грация взял у брата книгу и, возвратившись домой, решил перелистать ее. Он изрядно устал и сегодня не был намерен читать. Но он не мог оторваться от книги, пока не дочитал ее до конца.

Уже утром, закрыв книгу, профессор психологии прежде всего подумал о том, какой величины психолог был способен создать такой труд. Мало того. Какая глубина знаний истории, классической литературы, искусства древнего мира! Какой язык и стиль изложения!

В тот же день де Грация позвонил Стечини и попросил познакомить его с Великовским. Благо, все они жили в Принстоне.

Общение с этим человеком произвело на де Грация еще большее впечатление, чем написанная им книга. Глаза за стеклами очков поражали необычным сочетанием юношеского блеска и печальной усталости. Эффект усиливался, когда Великовский поднимал очки на высокий лоб, обрамленный мягкими седыми волосами.

Узнав, что гостя интересует история восприятия его теории, Великовский широким жестом больших рук показал на папки, аккуратно стоящие на полке, на письменный стол и сказал:

— Пожалуйста, здесь вы найдете все, что может вас интересовать.

Через несколько дней де Грация уже не мог думать ни о чем другом, кроме «дела Великовского». Никогда в истории науки не было более документированного доказательства борьбы революционного нового с ортодоксальными взглядами. Де Грация познакомил с Великовским своего соредактора Ральфа Юргенса, и вместе со Стечини они решили посвятить «делу Великовского» один из выпусков «ABS». Это был сентябрьский выпуск 1963 года. В какой-то мере он пробудил совесть научной Америки.

Месяцем раньше, в августе 1963 года в журнале «Харпер'с» была опубликована статья Эрика Лара-

би «Ученые в столкновениях». Сейчас, 13 лет спустя, у Лараби появилась отличная возможность взять реванш за издевательства со стороны ученых, которым его подвергли за статью о «Мирах в столкновениях». Научные открытия последних лет, подтверждающие теорию Великовского, создали очень удобную позицию для этого.

Тринадцать лет назад на статью Лараби немедленно отреагировал директор обсерватории Гарвардского университета Харлоу Шапли. Сейчас на статью Лараби незамедлительно отреагировал директор обсерватории Гарвардского университета Дональд Менцель. Письмо Менцеля в «Харпер'с» было настолько оскорбительным для Лараби, что автор, то ли сам подумав, то ли посоветовавшись с думающими людьми, сразу же попросил редакцию вернуть ему его произведение, послав взамен другое письмо, более оскорбительное для Великовского, чем для Лараби. Редакция «Харпер'с» была вынуждена убрать наиболее неприемлемые фразы, прежде чем опубликовать это письмо в декабрьском номере.

Менцеля привело в ярость описание его «количественного опровержения диких гипотез Великовского», которым он усилил пасквиль Пайн-Галошкин в «Протоколах АФО» в 1952 году, и сопоставление с этой статьей работы профессора Бейли. Копию своего письма в «Харпер'с» Менцель послал в Сидней.

В 1960 году, когда австралийский профессор опубликовал свою работу, он не имел представления ни о книге Великовского, ни о статье Менцеля. Сейчас гарвардский астроном, спасая свой авторитет, написал Бейли, что тот ошибся в подсчетах. Бейли был возмущен поведением американского коллеги. Он не собирался поддерживать неизвест-

ного ему Великовского. Он не собирался дискредитировать безграмотную статью Менцеля. Он просто служил Истине. Профессор Бейли обратился в «Харпер'с». В письме он изложил эту позицию и указал на арифметическую ошибку в опровержении Менцеля.

Может возникнуть резонный вопрос, действительно ли гарвардский профессор не знает четырех действий арифметики?

Редакторы «Харпер'с» повели себя весьма странно. Они отказались опубликовать письмо Бейли и разрешили Менцелю исправить арифметическую ошибку, даже не указав, как это исправление влияет на его аргументы. Лараби безуспешно пытался воспротивиться этому.

Статья Менцеля в декабрьском выпуске «Харпер'с» типична для критиков Великовского. Все предвидения Великовского, писал Менцель, случайны. Предсказание им высокой температуры Венеры вообще нельзя принять всерьез. Что значит высокая температура? Жидкий воздух горяч в сравнении с жидким гелием, так как температура первого -196°C , а второго -269°C .

Возможно, такой схоластический прием мог произвести впечатление на тех, кто, подобно большинству критиков Великовского, не читал «Миры в столкновениях». Читавшие книгу легко могли убедиться только в непорядочности Менцеля. Венера настолько горяча, писал Великовский, что нефть на ней должна гореть, если в атмосфере планеты присутствует кислород. Менцель забыл добавить, что, если следовать его логике, нефть воспламеняется при температуре жидкого воздуха.

Менцель высокомерно заявил, что язык ученых понятен только ученым. Обывателю нечего совать-

ся в их дела. В своем ответе обыватель Лараби преподал отличный урок ученому Менцелю: на шести примерах научных сообщений гарвардского астронома Лараби показал их абсолютную несостоятельность. Вероятно, ни один ученый еще не подвергался подобной публичной порке.

Лараби заключил свою статью словами: «Великовский привел свидетельства из нескольких других областей знаний, в частности, из геологии и археологии. Сломав барьеры между дисциплинами, он пришел к заключениям, которых ни одна дисциплина не могла достигнуть независимо. Это истинная природа его вызова, и это фундаментально».

Профессор Мотц откликнулся на статью Лараби и написал, что, хотя лично не согласен с теорией Великовского, он поддерживает его право представить свои идеи. «Написанное им должно быть тщательно изучено и проанализировано, потому что это продукт экстраординарного и блестящего мышления, и основано на наиболее концентрированной и всепроникающей учености нашего времени».

54. ВЫ ЗАСЛУЖИВАЕТЕ БЫТЬ БЕСПРИСТРАСТНО ВЫСЛУШАНЫМ

Параллельно дискуссии в «Харпер'с», окончившейся в январе 1964 года, и выпуску «ABS», посвященного Великовскому, произошла цепь событий, начало которой связано с письмом профессора Гесса.

Поведение редактора «Science» Эйбельсона возмутило его. Еще 15 марта 1963 года Гесс написал Великовскому:

«Дорогой Великовский.

В философском смысле нас разделяют мили, потому что мы, в основном, не принимаем логических рассуждений друг друга. Естественно, я абсолютно убежден в вашей искренности, а также восхищаюсь безбрежным фондом информации, которую вы усердно приобрели в течение лет.

Я не собираюсь быть обращенным в вашу форму рассуждений, хотя она определенно преуспела. В конце концов вы предсказали, что Юпитер окажется источником радиошумов, что у Венеры высокая температура поверхности, что Солнце и тела Солнечной системы обладают высоким электрическим зарядом и сделали еще несколько других подобных предсказаний. По поводу некоторых из этих предсказаний, когда они были сделаны, говорили, что они невозможны. Все они были предсказаны задолго до испытаний, подтвердивших их правильность. И наоборот, я не знаю ни одного специфического предсказания, сделанного вами, которое оказалось бы неправильным. Я подозреваю, что ваши достижения объясняются хорошей основательной подготовкой в естественных науках и тем, что вы абсолютно свободны от предубеждений и вероятных «табу», которые ограничивают мышление большинства из нас.

Независимо от того, правы вы или ошибаетесь, я верю, что вы заслуживаете быть беспристрастно выслушанным.

Сердечный привет.

Г. Г. Гесс».

Эйбельсон не желал выслушать Великовского — ни беспристрастно, ни даже пристрастно.

В ту пору Гесс был президентом Американского геологического общества, ученым, чье общественное положение должно было оказать несомненное воздействие при решении вопроса о публикации. Гесс предложил Великовскому представить статью «Венера — юная планета» в «Протоколы Амери-

канского философского общества». Весной 1963 года статья Великовского вместе с рекомендательным письмом Гесса, виднейшего члена АФО, попала в руки редактора «Протоколов» Джоржа Корнера, того самого профессора Корнера, который был председателем на филадельфийском заседании АФО в 1952 году, предоставил Великовскому слово и под овации аудитории проводил его в зал.

Только через полгода после получения статьи Корнер ответил Гессу, что редакционная коллегия собиралась несколько раз, что мнения членов разошлись, что решено положиться на мнение нескольких видных представителей АФО, не состоящих в редколлегии.

Корнер не написал, что на заседаниях дело чуть не доходило до драки между сторонниками и противниками публикации. Это кажется почти неправдоподобным, но наиболее активным сторонником публикации был профессор Эдвин Боринг, тот самый, который на филадельфийском заседании АФО избрал Великовского мишенью своего злословия. Еще в 1954 году он обвинял Великовского в том, что во имя собственного «я» тот не считается с фактами, хотя именно себя он должен был обвинить в этом. Но выступая по поводу публикации «ABS» в Нашвилльском колледже осенью 1963 года, Боринг продемонстрировал изменение своей позиции в старом споре с Великовским и даже частично обвинил гарвардского коллегу Шапли. Он рассказал о баталиях в редколлегии «Протоколов», о безуспешной попытке протащить статью Великовского в возглавляемый им отдел писем.

20 января 1964 года Корнер известил Гесса о том, что статья Великовского была послана выда-

ющемся историку науки, выдающемуся социологу и астроному высокой квалификации. «После предельно тщательной дискуссии, на которой были рассмотрены все возможные пути в этом вопросе, редколлегия решила, что Общество не должно публиковать эту статью...»

Отношение «делающих политику» в науке не менялось, хотя во всех университетских городках, во всех исследовательских институтах широко обсуждался сентябрьский выпуск «ABS».

В статье «Системы восприятия науки» Альфред де Грация писал: «Тактика силы обычно применяется для подавления нежелаемого мнения и манипуляций желаемым. В системе восприятия науки это проявляется в двух сферах — профессиональное мнение и общественное мнение... Подавление или воздействие на профессиональное мнение в деле Великовского проявлялось следующим образом: а) При личной коммуникации до и после опубликования книги Великовского... б) Письмами и «корреспонденцией комитетов»... в) Добиваясь отречений... (Смещением сопротивляющихся с их позиций)... г) Техникoй недопущения и избегания публичных дискуссий, сопротивления доступу к научным форумам и недопущения научных публикаций...» Каждый параграф подробно развернут и иллюстрируется примерами тактики силы против теории Великовского и против самого автора теории.

Письмо Корнера еще раз подтвердило, что статья де Грация написана не только о прошлом, но и о настоящем...

55. НЕВЕЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ ПРОТИВ КОСМОГОНИСТА

Книга «Миры в столкновениях» была издана в мягком переплете. Тираж раскупили мгновенно. Все большее число читателей убеждалось в справедливости утверждения профессора де Грация: «Иммануил Великовский выдвинул синтетическую теорию высшего порядка. Он перестроил классическую хронологию. Он извлек важную правду из древних источников, от которых отказалась наука. Заново открыт глубинный опыт наших предков. Таким образом он дал нам новое понимание природы человека.

Он показал, что настоящий порядок Солнечной системы всецело нов и управляют им не учитывавшиеся силы. Он нанес удар значительной части дарвиновского объяснения эволюции. Он опрокинул различные большие геологические теории и вместо них предложил свои теории. Он заполнил пространство, считавшееся вакуумом.

Значительная часть его истин рассеяна на исторических и современных путях науки. Как биты информации и фрагментарные теории они малоценны или вообще не имеют значения для многих ученых и исследователей, которые могли едва взглянуть на них и отвернуться. С редким воображением и совершенным мастерством он объединил их в теории большого охвата, компактности и целостности. И хотя не все его теории вне критики, как космогонист он находится в компании Платона, Аквинского, Бруно, Декарта, Ньютона и Канта».

В редакцию «ABS» и непосредственно Великовскому были посланы сотни писем, выражающих уверенность в том, что близится время признания

выдающегося вклада в науку, сделанного Великовским. Только Варен Вивер писал, что он удивлен и разочарован позицией серьезного журнала.

Великовскому трудно было подавить бурю эмоций, вызванную письмом Латама, главного редактора издательства «Макмиллан». Все пережитое с того момента, когда пришло письмо О'Нейла, до бурного разговора с директором компании пронеслось перед его мысленным взором. Сейчас, в 1963 году, Латам писал, что он не перестает сожалеть по поводу капитуляции компании «Макмиллан». В Латаме Великовский не сомневался. Но что, кроме едва ощутимого удовлетворения, дает это запоздалое сожаление?

Статья Лараби и специальный выпуск «ABS» «загнали в угол» научный истеблишмент Америки. Следовало немедленно что-то предпринять, чтобы сохранить лицо. На сей раз роль спасателя взял на себя редактор «Bulletin of the Atomic Scientists» Евгений Рабинович. Незадолго до этого он издал книгу, в которой декларировал, каким прекрасодушным, нетерпимым к догме и открытым для новых идей должен быть истинный ученый. Позже Евгений Рабинович в письме к Гессу признается, что он не прочитал ни единой книги Великовского

«На протяжении всей истории восприятия Великовского наукой все тот же феномен проявлялся снова и снова, — писал Ральф Юргенс. — Один выдающийся ученый за другим предпринимает критику автора и его теории: сделав это, он сообщает, — не без налета гордости, — что не читал его книг».

Как и другие критики Великовского, не читавшие его книг, «прекрасодушный, нетерпимый к

догме и открытый для новых идей» Рабинович заранее знал: Великовский не прав и подлежит преследованию. Для этой цели он мобилизовал своего вашингтонского корреспондента Марголиса.

В 1964 году в апрельском выпуске «Bulletin» появилась его вульгарная и малограмотная статья «Великовский несетя снова». Марголис допустил пятьдесят четыре смысловых ошибки и извращения, демонстрирующих абсолютное незнание материала и просто вопиющее невежество.

Среди более чем 25000 читателей «Bulletin» было определенное число специалистов, понимавших, о чем идет речь. Даже противников Великовского шокировала безграмотная стряпня Марголиса. Наглый журналист, не знающий ни одного языка, кроме английского, решил сразиться с Великовским на филологической почве. Самые видные ученые-ориенталисты, противники Великовского, не могли обнаружить у него ошибки. И вдруг этим занялся невежда, не знающий разницы между манускриптом и камнем с высеченными на нем иероглифами.

В свое время Эрик Лараби сотрудничал в «Bulletin». Он договорился в редакции, что его статью-ответ Марголису поместят в ближайшем выпуске. Но в последний момент Лараби известили, что «Bulletin» не может принять его статьи.

12 мая 1964 года Альфред де Грация направил Рабиновичу гневное письмо. Он потребовал, чтобы редактор «Bulletin» опроверг искажения в статье Марголиса. Он сообщил, что читатели и советники «ABS» требуют предпринять активные действия, вплоть до судебного иска редактору «Bulletin», но, руководствуясь научной коллегиальностью, он согласен разрешить конфликт мирным

путем, если Рабинович поведет себя соответственно этике ученого.

Рабинович ответил 23 июня 1964 года. Он писал, что журнал не может нести ответственности за клеветнические заявления (сознался все-таки, что статья содержит клеветнические заявления!), однако он согласен опубликовать статью Великовского, если она будет представлена высокопоставленным ученым.

Перед Великовским открывалась великолепная возможность продемонстрировать читателям «Bulletin» невежество Марголиса и методы, применяемые для подавления революционной теории. «Но зачем? — рассуждал Великовский. — Люди не становятся честнее и лучше даже под давлением фактов. Не лучше ли использовать предоставленное ему пространство в научном журнале для опубликования материала, отвергнутого «Протоколами»?»

Профессор Гесс представил в «Bulletin» статью Великовского «Венера — юная планета». 8 сентября 1964 года Рабинович сообщил Гессу, что «Bulletin» не может опубликовать эту статью, так как их журнал не публикует научный материал, подлежащий дискуссии. Еще одна ложь.

В октябрьском выпуске «ABS» опубликовали статью Марголиса с анализом всех пятидесяти четырех ошибок. Это было очень смешно и убедительно. Но для кого?

56. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЕЩЕ ОДНОГО ПРЕДСКАЗАНИЯ

Письмо доктора Элизабет Ральф, заведующей радиологической лабораторией Пенсильванского универ-

ситета, от 25 февраля 1964 года обрадовало Великовского. Дважды он перечитал его. Он не сомневался в том, что результаты радиоизотопных исследований подтвердят правильность его хронологии.

Восемь лет назад душеприказчики Эйнштейна обратились в Метрополитен-музей с просьбой провести радиоуглеродные исследования некоторых образцов древнеегипетской культуры для определения их возраста. В этом нет нужды, ответили сотрудники музея. Египетская хронология точна и не нуждается в ревизии какого-то Великовского. Возможно. Но хотя бы из уважения к памяти Эйнштейна следовало выполнить его предсмертную просьбу. Хорошо, говорили душеприказчики Эйнштейна сотрудникам Метрополитен-музея, допустим, вы правы. Но почему бы не доказать свою правоту объективными исследованиями? На это сотрудники музея отвечали, что у них нет материала для исследования.

Великовский пытался заинтересовать другие музеи, в частности, музей Пенсильванского университета. Его директор доктор Ф. Рейни в письме от 7 октября 1959 года высказал недоумение, зачем нужны радиоуглеродные исследования для доказательства правильности египетской хронологии? Кроме того, писал он, радиоуглеродная лаборатория музея на многих сотнях образцов уже установила их удивительную близость к датам, определенным археологами.

Через два года в письмах из других музеев неизменно повторялось, что никогда прежде радиоуглеродные исследования образцов египетской культуры не производились, что эти исследования вообще не нужны и что весь имеющийся материал радиоактивно загрязнен.

Ф. Рейни солгал. Но если бы только он один!

В беседе с доктором Дейвидом Бейкером, профессором религии в Урсинус колледже, Рейни с изумлением говорил о непонятном противоречии между временем, установленным на основании радиоизотопных исследований, и конвенциональным датированием археологических находок. Разница примерно в 600 лет. Рейни признался, что именно сейчас их лаборатория, Британский и Лейденский музеи усиленно работают, пытаясь установить причину этих вопиющих противоречий.

Желая помочь Великовскому, профессор Клод Шаефер послал для радиоизотопного анализа материал из раскопок Рас-Шамра в адрес физического факультета Пенсильванского университета. Шаеферу сообщили, что данные исследования не соответствуют хронологии, следовательно — неправильны, вероятно, потому, что присланный им материал был радиоактивно загрязнен. Ему также написали, что музей университета располагает неопубликованными данными радиоуглеродных исследований материала, относящегося к Новому царству в Египте. Речь, по-видимому, шла о тех самых «странных» отклонениях в 600 лет, о которых Рейни говорил профессору Бейкеру. Шаефер ответил, что лично он опубликовал бы любые результаты, потому что его «не интересуют мнения и хронологические схемы, а только прогресс знания».

В 1956 году Клод Шаефер писал Великовскому, что «правда нуждается во времени, чтобы быть воспринятой». Эту фразу он повторил и сейчас в письме пенсильванским ученым. Он не скрывал, что убедился в правильности хронологии, реконструированной Великовским.

Рейни отлично понимал, что именно происходит. Когда Бейкер спросил его: «Следует ли считать, что в течение ближайших нескольких лет мы должны ожидать резких изменений дат ранней египетской истории?», Рейни ответил: «Да, и не только египетской истории, но также хронологии всего античного мира, в особенности Ближнего Востока».

Сразу же после этой беседы профессор Бейкер познакомился с доктором Элизабет Ральф, заведующей радиологической лабораторией музея. Он увидел в ней серьезного, преданного науке ученого. Доктор Ральф подтвердила слова Рейни о разногласиях между возрастом образцов, обнаруженным радиоуглеродным исследованием, и их возрастом согласно конвенциональной хронологии. (Она ничего не знала о подобных исследованиях в Британском и Лейденском музеях. С горечью она заметила, что «нынешний египтолог университета не очень заинтересован» в ее работе. «Возможно, в будущем будет иначе».

В ту пору Великовский познакомился с профессором Принстонского университета Бутрусом Абу эль Маликом, другом доктора Заки Искандера Хана, главного химика Египетского музея в Каире. В письме в Каир профессор Малик упомянул, что его принстонский приятель заинтересован в радиоизотопном определении возраста мумии Рамзеса III. Доктор Ральф была готова исследовать материал, присланный из Каира.

Представленные друг другу профессором Бейкером доктор Ральф и Великовский прониклись взаимным уважением и симпатией.

Итак, нужен был материал из Каира. И тут представилась оказия. Мюнхенская знакомая Вели-

ковского — фрау Фур — направлялась в Каир. Великовский послал ей рекомендательное письмо профессора Малика, благодаря которому доктор Искандер оказал ей восточное гостеприимство. Сомневаясь в том, что мумия действительно является мумией Рамзеса III, доктор Искандер предложил три образца дерева из гробницы Тутанхамона, — всего 26 граммов. Великовский попросил фрау Фур направить образцы не ему, личности заинтересованной, а непосредственно в лабораторию.

Великовский предвидел, что возраст дерева может быть старше даты смерти Тутанхамона не только потому, что, как считал доктор Искандер, гробница была изготовлена из дерева, срубленного за тридцать лет до его употребления. В Египте дерево всегда было ценным материалом и нередко употреблялось повторно. Кроме того, если дерево росло 100—200 лет, то радиоуглеродный анализ образцов центральной части определит дату, на одно-два столетия предшествующую времени когда срубили дерево. Поэтому, считал Великовский, предпочтительнее было бы исследовать коротко живущие растения например, тростник. Но Великовский был рад и тому, что есть.

И вот сейчас перед ним письмо доктора Ральфа, в котором она сообщает о результатах исследования. В зависимости от периода полураспада изотопа углерода возраст образцов дерева, присланных из Каира, — 1030 ± 50 год до нашей эры, или 1120 ± 52 год до нашей эры. Согласно хронологии Великовского, Тутанхамон умер примерно в 840 году до нашей эры, что вполне согласуется с данными радиоуглеродного исследования. Но как согласовать эти данные с конвенциональной хроно-

логией, утверждающей, что Тутанхамон умер в 1343 году до нашей эры?

Объективное исследование снова подтвердило правильность теории Великовского.

Еще в 1953 году он обратился к профессору Либби, автору метода радиоуглеродного исследования, впоследствии получившему за это Нобелевскую премию, с просьбой проверить некоторые даты. Либби ответил быстро и сердечно, но отказался провести исследования, «так как он весьма не сведущ в египетской истории». Спустя одиннадцать лет в «Science» появилась статья Либби о соответствии между радиоуглеродными исследованиями и конвенциональной хронологией на основании одного анализа дерева времен фараона Сети. Это полностью противоречило многочисленным данным, полученным в Пенсильванском университете. Элизабет Ральф даже предположила, что Либби исследовал дерево, употреблявшееся во времена, предшествовавшие царствованию Сети. Вполне возможно. Ведь Либби признался в том, что «он весьма не сведущ в египетской истории».

В письме от 2 марта 1964 года Великовский заинтересовался у Элизабет Ральф, когда будут опубликованы полученные ею данные. 6 мая 1964 года она ответила, что Рейни категорически возражает против публикации этих данных, планируя объединить их с данными предыдущих исследований.

Профессор Е. Дриотон, выдающийся египтолог, директор египтологического отдела Луврского музея, прочитав «Века в хаосе», сказал, что работа Великовского заставит пересмотреть и исправить историю не только Египта, но и всего Ближнего Востока. Прошло 12 лет. Объективные данные подтвердили необходимость пересмотра и исправ-

ления конвенциональной хронологии. Но ученые не торопились служить Истине.

У читателя еще будет возможность убедиться в том, что на этом не окончилась история с радиоуглеродными исследованиями...

Великовский долго не мог оторваться от письма. Если бы Эйнштейн мог прочитать его! Впрочем, к концу своих дней он перестал сомневаться в реконструированной Великовским истории.

Сложнее обстояло дело с твердокаменным сторонником теории единообразия Гарри Гессом. Все же Великовский не терял надежды, что новые открытия в геологии и палеонтологии в конце концов возьмут верх над системой ценностей, усвоенной этим честным и добрым человеком. Но какие дополнительные доказательства нужны историкам, чтобы уже сегодня они согласились с правильностью реконструированной хронологии древнего мира?

Во время археологических раскопок в 1950 году было установлено, что стены Иерихона рухнули в то время, когда в Египте завершилось Среднее царство. Согласно конвенции опальной истории, Исход произошел через пятьсот лет после конца Среднего царства. Следовательно, подойдя к Иерихону, израильтяне должны были увидеть давно разрушенные крепостные стены. Но Библия описывает, что крепостные стены были разрушены во время осады Иерихона израильтянами. Согласно хронологии Великовского, это произошло именно в конце Среднего царства. В рамках реконструированной истории нет никаких противоречий между письменными свидетельствами и находками археологов.

Великовский вспомнил еще одно археологическое исследование. Израильский профессор Игал

Ядин, в прошлом генерал-лейтенант, начальник генерального штаба Армии Обороны Израиля, установил, что Хацор был важным городом в период владычества гиксосов. В Библии описано, что израильтяне воевали с Хацором под предводительством пророчицы Деборы. Если следовать конвенциональной истории, этой войны не могло быть, потому что израильтяне появились в Палестине примерно через пятьсот лет после падения Хацора. Но находки Ядина, подтвердившие правильность библейского описания, — хотел он этого или нет — полностью согласуются с реконструированной хронологией. Игал Ядин опубликовал свои данные, не упомянув Великовского. Кто знает, появилась ли бы в печати его статья, будь в ней ссылка на Великовского?

Горько было думать об этом. Тем более, что в данном случае примешивались эмоции, не имеющие отношения к науке.

57. УНИВЕРСИТЕТЫ ОТКРЫВАЮТ ДВЕРИ. «КОСМОС И ХРОНОС»

В 1964 году университеты приоткрыли двери аудиторий, чтобы из уст самого Великовского услышать о его «крамольных» гипотезах. До этого только благодаря стараниям Гесса о них слышали в Принстоне из уст автора. 13 февраля 1964 года Великовский опять выступил перед Форумом аспирантов Принстонского университета. Снова, как и прежде, лекция произвела неизгладимое впечатление на аудиторию. Снова несогласные с теорией Великовского профессора заявляли, что впечатление зависит не столько от того, что он излагает, —

хотя, конечно, знаний у этого человека хватило бы на десяток профессоров, — сколько от того, как он это преподносит. Трудно понять, в чем именно заключается волшебная сила его речи, несмотря на непреодолимый русский акцент.

Отношения между Великовским и Гессом претерпели существенную эволюцию — от взаимной симпатии двух интеллигентных людей до дружбы, несмотря на то, что оба исповедовали различные философские концепции. Без громких слов и жестов Гесс снова продемонстрировал, что значит быть другом.

С интересом и нетерпением Принстон ожидал публичную дискуссию между Великовским и Колином Питтендраем по поводу дарвиновской теории эволюции. Несколько лет назад Питтендрай, профессор биологии Принстонского университета, пришел в гости к Великовскому.

Питтендрай признался коллегам, что несмотря на диаметрально противоположные позиции в биологии он не может устоять перед уникальным интеллектом Великовского, перед огромным запасом знаний и личным обаянием этого необычного человека. Конечно, он не согласен с ним, но общение с Великовским доставляет ему огромное удовольствие. Противникам, встречающимся за шахматной доской, вовсе не нужна общность мировоззрения, чтобы насладиться встречей.

Сейчас профессор Питтендрай поставил условие: во время дискуссии Великовский не должен приводить проблему вымерших видов животных как аргумент против дарвиновской теории.

Помилуйте, говорил Великовский, но это подобно состязанию на ринге двух боксеров, у одного из которых связаны руки.

Отношения между участниками предстоящей дискуссии становились напряженными. Но Великовский не мог отказаться от защиты своей позиции во время дискуссии.

Гесс не хотел, чтобы уменьшилось число людей, поддерживающих приятельские отношения с Великовским. Походя, словно делает нечто совсем несущественное, он предложил себя оппонентом вместо Питтендрая.

Это проявление дружбы до глубины души растрогало Великовского.

В обществе Вудро Вильсона в Принстонском университете Великовский прочитал лекцию 16 марта 1964 года. В апреле и мае состоялись его лекции в Киука-колледже — в Обурн-колледже, и в Юнион Карбайд. Всюду — восторженный прием. Всюду уверенность студентов и молодых ученых в том, что близок день полного и всеобщего признания неопределимых заслуг Великовского перед наукой. Всюду реакция несогласных с Великовским профессоров: конечно, он не прав, но это необыкновенный человек! В Юнион Карбайд не оказалось несогласных. Инженеры восприняли доказательства Великовского как само собой разумеющееся.

В сентябре старый верный друг Гораций Кален организовал выступление Великовского в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Очередной триумф был воспринят Каленом как личный успех.

К началу лета 1965 года «Миры в столкновениях» были изданы в США в твердых переплетах 16 раз, в Англии — 15 раз. Тринадцать изданий выдержала в Англии «Земля в переворотах». В это время компания «Дельта» осуществила первое из-

дание «Миров в столкновениях» и «Земли в переворотках» в мягких переплетах.

Могли ли Шапли и ему подобные оставить такое событие «не отмеченным», тем более, что исполнилось 15 лет после выхода в свет первой книги Великовского и все, предсказанное им, подтвердилось и ни одно из его предсказаний не было опровергнуто? Могли ли Шапли и ему подобные прекратить разрушительные действия против Великовского, если несмотря на их титанические усилия его популярность в научном мире росла, а его отвергнутые и оклеветанные теории с каждым годом все прочнее укреплялись в науке?

Гарвардская обсерватория делала все возможное, чтобы опорочить Великовского. Верный старому Шапли, Менцель старался не менее Пайн-Гапошкин. Кое-что пока получалось. Но, если честно признаться, это — поражение. От человека, не причастного не только к астрономии, но и вообще к точным наукам.

Когда летом 1963 года до Шапли дошел слух о том, что «News Week» готовит статью о Великовском в связи с открытиями американского космического корабля «Маринер II», он позвонил в редакцию и, придав своему голосу былую снисходительную уверенность, посоветовал не делать такой глупости.

В редакции встревожились. Черт его знает, кто прав? С одной стороны, вроде бы абсолютно определенные открытия и абсолютно определенное предсказание этих открытий, с другой — старый Шапли. Он-то ведь что-то знает. В «News Week» статья не появилась.

Зато сейчас, летом 1965 года, в приложении к «Геральд трибюн» — «Book Week» — в Нью-Йор-

ке, в «Вашингтон пост» и в «Examiner» в Сан-Франциско появилась еще одна рецензия на «Миры в столкновениях», написанная Вилли Лей, автором популярных произведений о космических путешествиях. То ли уровень Лея был не выше развлекательных писаний о ракетах, то ли он выполнял заказ Шапли и ему подобных, но рецензия содержала старые, пятнадцатилетней давности аргументы гонителей Великовского, приправленные невежественными замечаниями автора.

«Book Week» предложил Великовскому ответить на эту рецензию. 9 сентября 1965 года была опубликована большая статья Великовского. Бедный Лей! Великовский воспользовался возможностью выпороть в его лице всех своих критиков.

Профессор Кален получил большое удовольствие от этой статьи. Великовскому он написал по этому поводу: «Я думаю, ты вогнал Лея в позицию, из которой ему будет очень трудно выбраться».

Старый добрый Кален следил за успехами Иммануила и радовался им. Преданный науке ученый, он давным-давно был уверен, что все станет на свои места. Пройдет лет десять. Улягутся страсти. Новые открытия подтвердят гипотезы Иммануила. Наука — это река, несущая воды фактов в море истины. Все образуется. Гораций Кален исходил из своих моральных принципов, считая, что они свойственны любому человеку, считающему себя ученым. Он ничего не знал о том, что недруги Иммануила, не прочитавшие ни единой строчки в его работах, продолжают вести себя точно так же, как тогда, когда вышли в свет «Миры в столкновениях». Он знал о многочисленных приглашениях, посланных Великовскому из различных уни-

верситетов. Этим определялась мера успеха Иммануила, следовательно, правильность давнего прогноза, сделанного Каленом.

Действительно, приглашения поступали из многих университетов. Но произошло нечто более важное для Великовского.

Примерно через месяц после второй лекции у Калена в Новой школе социальных исследований, 18 января 1965 года, в Принстонском университете была создана группа «Космос и хронос». Это был единственный в своем роде симпозиум, собиравшийся периодически в течение нескольких лет для обсуждения проблем, связанных с теориями Великовского. Инициатором создания группы «Космос и хронос» был профессор Гесс.

Видные ученые, представители различных областей знаний, собирались в разных университетах Америки, чтобы обсудить очередной доклад Великовского. Случалось так, что значительная часть членов симпозиума, подобно Гессу, не была согласна с концепцией докладчика. Но в группе «Космос и хронос» обсуждение всегда носило строго научный характер. Неопровержимые аргументы Великовского постепенно убеждали все большее число оппонентов сделать очередной шаг, приближающий их к его позиции.

В феврале и марте 1965 года Великовский выступил с лекциями в Кентском колледже, в Оберлин-колледже, в большой аудитории знаменитого Технологического института Карнеги и Питсбургского университета, в университете Брауна...

Май 1965 года можно было назвать месяцем триумфального шествия Великовского по Америке: 3 и 4 мая лекции в Квинс-колледже, 6 — лекция на физическом факультете университета Дюка, на

следующий день — выступление перед аспирантами политических наук этого же университета. Естественно, темы лекций, прочитанных физикам и гуманитариям, были различными. 10 мая состоялась лекция Великовского в Американском университете, 17 мая — в колледже в Гласборо. 19 мая — в Колумбийском университете. 26 мая Великовский с блеском выступил перед наиболее взыскательной аудиторией Американского института авиации и аэронавтики и Американского технологического института в Нью-Йорке.

У Горация Калена были основания радоваться успеху друга, которому в июне исполнилось семьдесят лет.

15 октября Великовский прочитал две лекции: одну — в Корпорации любителей астрономии, вторую — в Объединенном юношеском колледже. Молодежь принимала его восторженно. Как правило, люди сорока-пятидесятилетнего возраста кажутся юношам стариками. Великовский, который даже ровесникам казался мудрым патриархом, воспринимался молодежью как сверстник.

Лекции Великовского на Форуме аспирантского колледжа Принстонского университета стали традицией, оставаясь, тем не менее, значительным событием. Сменялись поколения. Но в Принстоне не забывали о первой лекции Великовского на Форуме 1953 года, о предсказании им великих открытий. Сейчас, 27 октября 1965 года, Великовский снова выступал с лекцией на Форуме аспирантов. Как и обычно, как и в других университетах, зал был заполнен до отказа.

Через две недели Великовский повторно выступил в Принстонском университете с другой лекцией. Еще через две недели, 23 ноября, студенты

и преподаватели Принстонской Теологической семинарии услышали блестящую лекцию о научной ценности Библии. Лекция в Конгрегации Бней Иешурун была увлекательным рассказом о мостах между религией и наукой.

В 1966 году Великовский впервые прочитал курс лекций в университетах Калифорнии. В марте он выступил в Темпл-университете в Филадельфии, в апреле — в Свэртмор-колледже и в Иельском университете.

Лекция в Иельском университете «Пирамиды. Их цель и ориентация» произвела на аудиторию такое впечатление, что слушавшие Великовского ученые сочли своим долгом как-нибудь помочь ему в пропаганде его идей. Это нашло свое выражение в специальном выпуске Иельского научного журнала через год после визита Великовского.

В мае 1966 года Великовский прочитал лекции в университете Дрю и в баптистском Истерн-колледже.

Даже злейшие недруги, сжав зубы, говорили о писательском и лекторском таланте Великовского. Правда, успех лекций они объясняли его «гипнотизерскими» способностями.

Историк науки, просмотрев кинофильмы, видеокассеты и прослушав магнитофонные записи лекций Великовского, сможет убедиться в том, что не «гипнотизерские способности» — причина их неслыханного успеха, а содержание, логика фактов, глубокое знание огромного материала и феноменальная память, позволявшая Великовскому, отвечая на вопросы, мгновенно ссылаться на научную литературу в различных областях знаний.

58. «ДЕЛО ВЕЛИКОВСКОГО»

В знойный июльский день 1966 года у дома номер 76 на Хартли авеню остановился мотоцикл. Двое симпатичных юношей неожиданно, не предупредив заранее о своем визите, нагрянули к Великовским. Они приехали в Принстон из Нью-Йорка с официальной миссией. Оказывается, в Бруклине существует Общество обозревателей небес, объединяющее студентов и старшеклассников — любителей астрономии. На своем собрании молодые люди единогласно избрали Великовского почетным членом общества.

Великовский мысленно улыбнулся, оставаясь внешне абсолютно серьезным. Пфейфер, Адамс, Эйнштейн, Гесс, даже споря с ним по поводу его теории, даже не соглашаясь с ней, отлично понимали, чего он стоит как ученый. Еще в большей степени это относится к Калену, Шаеферу и другим, которые считают его величайшим ученым. В университетах, в научных обществах после его лекций аудитории стоя устраивают ему овации. Но никто еще не избирал его своим почетным членом. (Спустя десять лет профессор Рансом скажет по поводу книги «Эдип и Эхнатон», что третья степень по литературе была бы гарантирована за менее существенное исследование.)

И вот сейчас два юных посланца, промчавшись на мотоцикле около 150 километров, явились объявить об избрании его, 71-летнего старика, членом молодежного общества. Забавно, даже смешно. Но приятно. Потому что устами младенцев, как говорится, глаголет истина.

Пока Элишева поила посланцев чаем, Великовский внимательно слушал их рассказ об Общест-

ве, об увлечении астрономией, о Бруклине. В знак благодарности за избрание его почетным членом Великовский пообещал юношам написать статью для их журнала. Разумеется, он выполнил обещание.

Лекции, дискуссии, участие в симпозиумах отнимали уйму времени и сил. Стал ощущаться возраст. Тем не менее, Великовский продолжал работать почти с прежней интенсивностью. Он посылал Гессу меморандумы с четко обоснованными предложениями программы исследований космического пространства.

Ученые и журналисты отметят потом, что, если бы NASA строила космические проекты согласно предложениям Великовского, это сэкономило бы американским налогоплательщикам многие десятки миллионов долларов.

Великовский внимательно следил за всем новым, появляющимся в астрономии, биологии, геологии, палеонтологии и истории. Ежемесячно он прочитывал и просматривал сотни журналов на английском, немецком, русском и французском языках.

Еще в 1954 году в Лондоне была издана книга Вилфрида Фрэнсиса «Уголь, его образование и состав». Среди прочих теорий автор рассматривал точку зрения Великовского и Нильсона об образовании угля в результате катастроф. Второе издание книги появилось в Лондоне в 1961 году. Фрэнсис писал: «Эти свидетельства строго поддерживают теорию, согласно которой обугливание произошло во время интенсивных лесных пожаров, потушенных наводнением прежде, чем леса были полностью уничтожены. Эти свидетельства хорошо совпадают с теорией образования угля, предложенной Великовским».

А сейчас, в 1966 году в «Science» появилась статья Оро и Гана, в которой черным по белому было написано, что ароматические и другие углеводы могли возникнуть во время столкновения между планетой и кометой. Это было еще одним подтверждением теории Великовского об образовании нефти. Возможность образования нефти миллионы лет назад, что было одним из постулатов теории единообразия, уже давно была поставлена под сомнение, когда радиоуглеродным методом было установлено, что нефть, поднятая со дна Мексиканского залива, не старше 9000 лет.

Идеи Великовского подтвердились в астрономии, геологии, палеонтологии, истории. Это не могло не привлечь внимание всё большего количества ученых к его работам и к тому, как они были приняты научным истеблишментом. Даже спустя два года после выхода в свет «ABS», посвященного «делу Великовского», в редакцию продолжали приходить письма с просьбой прислать этот номер журнала. Поэтому де Грация и его соредакторы решили, несколько расширив и обновив материал, издать книгу под названием «Дело Великовского». Книга вышла в свет в 1966 году и сразу же привлекла внимание интеллигенции.

Ученые, зависящие от различных фондов или работающие в государственных учреждениях, читают книгу тайком. Почему? Властвует страх остаться без финансирования научных исследований, страх повредить карьере...

В ту пору и значительно позже профессор де Грация считал, что подобные страхи в подавляющем большинстве случаев можно было подавить и действовать согласно совести. Он верил в «счастливый конец», примером чему может служить его собственное участие в «деле Великовского».

«Британская энциклопедия», верная ортодоксальной науке, все-таки поместила биографическую статью о Великовском. Спустя несколько лет один из редакторов приложения к Энциклопедии — «Книги года», доктор Люстиг, написал для приложения статью в стиле обычных критиков Великовского. В письме Люстигу де Грация указал не только на отдельные ошибки, но также на порочность всей позиции автора. В ответе ему Люстиг, отвергая логику доказательств, упорно стоял на своем. Казалось, чего можно ожидать от такого яркого противника Великовского? Прошло некоторое время. Доктор Люстиг стал главным редактором нового энциклопедического издания в Принстоне. Он обратился к де Грация с предложением написать для его издания три статьи. Трудно сказать, ожидал ли Люстиг, что де Грация воспользуется возможностью вспомнить о «деле Великовского». Но он не предал анафеме ученого, замешанного в этом деле.

59. ПРЕДЕЛЬНАЯ ЧЕСТНОСТЬ. ПРЕДАННОСТЬ НАУКЕ

Вечером 28 сентября 1966 года Великовский выступил с лекцией в Новой аудитории Вильсоновской школы Принстонского университета. Он чувствовал себя ужасно после перенесенной болезни и не покривил бы душой, если бы отменил свое выступление по состоянию здоровья. Дело в том, что зал оказался не очень удобным: в нем не было мест для сидения. Великовский не очень надеялся на то, что найдется достаточно желающих простоять полтора-два часа, чтобы выслушать его рассказ

об ортодоксии в науке и нонконформизме в свете открытий космической эры. Но, когда он вошел в заполненную до предела аудиторию, он невольно улыбнулся, вспомнив начало книги Джин Вебстер «Длинноногий дядюшка». Из этой книги он впервые узнал, что последнюю среду месяца американцы считают тяжелым и неудачным днем. Для героини книги, Джуди, последняя среда месяца оказалась счастливым днем. Разве переполненная в последнюю среду месяца аудитория не предвещала удачу?

Уверенным голосом без ноток слабости после перенесенной болезни Великовский, как опытный юрист на судебном заседании, предъявил аудитории свои аргументы.

Спустя четыре дня в статье, описывающей эту лекцию, корреспондент сравнит Великовского с библейским пророком.

Слушатели — убежденные и несогласные — долгими аплодисментами благодарили лектора.

Проходя по вестибюлю, Великовский заметил высокого молодого человека, с которым несколько раз встречался в библиотеке и даже однажды полемизировал по поводу напряженности магнитных полей, необходимых, чтобы произошли события, описанные в «Мирах в столкновениях». Шведский физик, завершающий в Принстоне постдокторат, что-то яростно доказывал двум американским сверстникам. Когда Великовский проходил мимо них, швед смущенно умолк и поклонился ниже обычного.

Темпераментный монолог молодого физика случайно достиг ушей Волтера Селивана, научного корреспондента «Нью-Йорк таймс», специально приехавшего в Принстон на лекцию.

— Мне бы не хотелось обидеть вас. Вы действительно настоящие друзья. И только поэтому и только в вашем присутствии я посмею разрядить конденсаторы. В интервалах научных заседаний я безошибочно узнаю американца. Он раздирает рот до предела, чтобы откусить большой кусок гамбургера. Но тот же рядовой американский ученый едва открывает рот, чтобы откусить крохотный кусочек информации в дополнение к той, которой он уже располагает. Согласен, это злая карикатура на американских ученых, очень многие из которых действительно достойны уважения. Вам известно, как я боготворю нашего босса. Но вспомните американскую формулу времен Второй мировой войны: презумпция виновности нации. Так вы оправдывали «ковровые» бомбардировки немецких городов и атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки. Трудно опровергнуть логику этой презумпции. И если в многотысячной армии американских ученых не нашлось реальной силы, способной противостоять безнравственному поведению коллег, если американские ученые пасутся на идеях Великовского, подтверждают его идеи, «забывая» упомянуть в своих публикациях, кому принадлежит приоритет, то презумпция виновности дает право создать собирательный образ американского ученого, заглатывающего гамбургеры, как удав кролика, и, словно воробушек, дробно клюющего новое даже в его собственной области.

Селиван улыбнулся и поспешил к вышедшему в вестибюль профессору Гессу, не услышав ответа одного из молодых людей, что этот собирательный образ вполне применим не только к американским ученым.

— Профессор, не окажете ли вы любезность высказать ваше мнение о Великовском?

— Неужели недостаточно лекции? У вас огромный опыт общения с учеными. Часто ли вам приходится слышать нечто подобное?

— Но, если я не ошибаюсь, вы не согласны с теорией Великовского?

— Есть положения, с которыми я согласен. А вообще это не очень просто объяснить. Для того, чтобы безоговорочно согласиться с теорией доктора Великовского, я должен отказаться от всего, чему меня учили и чему я учу своих студентов. Но уже сегодня я согласен со многими частными выводами доктора Великовского, касающимися геологии. А среди моих студентов его популярность неуклонно растет. На историю Земли они смотрят глазами доктора Великовского, — Гесс привел в пример несколько положений, по поводу которых у него нет разногласий с этим большим ученым.

— Большим ученым?

— Да. Несомненно. Не знаю, найдется ли у нас десяток ученых такого калибра, как доктор Великовский.

— Не кажется ли вам, что многих ваших коллег ущемит подобное заявление?

— Я бы с удовольствием узнал о вашем собственном мнении после достаточно продолжительного общения с доктором Великовским.

— Ходят слухи, что вы приятели.

— Я бы сказал, что наши отношения уже можно назвать дружбой. И я горжусь тем, что удостоился быть другом такого человека.

Селиван оторвался от блокнота и внимательно посмотрел на Гесса.

— Могли бы вы сказать, какие качества вас наиболее поражают в Великовском?

Гесс, не задумываясь, ответил:

— Искренность. Предельная честность. Преданность науке. Но что действительно поражает — феноменальная память! С одинаковой легкостью он цитирует наизусть целые параграфы из Ньютона и страницы из последних научных работ в различных областях.

Селиван не сдержал улыбки: об удивительной памяти Гесса ходили легенды.

Статья Селивана «Дело Великовского» была опубликована 2 октября 1966 года — в воскресном номере «Нью-Йорк таймс». То ли умышленно, то ли по недосмотру выпускающего редактора, здесь же, под заглавием статьи, набранным крупным шрифтом, опубликовали заметку об обмене фотографиями американского и советского метеорологических спутников. Наступали новые времена.

60. АСТРОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ИНСТИТУТ ФРАНКЛИНА

В апреле 1967 года вышел в свет «Иельский научный журнал», полностью посвященный Великовскому. Журнал открывала большая биографическая справка — единственная в своем роде. Десятки биографических справок появлялись в каждой книге Великовского или о Великовском. Каждая из них, без исключения, содержала какую-нибудь ошибку или неточность. В биографической справке, помещенной в «Иельском научном журнале», нет ошибок. Зато ими изобиловали статьи оппонентов Великовского, в частности, профессора Мотца. В своих ответах Великовский безжалостно проанализировал эти ошибки.

Апрельский выпуск «Иельского научного журнала» явился еще одной попыткой истинных ученых прервать поток лжи, наветов, абсурдного негативизма, нагроможденных научным истеблишментом Америки вокруг работ Великовского и его имени.

Симптоматично, что это предприняли ученые Иельского университета, того самого, в котором семнадцать лет назад четыре профессора выступили с коллективной издевкой против Великовского.

Однако отношение к Великовскому со стороны научных кругов изменялось мало. Свидетельство тому — история подготовки выступления Великовского в Астрономическом обществе Ритенхауза.

16 сентября 1966 года Общество официально пригласило Великовского выступить 7 апреля 1967 года перед 350 его членами в лекционном зале Института Франклина в Филадельфии. С 1931 года Общество пользовалось помещением Института без каких-либо осложнений. Но приглашение Великовского всполошило хозяев помещения. Нет, Великовский не должен переступить порог Института Франклина!

Астрономическое общество Ритенхауза возмутилось таким поступком и решило перенести лекцию в другое помещение.

Великовский узнал об этом и внешне никак не отреагировал на действия руководства Института Франклина, хотя больно было видеть, как и сейчас продолжается все та же линия поведения власть предержащих в науке.

Зато на эти действия отреагировали филадельфийские газеты. Имя Бена Франклина, которое носит институт, — писали газеты, — обязывает к

научной порядочности. Случись такое во времена Бена, он лично пригласил бы Великовского выступить и изложить свою научную концепцию.

Президенту Института В. Лоуренсу Ле Пейдж пришлось выкручиваться из неприятной ситуации. 14 февраля 1967 года он опубликовал письмо в «Вечернем бюллетене». «Если Астрономическое общество Ритенхауза согласно, чтобы это была не просто лекция доктора Великовского, а дискуссия, то есть, если сразу же после лекции выступит оппонент, — сообщал он, — Институт согласен, чтобы это событие произошло в их лекционном зале».

Когда Великовскому рассказали о письме Ле Пейджа, он с улыбкой заметил: «Аудитория должна немедленно получить противоядие? А если бы они организовали лекцию ученого, с которым не согласен Великовский, пригласили бы они меня быть его оппонентом?» И, тем не менее, он согласился на дискуссию, хотя предпочел бы, чтобы она состоялась не в Институте Франклина, а в Американском философском обществе.

Президент Астрономического общества доктор Вильям Уолтер не согласился с условиями Ле Пейджа. Он посчитал это оскорблением организации, существующей 79 лет.

На ответ Великовского пришлось отреагировать доктору Джоржу Корнеру, административному руководителю Американского философского общества. Он заявил, что вопрос о дискуссии может быть рассмотрен только после официального обращения доктора Великовского. Читатель убедится в том, что такое обращение будет рассматриваться в течение... семи лет.

Лекция Великовского состоялась 7 апреля 1967 года в аудитории Филадельфийской библиотеки,

расположенной напротив Института Франклина. Перед лекцией Астрономическое общество Ритенхауза дало званый обед в честь Великовского.

Кроме 350 членов общества, на лекции присутствовали еще 100 человек. На следующий день филаделфийские газеты описали восторг аудитории, которая, затаив дыхание, в течение двух часов слушала Великовского, представившего длинный и убедительный перечень свидетельств против догмы в современной астрономии. После лекции воодушевленные слушатели устроили Великовскому овацию. Улыбаясь, лектор сказал, что эти аплодисменты принадлежат Астрономическому обществу Ритенхауза за его принципиальную позицию в схватке с силами подавления.

В мае 1967 года состоялись лекции Великовского в Сант-Олаф-колледже, в Висконсинском и Чикагском университетах, а также в университете штата Канзас. История науки не может похвастаться именами многих ученых, способных в семидесятидвухлетнем возрасте выдержать такую лекционную нагрузку, причем, не в одном месте, а преодолевая в поездах и самолетах огромные расстояния.

Во время двухнедельного перерыва (уже 2 и 3 июня Великовский читал лекции в Вашингтонском университете в Сент-Луисе) он не смог отдохнуть, интенсивно работая в библиотеках Принстона. А здоровье было даже не таким, как несколько лет назад.

Элишева просила, возмущалась, угрожала, настаивая на том, чтобы Иммануил оставался в постели, как рекомендовали врачи, или хотя бы отдохнул от работы. Великовский отшучивался и делал все возможное, чтобы скрыть от Элишевы и от окружающих свое состояние во время недугов.

Аспирантская организация Принстонского университета собралась на лекцию Великовского 4 декабря 1967 года, а через два дня состоялось традиционное выступление Великовского на Форуме аспирантского колледжа Принстонского университета.

19 декабря Великовский прочитал лекцию в Еврейском центре Принстона. Чтобы опорочить имя Великовского, его обвиняли в религиозном мракобесии и в циничном атеизме, в службе империалистическим силам и в подрыве американских интересов в пользу Советского Союза, в том, что он служит Маккарти, и даже в том, что он — коммунистический агент. Среди обвинений фигурировал и еврейский шовинизм, попытка доказать и утвердить избранность и превосходство еврейского народа. Выступал ведь он в сороковых годах перед евреями Нью-Йорка. Выступает ведь он сейчас, четверть века спустя, перед евреями Принстона. Правда, обвинители забывали добавить, что, читая лекции баптистам и протестантам, католикам и лютеранам, Великовскому не следовало отказываться от приглашения евреев хотя бы для того, чтобы не прослыть антисемитом.

Но от некоторых приглашений все же пришлось отказаться и Великовский искренне сожалел об этом. В 1968 году он получил приглашений значительно больше, чем смог удовлетворить. Можно было попытаться составить расписание так, чтобы прочитать лекции во всех университетах, пославших ему приглашения. Но это значило беспрерывно находиться в дороге и резко сократить работу в библиотеках.

Иельский университет сейчас с гордостью принимал ученого, чьи теории оказались жизнеспособ-

ными, как ростки мощного дерева, пробивающиеся сквозь трещины в асфальте.

Как правило, курс лекций, читаемый каким-либо профессором, ограничивался рамками одной специальности или даже частью ее. Диапазон лекций Великовского поражает своей широтой. Они могли быть узко специальными для определенной аудитории, например, на астрономическую тему — для физиков или астрономов, на геологическую и палеонтологическую — для геологов, на историческую — для гуманитариев. Но могли быть также и междисциплинарными, ярко демонстрирующими, что границы между дисциплинами в науке придуманы учеными.

В своем угрожающем письме компании «Макмиллан» астроном из Мичиганского университета, профессор Мак Лоулин, гордившийся тем, что он не читал книги Великовского, 20 мая 1950 года писал об ограниченности возможностей ученых в настоящее время. Они едва в состоянии исправлять ошибки в своей узкой области знаний. Ни один человек сегодня не может быть экспертом в разных областях. «И вдруг Великовский заявляет, что он в состоянии обсуждать основные принципы различных наук! Это определенно мания величия». Профессор Лин Е. Роуз, философ университета штата Нью-Йорк в Буффало, напишет по этому поводу: «Правда ли, что «ни один человек сегодня не может быть экспертом в различных областях?» Это зависит от того, что подразумевать под словом «эксперт». Если это означает способность сохранять свои позиции в дебатах со специалистами в различных областях в течение более чем четверти столетия, то Великовский проявил себя исключением из правил Мак Лоулина».

61. У ПИСАТЕЛЯ НЕТ ВРЕМЕНИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

После летних каникул Великовский снова путешествует по Америке, читая лекции в университетах. 23 и 24 октября 1968 года — в Северо-Техасском университете, с 27 по 29 октября — на семинаре в Райс-университете.

Вместе с растущей популярностью Великовского в научных кругах росла убежденность в его правоте. Во время лекций Великовский особо подчеркивал: он не предложил гипотезу, он не создал теорию — он только реконструировал события естественной и человеческой истории. Все предсказанные им научные открытия, которые уже подтверждены, все предсказанные им явления, которые, как он уверен, будут обнаружены, подтверждают правильность этой реконструкции. Не следует относиться с высокомерным пренебрежением к опыту человечества, каким бы примитивным ни казалось его изложение в мифах, преданиях и древних записях. Вряд ли у кого-либо из ученых достаточно знаний о природе вещей и явлений, чтобы иметь право на высокомерие.

Растущая популярность Великовского еще больше озлобляла тех, для кого не истина была главным в науке. «Дело Великовского» в какой-то мере могло служить пробой на научную и просто человеческую порядочность. Некоторые из бывших противников и даже преследователей Великовского, пусть и не став его последователями или приверженцами, поняли, что он — настоящий ученый и, как и всякий ученый, должен быть выслушан, а его гипотеза — проверена. Но были Шапли и ему подобные — ученые «с большими именами»,

считающие, что не они обязаны бескорыстно служить истине и науке, а наука должна ублажать их сугубо эгоистические интересы. По разным причинам к этой категории деятелей науки присоединялись и другие «критики» Великовского. Зачастую причиной нападок было просто проявление высокомерного невежества.

Разница между знающим человеком и невеждой заключается в том, что первый, сомневаясь в полноте своего знания, постоянно пополняет его; второй (он может быть даже профессором, даже Нобелевским лауреатом) уверен в том, что он знает все и изрекает истины в последней инстанции, хотя не потрудился приобрести знания.

Айзек Азимов — талантливый писатель-фантаст. Он был профессором биохимии до того, как стал профессиональным писателем. Создавая сотни развлекательных книг, он не имел времени пополнять свои знания даже в области биохимии. Это, однако, не помешало ему стать критиком Великовского в области, не очень соприкасающейся с его бывшей специальностью.

В 1969 году он писал, что сталактиты и сталагмиты в известняковых пещерах формировались медленно — в течение сотен тысяч лет, и продолжал: «Если во времена Исхода остановилась ротация Земли, или если даже слегка изменился период ее вращения, эти сталактиты и сталагмиты были бы разрушены. Но нет! Они существуют, нетронутые и красивые. В этом вы сами можете убедиться, посетив любую известняковую пещеру. И эти сталактиты и сталагмиты, безмолвно стоящие здесь, — более веское свидетельство против теории Великовского, чем все строки, набранные Великовским из мифов и легенд».

Красиво сказано! Но могут ли слова компенсировать знание? Великовский с утра до ночи работал в библиотеках, накапливая знания из тысяч томов. Работал бескорыстно, не думая о хлебе насущном. (Подсчитано, что все гонорары обеспечили Великовскому в среднем заработок университетского профессора).

Азимов сам признался, что в погоне за гонорами (и большими!) должен был непрерывно писать. Для пополнения знаний у него не хватало времени. Но он был уверен, что знает вполне достаточно, чтобы критиковать Великовского. Ему для этого не было нужды прочитать статью, опубликованную еще в декабре 1962 года, статью, содержащую сведения о полутораметровых сталактитах и сталагмитах, образовавшихся под мемориалом Линкольна в Вашингтоне. Но мемориал этот был построен не сотни тысяч лет назад, а всего лишь в 1923 году. Больше того, в «Пещере гномов» в Нью-Мексико после атомного взрыва сталактиты выросли в течение одного года.

Но в 1969 году научные журналы не позволяли Великовскому отвечать на невежественную критику. Еще через три года у Азимова, полагавшего, что он разрушит теорию Великовского с помощью сталактитов и сталагмитов, появится возможность прочитать о своем заблуждении. Но для этого нужно читать, у Азимова на такое «занятие» не было времени. Поэтому, как увидит читатель, Азимов, не накопив новых знаний, через семь лет снова выступит против Великовского.

62. ЧТО ОБНАРУЖАТ НА ЛУНЕ?

Великовский и Гесс вышли из Гюйо-холла и, медленно прогуливаясь, пошли домой. Пустынные улицы Принстона располагали к неторопливой беседе.

— Мне будет особенно приятно доказать тебе, что на сей раз ты не прав, — Гесс сделал ударение на словах «на сей раз».

— Гарри, мне бы очень хотелось доставить тебе удовольствие. Но таким путем я не могу тебе помочь.

— Ты ужасно упрям, Иммануил. Надеюсь, сразу же после посадки астронавтов на Луну ты убедишься в своей неправоте. Ждать осталось недолго. Я утверждаю и готов повторить еще сотню раз: под поверхностью Луны содержатся огромные запасы воды.

— В последний раз вода была на Луне во время Потопа, примерно 9000 лет назад.

— Нет, ты ужасно упрям...

Они шли, вдыхая предвечерний аромат начинающейся весны. Гесс посмотрел на Великовского и сказал:

— Знаешь, Иммануил, ты удивительно похож на еврейского пророка.

— Ты имеешь в виду мою внешность?

— Я не знаю, как выглядел, скажем, Миха или Исайя. Может быть, и у них были такие же горящие глаза. Может быть, у Иеремии были такие же выступающие скулы, большой покатый лоб и упрямый подбородок. Не знаю... Я же имею в виду твою удивительную интуицию и невероятный дар предвидения.

— Вот как? Не можешь ли ты сказать мне, какое

из моих предвидений не вытекало непосредственно из моей теории?

— Радишумы Юпитера, — не задумываясь ответил Гесс. Великовский рассмеялся. Формально Гарри прав. Но только формально. Он не знает содержания еще не опубликованной работы о Потопе, которая называется «Сатурн и Потоп». Эта работа — часть общей теории.

Спутники повернули на Фицрандольф-стрит и подошли к дому, в котором жил Гесс. Раньше этот дом принадлежал Вудро Вильсону, когда тот был президентом Принстонского университета.

— Зайдешь?

— Нет, спасибо. Проводи меня немного, если хочешь услышать, что вместо воды найдут люди на Луне.

— Действительно, ты упрям, как еврейские пророки...

Они пошли на Хартли авеню, и Великовский, словно рассказывая, что они увидят на принстонской улице по пути к его дому, стал перечислять явления, которые должны быть обнаружены астронавтами. Почти любое из них противоречило теории единообразия.

...Под самой лунной поверхностью, буквально в нескольких футах, определяют термальный градиент, причем, тепло проникает из глубины к поверхности. В лунных камнях и в лаве обнаружат остаточный магнетизм, хотя Луна вряд ли имеет собственное магнитное поле.

— Я настоятельно предлагаю, — продолжал Великовский, — определить и обозначить ориентацию проб лунного грунта и камней. Иначе вместо ответов будут получены новые вопросы.

Великовский считал, что астронавты обнаружат следы углеводов — дериватов нефти. Термолюминисценция покажет относительно недавнее расплавление лунной поверхности.

— Термолюминисценция не запланирована, — сказал Гесс.

— Очень жаль. Экспедиция на Луну несколько дороже поездки из Принстона в Принстон-Джанкшен. Не так просто повторить ее, чтобы исправить допущенные ошибки.

Гесс ничего не ответил. После небольшой паузы Великовский добавил:

— Частые лунотрясения не должны будут удивлять астронавтов.

— Вода, если я правильно понимаю, не вмещается в твою картину?

— Прости, Гарри, но ты сам исключил бы воду из перечисленного комплекса.

— Безусловно. Следовательно, я оставляю воду и исключаю комплекс.

Они пожали друг другу руки и разошлись, уверенные в своей правоте.

Еще до того, как их отношения стали приятельскими, Великовский вручал свои меморандумы непосредственно Гессу. Сейчас, когда они были друзьями, казалось само собой разумеющимся, что предложения о научных исследованиях Луны Великовский передаст Гессу, от которого в значительной мере зависела программа этих исследований. Но предсказания Великовского настолько противоречили ожиданиям ученых, что даже дружба не смягчала позиции, занятой Гессом. Поэтому 19 мая 1969 года Великовский направил в Вашингтон на имя председателя Комитета космических исследований Национальной Академии наук, профессора

Г. Г. Гесса официальный меморандум, в котором содержались предложения в связи с предстоящей посадкой на Луну. Он повторил свои предложения в частном письме Гессу 2 июля. Когда до полета на Луну оставалось около двух недель, Великовский в получасовом разговоре по телефону все еще надеялся уговорить Гесса. Через два дня, 7 августа 1969 года, он написал ему последнее письмо.

Тщетно. Гесс не мог согласиться с тем, что на борт «Аполло XI» надо взять еще один прибор — для термолюминисцентного исследования. Каждый грамм дополнительного веса учитывался инженерами и экономистами. Но главное — нет смысла в таком исследовании, на сей раз Эммануэль явно ошибается.

Вечером 21 августа 1969 года, в день первой посадки человека на Луну, в «Нью-Йорк таймс» появилась статья Великовского, заказанная ему по поводу этого события. В статье повторялись предсказания, изложенные Великовским Гессу устно, по телефону, в меморандуме и в письмах.

Через два дня Великовский посетил Гесса в его кабинете в университете. Гесс был настроен мрачно. Утром он получил сведения, что на Луне обнаружены углеводороды — дериваты нефти, предсказанные Великовским, но нет никаких признаков присутствия воды. Поговорить не удалось, потому что Гесс, окруженный ассистентами и секретарями, готовил материал к предстоящей конференции.

Утром 26 августа Великовский поехал в Нью-Йорк. На станции Принстон-Джанкшен, где он должен был пересесть на нью-йоркский поезд, Великовский купил газету. С портрета, обрамленно-

го траурной рамкой, на него смотрело доброе лицо Гарри Гесса.

Великовский не заметил, как подошел поезд. Он не помнил, как очутился в Нью-Йорке, что и за чем делал...

Смерть Гесса была для Великовского огромной утратой — потерей единственного друга, занимавшего высокий пост в американском научном истеблишменте.

Лекцию для профессоров и преподавателей Оушен Кантри-колледжа 10 сентября 1969 года Великовский посвятил памяти Гарри Гесса. Он начал ее с рассказа о Гессе — человеке и ученом.

Мемориальная лекция в аудитории Гюйо-холла была прочитана Великовским 21 октября 1969 года. К этому времени геологический факультет Принстонского университета переименовали в геофизический. Вместе с междисциплинарной группой «Космос и Хронос», впервые без основателя этой группы и главы факультета, аудитория слушала лекцию «От спутника до «Аполло XI»». Эмоциональный накал этой лекции нашел глубокое понимание и отклик аудитории. Когда Великовский говорил о Гессе, в его глазах блестели слезы.

63. НЕНАВИСТЬ НОБЕЛЕВСКОГО ЛАУРЕАТА

Факты, накопленные в годы между запусками спутника и «Аполло XI», могли бы полностью изменить отношение ученых к теории Великовского, если бы их отношение определялось фактами.

Однажды после лекции в одном из университетов юноша-студент засыпал Великовского пулемет-

ной очередью вопросов. Аудитория с удивлением смотрела на юношу, в голосе, в жестах, во всем облике которого горела нескрываемая ненависть к лектору. Великовский спокойно начал отвечать на вопросы, но студент не стал слушать и демонстративно покинул зал. Великовский продолжал, словно ничего не произошло. Аудитория наградила лектора бурными аплодисментами. На улице несколько студентов рассказали ожидавшему их товарищу, с каким блеском и как убедительно Великовский ответил на его вопросы. Но тот воинственно заявил: «Не важно, как он ответил. Я ответа не слышал и не хочу слышать. А последнее слово все равно было за мной». В студенческой среде это было редчайшим исключением. Но в среде ученых, особенно именитых, диктуемый ненавистью принцип «не слышал и не хочу слышать», «не читал и горжусь этим» был весьма распространенным.

Нобелевский лауреат Гарольд Юри, профессор химии в Калифорнийском университете в Сан-Диего, был одним из тех, кто не читал книг Великовского и очень гордился этим. Ни словом, ни взглядом, ни помыслом Великовский никогда не обидел его. Но, увы, не этим определялась глубина ненависти Юри.

Студентка из Огайо Кетрин Линдеман, собиравшая материал о Великовском для своей работы, обратилась к его противникам. Профессор Юри ответил ей 7 марта 1969 года: «Великовский — это трагедия. Он повел по неправильному пути огромное число людей, подобных вам, и мой вам совет — захлопнуть его книгу и больше никогда в течение вашей жизни не заглядывать в нее».

У профессора Юри были основания ненавидеть Великовского. В 1950 году вышла в свет книга, в

которой Великовский писал, что Венера — новая планета в Солнечной системе, что в ее истории нет ничего общего с историей Земли. А через два года профессор Юри писал, что история Земли и Венеры «должны быть очень похожи». Прошло еще несколько лет, и выяснилось, что прав какой-то Великовский, а не Нобелевский лауреат. В 1952 году профессор Юри писал, что атмосфера Марса, вероятно, состоит из аргона и азота. Он только забыл сослаться на Великовского, впервые заявившего об этом в 1946 году и описавшего атмосферу Марса в «Мирах в столкновениях». А этот Великовский с такой бережностью и уважением относится к работам своих предшественников и не забывает упомянуть в тексте и в сносках ни одного из них.

Великовский действительно отличается от многих современных ученых, не стесняющихся выдавать за свои уже описанные кем-то идеи. Иногда они, действительно, доходят до этих идей самостоятельно, не зная работ своих предшественников. Но это их не извиняет. Ученый обязан знать, что сделано в его области. Поэтому «знающих» в лучшем случае можно назвать нечистоплотными, а «незнающих» — недобросовестными. Истинный ученый не может попасть в одну компанию ни с первыми, ни со вторыми.

Не принято сомневаться в том, что Нобелевским лауреатом может быть только истинный ученый. Но как быть с первым или вторым вариантом? Следовательно, Гарольд Юри должен был ненавидеть Великовского. И чем дальше, тем больше. Особенно, если учесть: ни степени, ни звания, ни титулы, ни подлость и злоба — ничто уже не могло остановить растущую популярность Великовского в уни-

верситетах и в научно-исследовательских учреждениях, уверенность в его правоте или, по крайней мере, в его праве на равных состязаться с защитниками догматических постулатов. Перенести все это Юри был не в силах.

...29 января 1970 года лекция в Коммюнити-колледже в Филадельфии. В начале марта Великовский вылетел в Ванкувер. Неустойчивая погода с частыми дождями не помешала ему осмотреть очень красивые окрестности города. Рано утром 6 марта на морском пароме он переправился на остров Ванкувер и приехал в Викторию. Город действительно оказался «викторианским». Здания, газоны, парки, набережная, двухэтажные автобусы, неторопливые прохожие — все напоминало ему старую Англию. Он вдруг почувствовал себя молодым, полным сил и ожиданий как тогда, осенью 1913 года, в Эдинбурге.

Это настроение сказывалось во время лекций в университете Виктории 6 и 8 марта. Аудитория восторженно реагировала на массу информации, на блестящую речь, на фейерверк приводимых по памяти цитат из различных научных источников во время ответов на вопросы, на удивительную жизненную силу этого высокого седовласого человека, которому, как говорили, скоро исполнится 75 лет.

Великовский возвратился на материк и 12 марта выступил в университете Британской Колумбии в Ванкувере. Здесь же, в Канаде, Великовский прочитал недавно вышедшую книгу оксфордского профессора Сирила Д. Дарлингтона «Эволюция человека и общества», в которой английский ученый высоко оценил труд «Эдип и Эхнатон». Основной заслугой Великовского, считал Дарлингтон,

является то, что он сделал важное открытие: Эдип — это греческий рефлекс на историческую личность Эхнатона.

64. ЕСЛИ СРАВНИВАТЬ ШАПЛИ С ВЕЛИКОВСКИМ...

Письма, ожидавшие его дома, испортили настроение, привезенное из Канады, разрушили ощущение свидания с молодостью. Он посоветовался с Элишевой и позвонил в Нью-Йорк Калену.

Старику было уже под девяносто. Но его интеллект оставался по-прежнему ясным и продуктивным, о чем свидетельствовали лекции, статьи и только что написанная книга. Даже четкий голос Калена убеждал в том, что старый профессор еще достаточно крепок.

— Гораций, двадцать лет назад ты обещал, что после тяжелого десятилетия я увижу счастливые времена. Через несколько дней исполнится двадцать лет со дня выхода в свет «Миров в столкновениях», но до сих пор все те же люди не перестают оскорблять меня.

— Кто именно?

— Шапли.

— Не может быть?

— К сожалению, может.

— У тебя есть факты?

— Я пришлю тебе копии некоторых писем твоего «старого друга»...

В тот же день Великовский послал Калену эти копии.

Одним из оппонентов Великовского в «Иельском научном журнале» был профессор Альберт

Бургсталер, химик из Канзасского университета. Не соглашаясь с Великовским по ряду научных вопросов, профессор, тем не менее, испытывал к нему огромное уважение, считая Великовского выдающимся ученым и редчайшей личностью. Еще в 1967 году он получил письмо от Шапли, в котором были следующие строки: «Я испытываю мало удовольствия, читая или думая о Великовском. Он представляется мне одним из наших наиболее эрудированных шарлатанов».

Первая фраза не вызывала сомнений у Бургсталера, о каком удовольствии можно говорить, если Шапли, считавший себя первым астрономом Америки, побит в его собственной области, причем, не астрономом, а врачом. Но назвать Великовского шарлатаном! Бургсталер попросил Шапли сообщить ему доказательства, на которых основано это оскорбление. Шапли не смог ответить ему. Зато он ответил на другое письмо.

Кетрин Линдеман, студентка из Огайо, обратилась не только к Юри, но также к Шапли. Ответ престарелого гарвардского профессора гласил: «Все профессиональные астрономы считают Великовского мошенником. Разве вы не можете найти более уважаемого субъекта для вашей исследовательской работы?»

Кален был возмущен до глубины души. Помимо оскорбления, Шапли лгал. Кален знал многих профессиональных астрономов, считающих, что Великовский совершил революцию в их науке, что он атаковал догму, не имеющую под собой никакого научного обоснования.

С Шапли Калена связывала давняя многолетняя дружба, совместная работа в Гарвардском университете, когда они были молодыми профессора-

ми. Но Великовский! Господь Бог редко награждает землю подобными людьми. Отбросим, однако, эмоции. Если положить на весы все, известное Калену лично в течение 24 лет, «взвешивание» будет далеко не в пользу Шапли, облик которого представлялся весьма несимпатичным.

Тщательно подбирая слова, Кален написал статью «Шапли, Великовский и научный дух». В статье были изложены факты известные читателю, дана их принципиальная оценка. Последняя фраза, написанная мягким и деликатным Каленом, оказалась последним «гвоздем», заколачивающим крышку гроба: «Если сравнивать Шапли с Великовским, то свидетельства о целостности и честности всецело в пользу Великовского».

Статья была опубликована в журнале «Пенсэ», а затем вошла в книгу «Пересмотренный Великовский», которая с 1976 года выдержала несколько изданий в США и в Англии. Статья интересно иллюстрирована выдержками из писем Шапли, Уипле, Мак Лоулина и Юри, свидетельствующими, как эти профессора пытались уничтожить Великовского, как Шапли и Уипли уверяли, что никогда в жизни не делали ничего подобного.

65. МЕМОРАНДУМЫ ВЕЛИКОВСКОГО И «ИМПОТЕНТНАЯ» ПРОГРАММА

До летних каникул Великовский прочитал лекцию в Парсоновской школе дизайна. Лекция по приглашению Американского института аэронавтики и астронавтики в Хартфорде состоялась 12 октября 1970 года. Ставшая традиционной, лекция на Форуме аспирантского колледжа Принстонско-

го университета состоялась 18 ноября 1970 года. В январе 1971 года Великовский выступил в Американском инструментальном обществе в Филадельфии, 6 апреля — в Ютика-колледже, 17 мая — в знаменитых лабораториях телефонной компании Белл...

Лето 1971 года Великовские провели в Швейцарских Альпах. Элишева понимала, что дома не удастся оторвать Иммануила от работы. Но и в Швейцарии его нельзя было уговорить.

Однажды после лекции, прочитанной в университете в Швейцарии, к Великовскому подошел темнокожий джентльмен, представившийся профессором Дрейком, антропологом и социологом Стэнфордского университета, он объяснил, что уже слышал лекцию уважаемого доктора в Америке и полностью согласен с трактовкой природы мифов. Родом из Вест-Индии, профессор Дрейк имел исключительную возможность изучать верования различных этнических и религиозных групп, ритуалы и магию, корни которых уходили в глубочайшую древность.

Великовского заинтересовал подробный рассказ профессора Дрейка, он попросил записать этот рассказ, намереваясь поместить его в книгу «Человечество в амнезии», разумеется, с разрешения автора.

Лекции в Швейцарии, лекции после возвращения домой. А с 18 по 20 октября 1971 года еще и серия лекций в университете Торонто.

И на сей раз поездка в Канаду доставила Великовскому удовольствие. После одной из лекций к нему подошел профессор Йорк, участвовавший в программе изучения образцов грунта, доставленного с Луны. У Великовского и Йорка были разног-

лася по поводу результатов радиоактивного определения возраста лунных пород. Во время беседы выяснилось, что речь идет о методологии, и Великовскому было приятно убедиться в том, что профессор Йорк начал сомневаться в правильности своей позиции.

Весной 1968 года, после выступления в университете в Буффало, Великовский поехал на Ниагарский водопад. Сейчас, находясь в Торонто, он не хотел лишиться себя удовольствия снова увидеть это чудо — результат космической катастрофы, происшедшей всего лишь 3500 лет назад, а не вследствие медленных изменений в течение миллионов лет, как все еще считают люди, прочно усвоившие догму.

В письме доктору Д. Керайлу от 4 октября 1971 года, обсуждая предсказание Великовского о том, что в лунных скалах обнаружат остаточный магнетизм, Гарольд Юри с издевкой писал: «Магнитные люди немедленно начали искать магнитные эффекты на Луне». Но когда в образцах лунных камней, доставленных астронавтами, обнаружили остаточный магнетизм, самолюбие Нобелевского лауреата было не просто ущемлено, а смертельно ранено. Этот Великовский разрушает его репутацию! Ходят слухи, что он заимствует идеи у Великовского, в том числе теорию смены геологических эпох, как следствие космических катастроф. Разве это не абсурд? Ведь он в глаза не видел ни одной строчки этого Великовского. Это просто какой-то рок! Человек, не имеющий никакого отношения к науке, предсказывает невероятные явления, противоречащие природе вещей, и непонятно почему, оказывается правым. А тут еще такое обвинение: мол, в программе NASA есть толь-

ко один высоко компетентный элемент — техническая сторона дела. Что касается научной стратегии, она абсолютно беспомощна и оторвана от реальности. Американцам внушают, что можно было обойтись по меньшей мере без одного дорогостоящего полета «Аполло», если бы следовали мемуарам Великовского, а не «импотентной» программе его высокопоставленных противников. При этом конкретно не упоминалось его имя, но Юрий прекрасно понимает, кого имели в виду.

Сейчас, в декабре 1971 года, на годичной конференции Американской Ассоциации для Прогресса Науки знаменитый английский геофизик, профессор С. К. Ранкорн, выражаясь фигурально, закатил ему пощечину, заявив, что никто в научном мире не ожидал обнаружить на Луне остаточный магнетизм. Как не подготовившийся к экзамену начинающий студент, он должен был молча сидеть в зале и глотать невидимые слезы обиды. Он ненавидит этого Великовского так, как еще никого никогда в своей жизни!

66. ВОЗМОЖНОСТЬ РЕВАНША

В течение семи прошедших лет Великовский прочитал лекции почти во всех штатах Америки. Его приглашали самые престижные университеты и научно-исследовательские учреждения. Он ждал, он был в этом уверен. Наконец-то пришло самое желанное приглашение — из Ассоциации гарвардских инженеров и ученых.

Более 900 профессоров, исследователей и аспирантов Гарвардского университета, Массачусетского Технологического института и университета Бран-

дайс 17 февраля 1972 года заполнили зал, чтобы услышать Великовского.

«Я ждал этого вечера двадцать два года», — признался он.

Никто не сомневался, что он воспользуется законным правом на реванш. Никто не сомневался в том, что рассказ о потоках лжи, наветов, подлости, хлынувших из этих стен, будет вводной темой его лекции. Но он не воспользовался предоставившейся возможностью. Единственное непосредственное отношение к Гарвардскому университету имели только слова глубокого восхищения покойным профессором Робертом Пфейфером.

Во время семинара, состоявшегося на следующий день после лекции, ему задали провокационный вопрос о реванше. «Я не пришел сюда ради реванша или триумфа, — ответил Великовский. — Я надеюсь найти здесь молодых энергичных людей, ощущающих очарование исследования».

Во время лекции он перечислил все предсказанные им астрономические явления. «Я не утверждаю, что могу быть астрономом. Но я руководствовался идеей, ведущей меня во многие различные области. Критики могут назвать меня любыми именами, но они не могут сделать Венеру холодной».

Вслед за положениями, связанными с астрономией и геологией, Великовский перешел к теме, имеющей отношение к социологии и психологии. «Мы одни в Солнечной системе. Мы иррациональны, потому что не знаем, что произошло с нами в недавнем прошлом. Из Фрейда мы усвоили, что травматический опыт легко забывается. Мы также усвоили, что этот опыт имеет тенденцию к повторению. На обоих берегах Атлантики существует в достаточной степени разрушительная сила, чтобы

сделать жизнь невозможной. В нас живет наследственность. Рожденная в травматическом, в ужасном опыте. Фрейд было известно это, но он не знал, какова причина этого опыта».

Великовский объяснил, почему такой удобной была убаюкивающая догма в астрономии и в геологии. «Причина испытанной мной оппозиции в значительной мере была психологической: мои критики не могли простить мне, что я превратил их неосознанное в сознательное».

Великовский привык к теплым приемам, к аплодисментам, овациям. Но прием в Гарвардском университете превзошел всякие ожидания. Время приближалось к полуночи. Служители едва дождались, пока после небывалого множества вопросов и ответов люди освободят зал. Толпа окружила Великовского на улице и долго не отпускала его, а затем проводила до гостиницы. Это был действительно триумф!

Лекцию засняли на киноплёнку. Взятое у Великовского интервью передавали по радио 27 февраля 1972 года в течение получаса.

А за пять дней до этого Канадская радиовещательная компания в течение часа транслировала программу о Великовском. Это был шедевр журналистики и популяризации науки. Но главное — передача была новым подходом ко всему сделанному Великовским. Она нашла широкий отклик у общественности и, в первую очередь, среди ученых.

67. ЖУРНАЛ ПРОТИВ МАФИИ

Трудно утверждать, что именно телевизионная программа стимулировала специальный выпуск

журнала «Пенсе», но то, что его майский номер вышел тиражом 55000 экземпляров, несомненно, было связано с огромным интересом к теории Великовского и к «делу Великовского», возникшему в научных кругах.

Журнал «Пенсе», орган Свободного Форума студентов университетов, издавался в Портленде (штат Орегон). Майский номер был создан при помощи и содействии колледжа Льюиса и Кларка. Великовский часто задумывался над символическостью этого совпадения.

Два молодых человека, Льюис и Кларк, пешком отправились с атлантического побережья Америки на запад. Преодолевая невероятные трудности, по неизведанным землям, через леса и болота, через реки и горы, изучая и описывая пересекаемую ими страну, Льюис и Кларк вышли к Тихому океану в штате Орегон. Колледж в Портленде старался быть достойным этих имен. Одними из первых его ученые присоединились к группе «Космос и Хронос»: Сейчас вместе с издателями «Пенсе» колледж, носящий имена первопроходцев, решил посвятить выпуск журнала другому первопроходцу — Великовскому.

Страница редактора «Взгляд на свидетельства», открывающая журнал, объясняла цель предпринятого издания. «Мы верим, что последуют объяснения, а не эмоциональный взрыв». Этими словами заканчивалась статья.

Вслед за короткой биографией с небольшой, но впечатляющей фотографией Великовского, была напечатана статья австралийского профессора Дейвида Стоува «Научная мафия». Впервые она была опубликована в Австралии в 1967 году. Журнал «Пенсе» поместил ее без изменений.

Вторично в связи с «делом Великовского» американский научный истеблишмент называли мафией. «Процесс «заимствования» идей Великовского, — писал австралийский ученый, — начался немедленно после первой публикации («Мир в столкновениях»); но... по мере того, как все шло по предсказанному им пути, эта индустрия стала огромной. (Видная археологическая карьера была сделана из единственного параграфа «Мир в столкновениях»).

Журнал кратко изложил основные положения Великовского для тех, кто еще не читал его книг.

«Перечень успехов» — заглавие редакционной статьи, документально перечисляющих предсказания Великовского и их последующие открытия. «Редко в истории науки, — цитируются слова Р. Юргенса, — так много различных предвидений — естественных разветвлений единственной центральной идеи — были так быстро подтверждены независимыми исследованиями». Обзор иллюстрирован статьей Великовского из «Нью-Йорк таймс» от 21 августа 1969 года, в которой предсказано, что именно астронавты обнаружат на Луне.

В статье физика профессора Рансома «Как стабильна Солнечная система» показано, что у ортодоксальных критиков Великовского не было никаких научных оснований упрекать его в отрицании законов природы. Предполагаемые ими законы природы были сформулированы на основании недоказанных, непроверенных, а главное — ошибочных данных.

Статья Роберта Треша, преподавателя Вечернего колледжа в Сан-Диего, «Остаточный магнетизм в лунных скалах» — подробный рассказ о поведении высокопоставленных ученых, связанном только с

одним предсказанием Великовского. Когда отделение физики группы «Космос и Хронос» опубликовало бюллетень о том, что находки на Луне полностью соответствуют предсказаниям Великовского, возмущенный Юри послал письмо авторам бюллетеня в три техасских университета. Он утверждал, что ученые ожидали обнаружить на Луне все то, что было обнаружено, включая остаточный магнетизм. Автор статьи обличает Юри во лжи и документально подтверждает это.

Профессор Лин Роуз, автор статьи «Цензура междисциплинарного синтеза Великовского», писал: «Открытия, сделанные начиная с 1950 года заставили интенсивно пересмотреть астрономические учебники с целью исправления неправильной информации, которую они содержали по поводу температуры планет, о роли электричества и магнетизма в астрономических явлениях, об отклонении земной оси и т. д. И наоборот, ни одно важное утверждение, сделанное Великовским в «Мирах в столкновениях» в 1950 году, не было опровергнуто, и, хотя множество его предсказаний раньше считались ошибочными, сейчас мы убедились в их правоте».

Статья профессора Вильяма Мулена, египтолога Калифорнийского университета в Беркли, была посвящена роли и значению Великовского для науки. «Работы Великовского являются отличным катализатором научной революции, для которой даже известные случаи — Коперник, Ньютон, Дарвин — не могут быть адекватным прецедентом». Автор статьи, кроме египтологии преподававший в отделе междисциплинарных общих учений, подробно рассматривал, как теории Великовского могут повлиять на развитие физики, геологии, палеонто-

логии и биологии, психологии, мифологии и истории.

Под рубрикой «Форум» журнал напечатал многочисленные отклики на различные работы Великовского. В их числе статьи профессора Люиса Гринберга — изложение оригинального тезиса, подтверждающего положения книги «Эдип и Эхнатон», инженера из лаборатории Белл по поводу орбиты Венеры.

Доктор Лин Трейнор, профессор физики Торонтского университета, крупный специалист в области ядерной физики и статистической механики, писал: «Великовский выдающийся человек экстраординарного ума и огромной проницательности, но он не вмещается в представление об обычном смертном ученом. Он не только ученый, но также философ и почти поэт.

Мой опыт показывает, что лучшие ученые — это люди с определенным сортом особой интуиции: они не всегда укладываются в рамки обычной логики. Они совершают интуитивный скачок в своем мышлении, который и сами не могут объяснить в данный момент. Великовский сделал это сильнее большинства ученых, потому что у него очень сильная высокозаряженная интуиция, и это движет его за пределы нормальной научной активности.

Для суждения о личности, подобной Великовскому, следует определить, предпочитаете ли вы ограниченную холодную самоочевидную логику или интуитивную силу великих людей. Вероятно, существует равновесие между ними. Лично я считаю, что чрезвычайно важно иметь таких людей, как Великовский, потому что независимо от того, правы они или ошибаются, они дисгармонируют с обычным образом мышления и стимулируют людей с

Выступление И. Великовского в Гарварде.

И. Великовский на симпозиуме в университете Льюиса и Кларка.

большей перспективой повторно проверить дела, которые они совершают».

Профессор Трейнор объясняет, почему так трудно ученым ранга Великовского, почему научные журналы отвергают их статьи и почему так важно для человечества иметь ученых, подобных Великовскому: «Даже если он полностью ошибается, он все еще служит очень важной цели. Тот факт, что он причина полемики, благоприятен сам по себе». Автор статьи так заканчивает свое мнение о Великовском: «На каждого ученого, способного выдвинуть действительно новую идею, существуют многие другие, неспособные на это, но любящие проблемы, чтобы работать над ними. Но если вы не предложите идею, другим людям нечего будет делать»...

Письмо физика доктора Дейвида Карлайна редактору содержало слова, которые были на устах сотен ученых: «...Более двух десятилетий назад Великовский предложил идеи, невысказанные в то время. Сегодня многие из этих «невысказанных» идей стали сами собой разумеющимися в научной среде и приняты как истина. Приоритет Великовского в предсказании ряда наиболее захватывающих и удивительных находок в астрофизике остается в значительной степени не признанным». «Ободряет, что сейчас возможна публикация специального выпуска «Пенсе», подобного этому, без агрессивных действий со стороны тех, чьи идеи изменились благодаря Великовскому».

Профессор Джорж Гринель из университета Мак Мастера в Канаде так объясняет непрекращающееся преследование Великовского: «Сильная реакция на Великовского понятна тем, кто исследовал историю науки. Великовский увидел основы астроно-

мии и геологии и нанес удар по очень чувствительным местам, которые никогда не были установлены. Теория единообразия в геологии была, в основном, политической доктриной: не было никого, кто бы проверил ее эмпирически. Любой намек на то, что теория единообразия ненаучна — Великовский указывает именно на это! — причина весьма сильного смущения. Ученые не могут возразить непосредственно; они могут возразить, только атакуя Великовского таким же путем, каким Лайелл в его дни атаковал катастрофизм: дискредитируя представителей катастрофизма. Это верно и в отношении астрономии, которая также содержит в своем основании несколько очень слабых пунктов. Одним из этих слабых пунктов является гравитационная постоянная, которая была выведена как для теоретических так и для практических целей... Я уже упомянул гипотезу единообразия, которая была представлена юристом, а не профессиональным геологом. Лайелл оспаривал теорию единообразия, как аргументирует ее юрист. (Профессор Гринель буквально повторяет слова Великовского. — И. Д.) Это не было нечто, вытекающее из исследования... Я потратил массу времени на изучение работ Дарвина и могу сказать с определенной уверенностью, что Дарвин также не извлек свою теорию из природы, а скорее нанес схему определенного философского мировоззрения о природе, а затем потратил 20 лет, пытаясь соединить факты, чтобы они хоть как-то держались.

Мы не очень привыкли иметь дело с эволюцией, теорией единообразия и гравитацией, и мы забыли, как они были созданы. Но Великовский не должен быть отвергнут на основании 100 лет традиций. Вполне может быть, что эти 100 лет

традиций покоились на очень ненадежном основании».

«Пенсе» опубликовал письма, сообщающие о практических шагах, предпринимаемых для изучения теории Великовского.

Журнал опубликовал в этом выпуске работу Великовского, посвященную теплоизлучению Венеры. Именно эту статью редакция избрала как точку, поставленную в конце журнала.

Давно уже научный мир Америки не знал такого всплеска общественной активности, как в мае 1972 года. Журнал вначале был издан тиражом 35000 экземпляров, незначительно превышающим обычный. Но спрос на него оказался таким огромным, что пришлось немедленно допечатать еще 20000 экземпляров. В редакцию хлынули письма. Телефоны не умолкали. Материала было столько, что и следующий номер «Пенсе» также полностью посвятили Великовскому.

68. В УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ АМЕРИКАНСКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Между двумя выпусками журнала произошло событие, свидетельствующее о существенном ослаблении позиции защитников догматических идей, особенно в астрономии.

В июле 1972 года Великовского пригласили выступить в NASA. Утром 14 августа 1972 года в Эймсе, на юге Сан-Франциско, в отделении NASA, занимающемся биологическими проблемами, связанными с космосом, Великовский прочитал лекцию для персонала. Но желающих услышать Великовского было так много, что после полудня он был

вынужден выступить вторично перед огромной аудиторией. Люди, не поместившиеся в зале, толпились в открытых дверях.

После лекции даже предубежденные слушатели высказали мнение, что следует прекратить глупый и преступный бойкот Великовского и приступить к тщательному исследованию всего, предложенного этим необычным человеком, заставившим скептически настроенную аудиторию в течение часа затаив дыхание слушать о предмете, имеющем непосредственное отношение к тому, чем занимается исследовательский центр.

На следующий день Великовский вылетел из Сан-Франциско в Портленд, чтобы принять участие в специальном симпозиуме, организованном в колледже Льюиса и Кларка. В течение 16, 17 и 18 августа пятьдесят приглашенных ученых и двести наблюдателей от полудня до полуночи с полной отдачей сил принимали участие в этом симпозиуме, посвященном теориям Великовского.

Президент колледжа Джек Говард открыл симпозиум яркой и гневной речью против преследователей великого ученого. На симпозиуме работали три секции: физические науки; история и археология; психология, религия и социология. Заседания двух первых начались с докладов Великовского. Еще одним докладом — «Человечество в амнезии» — он открыл заключительное заседание симпозиума.

Трудоспособность Великовского поразила присутствующих. Молодые ученые буквально падали от усталости после дня симпозиума, загруженного до предела. А 77-летний старик, — выступающий с докладами, отвечающий на бесчисленные вопросы, внимательно слушающий выступления других ора-

торов, участвующий после полуночи в частных дискуссиях, снимающийся утром в телевизионных программах, активно участвующий во многих других событиях, — выглядел неутомимым. Это произвело на участников симпозиума не меньшее впечатление, чем удивительная образованность, феноменальная память и какая-то необъяснимая сила, излучаемая этим человеком, — властвующая, доминирующая, но не подавляющая.

Аудитория обратила внимание на фразу, с экспрессией произнесенную Великовским во время открытия симпозиума: «Все, что я написал или сделал, подлежит проверке, критике, изменению, и я принимаю вердикт фактов. Мою работу не следует воспринимать как абсолютную истину».

Эти слова он повторял неоднократно. Но его противники не слышали их. Они постоянно распространяли слухи о том, что, мол, Великовский провозглашает свою теорию безапелляционной истиной.

Общая точка зрения всех участников симпозиума лучше всего была сформулирована в докладе доктора Мак-Ки из университета Глазго в Шотландии: «...Доктор Великовский оказал гигантскую услугу, заставив нас пересмотреть как сами основы, так и основные предположения в различных дисциплинах, напомнив нам, как нужны для здоровья науки и учения вообще междисциплинарные изучения. Поэтому я не предлагаю тратить время на потворство и удовлетворение скептиков, извиняясь за серьезное отношение к идеям Великовского. Достаточно сказать, что я не представляю себе, как может серьезный ученый отказаться рассмотреть эти идеи или сверить их с фактами и теорией, с которой он знаком в деталях. Детали-

зированные идеи Великовского... являются экстраординарно эффективным инструментом для отметания так называемых «неоспоримых» предположений, обусловивших многие научные исследования... и для отсортровки действительных фактов от предположений».

Никогда еще в колледже Льюиса и Кларка не собиралось одновременно столько выдающихся ученых. Это был явный успех, тем более важный, что некоторые профессора колледжа опасались, что симпозиум, посвященный Великовскому, может повредить их репутации. Даже журналисты, все еще находившиеся в плену общественного мнения, созданного ортодоксальными учеными, боялись, как бы корреспонденции в пользу Великовского не повредили их карьере. Один из тележурналистов, оповещенный о предстоящем симпозиуме, спросил: «Как я смогу скрыть злорадство в моем голосе?»

После завершения симпозиума многие ученые высказали мнение, что подобные встречи необходимы в дальнейшем — каждая из них должна быть посвящена только одной теме, связанной с теорией Великовского. «Я не надеялся дожить до такой конференции. Я даже не надеялся дожить до космической эры. Но мне повезло, и я благодарен», — сказал Великовский в своем заключительном докладе.

69. БРИТАНСКИЙ МУЗЕЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ США

Читателю уже известна история радиоуглеродного исследования дерева из гробницы Тутанхамона. В ту пору в письме доктору Элизабет Ральф

от 2 марта 1964 года Великовский предсказал результаты исследования короткоживущих растений: будет установлено, что они росли в 840 году до нашей эры...

Руководитель отдела египетских древностей Британского музея профессор И.Е.С. Эдвардс в письме от 6 апреля 1971 года сообщил доктору Х.Н. Микаэль, что на основании исследования изотопов углерода установлен возраст тростника и пальмовой косточки из гробницы Тутанхамона. Возраст этот — приблизительно 846 и 899 год до нашей эры. Профессор Эдвардс заверил: эти данные вскоре будут опубликованы.

Увы, они не были опубликованы — ни вскоре, ни вообще. В майском выпуске «Пенсе» появилось сообщение об этом случае, не очень украшавшем науку.

История радиоизотопных исследований заинтересовала доктора Ван Оостергоута с кафедры химии Дельтского технологического университета в Голландии. От своих американских коллег он получил копию письма из Британского музея, в котором цитировалось обещание директора лаборатории этого музея опубликовать результаты изотопного исследования, хотя они значительно отличаются от того, что ожидали получить. Но, как правило, такие данные бракуются и никогда не попадают в научную печать.

В апреле 1973 года упрямый доктор Ван Оостергоут написал, что он лично обратился в Британский музей и получил официальное письмо, подписанное Х. Баркером: «В ответ на ваш запрос от 3 января сообщаем, что лаборатория не исследовала материала из гробницы Тутанхамона». Возмущенный доктор Ван Оостергоут написал: «...де-

ликатно выражаясь, мистер Баркер, вероятно, не знает, что делается в его лаборатории. Но дело обстоит гораздо хуже. Результаты, отличающиеся от ожидаемых, не только не опубликованы, отрицают даже то, что они были получены».

Так обстояло дело служения Истине в Британском музее... Эта история уже не потрясла Великовского. Он прочно усвоил: наука не отличается от других сфер человеческой деятельности. А поэтому он не особенно удивился, когда прочитал опубликованную в 1973 году статью Юри, в которой Нобелевский лауреат утверждал: все геологические периоды закончились катастрофами, а причины этих катастроф — столкновения земли с кометами. Все правильно! Юри только «забыл» упомянуть имя автора этой гипотезы...

Однако не все ученые Америки вели себя подобным образом. В 1972 году была опубликована статья Сайруса Гордона, заведующего кафедрой Средиземноморских стран университета Брандайс, содержащая самую высокую оценку книги Великовского «Эдип и Эхнатон». В этом же году отдел специальных курсов Техасского христианского университета, колледж Льюиса и Кларка и университет Мак-Мастера ввели в свою программу курс Великовского. Их примеру вскоре последовали другие университеты. Произведения Великовского стали обязательными для изучения на кафедрах геологии, истории и других кафедрах во многих высших учебных заведениях, в том числе в Принстонском университете.

Следующий выпуск «Пенсе» также полностью был посвящен Великовскому. Редакция не занималась селекцией материала — она публиковала все, что поступило.

Профессор П. М. Мейнке, физик и заместитель декана Торонтского университета, писал, что в «деле Великовского» фактически нет ничего нового. Так всегда воспринималась большая революционная идея. «Борьба Великовского вышла на передовую благодаря его благородному величию, уважению со стороны его затаивающих дыхание слушателей и широте идей. В глазах публики он — герой, обвиняющий научный истеблишмент».

Но от публики, писал профессор Мейнке, скрыта истинная сторона трагедии: банальность «дела Великовского». В глазах публики ученые — это люди, открытые для восприятия новых идей, а в действительности ученые — всего-навсего люди. Он подробно объясняет причину сопротивления ученых идеям Великовского, возмущаясь тем, что этому ученому не давали возможности публиковать свои идеи и отвечать на критику. Он чрезвычайно высоко оценивает предсказание Великовским важнейших открытий, которые чаще всего были подтверждены... благодаря случайному стечению обстоятельств. Массу времени и денег можно было бы сохранить, если бы наука серьезно отнеслась к предложениям Великовского. Факт, что он предлагает такое широкое разнообразие остроумнейших экспериментов для проверки его теорий, — свидетельство лучших научных традиций. Можно будет лишь горько сожалеть, если эти эксперименты не осуществляются только потому, что они предложены Великовским. «Безотносительно к реакции на его работу во многих областях, — заканчивает статью профессор Мейнке, — я уверен, что любой, встречавшийся с Великовским, согласится, что он — блестящий и добрый человек, наполненный огромной страстью к своей работе. Независимо от

того, подтвердит ли история его правоту, нельзя не испытывать уважения к этой удивительной человеческой личности». Профессор Х. Дадли, физик Илинойсского университета, поздравил редакцию «Пенсе» с майским выпуском. Он считал, что три научных события, происшедших за период, начиная с 1950 года, приведут к ревизии принятых в физике теорий, подобно великим открытиям в физике, приведшим к научной революции 1895—1920 годов. К этим событиям профессор Дадли относит: 1) теорию Великовского (1950); 2) экспериментальную демонстрацию Райнесом и Ковансом существования нейтрино (1953); 3) предсказание Янгом и Ли нарушения закона сохранения четности (1956), подтвержденное в 1957 году.

Среди отзывов, опубликованных в журнале, были и такие, которые можно назвать реакцией «болельщика» в большей мере, чем реакцией ученого. Именно так отреагировал итальянский математик профессор Бруно де Финети: «Я был рад и заинтересован, получив майский, 1972 года, выпуск «Пенсе», посвященный Великовскому, и узнав, что вы продолжите свои действия, чтобы отношение к его работам было пересмотрено.

Я заинтересован в дискуссии (и желаю Великовскому оказаться правым, а его преследователям быть пристыженными) в значительно большей мере благодаря преступному поведению научной общественности против новой гипотезы, чем благодаря специфической причине поверить в правильность гипотезы... Внешние условия могут меняться от поколения к поколению, от столетия к столетию, но истеблишмент всегда действует как ужасная мафия».

Кенет А. Мак-Грат, профессор факультета бактериологии и биохимии университета Виктории в

Канаде, писал: «Майский выпуск дал самое лучшее представление о «деле Великовского» из всех, которые мне довелось видеть, явился хорошей данью самому лучшему мозгу нашего столетия».

Естественно, журнал получал и публиковал не только такие письма. Профессор В.С. Страка, астроном из Бостонского университета, прислал большое письмо, озаглавленное «Великовский: наука или антинаука?» Профессор читал в университете курс «Наука и антинаука в астрономии». Одним из примеров «антинауки» в его курсе оказался... Великовский.

Страка начинает свою статью с утверждения, что гипотеза Великовского абсурдна, поскольку энергия вращения Земли вокруг оси примерно 10^{38} эрг, в то время как кинетическая энергия поступательного движения Земли по орбите всего лишь примерно 10^{30} эрг. Таким образом, пишет он, эффекты, о которых говорит Великовский, абсурдны. Настаивать на том, что они имели место — все равно, что требовать от ассистента заплатить из своего кармана национальный долг США. Профессор Страка утверждал, что ни один из прогнозов Великовского не оригинален, так как ученые еще до Великовского предполагали все написанное им, и не всё, предсказанное Великовским, вытекает из его теории. Страка пользовался аргументами, которые уже пускали в ход критики Великовского и которые без особых усилий были опровергнуты ученым и его последователями.

В журнале вслед за статьей Страка был помещен ответ Великовского. Он справедливо потребовал точности в вычислениях, если этими вычислениями пытаются доказать абсурдность его теории. Говоря об энергии вращения и поступательного

движения Земли, подчеркнул Великовский, профессор астрономии ошибся... в триллион раз! Причем, это не описка, так как цифры повторены дважды. (Ошибка весьма странная не только для профессора астрономии, но и для начинающего студента. Она видна на расстоянии даже без подсчета, поскольку масса Земли одна и та же, а скорость движения по орбите примерно в 80 раз больше скорости вращения на экваторе — И. Д.). Отвечая профессору Страка, Великовский пишет, что, если годовая зарплата ассистента 10000 долларов, то, умножив ее на ошибку в один триллион, мы получим сумму, значительно превышающую не только национальный долг США, но даже всех стран мира — по 3000000 долларов на каждого жителя Земли. Очень коротко и сдержанно Великовский ответил на несколько других утверждений Страка, демонстрирующих только то, что он, читающий курс, обвиняющий Великовского, фактически не знаком с трудами Великовского.

Редактор журнала попросил Страка дать ответ на следующие вопросы: 1) Кто раньше Великовского в 1950 году утверждал, что Венера горячая планета? 2) Кто раньше Великовского предсказал, что Юпитер излучает радишумы, что лунные камни содержат богатые включения неона и аргона, что температурный градиент под лунной поверхностью соответствует кривой расплавления, что лунные камни содержат остаточный магнетизм? 3) Какие предсказания, «предположительно основанные на гипотезе Великовского, фактически не следуют из нее»?

Ни на один вопрос Страка не сумел ответить. Зато он подробно «объяснил», что не располагает свободным временем для переписки...

Кроме ответа Великовского, редакция «Пенсе» поместила еще семь замечаний своих читателей на статью Страка, свидетельствующих, что профессор астрономии не очень грамотен и еще менее — чисто плотен. В курсе, демонстрирующем антинауку, у Страка, кроме Великовского, числятся Вистон и Горбергер. Выяснилось, что профессор не читал книги Вистона. Больше того. Дважды ссылаясь на Гоербиргера, Страка называет его «Горбергером». Страка продемонстрировал полное незнание содержания двух основных книг Великовского, которые, как он заявил, читал два-три раза. В семи заметках обращалось внимание на уровень и приемы «критики» Великовского — ничего нового в сравнении с тем, что было 22 года назад.

Неужели Страка не понимал, что его фальсификация и незнание литературы будут замечены читателями? А даже если бы не это. Как быть с порядочностью ученого? Но в этой истории еще более печален другой аспект: Страка — профессор, преподающий в университете. Студенты, как правило, верят авторитету профессора. Откуда им знать, что «авторитет» попросту невежествен в своей же специальности?

70. ДИСКУССИЮ МОЖНО СВЕСТИ К ФАРСУ

Летом 1973 года Великовский, уступая настойчивым требованиям Элишевы, согласился почти полностью отвлечься от работы. В апреле была прочитана последняя лекция в университете Юнгстаун. Следующая — в Нассау Коммюнити-колледже запланирована только на конец сентября. Можно

отдохнуть. В Оушен-кантри у них был небольшой летний дом на берегу океана, на Томас Ривер бич. Отдых... Даже если он запишет несколько мыслей для «Человечества в амнезии», даже если тайком от Элишевы просмотрит верстки готовящихся к изданию книг — «Народы моря», «Рамзес II и его время». «Темные века Греции», это — не в счет. Отдых: музыка, поэзия, детективное и научно-популярное «чтово», не требующее напряженной работы мозга...

Великовский любил искусство, особенно музыку. В литературе предпочитал поэзию и испытывал неприязнь к историческим романам. Великовскому претили в них надуманные ситуации, гипотетические мысли и фразы исторических личностей.* Какую-то идиосинкразию испытывал он ко всей этой «околонаучности». Не потому ли, что в исторической науке он обнаружил такое множество надуманного, не имеющего ничего общего с истинной древней историей человечества?

Обстоятельность, обоснованность, точность, добросовестность были у Великовского неизменными требованиями к себе и к другим. Даже во имя дружбы или благодарности он не мог отказаться от этих требований.

В 1967 году в «Иельском научном журнале» была опубликована большая статья профессора Мотца, доказывающая, что гипотеза Великовского о рождении кометы, ставшей впоследствии планетой Венерой, из Юпитера, не имеет под собой научной основы. Профессор Мотц обосновывал это рядом математических выкладок.

---

* Работая над книгой о Великовском, автор никогда не забывал об этом.

Профессор Мотц консультировал Великовского зимой 1949—1950 годов, когда тот писал эпилог к «Мирам в столкновениях». Профессор Мотц вместе с профессором Бергманом в 1962 году написал письмо в «Science» по поводу приоритета Великовского в ряде выдающихся открытий. Все годы Великовский и Мотц состояли в дружеской переписке. Казалось, из чувства благодарности и в знак дружбы Великовский мог бы закрыть глаза на ошибки в статье Мотца, допущенные им, безусловно, не умышленно, как делали это недоброжелатели (Спустя несколько лет профессор Рансом напишет: «Ряд астрономов и физиков подсчитали энергию, необходимую для выброса Венеры Юпитером. При этом большинство из них допустили ошибки, за которые они провалили бы на экзаменах студентов, начинающих изучать физику».)

В ответной статье Великовский безжалостно «расправился» с профессором Мотцем, продемонстрировав все его ошибки, вытекающие из убежденности в правильности ортодоксальной теории, хотя мог бы ограничиться только принципиальным ответом на критику. В этом можно было бы усмотреть неблагодарность, даже жестокость, если бы точно с такой же меркой Великовский не относился к своим работам. Точность, безусловное подчинение факту — это всегда оставалось неизменным требованием Великовского к себе самому, к своим оппонентам и вообще ко всем ученым.

Великовский взял с собой на Томас Ривер бич верстки книг — продолжение «Веков в хаосе». В 1952 году он пообещал читателям, что в свет выйдет продолжение этой книги. «Эдип и Эхнатон» можно считать продолжением. Но оно описывает очень короткий период истории, а Великовский

обещал продолжение до времен Александра Македонского. Вот уже несколько лет у него верстка этого продолжения. Но работа так разрослась, так детализировалась, что из одной книги получились четыре. Ближе всего к завершению оказалась книга «Народы моря».

Много лет назад, когда он работал над «Веками в хаосе», «адвокатом дьявола» был замечательный египтолог доктор Вальтер Федерн. Будучи на ортодоксальных позициях, Федерн, тем не менее (а может быть, благодаря этому), оказал Великовскому огромную услугу. Уже незадолго до смерти он полностью принял реконструированную хронологию. Сейчас у Великовского больше друзей и возможностей. В Принстоне он сдружился с ориенталистом Принстонского университета, крупным специалистом по истории древнего Ирана профессором Мартином Диксоном. Последняя книга продолжения «Веков в хаосе» ближе всего к его интересам.

...Прошло лето. И снова работа над книгами, непрерывные поиски в библиотеках, подготовка к лекциям. И обширная переписка, отнимающая массу времени и сил, — переписка на английском, на иврите, французском, немецком и даже на русском языках. Странно, но спустя столько лет ему легче всего писать по-русски. В Советском Союзе только один корреспондент. К сожалению, только один... написал ему письмо еще во времена Сталина. Не испугался. Профессор полностью и безоговорочно поддерживал его реконструкцию событий в космосе. Шапли распространял слухи, что ни один профессиональный астроном не относится всерьез к Великовскому. Первым, кто мог бы опровергнуть очередную ложь Шапли, был профессор Всехсвятский, крупнейший специалист по кометам. Не он

ли в 1962 году организовал серию статей в трех выпусках советского научно-популярного журнала «Наука и жизнь»?

Статьи в завуалированной форме излагали теорию Великовского, правда, ни разу не упомянув его имени. Удивительная страна. В науке у них такая же грязь, как и на Западе, но ко всему еще приправленная особенностями системы. Здесь, на Западе, даже гонимый, он по крайней мере на свободе. Ночью, если переутомление не доводит его до бессонницы, он спит, не опасаясь, что вдруг нагрянут незваные гости, распотрошат весь дом, а его заберут туда, где может бесследно исчезнуть даже имя человека...

Конечно, Америка — тоже не райские кущи. Но это, если рассматривать безотносительно. А поскольку в мире нет ничего абсолютного, то, сравнивая с Советским Союзом, Америку вполне можно отнести к разряду райских кущей. Какая грустная философия...

Еще одно отделение NASA пригласило Великовского прочитать лекцию. На сей раз в Ландли. Он выступил там 10 декабря 1973 года, отказавшись от нескольких других приглашений.

Тем временем назревало чрезвычайно важное событие.

Несмотря на постоянное сопротивление власть предержащих в науке, популярность Великовского в университетах и в исследовательских учреждениях росла неуклонно. Еще пять лет назад, когда он приехал в Дентон, чтобы прочитать лекцию в Северо-Техасском университете, ему смущаясь сообщили, что руководство университета в последний момент запретило официально оповестить о предстоящей лекции и вообще о его приезде. Тем

не менее 80 человек с трудом втиснулись в зал, где он выступил с лекцией. Во время публичных и частных семинаров считалось удачей попасть в помещение и, стоя, прислонившись к стенке, слушать Великовского. Перед первым рядом и в проходах люди сидели на полу. Что же говорить о лекциях, о которых объявлялось официально! В университете Мак-Мастера не было ни единого свободного места не только в аудитории, но еще в шести залах, где установили телевизоры.

Сейчас Великовский не был так одинок, как тогда, когда на него впервые обрушился гнев научного истеблишмента. Сотни ученых, среди них люди со всемирно известными именами, поддерживали теорию Великовского, открыто выступали в его защиту. Догматики должны были предпринимать отчаянные усилия, чтобы хоть как-то поддерживать огонь в «костре» критики идей Великовского.

Один из его противников, профессор астрономии Дональд Голдсмит напишет об этом, стараясь продемонстрировать свою объективность: «Обе стороны остаются убежденными в значительности обсуждаемых идей: одна — поскольку они представляют усилия целой жизни; другая — поскольку принятие этих идей потребовало бы кардинального пересмотра нашего подхода к Солнечной системе и, в более широком плане, ко всей небесной механике. Идеи Великовского были бы чрезвычайно важны, если бы они были правильны: хорошо обоснованные представления во множестве дисциплин упали бы, как листья на ветру».

С точки зрения воспитанника Гарварда речь шла о «хорошо обоснованных представлениях». Но все большее количество серьезных ученых к этому

времени убедились в справедливости утверждения Великовского: ни в астрономии, ни в геологии, ни в эволюции представления никогда не были обоснованы объективными доказательствами.

Еще в 1972 году бывший президент Американской Ассоциации для Прогресса Науки (ААПН), астроном, профессор Вальтер Орр Робертс пытался убедить своего коллегу Ивана Кинга, профессора астрономии Калифорнийского университета в Беркли, посвятить сессию ААПН дискуссии с Великовским. Кинг упорно сопротивлялся. Но он изменил свое отношение к этому вопросу, когда к нему обратился профессор Карл Саган (в свое время он тоже был астрономом в Гарвардском университете) и убедил в том, что дискуссию можно будет свести к фарсу, подобному истории с «летающими тарелками», и таким образом полностью дискредитировать Великовского в глазах публики.

В июле 1973 года Кинг посетил Великовского и предложил ему принять участие в симпозиуме ААПН. Великовский с радостью согласился, не подозревая никакого подвоха. Зная научный мир так досконально, накопив папки, содержащие грязную продукцию этого мира, Великовский все еще оставался доверчивым как ребенок. Это вполне естественно. Мелкий воришка вовсе не должен обладать интеллектом Великовского, чтобы очистить его карман.

Когда в «Science» появилось объявление о предстоящей сессии ААПН и ее повестке, в адрес профессора Голдсмита, руководившего организационным комитетом сессии, посыпался поток предложений. Ученые хотели выступить на сессии. Но все они получили любезные извещения о том, что

программа загружена до предела, время ограничено, поэтому они, к сожалению, не смогут выступить. Организационный комитет подготовил своих докладчиков.

Голдсмит в письме сообщил Великовскому, что сессия ограничена обсуждением только одного вопроса: природа движения планет, в частности, Юпитера и Венеры.

Но Голдсмит не сообщил, а потом лицемерно попытался увильнуть от честного рассказа о том, что стало известно ученому миру благодаря Фредерику Б. Юенеману, директору Исследований для Ассоциации новаторских идей. Оказалось, что Кинг, Саган, Голдсмит и другие запланировали сессию как современный суд инквизиции, дискуссия на сессии предназначалась для убеждения публики в том, что она должна игнорировать ученых, тратящих драгоценное время на анализ работ Великовского. Кинг, по крайней мере, не лицемерил. Он скажет потом по поводу этой сессии: «Никто из нас в научном истеблишменте не верил, что о дебатах по поводу взглядов Великовского на Солнечную систему даже отдаленно будут судить как о серьезном научном собрании». А если это «не серьезное научное собрание», то докладчикам все дозволено, они могут говорить все, что им заблагорассудится, представляя явную ложь как истину. Это ведь — «не всерьез».

71. СЛЕДЫ СНОВА ВЕДУТ В ГАРВАРД

Великовский летел в Сан-Франциско на сессию Американской Ассоциации для Прогресса Науки в подавленном состоянии. Нет, он еще ничего не знал

о готовящемся «современном суде инквизиции». Ровно неделю назад, 17 февраля 1974 года, умер Гораций Кален. Умер во время работы над книгой. Человек, увы, не бессмертен. Горацию шел 91-й год. Но от понимания этого не становится легче. Пустеет мир. Ушли отец, Эйнштейн, Адамс, Пфейфер, Федерн, Гесс... А сейчас — Кален.

Летом Великовскому исполнится 79. Он еще полон сил, у него еще масса идей. Но время не обманешь. Жизнь — это не реактивный самолет, летящий из Нью-Йорка в Сан-Франциско. Пять часов полета. Разница во времени между Атлантическим и Тихоокеанским побережьями — три часа. Он прилетит через два часа после вылета. Великовский грустно улыбнулся, вспомнив, что на обратном пути прибавятся эти три часа. Даже здесь работает своеобразный закон сохранения — природу не перехитришь!

Сессия началась утром в среду 25 февраля 1974 года. Как отмечали потом сторонники и противники Великовского, ни одна из сотен сессий ААПН не привлекала к себе такого внимания ученых и средств информации, как эта, февральская.

Первым выступил профессор-социолог Норман В. Сторер, который попытался объяснить яростную атаку ученых на «Миры в столкновениях». Две первых трети его доклада были попросту переливанием из пустого в порожнее. О докладе Сторера напишут: «Странные пути науки в «деле Великовского» были скрыты в тумане социологических «объяснений». Сторер пытался оправдать неэтичное отношение многих ученых к Великовскому тем, что, мол, он, Великовский, писал о вещах, которые не были предметом его формального образования.

И, словно демонстрируя абсурдность этого оправдания, на кафедру поднялся второй докладчик. Ритер Хубер, профессор математической статистики Швейцарского Федерального технологического института, говоривший о ранней клинописи, не имевшей ни малейшего отношения к его специальности. Он пытался доказать, что уже во времена Исхода Венера была на нынешней орбите.

Слушая доклад Хубера, астроном профессор Мулхолланд нервно ёрзал в своем кресле, реагируя таким образом на абсолютно неправильные утверждения швейцарского ученого. Мулхолланд заметил, что именно на эти же положения реагирует Великовский, делая заметки в своих бумагах. Три года назад Мулхолланд обратил внимание на те же аспекты в древних астрономических наблюдениях, о которых абсолютно точно написал Великовский. Но ведь он здесь присутствует как эксперт ААПН, защищающий Ассоциацию от Великовского. Сейчас он представит соответствующий доклад. Конечно, как ученый он должен был бы показать, где ошибается Хубер. Но это значит выступить против «своего ученого» и поддержать этого «выскочку» Великовского. Нет, он не выступил. Он ограничился ёрзанием в своем кресле.

Через несколько лет Рансом напишет по поводу поведения Мулхолланда: «Его бездействие соответствовало представлению Кинга о том, что должно быть сделано, так как Кинг дал ясно понять, что собрание не намереваются считать научным».

Третьим докладчиком был Великовский. Аудитория уже имела возможность услышать его, когда своими вопросами он загнал в угол профессора Хубера. Цитируя наизусть переведенные на немецкий язык строфы древнеассирийского гимна, Ве-

ликовский убедительно продемонстрировал, чего стоит доклад швейцарского профессора. Сейчас он был докладчиком.

Великовский коротко изложил содержания своих работ и рассказал о некоторых реакциях на них представителей ученого мира. Только чуть более заметный русский акцент в этой части его доклада мог выдать тщательно подавляемые эмоции. Но, то ли потому, что каждая фраза казалась обвинительным заключением, то ли аудитории передалось его скрытое волнение, то ли облик старого пророка, большого, с копной белых мягких волос, с глубоко посаженными черными глазами, гипнотизирующими, когда он снимал очки или сдвигал их на лоб, так магически влиял на аудиторию, какой-то ток, какое-то силовое поле держало огромный зал в напряжении, необычном для научного собрания.

Он снова подчеркнул, что никогда не считал себя непогрешимым, что никогда не допускал даже мысли об отсутствии ошибок в его работах. «Те, кто предпочитают аргументам навешивание ярлыков, неторопливому обдумыванию — остроты, те, кто триумфальным пальцем тыкают в намеренно извращенные ими детали и на этом основании заявляют, что все мои работы должны рухнуть, те, кто хвастается исключительностью касты специалистов, а сейчас утверждает, будто бы я говорю о своей исключительности и непогрешимости, о безошибочности моих якобы святых книг, — они не первые в своем искусстве. Истории науки уже известно подобное».

Великовский поднял очки на лоб и процитировал наизусть строки Джордано Бруно: «Они участвуют в диспуте не для того, чтобы найти, или

даже искать Истину, а ради победы, чтобы предстать наиболее образованной и нерушимой опорой противоположного мнения». Он сделал паузу, словно снова обдумывая слова цитаты, и продолжал: «Не важна роль Великовского в научной революции, совершающейся в различных областях знаний. Распространяют слухи, будто бы Великовский выступает против всего научного мира. Это неправда. Великовский — всего лишь инструмент для формулировки определенных положений. Его работа сделана на основании труда многих сотен ученых. Поиски ошибок в моих книгах и статьях для утверждения, что вся моя концепция ошибочна, не отличаются от поисков ничтожной ошибки в какой-нибудь статье по поводу статистики Бозе-Эйнштейна для утверждения, что можно пренебречь всем в теории относительности. Я очень надеюсь на то, что это собрание явится поворотным пунктом в поведении научного истеблишмента. Мне хочется надеяться на то, что собрание явится запоздалым признанием того, что наклеиванием ярлыков вместо проверки, жестами вместо чтения и размышления ничего нельзя достигнуть. Естественно, у меня могут быть ошибки, и я буду глубоко признателен ученым, которые укажут мне, где я ошибся. Но когда извращают то, что я написал, а потом атакуют извращенное, это — нечестный прием для доказательства, что я ошибаюсь. Никто не может изменить свидетельств, подтверждающих мою теорию. Никто не может изменить ни одной фразы в моих книгах. Критиковать можно только то, что написано».

Великовский ошибался. Критиковать можно и то, что не написано и не сказано. Профессор Карл Саган убедил своих дружков-репортеров написать,

будто бы Великовский заявил, что в его книгах нельзя изменить ни одной фразы, потому что его книги непогрешимы.

Умышленно или случайно Великовский закончил свой доклад на очень спокойной ноте, просто поблагодарив аудиторию. И, тем не менее, какая-то непонятная сила, какой-то импульс поднял одновременно 1400 человек, наградивших докладчика неслыханной овацией. Даже его противники, даже враги поддались общему порыву. Люди долго стоя аплодировали старому ученому, убежденные в том, что — прав он или ошибается — мир нечасто одаряется личностями подобной величины.

Вслед за Великовским с докладом о небесной механике выступил профессор Мулхолланд, астроном из Техасского университета в Остине. «Является ли объяснение Великовского правдоподобным?» — спросил Мулхолланд, — «...да, безусловно. Если объект величиной в планету прошел бы вблизи Земли, поднялись бы гигантские волны, были бы глобальные землетрясения, изменилось бы местоположение Северного полюса, изменились бы день, месяц, сезоны, год. Вера не примешана к этому: это неизбежные последствия законов движения, известных нам ныне. Мы должны отметить, что динамические аспекты видения Великовским ада на Земле вполне приемлемы... Сегодня небесная механика сэра Исаака Ньютона и Симона Ньюкомба больше не является предельной мерой. Сегодня небесная механика — развивающаяся живая наука, признающая негравитационные эффекты, электромагнитные взаимодействия... Несмотря на наше новое знание, однако, могут оставаться некоторые неопознанные влияния».

Не об этом ли говорил Великовский более четверти века назад? Не это ли было предметом, вызвавшим яростный гнев астрономов? Нет, Мулхолланд ничего не сказал об этом. Зато он пытался доказать, что теория Великовского противоречит ньютоновской механике, в рамках которой никаких коллизий между планетами быть не могло. Его утверждения были настолько неубедительными и даже ошибочными, что профессор Роберт Басс тут же попросил дать ему слово на вечернем заседании.

Имя профессора Басса, физика и астронома, было хорошо известно в научных кругах. За несколько лет до этой сессии он показал профессору Мотцу, где именно тот ошибается, не соглашаясь с теорией Великовского. В статье, опубликованной в 1972 году, опираясь на веские доказательства, профессор Басс писал: «...астрономы, утверждавшие, что центральная гипотеза Великовского противоречит ньютоновской динамике, действовали под влиянием радикально неправильного представления об объективных фактах». Он так заключил эту статью: «Труд всей жизни искреннего и истинного ученого, который опубликовал все свои источники для внимательной критической проверки, не должен быть торопливо отброшен на основании просто группового соглашения о ценности устаревших идей, которые настоящие специалисты давно отметили как иллюзии».

У председателя не было сомнения, что скажет Басс по поводу доклада Мулхолланда. Председатель не дал ему слова, недвусмысленно объяснив, что его выступление может произвести неблагоприятное впечатление на публику. Шутка ли, виднейший специалист в области небесной механики

не согласен с мнением эксперта, которому ААПН поручила опорочить Великовского!

Ударной силой ААПН по замыслу организаторов конференции был профессор Карл Саган из лаборатории Планетарных исследований Корнельского университета. Его «ударная сила» объяснялась отнюдь не научными достижениями. Карл Саган — это зрелищная империя США. Он автор и ведущий научно-популярных программ и шоу на телевидении и в кино. Личные знакомства и приятельские отношения с сотнями журналистов делали Карла Сагана еще более популярной личностью. У американского обывателя, оглушаемого Саганом, могло сложиться представление, что без него вообще невозможно движение планет по орбитам.

Отлично владея лекторским искусством, Саган построил свой доклад именно по образцу, о котором упомянул Великовский, процитировав Джордано Бруно. Саган критиковал положения, о которых у Великовского не было и речи. Саган говорил полуправду и часто опускался до явной лжи.

Физик профессор Рансом напишет по этому поводу: «Большинству аудитории не было известно и благодаря его (Сагана) захватывающему изложению не было дела до того, что многие его положения были нерелевантными, неправильными или вводящими в заблуждение».

Саган допускал в своей речи не просто неуважительные замечания в адрес Великовского, но даже явно издевательские насмешки в стиле Шапли и его последователей.

Многие из присутствовавших потом обратились в ААПН с требованием рассмотреть поведение Сагана, не имеющее ничего общего с этикой уче-

ного. Но это поведение не было исключительным. Оно вполне соответствовало линии поведения астрономов гарвардской школы.

Дональд Голдсмит напишет, что «случайно» большинство противников Великовского связаны с Гарвардом. В этом, мол, нет ничего исключительного, так как Гарвард считался ведущим центром астрономических исследований в течение последних ста лет. Считался... О бывшем гарвардском астрономе Рансом напишет следующее: «Сагана, постоянно поддерживающего неправильные предположения и заявляющего, что это факт, можно было бы считать заблуждающимся ученым, пытающимся способствовать прогрессу науки. Но когда он фабрикует и увековечивает фальшь по поводу теории оппонентов, легче сказать, что прогресс, который он имеет в виду, персонального характера, в отличие от научного».

Сагану не нужна была истина. Считая, что аудитория не знает деталей книги «Миры в столкновениях», и пытаясь восстановить слушателей против Великовского, он опустился до таких трюков, как заявление, будто бы в книге предсказано, что в атмосфере Юпитера обнаружат лягушек. Писал ведь Великовский, что одна из «казней египетских» — наводнение страны лягушками — связана с космической катастрофой. Саган только «забыл» процитировать точное объяснение «казни», как и другой — нашествия саранчи.

У Рансона были основания написать то, что он написал. Саган безапелляционно заявил, что ретроградное* вращение Урана — исключительный

---

* Вращение в направлении противоположном вращению планет Солнечной системы.

случай в Солнечной системе и его не следует принимать во внимание. Когда обнаружили ретроградное вращение Венеры, астрономы поняли, что этому нет объяснения в рамках ортодоксальных теорий. Появились работы о катастрофической природе необычного вращения Венеры. Саган выступил со спекулятивной теорией приливного трения, которая вообще никем не была воспринята всерьез. Незадолго до февральской сессии ААПН Саган писал: «...недавно установлено, что облака Венеры, безусловно, состоят из воды». Сейчас, выступая против Великовского, Саган уже поддерживал предположение о том, что облака Венеры состоят из серной кислоты.

В своей книге «Век Великовского» профессор Рансом приведет множество «перлов», характеризующих «научное» творчество Сагана, бывшего адъюнкт-профессора кафедры астрономии Гарвардского университета.

Но оставим в покое научные качества оппонента Великовского. Как обстоит дело с простым человеческим качеством — порядочностью?

Саган убедил журналистов (и многие из них написали об этом в отчете) в том, что Великовский считает себя непогрешимым, что именно это он имел в виду, заявив, что ни одна буква в его книгах не может быть изменена.

Выступая, Саган сказал, что вероятность событий, описанных Великовским, всего лишь один к 10^{23} . Такие события статистически невероятны. Эти цифры широко цитировались журналистами, которых проинструктировал Саган. Снабжая журналистов информацией, он отлично знал, что говорит неправду. Сразу же после доклада профессор Басс с удивлением спросил Сагана, каким образом он

подсчитал вероятность. Саган обиженно ответил, что он не ожидал от своего коллеги, более сильного в статистике, такого сложного вопроса в такой аудитории при таких обстоятельствах. Кроме того, Саган полагал — так он ответил Бассу, — что события, описанные Великовским, «были независимы друг от друга». По этому поводу профессор Басс заметил: «Это предположение Сагана до того нечестно, что я не колеблюсь отнести его к категории либо умышленной публичной лжи, либо к проявлению невероятной некомпетентности, или необдуманности в комбинации с безрассудством и отвратительным суждением».

Еще более резко написал по этому поводу Рansom: «Когда обращают внимание на то, что у Сагана предельно плохая репутация, он, защищаясь, говорит, что ученому свойственно быть непредубежденным и способным менять мнение. Он создает впечатление, что лучше быть неправым, чтобы, изменив мнение, доказать, что ты — ученый, чем быть правым, но подвергать свой статус сомнению людей. Если быть неправым — значит, считаться ученым, то Саган — безусловно ученый».

Вот кто был «ударной силой» ААПН в борьбе против Великовского. Кстати, ударная сила покинула сессию не только до начала дискуссии, но даже не выслушав всех докладов: Саган торопился на запись «Джони Карсон Шоу».

Фиксированные доклады заключил своим выступлением профессор механики и авиакосмической инженерии Иллинойского технологического института Ирвин Михельсон. Его доклад, снабженный точными математическими выкладками, был посвящен физическим механизмам космических коллизий, описанных Великовским. Профессор

Михельсон безоговорочно поддержал теорию миров в столкновениях.

Стараясь дискредитировать профессора Михельсона, ортодоксальные ученые распространили слухи о том, что он был приглашен докладчиком на сессию ААПН с тем, чтобы хоть кто-нибудь сказал доброе слово об идеях Великовского. Михельсон категорически опроверг это. «Если здесь были слепо фиксированные «за» и «против», — писал он, — моей целью не было исполнение акта веры, а только акта объективной научности — и я все еще не рискнул бы оценить, до какой степени мои заметки «Механика поддерживает свидетельство» были хороши или плохи для этого».

Профессора Михельсона попытались дискредитировать и другим образом. Во время его доклада Мулхолланд с места заметил, что энергия солнечной вспышки, пока она достигнет Земли, уменьшится в 10^8 раз. В это время Михельсон говорил не о солнечной вспышке, а об энергии геомагнитной бури. Физику это было настолько очевидно, что Михельсон даже не ответил, чтобы не дискредитировать коллегу в глазах аудитории. Но журнал «Science» упомянул выступление Михельсона только одной фразой, в которой говорилось, что подсчитывая изменения ротации Земли, Михельсон ошибся в 10^{18} раз. Ошибка Мулхолланда была приписана Михельсону и с 10^8 увеличена до 10^{18} .

Михельсон написал в «Science», но журнал отказался опубликовать это письмо.

Группа канадских ученых, узнав об этом позорном инциденте, обратилась в «Science» с требованием либо опубликовать письмо Михельсона, либо объяснить свое недостойное поведение. Редакция «Science», по-видимому, решила, что второе будет

более болезненным и, сжав зубы, опубликовала письмо Михельсона.

В 1974 году ученый истеблишмент оставался верен четвертьвековой тактике преследования Великовского и поддерживающих его ученых.

После доклада Михельсона началась бурная дискуссия. Великовский припер к стенке Хубера и продемонстрировал недостойные приемы Сагана. Докладчики пытались обороняться против выступлений ученых из аудитории. Страсти накалялись. Председатель закрыл сессию на два часа позже намеченного времени. Он явно опасался реакции подавляющего большинства присутствующих, поддерживавших Великовского.

72. МАФИЯ ПРОТИВ ВЕЛИКОВСКОГО

Из Сан-Франциско Великовский вернулся в Принстон и тут же вместе с Элишевой вылетел в Израиль.

В Принстоне они 22 года. Обжитый, гостеприимный дом. Устоявшийся быт. Интересные встречи. Но только здесь, в Израиле, он по-настоящему чувствовал себя дома. А время было не самое лучшее. Несколько месяцев назад закончилась тяжелая война. Во время любой беседы возникала тема войны. Но во дворах с утра до позднего вечера шумное веселье детворы, истинных хозяев Израиля. В доме Шуламит и ее мужа — профессора Хайфского Техниона Авраама Когана — ему было уютнее, чем в Принстоне. А может быть, внуки, Меир и Ривка, были тому причиной? В любом случае, достаточно с него Америки. Шуламит подыщет им квартиру. Он продолжит работу.

Конечно, не с прежней интенсивностью. Ведь скоро исполнится 79. Но ему еще есть, что сказать. Здесь он завершит «Человечество в амнезии», книгу о Потопе и последние две книги «Веков в хаосе». Пора навсегда возвращаться в Израиль.

На Пасху Великовские с дочерью, зятем и внуками поехали в Эйлат. Уже в начале апреля на самый южный город Израиля навалился летний зной. Казалось, жгли даже блики, отраженные полированной поверхностью залива. Великовский смотрел из окна гостиницы на купающихся, на яркую расцветку парусов яхт, на танкер, медленно подходящий к порту. Нигде в мире он не видел такого темно-синего моря. Он мысленно улыбнулся, подумав о кажущемся парадоксе. Он понимал, почему самое синее море назвали Красным.

Пасха началась в субботу 6 апреля. Вечер не принес прохлады. Огни Акабы на иорданском берегу мерцали в густом мареве, как свечи, задуваемые ветром. Праздничный стол был сервирован со вкусом. Великовский с явным удовольствием руководил традиционным порядком застолья, неизменным в течение многих столетий. Точно так руководил пасхальным порядком его отец в Витебске и в Москве. Точно так руководил им его тесть в Гамбурге. Точно так празднуют Пасху евреи во всем мире. Вместе с Элишевой, дочерью, зятем и внуками он отмечал годовщину Исхода их дальних предков из Египта, праздновал так, будто он сам сегодня вышел из рабства.

Пасха имела для него и дополнительный смысл. Изучение отмечаемого события привело его, доктора медицины, в различные области науки, все еще разделенные барьерами.

После праздников они вернулись в Хайфу, зеленую, красивую, разросшуюся, такую родную и необходимую. Но на 22 апреля запланирована его лекция в Принстонском университете. Голдсмит сообщил, что Корнельский университет собирается опубликовать протоколы сессии ААПН в Сан-Франциско. Надо сличить персидские и египетские источники — предмет книги «Народы моря». Дело его жизни не давало права на выбор: Великовские должны были вернуться в Америку.

Потекла обычная жизнь, в которой главное место занимала напряженная работа. Лекция в Принстоне. Выступления с лекциями и на семинарах во многих университетах в Америке и в Канаде... После лекции в Летбридже университет присвоил Великовскому почетную степень доктора философии. С достоинством и некоторым чувством юмора он принимал воздаваемые ему почести. Сколько десятков докторских степеней можно было получить за любую часть его работы! Но, в конце концов, его теория начинает приобретать официальное признание...

По поводу этой теории в научном мире происходила явная поляризация. Все больше видных ученых становилось на сторону Великовского, вызывая злобную реакцию научного истеблишмента.

Даже одного упоминания о том, как «Science» отнесся к профессору Михельсону, достаточно, чтобы понять позицию главного научного журнала Америки в «деле Великовского». Не удивительно, что «Пенсе» дал резкую отповедь людям, называющим себя «учеными» и действующими в ущерб науке.

С мая 1972 по январь 1975 года вышло десять номеров «Пенсе», полностью посвященных Вели-

ковскому. Эстафету принял журнал «Хронос», орган университета в Гласборо (штат Нью-Джерси). С января 1976 года все выпуски журнала фактически были серьезными книгами, содержащими научный материал, подтверждающий теории Великовского. С 1977 года в Англии начал регулярно публиковаться бюллетень Общества междисциплинарных исследований, содержащий такие же статьи британских авторов.

Еще задолго до выпуска первого номера журнала «Хронос», посвященного Великовскому, Голдсмит сообщил: Корнельский университет опубликует протоколы февральской 1974 года сессии ААН. Великовский не увидел никаких подводных рифов в этом сообщении. Замечательно! Выступления докладчиков запротоколированы, как и выступления в дискуссии. Чего проще издать протоколы. Но, оказывается, Голдсмит и компания подразумевали нечто иное.

Если опубликовать доклады в том виде, в каком они были произнесены, может выйти конфуз. Например, как будет выглядеть Саган, если его выступление на сессии прочитают неторопливо, да еще с карандашом в руке? Надо кое-что подправить, кое-что подкрасить, кое-что убрать, кое-что добавить... Помилуйте, сказал Великовский, но ведь тогда это будут не протоколы! Если докладчики хотят изменить свои тексты, я должен прочитать, что они написали, прежде чем отвечать на это.

Голдсмиту не понравилась строптивость Великовского. Хорошо, ответил он, но ваша статья должна быть предельно краткой. Мы не можем предоставить вам в книге, направленной против вас, больше места, чем вы, с нашей точки зрения, заслуживаете.

Естественно, в переписке не было таких именно фраз. Но смысл угадывался без особых затруднений.

Великовский потребовал, чтобы ему предоставили хотя бы столько места, сколько, не спрашивая разрешения и не ожидая возражений, взял себе Саган. И, естественно, он хочет увидеть статью Сагана в том виде, в каком она пойдет в печать, уже после всех исправлений, сокращений и добавлений.

Голдсмита и компанию не устраивало такое требование. Они хотели иметь «свободные руки» для исправлений после того, как Великовский уличит их в очередной нелепости или фальсификации. В январе 1976 года Голдсмит сообщил Великовскому, что редакция книги больше не в состоянии ждать его статью, так как по плану машинопись немедленно должна быть сдана в печать. К этому времени Великовский еще не получил статью Сагана. Узнав о проделках Голдсмита, профессор Михельсон так же, как Великовский, решил не публиковать свою статью в книге Корнельского университета.

Голдсмит тем временем заказал Айзеку Азимову вступление, сам написал лицемерное предисловие, обвинив Великовского в нарушении срока сдачи материала, попросил Дейвида Моррисона, члена института астрономии Гавайского университета, прислать доклад, который не слышал ни один человек, присутствовавший на сессии ААПН, и под эгидой Корнельского университета в 1977 году издал книгу под названием «Ученые против Великовского».

Статья профессора Нормана Сторера, как и его доклад, была попыткой оправдать недостойное

поведение научного истеблишмента в «деле Великовского». «...мы никогда не должны разделять научное знание и ученых, и, поскольку ученые — это люди, часть человеческого общества, мы не должны забывать, как в случае вызова научному обществу со стороны Великовского, что наука сталкивается с большинством трудностей и слабостей, с которыми сталкиваются все группы людей».

Статья Сагана, как уже сказано, в значительной мере отличалась от доклада. Саган постарался упрочить свои позиции, где и как только было возможно.

В своей книге «Великовский и его критики», вышедшей в свет в 1978 году, доктор Шейн Мэйдж напишет: «К несчастью, мнение Сагана чаще всего вытекает из легкомысленно неправильного понимания того, что действительно сказано Великовским, и из незнания даже наиболее известных источников». Мэйдж иллюстрирует это несколькими яркими примерами из уже исправленного и отредактированного доклада Сагана. По поводу его широко разрекламированного журналистами и абсолютно безграмотного заявления о том, что вероятность события, описанного Великовским, $4,1 \times 10^{-23}$, доктор Мэйдж пишет: «...мы можем представить себе, что Саган показал Великовскому шахматную партию, которую прошлым вечером он блестяще выиграл в 20 ходов, и Великовский ответил ему что-то вроде следующего: «В этой якобы сыгранной партии каждый игрок определенно сталкивался в среднем со значительно больше, чем десятью разрешенными правилами возможностями для каждого хода. Вероятность последовательности 40 независимых событий, каждого с вероятностью менее, чем 1 к 10, намного меньше 10^{-40} . Гипотеза о

такой редкой случайности обычно считается несостоятельной. Игра, о которой вы говорите, вероятно, не могла иметь места»».

Саган, как и Сторер, пытался оправдать реакцию научного мира на «Миры в столкновениях»: «Я знаю, что некоторые ученые были раздражены, потому что Великовского сравнили с Эйнштейном, Ньютоном, Дарвином и Фрейдом...»

Статья Сагана опубликована на 63 страницах (из 169 страниц текста, включая вступление и предисловие). Анализируя ее, Мэйдж пишет: «Даже такая понятная оборонительная позиция выглядит неадекватной для оправдания поведения Сагана, который, не желая признать ничего, кроме «туманного случайного сомнения», сам склонен к искажениям и фальсификациям в своем безусловно сизифовом старании отрицать любой лоскуток научной оригинальности Великовского».

Естественно, что подробный разбор текста статьи Сагана, ответ на умышленные извращения и просто ошибки, сделанные по причине незнания материала, не был допущен в книгу «Ученые против Великовского».

Короткая статья профессора Мулхолланда — опровержение возможности коллизий между планетами Солнечной системы в историческое время. Мулхолланд не представил в ней новых данных, усиливающих его позицию в споре с Великовским.

Статья профессора Хубера значительно отличалась от его доклада на сессии ААПН. Она подчищена, подправлена и улучшена. Тем не менее, она стала великолепным объектом для критики.

Доктор Мэйдж тщательно проанализировал многочисленные грубейшие ошибки в этой статье. По этому поводу он писал: «Остается только предпола-

гать, как профессор статистики может не заметить таких больших расхождений в своих собственных расчетах. В любом случае, из несостоятельности Хубера ясно, что венерианские таблицы Амицадуры, которые свидетельствуют только о том, что Венера двигалась по весьма отличающейся от нынешней орбите, никоим образом не могут быть превращены в свидетельство против Великовского».

Статья Моррисона должна была усилить аргументы Сагана. Как и Саган, Моррисон всячески пытался преуменьшить заслуги Великовского в предсказании выдающихся открытий, безусловно вытекающих из его теории. «Предсказание Великовского, вероятно, было основано на его убежденности, что на Юпитере существуют электромагнитные поля и что в динамическом окружении атмосферы Юпитера кинетическая энергия должна превратиться в электромагнитную радиацию. Эта логическая цепь явно хороша и делает честь Великовскому. Однако его правильная интуиция никогда не развилась в «теорию» и не была сформулирована как альтернатива к какой-либо предсуществующей теории, которая предсказывала отсутствие излучения Юпитера».

Что можно сказать по этому поводу? Еще одна ложь.

Читатель помнит предмет основного несогласия между Эйнштейном и Великовским. Читатель помнит, как были поражены радиоастрономы, случайно обнаружив радишумы Юпитера, как отреагировал съезд астрономов на это открытие, действительно явившееся «альтернативой... к предшествующей теории». Моррисон знал это отлично. Но, если бы он не солгал, какое оружие оставалось бы ему применить против Великовского?

Доктор Мэйдж писал: «Обсуждение Саганом и Моррисоном других успешных предсказаний Великовского по поводу Луны и Марса одинаково по стилю и содержанию. Никто из них не утруждает себя ни словом по поводу аномально высокого количества аргона, неона и углекислоты, найденных в лунных скалах и ожидавшихся Великовским...» Он демонстрирует, в какие абсурдные ситуации загнали себя авторы и редактор книги «Ученые против Великовского». Он приводит следующую цитату из статьи Сагана: «Значительно большей проблемой для Великовского является очевидное отсутствие N_2 (молекул азота) в марсианской атмосфере. Этот газ относительно не реактивен, не замерзает при температуре Марса и не может легко исчезнуть из марсианской атмосферы. Азот — основная составная земной атмосферы. Если действительно имел место обмен газами, где N_2 на Марсе?» Но в этой же книге Моррисон случайно отвечает Сагану, конечно, не желая этого и не зная, в какое нелепое положение он поставил своего коллегу: «Посадки «Викинга» (обнаружили на Марсе) 2,5 процента азота». Ну, а редактор, неужели он не заметил этого? В сноске к статье Сагана редактор пишет о составе атмосферы Марса, обнаруженного во время посадок «Викинга», стыдливо «забыв» упомянуть азот.

Вот так ученые воюют против Великовского.

По поводу духа книги Мэйдж писал: «"Ученые против Великовского" отрицают и отрекаются от всей научной полемики 1950-х и 60-х годов, как подразумеваемой, так и высказанной до конца. Нигде во всей книге даже в сноске нет упоминания предыдущей антивеликовской литературы — ни один из многих аргументов, которые были выдвиг-

нуты против Великовского, не присутствует как неопровержимый или вообще как имеющий значение. Наоборот».

Рассказ о книге следовало бы начать со вступительной статьи. Но на ней стоит остановиться несколько подробнее сейчас, когда читатель уже знает, зачем она была заказана.

Статья Айзека Азимова «Роль ереси», открывающая книгу, — классический пример полуправды. Вначале писатель-фантаст ловко эквилибрирует между правдой и ложью. Можно ли возразить ему по поводу такой фразы: «...даже наиболее мощная научная ортодоксия недостаточно мощна. Правда, если еретик — ученый и его средства существования или его слава зависит от какого-нибудь организованного научного преследования, положение может быть весьма трудным для него»? Но тут же ловкий ход, необходимый для последующей лжи: «Научная ортодоксия, однако, абсолютно беспомощна, если еретик не является профессиональным ученым — если он не зависит от фондов или должностей и если он оповещает миру свою точку зрения другим образом, чем публикацией в научных журналах». А последующая ложь заключается в применении понятия «экзоеретик»: «Давайте, однако, пойдем словно экзоеретик в отношении кого-либо, кто действительно посторонний, кто не понимает структуры, усердно выстроенной наукой, и кто, тем не менее, атакует ее без понимания». Имя Великовского, заметим, пока ни разу не упомянуто. «Поддержанный или неподдержанный общественным мнением, экзоеретик фактически никогда не оказывается правым».

Наконец, после шести страниц подобных рассуждений Азимов называет имя Великовского, который,

как он пишет, из всех экзотериков наиболее успешно атаковал науку. Во-первых, потому что Великовский психиатр. Во-вторых, «он — интересный писатель. Большое удовольствие читать его книги. Я прочитал все опубликованные им книги и надеюсь прочесть любую, которую он напишет в будущем». В-третьих, потому что Великовский попытался доказать правдивость Библии, что, мол, весьма охотно воспринимается нашим теистическим обществом.

Успех книги «Миры в столкновениях» Азимов объясняет, кроме всего прочего, чрезмерной реакцией на нее астрономов, прибегнувших к цензуре. «...это было более чем аморально, это было просчетом». Азимов не заметил, как случайно высказал вслух мысль, не делающую чести писателю и просто порядочному человеку. Просчет хуже отсутствия морали...

Интересно, участие писателя-фантаста А. Азимова в аморальной книге — это просчет или отсутствие морали?

В одной из фантастических книг, изданных Азимовым относительно недавно, в 1983 году, есть такая фраза: «...только ложь, не стыдящаяся себя, вероятно, может преуспеть». Не это ли ответ на вопрос о просчете и отсутствии морали?..

73. «ПЕРЕСМОТРЕННЫЙ ВЕЛИКОВСКИЙ» И «ВЕК ВЕЛИКОВСКОГО»

Несколько раньше появления на прилавках «Ученых против Великовского», в свет вышла книга «Пересмотренный Великовский», изданная редакторами «Пенсе». Фактически это был сбор-

ник материалов, опубликованных в семи номерах журнала (май 1972 года — лето 1974 года). Естественно, эта книга не могла быть ответом на «труд» Голдсмита, Сагана, Азимова и других. Тем не менее, она наглядно продемонстрировала, как вчерашняя «ересь» становится нынешней наукой.

Все, кто говорят или пишут по поводу научной мафии, понимают, что большинство ученых — не мафиози. Научная честность и человеческая порядочность присутствуют даже в самой острой дискуссии. Пример тому — письмо профессора Бургсталера, опубликованное вслед за фундаментальным ответом Великовского на его статью: «Я высоко ценю блестящий ответ д-ра Великовского на мою статью, особенно провоцирующую таблицу спектральных толкований, извлеченную из этой статьи. Я хотел бы также воспользоваться случаем, чтобы выразить ему глубокую признательность за ценные советы и различные отписки, которым он любезно снабдил меня, когда я начал свою статью о природе атмосферы Венеры. Во время переписки с д-ром Великовским и чтения его публикаций я, конечно, был хорошо осведомлен о его аргументах о присутствии железа и серы в атмосфере Венеры. Его приоритет в этом вопросе должен был быть отмечен в моем обсуждении предположений о происхождении желтоватого вида планет, и я приношу мои искренние извинения ему и читателям «Пенсе» за то, что не сделал этого».

Заключает книгу статья профессора Вильяма Муллена. У него нет сомнений в том, что современная наука должна пересмотреть свои позиции согласно всеобъемлющей теории Великовского. Касаясь физической науки, Муллен пишет: «Исследование космоса только показало, что более

исчерпывающая небесная механика, основанная на физике, в которой электромагнетизм и гравитация были бы объяснены общими законами, необходима, даже если бы Великовский никогда не поднял этого вопроса. Также должно быть очевидным, что, если гравитация может быть убедительно описана в терминах каких-либо более фундаментальных сил, это не значит, что ньютоновская физика должна быть «выброшена». Великовский никогда не предлагал этого».

«Пересмотренный Великовский» — хорошая, но несколько запоздалая книга. У американского (да и не только американского) читателя могло бы сложиться мнение, что Великовский и его сторонники побеждены, поскольку эта книга не содержала ответов на аргументы, представленные в «Ученых против Великовского». Да она и не могла содержать, поскольку была издана раньше последней. Но исчерпывающим и беспощадным ответом явился один из выпусков журнала «Хронос» в 1977 году, который был назван «Великовский и официальная наука».

А еще до этого, в 1976 году, в книге профессора Рансома «Век Великовского» подробнейшим образом были проанализированы все доклады февральской 1974 года сессии ААПН.

Книга Рансома не ограничена критикой докладов и докладчиков. Это капитальный труд, доказывающий, что современная астрономия, биология, геология, история, мифология, палеонтология и психология не могут быть нормально развивающимися науками, если ученые не отнесутся самым серьезным образом к ревизии этих наук, начатой Великовским. В предисловии профессор Рансом пишет: «Многие открытия космической эры были

предвосхищены теорией Великовского. Но независимо от того, были или не были предвосхищены эти открытия, более важно, что эти и другие результаты исследования космоса чрезвычайно хорошо соответствуют предложенной им модели. Также важен тот факт, что многие из этих открытий не ожидалось конвенциональным мышлением конца сороковых — начала пятидесятих годов. Фактически, в некоторых случаях было обнаружено противоположное ожидаемому».

Вслед за очень кратким описанием биографии Великовского изложена история издания «Мир в столкновениях» и реакция на эту книгу. Рансом еще раз обращает внимание на то, что ученые отвергли книгу... ими фактически не прочитанную.

Затем следует изложение того, как в пятидесятых годах ученые представляли себе историю Солнечной системы, теорию единообразия в геологии, египетскую хронологию, каким образом Великовский пришел к своей теории. Коротко изложены космогеологические и исторические события, описанные в «Мирах в столкновениях», и реконструкция Великовским хронологии древнего мира.

Рансом рассказывает о кометах, о теории их происхождения, о связи между кометами и запасами нефти на Земле. Он напоминает о письме Великовского Нобелевскому лауреату Либби по поводу радиоуглеродного определения возраста нефти. С точки зрения конвенциональной теории запрос Великовского казался абсурдным, поскольку в течение 50000 лет в нефти должны были исчезнуть последние остатки изотопа углерода, абсорбированные из атмосферы.

Рансом напоминает высказывание Пайн-Гапошкин о том, что смешно даже думать об образова-

нии пищи («манны») из нефти. Но к 1971 г. Британская нефтяная компания производила 4000 тонн пищи ежегодно, французы сообщили о производстве из нефти 16000 тонн белковых продуктов в год. Рансом обстоятельно показывает, как положения Великовского, вызывавшие критику и даже насмешки, подтверждены и сегодня считаются общепринятыми. Он детально рассматривает механизмы небесной механики и подчеркивает, что нет доказательств стабильности Солнечной системы.

В 1950 году астрономов возмущало, что ничего не смыслящий в небесной механике Великовский возражает против теории, согласно которой все планеты Солнечной системы были сформированы на их нынешних орбитах. Но уже в 1953 году в книге «Небесная механика» астронома В. М. Смарта, профессора университета в Глазго, указывалось, что подсчету «стабильности» Лапласа-Лагранжа-Пуассона можно верить только в пределах, не превышающих 300 лет. В 1960 году президент Королевского астрономического общества профессор Мак-Креа опубликовал теоретические расчеты, согласно которым ни одна планета не могла образоваться из солнечной туманности ближе орбиты Юпитера. Иначе говоря, между орбитой Юпитера и Солнцем не могла образоваться ни одна планета. (В 1969 году Дж. Г. Хилс показал, что планеты не могли образоваться между орбитой Сатурна и Солнцем.) В 1963 году Х. Альфвен, через несколько лет получивший Нобелевскую премию в области физики, на основании теоретических подсчетов доказал, что большие планеты должны были образоваться раньше малых, «земных». В любом случае, согласно Альфвену, планеты не образова-

лись в одно и то же время и не на нынешних орбитах.

Рансом подробно останавливается на природе планет, их ротации, атмосфере, вероятности жизни и т. д. Попутно он демонстрирует бесчестные трюки Сагана в его докладе на сессии ААПН в Сан-Франциско, высказывание Гарольда Юри по поводу подобия Венеры и Земли, Менцеля и Уипли — о том, что поверхность Венеры покрыта водой и т. п. Ученых ни в чем нельзя было бы упрекнуть, если б речь шла о научной ошибке. Но это были не просто ошибки, а желание... обличить в них Великовского. «Когда он предложил альтернативное объяснение, его обвинили в ненаучности и в том, что он не считается с «фактами». В действительности он только не соглашался с «официальной интерпретацией» этих фактов».

Рансом подробно описывает дискуссию по поводу облаков Венеры. Он показал, сколько раз Саган менял свою точку зрения по этому вопросу и как его поведение не соответствовало этике ученого.

Основываясь на последних данных небесной механики, Рансом анализирует ошибки в докладе Мулхолланда. Он показывает, как Саган и другие ошибались в части топографии Марса, занимая позицию противоположную Великовскому. Это же относится к предсказанию теплоотдачи планет Солнечной системы, особенно Венеры.

В неопубликованной книге Великовского о событиях, происшедших ранее описанных в «Мирах в столкновениях», значительное место занимает планета Меркурий. В частности, Великовский предсказал наличие атмосферы на Меркурии, что отрицалось ортодоксальной астрономией. Во время по-

лета «Маринера-10» это предсказание Великовского было подтверждено.

Рансом упоминает о дискуссии между Бейли и Менцелем по поводу электрического заряда Солнца. Он подробно останавливается на предсказании Великовским находок на Луне. Он описывает позицию Юри и других по этому вопросу и их поражение, когда правота Великовского была доказана исследованиями во время посадок «Аполлонов».

Отдельную главу Рансом посвящает вопросу радиоизотопного определения возраста предметов Древнего Египта и среднеамериканской культуры.

Следующая глава содержит конспективное изложение основных положений книги Великовского «Земля в переворотах» и дальнейшего подтверждения этих положений многими видными учеными.

Коснувшись вопросов эволюции, Рансом цитирует профессора Люиса Гринберга, редактора журнала «Хронос»: «Сейчас становится ослепительно очевидным, что научные исследования и мышление шестидесятых и семидесятых годов созвучны и поддерживают утверждение Великовского о том, что эволюция является катастрофическим процессом».

Профессор Гринберг прав. Мышление шестидесятых и семидесятых годов изменилось. Гипотезы, за которые ученые были готовы сжечь Великовского на костре, считаются теперь бесспорными. Но, тем не менее, многие ученые не изменили своего отношения к Великовскому.

Большая глава в книге Рансома посвящена сессии ААПН в феврале 1974 года. Критика докладов, докладчиков и организаторов сессии буквально уничтожающая. Особенно досталось Сагану. Из мозаики фактов Рансом создал отличный литера-

турный портрет известного в Америке ученого. Получился своеобразный собирательный образ, характеризующий противников Великовского и методы их так называемой «научной полемики». Во время доклада Саган неоднократно ссыался на приложение, которое желающие могут прочитать, чтобы убедиться в обоснованности его утверждений. «Поскольку никто не видел приложения к докладу Сагана, журналисты должны были принять на веру утверждения, что мнение подтверждено серьезными данными, представленными в приложении к оригинальной работе. Спустя два года приложение появилось вместе с его пересмотренной статьей. После прочтения приложения становится ясно, почему Саган не хотел, чтобы оно появилось. Его аргументы могут звучать убедительно для кого-либо, незнакомого с физикой, но любой физик легко заметит, что приложение не содержит рационального физического анализа. Во время написания приложения Саган мог только надеяться на то, что ни один человек, знающий физику, никогда не прочтет его».

Рансом очень точно заметил, что «...ученые, работающие в промышленности, более тесно связанные с реальностью, чем с теорией, горячо поддерживают новые идеи. Однако именно академические ученые на протяжении всей истории реагировали на новые идеи менее научно и более насильственно, чем другие люди».

Рансом рассматривает этические аспекты «дела Великовского», вопросы религии, коллективной амнезии, изменение отношения многих ученых и университетов к Великовскому.

Заключая книгу, он пишет: «Также было продемонстрировано, что главные теории, противостоя-

щие теории Великовского, оказались неправильными во многих узловых пунктах.

Если эти теории верны, почему они так часто ошибочны? Даже если бы Великовский не предложил приемлемую альтернативу, к настоящему времени должны были начать (и многие уже начали) сомневаться в теории «единообразия».

В 1950 году Великовского обвиняли в том, что он поднял руку на Ньютона и Дарвина. Сейчас, спустя более четверти века, было очевидно, что Великовский не опровергал Ньютона. Он только говорил, что Ньютоном не ограничивается небесная механика. Из книги физика Рансома следует, что Великовский оказался правым.

Говоря о Дарвине, Рансом ограничился несколькими примерами и процитировал профессора Гринберга. Он не написал, что от всей дарвиновской теории к этому времени осталось только имя Дарвина, укоренившееся в науке, и вера в дарвинизм тех, кто непосредственно не занимается изучением эволюции в биологии.

74. ЧТО ТАКОЕ ЭВОЛЮЦИЯ?

Кстати, что такое эволюция? Представьте себе фантастическую ситуацию: на Землю, лишенную жизни, прилетают инопланетяне и начинают археологические раскопки. В первом культурном слое они находят колесо «Боинга-747». Сведущие в технике инопланетяне высоко оценивают инженерные качества находки. В следующем слое они находят колесо «Дугласа». Конечно, это уже менее совершенный образец, хотя все еще производит впечатление на исследователей. Глубже иноплане-

тяне находят колесо первого «Форда». В более глубоком слое — колесо арбы. И, наконец, где-то в самом нижнем культурном слое — поперечный срез дерева, самое древнее из всех найденных колес. После тщательного изучения находок, инопланетяне приходят к заключению, что в борьбе за существование произошла эволюция древнего колеса до совершенного творения, обнаруженного в поверхностном слое. Эволюция...

Нет, Великовский не высказывал подобных мыслей. Он говорил об эволюции, вызванной увеличением мутаций во время космических катастроф. Но с дарвиновским объяснением эволюции он согласиться не мог.

Дарвиновская теория не объясняет происхождения видов. Противники ламаркизма и дарвинизма, правильно критиковавшие эти теории, не предложили взамен конструктивной теории. Следует ли из этого, что, не зная объяснения какого-нибудь явления природы, мы вправе придумать произвольное объяснение, исходя из принципа, что «на безрыбьи и рак — рыба»?

Дарвиновская теория содержит положение о влиянии соматических клеток на половые — таким, мол, образом передаются по наследству приобретенные качества. Великовский вскользь упоминает, что в Советском Союзе это стало официальным, так называемым, «мичуринским» учением. В эксперименте же неоднократно была доказана несостоятельность подобного утверждения Дарвина.

Великовский едва коснулся вопросов, которые могли бы пролить свет на методологию и создание догматических идей в естественных науках. Цели и методы могут быть различными в свободном и тоталитарном мире, но результаты, оказываются

весьма схожими. Великовский отлично знал (он написал об этом в книге «Человечество в амнезии»), что основой философии марксизма является диалектический материализм. Не совместимое с материализмом понятие — диалектика — в этом случае открывает широкое поле и большие возможности для словесной эквилибристики. Отбирается не то, что имеет логическую взаимосвязь, а то, что выгодно для создания так называемого «марксистского» учения.

Например, основа дарвиновской теории о естественном отборе — это развитие представления Мальтуса о росте фауны, в том числе, народонаселения земного шара, в геометрической прогрессии, а средств пропитания — только в арифметической. Марксизм напрочь отвергает учение Мальтуса, так как оно противоречит положению о классовой борьбе и насильственном построении коммунизма. С другой стороны, поскольку дарвинизм — это оружие в борьбе с церковью, марксисты взяли его на вооружение. Естественно, они скрывают связь дарвинизма с мальтузианством. В социалистическом лагере с его специфическими условиями обучения и информации, учащиеся вообще не имеют представления о том, что дарвинизм построен на мальтузианстве. Так выращивается очередное поколение дарвинистов.

Другая, но не более радостная картина наблюдается в свободном мире. Церковь, которую считали источником реакции, мракобесия и догматизма, атаковала теорию Дарвина. Поэтому симпатии нескольких поколений ученых были на его стороне. Но многих ли из них интересовало, как дарвиновская теория согласуется с фактами? Дарвинисты, видевшие эти несоответствия, пытались «подпереть» и «подлатать» теорию, расплзающуюся бук-

важно на глазах, новыми гипотезами, которые, в свою очередь, нуждались в «подпорках». Так возник неodarвинизм.

Представляя множество фактов, Великовский очень деликатно показывает, что в настоящее время от оригинальной теории Дарвина не осталось ничего, позволяющего считать ее вехой на пути развития науки.

Когда Великовский получил от мисс Кун первые отредактированные ею страницы «Веков в хаосе», он изложил ей свое литературное кредо: простые фразы, отказ от штампов, «модерновых» словечек и подчеркиваний, а главное — никакой иронии и сарказма.

Следовал ли Великовский своему кредо? Иногда в его контраргументах, в его полемике слышна тонкая ирония. Возможно, что это — не намерение автора, а субъективное восприятие читателя. В главе о дарвиновской теории Великовский обращает внимание на логику (или отсутствие таковой) в знаменитом примере с жирафами. В борьбе за существование у них удлинилась шея, позволяющая доставать листья с более высоких деревьев, когда внизу уже нет пищи. В период засухи, возражает Великовский, у самца жирафа больше шансов выжить, потому что он крупнее и шея у него длиннее. Но не самец — продолжатель рода. И даже если выживет самка и родит детеныша, у него, маленького, нет возможности дотянуться до листьев. Как же в данном случае срабатывает дарвиновский тезис о выживании сильнейшего? И как быть с мамонтами, которые, несмотря на свое совершенство, почему-то не выжили?

Возможно, что наличие или отсутствие иронии в этом примере зависит от «порога восприятия»

смешного у читателя. Но, когда Великовский пишет: «Обучать теории единообразия можно было только в безлунную ночь», ни у кого не возникнет сомнения, что он не всегда следовал своим намерениям.

75. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И СУЖЕННОЕ ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

В 1976 году в журнале «Хронос» была опубликована статья Эвы Данелиус, обращающей внимание на ценность хронологии Великовского в применении к специфическим историческим событиям. Она заключает свою статью словами: «...обнаруженные археологами явления, для которых не было объяснений, могли найти приемлемую интерпретацию, как только применялась «реконструированная хронология».

Единственная огромная помеха для переоценки принятой хронологии носила чисто психологический характер. Лучшее всего это было сформулировано известным исследователем Библии, с которым автор обсуждала различные интерпретации библейского текста. «Но как я могу отказаться от теории, создание которой отняло 25 лет моей жизни?!»

На это нет ответа».

А может быть, ответом является узкий профессионализм ученых? Может быть, следует взглянуть на предмет шире и «боковым зрением» увидеть не только точку, в которую ты уставился и от созерцания которой так устали глаза, что даже сознание начинает мутиться?

Великовский вспомнил рассказ выдающегося канадского физиолога Ганса Селье о том, как тот

посетил в Чикаго своего доброго знакомого, профессора-микробиолога. Во время беседы Селье узнал, что хобби его гостеприимного хозяина — электронные микроскопы: он их не покупает, а самостоятельно создает. Сейчас у него уже работает электронный микроскоп с увеличением в миллион раз! Селье не скрыл своего изумления по поводу такой высокой разрешающей способности прибора. Польщенный микробиолог с гордостью рассказал, над чем он работает сейчас. Электронный микроскоп, который он создает, будет увеличивать в два миллиона раз. По этому поводу Селье написал: все услышанное, конечно, впечатляет, но какая жалость, что безусловно талантливый ученый сужает поле своего зрения в два миллиона раз.

В этой шутке — глубокий смысл. Если в узкой области специализируется человек с широким кругозором и обширным запасом знаний в своей профессии, это еще допустимо. Но если в узкую область вступает человек, не достигший профессиональной широты, он может стать даже виртуозом в этой ограниченной сфере. Вот только специалистом, тем более — ученым, он никогда не будет. Такая узкая специализация — больше чем просто потеря. Великовский с грустью наблюдал за тем, как этот процесс совершается даже в современной медицине.

Вскоре после выхода в свет «Веков в хаосе» Великовский начал получать письма многочисленных читателей, содержащие один и тот же вопрос: когда они смогут прочитать обещанное продолжение, то есть реконструкцию античной истории до царствования Александра Македонского.

Уже в 1952 году рукопись этой книги была вчерне готова. Но в то время более важным пред-

ставлялось опубликование геологических, палеонтологических и археологических свидетельств правильности его реконструкции.

Только в 1960 году, после выхода в свет «Эдипа и Эхнатона», у читателей появилась возможность познакомиться со следующим этапом исследования веков в хаосе. Следующей должна была выйти в свет книга о времени Исаяи — в Иудее и Гомера — в Греции. Эта часть была очень важна именно потому, что описываемый в ней период был временем последней космической катастрофы, и тексты Исаяи и Гомера являлись документами, подтверждающими гипотезу Великовского.

К 1975 году наиболее завершенной оказалась последняя часть «Веков в хаосе». По времени ей предшествовало удивительно интересное исследование, посвященное периоду Рамзеса II. Но Великовский не считал, что оно готово к печати.

После длительных размышлений он решил издавать книги по мере их готовности, не считаясь с хронологической последовательностью.

76. «НАРОДЫ МОРЯ»

В 1977 году вышла в свет последняя часть «Веков в хаосе» — «Народы моря». В этой книге Великовский доказал, что так называемые народы моря были не кочевниками двенадцатого столетия до нашей эры, а, в основном, выходцами из Малой Азии и Греции, воевавшими в египетской армии в качестве наемников в четвертом веке до нашей эры. Последовательный логичный анализ документов, языка, предметов искусства, религии Египта, Персии и Греции изложен не в форме су-

хого научного исследования, доступного нескольким десяткам ученых, а в форме увлекательного детектива, от которого буквально нельзя было оторваться. Каждое положение, как и в любой работе Великовского, строго документировано. На сей раз научный аппарат несколько облегчен: ссылки на источники представлены в сносках, а не в перечне литературы после каждой главы, как это сделал Великовский в своих предыдущих произведениях. Книгу завершают подробнейшие карты реконструированной хронологии, причем, параллельно представлена хронология Персии, Палестины и Сирии, Греции и Египта. Все доступно проверке и критике.

Добавлением к книге стал большой раздел «Астрономия и хронология». В нем Великовский показывает, что вся история древнего мира была привязана к египетской хронологии. «Египетская хронология должна была быть мощным стволем, могущим поддержать ветви истории многих царств и культур прошлого. Являются ли корнями собственно египетской истории строгие свидетельства?» — спрашивает Великовский. Он понимает, что сейчас слишком поздно задавать подобный вопрос, так как «не только вся научная литература по египтологии, но целые библиотеки, имеющие отношение к прошлому человека, сформированы по схеме, установленной египтологами для всех остальных ветвей древней истории».

Египетская история фактически создана в третьем веке нашей эры отцом христианской церкви Юлианом Африканусом на основании писаний Манефона, «писателя, историка, полемиста и антисемита» третьего века до нашей эры, тенденциозно перепутавшего действительное с вымышлен-

ным. «Создавая свою историю Египта и составляя список его династий, Манефон руководствовался необходимостью доказать грекам, хозяевам его страны, что египетский народ и его культура древнее греческой или вавилонской».

Великовский показывает несостоятельность хронологии Манефона, не имеющей ничего общего с подлинной историей. Он описывает, как эта хронология, в свою очередь, была еще больше извращена и деформирована Африканусом и Эйсебиусом, и как это манефоновское разделение на династии остается «наукой» до настоящего времени.

«Странно, что задолго до того, как впервые были прочитаны иероглифы, египетские фараоны были помещены в столетия, в которых конвенциональная хронология все еще держит их пленниками». Великовский демонстрирует это положение примером безосновательного датирования царствования Рамзеса III, хотя в это время он не мог царствовать. Династии, определенные Манефоном, были приняты как основная, незыблемая схема. Не приняли на веру только продолжительность царствования династий, так как такая продолжительность считалась абсурдно преувеличенной. Поэтому хронологию привязали к так называемому периоду звезды Сириус.

Великовский подробно описывает реформы календарей в Египте и в Риме, рассказывает, как определили период звезды Сириус и как хронологию Манефона привязали к этому периоду. Но нет ни единого египетского документа, хотя бы косвенно упоминающего такой период. Больше того, такой период не мог быть рассчитан правильно, так как год в египетских календарях состоял из 360 дней, а не из 365,25 как сейчас. Великовский

показывает, с какими трудностями столкнулись историки, пытающиеся втиснуть хронологию в период звезды Сириус. Они подобны трудностям, возникшим у египтологов, когда период владычества гиксосов у них получался либо очень коротким, либо неправдоподобно большим.

Великовский убедительно доказывает, что ни сам астрономический период, ни начальная точка отсчета от определенного фараона не являются правильными.

На основании чрезвычайно интересного анализа многочисленных текстов, начиная с третьего века до нашей эры и кончая исследованиями недавнего времени, он приходит к заключению о том, что астрономический период, ошибочно связанный римским натуралистом Цензоринусом со звездой Сириус, в действительности был связан с планетой Венерой.

«Схема древней хронологии, привязанная к периоду Сириуса, — укоренившееся заблуждение. Менофрес неизвестен, если он вообще существовал; список династий Манефона — сбивающая с толку путаница. Однако египетская хронология воздвигнута на этих трех «столбах» и вся мировая история построена на этой хронологии». Этими словами Великовский заключает книгу «Народы моря» — последнюю часть «Веков в хаосе».

К этому времени у науки уже было достаточное количество свидетельств правоты Великовского по поводу египетской хронологии. Археологические раскопки, данные радиоуглеродного анализа, внимательное сопоставление древних текстов сделали очевидной истину: историческую науку надо строить заново на основе хронологии Великовского. Но это был мучительный, невозможный процесс поч-

ти для каждого историка, посвятившего многие годы изучению или преподаванию истории древнего мира.

77. «РАМЗЕС II И ЕГО ВРЕМЯ»

Правильность хронологии Великовского становилась все более очевидной и убедительной с выходом в свет каждой новой его книги. В 1978 году была опубликована еще одна часть «Веков в хаосе» — «Рамзес II и его время». Это увлекательнейшее повествование о «Хиттитской империи», которую историки поместили в XIII-й век до нашей эры и которая, как выяснил Великовский, вообще никогда не существовала.

Он убедительно показал, что Хиттитской империей ошибочно считали ассирийско-халдейское владычество в Малой Азии, которое «действовало»... на восемь веков позже предполагавшегося историками времени.

«Не замечено предостережение Эркема Акургала, турецкого археолога, который тщетно искал следы заселения Малой Азии любыми народами между -1200 годом, предполагаемой датой конца Хиттитской империи, и -750 годом, а потом заявил, что он ничего не обнаружил. Не должно ли было обратить внимание такое предупреждение, установленное и повторенное? И греческие авторы от Гомера до Геродота и Страбо, жители Малой Азии, никогда не слыхали о хиттитах. И Ксенофон, который, подобно Геродоту, путешествовал по этим местам, никогда не встречал хиттитов, но страну, где были найдены их монументы, описал как страну халдеев. И как объяснить записи на свинцовых

полосах, сохранных в свитках, которые одинаково применялись «хиттитами» и греческими купцами, последними — в третьем и во втором столетии до нашей эры? И почему греческие скульптуры с персидскими мотивами, найденные в Арслан Таш, имеют хиттитские надписи? Более того. Почему монеты катагенских царей на западном побережье Евфрата должны быть отчеканены с «хиттитскими» царскими титулами, и это во время римского императора Веспасиана, когда, как предполагали, «Хиттитская империя» должна была быть мертва уже тринадцать столетий, и ни грек, ни римлянин никогда не слышали о ее народе? Но халдеи, как свидетельствуют римские и греческие авторы, все еще находились в Катагене и в Малой Азии, по меньшей мере — до первого века нашей эры».

Великовский дал подробные ответы на все эти вопросы. Он установил, что Рамзес II был фараоном свыше шестидесяти лет. Примерно такая же продолжительность его правления определялась Иосифом Флавием, Африканусом и другими.

Выдающийся патологоанатом Рудольф Вирхов обследовал челюсть мумии Рамзеса II и высказал удивление по поводу обнаруженного. Воспитанный на конвенциональной истории, он ожидал увидеть челюсть старика восьмидесяти-девяноста лет. Но челюсть принадлежала значительно более молодому человеку. К такому же заключению пришел Г. Эллиот Смит, анатом Каирского университета, и так же, как Вирхов, был крайне удивлен этим «странным» обстоятельством. Доктор Крогман вместе с группой исследователей Мичиганского университета установил, что Рамзес II умер в возрасте 50—55 лет.

Все это было известно историкам, придерживающимся конвенциональной хронологии. Но, чтобы не выходить из рамок догматических теорий, они должны были продолжать считать, что человек, живший 50—55 лет, царствовал... более 60 лет. По этому поводу Великовский с иронией замечает: «Что было бы, если бы патологоанатомы Скотланд-ярда удостоверяли возраст мертвого или даже живого человека не на основании состояния его скелета, а на основании данных брачного свидетельства?»

Великовский документально доказал, что «Хиттитская империя» тринадцатого века до нашей эры в конвенциональной истории — это не что иное, как правление халдейских царей Нео-Вавилонской империи в седьмом-шестом веках до нашей эры. Сравнив летописи нескольких следующих друг за другом «хиттитских» царей с тем, что было известно о жизни и войнах трех следующих друг за другом халдейских царей, Великовский доказал, что речь идет об одних и тех же лицах.

Первым «хиттитским» царем оказался Набопаласар, следующим — Навуходоносор. Именно его противником был Рамзес II. Путаница с египетскими династиями, помещение Рамзеса II в тринадцатый век до нашей эры и явились причиной создания историками мистической «Хиттитской империи».

Великовский сопоставил египетские и халдейские источники, которые полностью соответствуют друг другу, а также книге Иеремии из Библии. «Мернепта, чье тронное имя читается как Хопрамае, был фараоном Хопра из Писания, и Израильская стела, предположительно первое упоминание Израиля в истории, относится не ко времени Ис-

хода из Египта, а повторяет плач Иеремии в тех же выражениях и даже теми же фразами. Это было время Изгнания».

Таким образом, Рамзес II оказался не фараоном времен Исхода, как считала конвенциональная история, а фараоном времен Изгнания, современником Навуходоносора и Иеремии.

При реконструкции этого периода истории Великовский использовал не только вавилонские, египетские и иудейские записи, произвел не только глубокий анализ образцов искусства, строительства и других элементов культуры, осуществил не только детальнейшее осмысление данных археологических раскопок, но даже применил свои недюжинные знания психиатрии. Доктор медицины Великовский показал, что психопатология «хиттитского» царя до малейших деталей соответствует психическому заболеванию Навуходоносора.

Как и в «Народах моря», в книге «Рамзес II и его время» представлена параллельная хронологическая таблица, синхронизирующая события в Египте, Иудее, Халдее, Лидии-Фригии, Персии и в Греции.

К 1978 году осталась неопубликованной лишь вторая часть «Веков в хаосе» — «Время Гомера и Исайи».

Только одна научная работа Великовского по реконструкции истории соответствовала многим десяткам докторских диссертаций. Ни один труд, за который другим присуждались высокие научные премии и почетные звания, ни по объему ни по значимости нельзя было сравнить с тем, что сделал Великовский. Ни один историк не может найти ошибку или даже неточность в его реконструкции. Но можно умолчать, сделать вид, что не

опубликованы новые данные, что ничего не произошло, — лишь бы только царило спокойствие в деформированной истории древнего мира.

78. СТАТЬИ, НЕ УТРАТИВШИЕ АКТУАЛЬНОСТИ

Рукопись книги «Время Гомера и Исаяи» почти готова. Большинство ученых давно бы сдали в печать такую рукопись. Но он не мог позволить себе даже малейшей неточности. Надо еще поработать, все проверить. Возможно, дополнить. Время — основной фактор. Его не хватало всегда. А сейчас, летом 1979 года, когда ему исполнилось 84 года, — тем более. В апреле он прочитал последнюю лекцию в Принстонском университете. Реакция была обычной — восторг и удивление.

Все — от лекционной деятельности он отказался. Время следует расходовать экономно. Несколько раз критически падало артериальное давление. Он чувствовал, как в эти секунды замирала сердечная мышца. Тошнотворно мутилось сознание. А после этого несколько дней отвратительная слабость лишала желания работать. Как врач Великовский отлично понимал, что значат эти симптомы.

Он — прежде всего, врач. А потому он обязан выполнить функцию врача. Он знает симптомы болезни человечества. А потому должен вложить «свою долю» в его лечение. Первоочередная задача опубликовать «Человечество в амнезии». Гомер и Исаяя подождут... Но сколько еще необходимо ему сделать!

Вчера, когда падение давления совсем лишило его сил и даже не хотелось думать о работе, он

просто так, для отдыха извлек папку со старыми статьями в «Нью-Йорк пост». Он перечитывал их одну за другой с таким интересом, словно видел впервые, словно не он писал их в то трудное время.

Прошло более тридцати лет. А статьи, к сожалению, все еще актуальны. Арабский нефтяной шантаж. Разнузданный террор. Безнравственная политика свободного мира. Парадоксально, но к Советскому Союзу у него нет претензий. Аморальная тоталитарная система? Но ведь от шакала люди не требуют «джентльменского» поведения. Но Запад! Как Бурбоны — ничего не забыли и, увы, ничему не научились. А, быть может, забыли?

Тогда, 16 апреля 1948 года, он писал:

«Это зрелище напоминает судный день. Время — это день после Второй мировой войны, бушевавшей на земле, на море и в воздухе. Темень навалилась на разрушенный мир, это уже сумерки перед мраком новой мировой войны, которая затмит предыдущую и может явиться концом эры существования человека на Земле».

Великовский снова прочитал эту фразу, начинающую статью. На него снова навалилась давящая атмосфера тех дней. Возможно, апокалиптические видения были связаны со страхом за возрождающийся Израиль, а фоном служили картины космических катастроф, реконструированных им и таких очевидных. Но ведь и сегодня, более тридцати лет спустя, когда в нескольких войнах Израиль продемонстрировал свою силу и жизнеспособность, в Великовском не утихает тревога за судьбу человечества, за будущее планеты.

Сборник статей, если только он когда-нибудь состоится, должен быть посвящен не всему земно-

му шару, а только микроскопической части его — государству Израиль, стране, которая всегда в его сердце.

Великовский продолжал читать: «Дать народу Библии обещанную ему землю, как согласились 55 стран в Сан-Ремо 28 лет тому назад? Или дать ему только часть земли по эту сторону Иордана? Или, может быть, только полосу шириной в двенадцать миль?»

Народы мира посылают эмиссаров, представляющих 12 стран из своего числа, исследовать на месте и доложить. Эмиссары возвращаются: народы мира снова совещаются в комиссиях и голосуют, совещаются на заседании Ассамблеи и голосуют. В конце концов, они снаряжают эмиссаров из пяти государств, чтобы дать полосу земли этому наиболее древнему народу.

Страны вокруг Святой Земли двинули свои банды разрушить то, что построил Израиль. И эти на островах «Десяти исчезнувших колен» (как называют себя англичане) послали агрессорам оружие, чтобы сделать разрушение возможным. И эти в стране звездно-полосатого флага наложили эмбарго на оружие, необходимое древнему народу для защиты своего дома...

...Народы мира ...получили последний шанс искупить зло, которое они, их отцы и предки причинили бездомным людям, скитающимся по лику Земли со дня, когда они лишились дома в войне с Римом за независимость, и всем последующим поколениям, преследуемым за преданность своей вере и своему наследию.

Но народы поразились собственной щедрости. Двенадцатимильная полоска? Слишком много! Они были излишне щедры! Возвратить решение наро-

дов для пересмотра. ...Это определено слишком много — двенадцатимильная полоска. ...Пророк Исайя говорит (Глава 43): «Пусть соберутся вместе все народы и пусть люди будут собраны... О, Израиль, не бойся, потому что я искупил тебя... Не бойся: я с тобой... Я скажу северу, отдай: и югу — не удерживай: веди моих сыновей издалёка, и моих дочерей — от концов земли».

В эти дни в темных хранилищах нагромождены тысячи ракет, одной из которых было достаточно, чтобы потушить дыхание семидесяти тысяч жителей Хиросимы. Был ли кем-то создан этот мир — или созданся сам? — человек может его уничтожить.

Если народы мира, христиане, мусульмане, буддисты, сидя в своем Трибунале в этом 1948 году, будут деформировать представление о справедливости и пренебрегут ею и умоют руки, чтобы не осуществить надежду вечного народа возвратиться домой, то:

«Вот народы словно капли... и стоят не больше мелкой пылинки на весах... Все народы перед Ним ничто; и они значат для него меньше, чем ничтожество и тщета» (Исайя, 40)».

...Мрачная картина. Но мог ли Великовский писать иначе тогда, в те действительно мрачные и полные надежды дни апреля 1948 года? Одну за другой он просматривал и перечитывал статьи. Он вспомнил тревожные сообщения из Израиля летом и осенью 1948 года. Он снова ощутил ту разрывающую душу боль за свою страну, за дочку Шуламит, стыд и гнев по поводу аморального поведения правителей демократических стран. Но разве сегодня не злободневны эти строки из его статьи, опубликованной 28 сентября 1948 года?:

«Государственный секретарь Маршалл поддержал план Бернадота. Фактически, это план третьего раздела Палестины. Первый раздел был осуществлен, когда Великобритания отделила Трансиорданию — более трех четвертей территории Палестины, на которую Великобритания получила мандат 51 страны в Лиге Наций для создания Еврейского национального дома. Эту территорию Британия дала арабскому эмиру Абдулле, понимая, что страна по эту сторону Иордана станет Еврейским национальным домом.

Второй раздел состоялся во время голосования в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций 29 ноября 1947 года. Комиссия 11 государств, которая была направлена Организацией Объединенных Наций изучить палестинскую проблему, предложила разделить оставшуюся часть Палестины между арабами и евреями. Евреям предназначалась примерно половина, включая весь Негев. Но пока состоялось голосование за это предложение в Генеральной Ассамблее, часть Негева была отрезана и перемещена к арабской доле Палестины. Под давлением отчаянной необходимости осуществить иммиграцию евреев из Европы, еврейская общественность Палестины, за исключением инакомыслящих, согласилась и на эту жертву.

Третий раздел связан с рекомендацией покойного графа Бернадота об ампутации Негева — рекомендацией настолько щедрой, что она «отрубила» вместе с Негевом часть Иудеи.

Что остается в таком случае? Зачем шумели государства? По какому поводу в газетах печатались заглавия?..

Итого, для государства Израиль осталось 2500 квадратных миль. Штат Нью-Йорк может вместить

21 государство с территорией, предложенной Израилю: у Калифорнии есть место для 63; у Техаса — для 107 стран такой величины.

Государственный секретарь очень щедр. Президент Соединенных Штатов исключительно щедр. Делегаты различных стран великодушны. Свободолюбивые нации распростерли объятия.

Взгляните на свой щедрый «дар». Вы преподнесли его с ощущением величия намерений и вознесением души, — эти 2500 квадратных миль из первоначальных 45000, или даже из более 10000 квадратных миль на этой стороне Иордана. Абдулле — 42500 квадратных миль, а Израилю — 2500 квадратных миль. Это ваш «дар». Юноши и девушки Израиля сражаются за него, а заодно — за Негев и за Иерусалим; на пляжах, на дорогах, на холмах, на улицах они обливаются кровью и погибают. Вы не дали им ни одного пистолета, чтобы защитить себя».

Он вспомнил, как по пути в Израиль они с Элишевой остановились в Париже, и он посетил штаб квартиры ООН, где в те дни англичане хотели уничтожить его страну, дипломатическим путем сделать то, что им не удалось осуществить с помощью военной силы арабских стран. Разгневанный, он послал в «Нью-Йорк пост» статью из Парижа. Тед Теккерей опубликовал ее 15 ноября 1948 года со своим предисловием:

«С момента, когда после голосования в Объединенных Нациях 29 ноября 1947 года арабские «добровольцы» из Сирии и Ирака вторглись в Палестину и атаковали еврейские поселения, я ждал дня, когда англичанам удастся заклеить Израиль как нарушителя мира.

Со времени, когда англичане предотвратили въезд в Палестину комиссии Организации Объеди-

ненных Наций, которая должна была осуществить раздел, я ждал дня, когда британцы скажут, что резолюция от 29 ноября 1947 года более не действительна.

Я дожил до осуществления обоих событий. Английская тактика хитрости и отсрочек за тот отрезок времени, который понадобился нашей планете, чтобы один раз обойти вокруг Солнца, настолько преуспела в таком извращении действительной ситуации, что сэр Александр Кадоган, зажав между зубами трубку, нагло предложил резолюцию, согласно которой израильтяне противятся миру, и сообщил, что резолюция от 29 ноября 1947 года уже давно недействительна.

Кадоган не держал перед собой шапку. А все-таки он вытащил двух кроликов. Ему понадобился целый год для этого трюка, но он совершил его с видом истинного иллюзиониста. И с трубкой между зубами он счастливо озирает достигнутое.

«Это действительно кролики», сказал сирийский делегат.

«Это действительно кролики, эхом отозвался делегат Китая. — Мы в Китае знаем, как выглядят кролики».

«Это действительно кролики?» — спросил канадский делегат.

«Вне всякого сомнения, — присоединил свой голос джентльмен из Совета Безопасности. — Давайте проголосуем, что они действительно кролики».

«Дайте мне обдумать это до завтра», — попросил делегат Канады.

«Нет, нет, завтра кролики могут исчезнуть».

«Почему завтра кролики должны исчезнуть?» — спросил я себя. — «Почему такой шум в уважаемом Совете?»

«Понимаете, — сказала мне сидящая рядом со мной дама, — завтра президентский поезд, везущий Трумэна в Вашингтон, будет в столице, и необходимо проголосовать до этого».

«Вы уверены?» — спросил я даму.

«Нет никаких сомнений», — ответила она.

Затем председатель Совета предложил проголосовать за то, что Кадоган создал двух кроликов. Ученый д-р Джесуп из Соединенных Штатов действовал сообща с англичанином в этом голосовании. Он сделал несколько мелких изменений в Китайско-Британской резолюции, но ведь всегда желательно отвлечь внимание публики малозначащей беседой, когда готовится трюк. Д-р Джесуп лишился голоса именно в тот момент, когда он должен был сказать, что резолюция от 29 ноября 1947 года все еще существует, поскольку только большинство в две трети может отменить резолюцию, принятую этим же органом большинством в две трети: и даже в этом случае сомнительно, может ли суд изменить свое собственное решение. Должна ли резолюция о разделе быть аннулирована только потому, что она не нравится Кадогану?

Уличный фокусник извлекает своих кроликов в считанные секунды: крольчата во чреве крольчихи созревают в течение нескольких недель. Приплоду Кадогана понадобилось двенадцать месяцев, чтобы родиться. Поэтому появились кролики-чудовища.

...Когда началось нашествие на Израиль после 29 ноября 1947 года, все страны были обязаны послать в Палестину интернациональные войска, чтобы заставить выполнить решение, принятое в тот день. Войска не были посланы. По меньшей мере, должны были послать хотя бы видимость этих войск. Не послали. По меньшей мере, в

Израиль должны были послать оружие. Оружие не послали. По меньшей мере, Израилю должны были продать оружие. Как раз наоборот, на продажу оружия наложили эмбарго. По меньшей мере, Комиссия Объединенных Наций, заботящаяся о выполнении резолюции о разделе, должна была быть допущена в Палестину. Она не была допущена. В конце концов, арабским странам не следовало посылать оружие. Оно было послано. По меньшей мере, Совет Безопасности должен был со стыдом признать свою беспомощность и поздравить Израиль, защитивший Иерусалим и большую часть Палестины от семи стран, нарушивших решение о разделе. Он не сделал даже этого.

...Чудовищные кролики созданы британцами с помощью китайцев, достойных союзников с точки зрения политической этики. Говорят, что пятизвездный американский генерал действовал, как повивальная бабка. Не удивительно, что кролики выглядят как драконы...»

Увы, и сегодня статья Великовского актуальна. Недавно ООН приняла резолюцию, приравнивающую сионизм к фашизму. Трудно сказать, произвела ли эта организация что-нибудь более мерзко пахнущее. Тоталитарные режимы называют фашизмом желание евреев вернуться в свою страну, чтобы иметь возможность защитить себя от повторения катастрофы. Провел эту резолюцию бывший офицер фашистской армии. Кто знает, какое у него прошлое. Не участвовал ли он в акциях по уничтожению евреев?

Хорошо бы, размышлял Великовский, собрать эти статьи (здесь их больше пятидесяти) в книгу. Но кому она адресована? От интеллигентного читателя, интересующегося новейшей историей, не

зависит ни судьба народов, ни даже государства Израиль. А те, от кого это зависит, как правило, мало читают. Да и вообще, можно ли взывать к их совести? Но — и это обиднее всего! — на подобную книгу у него уже нет времени...

«Сатурн и Потоп», «Время Исайи и Гомера» и «Человечество в амнезии» ждут своей очереди. Есть еще одна книга. Готовая — хоть сегодня можно сдать в печать. «Звездочеты и гробокопатели». Какое замечательное название придумала Элишева! Столько еще дел... Постоянный дефицит времени оказался ничего не значащим в сравнении с уже ощущаемым приближением неизбежного финала. Поэтому прежде всего — «Человечество в амнезии».

79. СМЕРТЬ ПРОРОКА

Психологическая проверка людей, принимаемых на работу, стала нормой в современном обществе. Это относится даже к «спокойным» профессиям, не связанным с большими коллективами и перегрузками психики. Что касается шофера автобуса, в чьих руках жизнь пассажиров, психологическая проверка не менее важна, чем проверка знаний правил дорожного движения. Демобилизованный военный летчик, даже в среде своих коллег почитавшийся как ас, при переходе в гражданскую авиацию должен снова пройти психологический тест. Такая проверка никем не воспринимается как нечто необычное, потому что она действительно необходима. Но когда дело касается не просто шофера, которому вверена судьба нескольких десятков пассажиров, а государственных и политических

деятелей, в чьих руках оказывается судьба страны с миллионами граждан, вопросы войны и мира, вопросы экономики и еще множество вопросов, никому в голову не приходит проверять этих людей на психическую полноценность и психологическую устойчивость. Еще один абсурд в коллекции абсурдов, окружающих человека от рождения до смерти.

Вне всяких сомнений прежде всего он должен опубликовать «Человечество в амнезии». На очереди огромный материал, доказывающий правильность его реконструкции. Но, собственно говоря, кому доказывать? Не достаточно ли уже представленных свидетельств? Не следует ли уже за ним армия убежденных? Что касается истеблишмента... Нет, им не нужны доказательства. Истеблишмент — это действительно мафия. А многие ученые, не причастные к мафии, отгорожены от его доказательств непроницаемым психологическим барьером.

Психологический барьер. Психологические причины коллективной амнезии. Психологические, а не только социальные побудительные мотивы поступков власть предержащих. Не только научная мафия. Хуже и во много опаснее — правители государств, в чьих арсеналах хранится огромное количество чудовищного оружия.

...За окном тихий принстонский листопад. Белки деловито снуют по газону. Уютно в кресле с Библией на коленях. Сегодня 17 ноября 1979 года. По еврейскому календарю — Каф заин бе хешван — 27 хешвана. Во всем мире в этот день верующие евреи читают одну и ту же главу Пятикнижия — Хаей Сара — Жизнь Сары. Сто поколений его предков в субботу 27 хешвана читали эту главу. И он читает. И его потомки — внуки в Израиле —

уже прочли. И дети их будут читать эту главу в субботу 27 хешвана.

«И скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и довольный, и приобщен был к народу своему. И похоронили его Ицхак и Исмаил, сыновья его, в пещере Махпейла на поле Эфрона...»

...Безжизненная рука соскользнула с внезапно захлопнувшейся Библии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На следующий день, в воскресенье 18 ноября 1979 года Элишева похоронила его в Оушен Кантри, на Томе Ривер бич. Она не стала дожидаться приезда дочерей, тем более кого-либо из ученых, считающих себя последователями Великовского. Только спустя несколько дней они узнали о смерти своего кумира. В Принстоне отнеслись к этому с пониманием. Старожилы помнили: гроб Эйнштейна сопровождали всего лишь восемнадцать человек.

Мучительно тяжело было Элишеве остаться одной после почти 57 лет совместной жизни с великим человеком. Элишева знала смысл русского корня слова Великовский. Как он соответствовал его значению! Даже в смерти Господь отметил его. В субботу 27 хешвана, когда читается глава Пятикнижия о смерти Авраама, Господь призывает к себе самых праведных. Иммануил уснул в кресле с Библией на коленях.

Сознание этого слегка притупило невыносимую боль потери. Пятьдесят семь лет она помогала великому человеку. Счастливая доля досталась ей. Господь оставил ее сделать все посильное, чтобы продолжить дело Иммануила. Но что в ее силах? Архив, бесценный архив. Иммануилу хотелось прежде всего опубликовать «Человечество в амнезии». Поэтому первоочередная задача — связаться с издательством.

Эта книга вышла в свет в 1982 году.

Архив Великовского был в идеальном порядке. Более чем всегда Элишева была уверена в том,

что его реконструкция естественной и человеческой истории станет существенной частью официальной науки. Тогда любой бумажке из его архива не будет цены. Но уже сегодня, не ожидая счастливых времен, до которых она вряд ли доживет, надо опубликовать все, что возможно.

В 1983 году Элишева еще успела увидеть только что вышедшую из печати книгу «Звездочеты и гробокопатели».

Как мечтал о ней Иммануил! Как она сопротивлялась ее изданию в пятидесятых годах! Жаль, что он не может полюбоваться изумительной полиграфической работой, сделанной издательством. История создания и публикации «Мир в столкновениях». На тыльной стороне суперобложки отличная фотография бюста Иммануила, который она лепила с такой любовью. Все, знавшие Великовского, убеждены: это сфотографирован не бюст, а живой Иммануил. Устремленный вперед профиль пророка. Кто знает, может быть, ей не следовало препятствовать изданию этой книги в пятидесятых годах?

...Элишева Великовская, талантливый скрипач и одаренный скульптор, женщина, полностью посвятившая себя мужу, скончалась 24 июня 1983 года в возрасте 88 лет. Ее похоронили рядом с Иммануилом Великовским. До последнего дня своей жизни она внимательно следила за всем, что имело отношение к трудам и имени мужа.

Бесценный архив Великовского остался без архивариуса. Рукописи четырех неопубликованных книг — «Время Исайи и Гомера», «Сатурн и Потоп», «Юпитер-громовержец» и «Орбита», статьи, заметки, магнитофонные и видеомангнитофонные записи его выступлений в университетах и ин-

тервью, кассеты с записями радиопередач американских, канадских и европейских вещательных компаний. Все это огромное богатство ждет исследователей.

Все большее число университетов включает в свою программу «курс Великовского». Новая школа социальных исследований в Нью-Йорке, то самое высшее учебное заведение, деканом которого в конце сороковых годов был профессор Гораций Кален, — одно из многих мест в Америке, где преподается курс Великовского. Но пока это — всего лишь течение в океане...

В январе 1980 года писатель Кларк Велтон пригласил престарелого Этвотера выступить перед преподавателями и студентами школы с воспоминаниями о Великовском. Этвотер охотно согласился. На вопрос Велтона, не сожалеет ли он о своем участии в истории с изданием «Миров в столкновениях», которая стоила ему карьеры, Этвотер ответил: «Да. Я сожалею. Сожалею, что так отнеслись к доктору Великовскому. Он был великолепным человеком, и то, что они сделали по отношению к нему, было бесчестным. Это то, что ранило меня больше всего».

Этвотер не рассказал, что после увольнения пережил тяжелейшую депрессию, связанную с разочарованием в людях американской науки. Он считал их безупречными борцами за истину, и вдруг оказалось, что очень многие из них всего лишь мелкие обыватели, украшенные степенями и званиями. Именно депрессия и разочарование были причиной его бегства на Бермуды.

Великовскому было несравнимо труднее, чем Этвотеру. Но он был борцом. Он не убегал. В книге не упомянуты все даже крупные обиды, глу-

боко ранившие Великовского. Что уж говорить о мелких...

Обыватель, страдающий от отсутствия изъяснов у своего соседа, не говоря уже об их отсутствии у великих людей, само существование которых иногда приводит его в уныние, не прочь заметить, что колоссальные тиражи книг Великовского явились источником невероятного обогащения. Поэтому, мол, не так уж существенно, верил ли он сам в свою реконструкцию. Главное, что он разбогател.

Великовский никогда ни от кого не получил ни единого цента для осуществления труда, по объему равного работе нескольких сотен ученых. И тем не менее, он не стал состоятельным. Подсчет доходов доктора Великовского, учитывая все его гонорары, показывает, что он зарабатывал один доллар и тридцать пять центов в час (по курсу 1976 г.).

Увидев такую цифру, обыватель явно разочаруется. У обывателей от науки также есть достаточно поводов для разочарования.

«Фактически, битва завершена, — писала профессор Патерсон. — Д-р Великовский вышел из нее победителем, потому что его научные гипотезы о планетарных катастрофах имеют огромную предсказательную силу».

Профессор Патерсон, конечно, права. Доказательства победы Великовского внезапно проявлялись самым неожиданным образом. Например, в споре с Великовским Саган и Мулхолланд считали своим козырем то, что искусственные космические объекты, запущенные в США и в СССР, движутся по точно предсказанным орбитам, рассчитанным на основании ньютоновской теории.

Прошло всего несколько месяцев после выхода в свет книги «Ученые против Великовского», и Саган с Мулхолландом потеряли даже этот единственный «козырь». Советский спутник с ядерным двигателем «Космос 954» внезапно сошел с орбиты, едва не потерпев аварию. Ни один ученый не мог предсказать, ни даже объяснить, что произошло. Подобное случилось с американским спутником «Скайлэб», запущенным в 1973 году. Рассчитали, что он стабильно будет вращаться на своей орбите до середины 1980 года, после чего его поднимут на более высокую орбиту. И вдруг в марте 1978 года в NASA обнаружили, что спутник стоимостью в два миллиарда долларов в результате непредвиденного и непонятного изменения орбиты упадет на Землю в начале 1979 года.

Единственное доказательство точности движения космических объектов согласно теории Ньютона оказалось опровергнутым. А ведь даже в рамках этой теории, как писал профессор Басс, возможны были события, описанные в «Мирах в столкновениях». Что еще Саган, Мулхолланд и их сторонники могли выдвинуть против Великовского?

А им и не надо было что-то выдвигать! Очень метко сказал по этому поводу профессор Альфред де Грация: «Тысячи исследователей и ученых опровергли его работы. Немногие выступили, чтобы сразиться с ним или кем-либо из его команды, — они держали себя высокомерно; они выплясывали вокруг; изо всей силы они неловко ударяли по мячу; они изошрялись... Когда все это было совершено, они заявляли, что не играли в настоящую профессиональную игру».

Все это правильно. Великовский действительно победил.

Но посетите книжные магазины Америки. Не специализированные, не при университетах — обычные книжные магазины. Не ищите книги Великовского в отделе «Наука». Вы обнаружите их на стеллажах среди книг о черной магии, астрологии, оккультизме и гадании на кофейной гуще...

Разыскивая дом Великовских в Принстоне, я обращался к десяткам людей, в основном, к студентам. Ни один из них не знал имени Великовского. Единственное, что лишь в какой-то мере притупило остроту реакции: на Мерсерстрит, буквально в нескольких метрах от дома, в котором жил и скончался Эйнштейн, я спросил нескольких студентов, не знают ли они, где находится дом Эйнштейна. Они не знали. И это — в Принстоне!

Стоит ли удивляться тому, что выпускники Еврейского университета в Иерусалиме тоже не знают имени Великовского.

В 1985 году израильский археолог с горечью рассказал, как он безуспешно пытался опубликовать статью, в которой доказывалось, что все археологические находки в Израиле полностью подтверждают реконструированную хронологию Великовского, но никак не вписываются в рамки ортодоксальной хронологии. «Табу» продолжает действовать!

Научно-популярные передачи телевидения адресованы, естественно, не исследователям и ученым. Не имеющие никакой научной ценности данные в области геологии, палеонтологии, эволюции, истории изрекаются с таким видом, словно в справедливости, в достоверности этих данных нет никаких сомнений. Даже вскользь не упоминают, что существует и другая точка зрения. А уж сказать,

что другая точка зрения подтверждена новейшими открытиями в различных областях науки, вовсе не возможно. Придется тогда назвать имя Великовского. У людей могут возникнуть вопросы. Не дай Бог, пострадает «доброе имя» науки...

Великовский трудился, боролся, побеждал и умер. А научная мафия пока еще здравствует.

Но стоило ли писать эту книгу, не будь твердой уверенности в том, что мафию ждет поражение?

1984—1986 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- И. Рамио** — «Третий исход».
- И. Рам** — «Тридцать дней и ночей Диего Пиреса на мосту Святого ангела».
- И. Великовский** — «Worlds in Collision», McMillan, N.Y., 1950.
- И. Великовский** — «Ages in Chaos», Doubleday Co, N.Y., 1952.
- И. Великовский** — «Earth in Upheavel», Doubleday Co, N.Y., 1955.
- И. Великовский** — «Oedipus and Achnaton», Doubleday Co, N.Y., 1960.
- И. Великовский** — «People of Sea», Doubleday Co, N.Y., 1977.
- И. Великовский** — «Ramses II and his Time», Sidqwick Jackson, Ltd, Gr. Br., 1978.
- И. Великовский** — «Mankind in Amnesia», Sidqwick Jackson, Ltd, Gr. Br., 1982.
- И. Великовский** — «Starqeisers and Gravediggers», Morrow-and Co, N.Y., 1983.
- «Velikovskiy Affair», Prinston, N. J., 1967.
- «Velikovskiy Reconsidered», Doubleday Co, N.Y., 1976.
- «Scientists Confront Velikovskiy», W. W. Norton Co, N.Y.—London, 1979.
- C. J. Ransom** — «The Age of Velikovskiy», 1976.
- Shane Mage** — «Velikovskiy and his Critics», Cornelius Press, Grand Haven, Michigan, 1978.
- Периодика:** «New York Post», «New York Times», «Daily Tribune», «Pensee», «Kronos» etc.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия.....	9
Глава 1. Шимон Великовский.....	14
Глава 2. Семена и почва.....	19
Глава 3. Социализм и святость субботы.....	23
Глава 4. Земля Израиля и Московский Императорский университет.....	28
Глава 5. «Третий исход».....	35
Глава 6. Приговор, не приведенный в испол- нение.....	40
Глава 7. Диплом врача.....	44
Глава 8. «Scripta», Элишева и Эйнштейн.....	46
Глава 9. Хаим Вейцман и Хаим Бялик.....	55
Глава 10. Свадьба в редакции «Scripta».....	61
Глава 11. Доктор в Эрец-Исраэль.....	67
Глава 12. Мертвое море.....	72
Глава 13. Единодушие Фрейда и Блойлера.....	75
Глава 14. Тель-авивский психоаналитик.....	80
Глава 15. Гораций Кален — проводник по кру- гам нью-йоркского ада.....	86
Глава 16. «Фрейд и его герои» вытеснены но- вой идеей.....	92
Глава 17. Роберт Пфейфер восторгается и не может поверить.....	100
Глава 18. Трудно научить старого пса новым трюкам.....	111
Глава 19. Знакомство в отеле «Комодор».....	115
Глава 20. О'Нейл и нечто неожиданное.....	125
Глава 21. Компания Макмиллана приняла кни- гу.....	130
Глава 22. Государство Израиль и гранки кни- ги.....	140
Глава 23. Журналист из «Харпер'с» и жур- нал «Колиер'с».....	145

Глава 24.	Гарвардский астроном начинает атаку.....	151
Глава 25.	«Разоблачители теории» и Тед Теккерей.....	157
Глава 26.	Ничего подобного в этом здании не происходило.....	170
Глава 27.	«Миры в столкновениях».....	174
Глава 28.	Соученики по гимназии.....	198
Глава 29.	Набраться терпения лет на десять....	206
Глава 30.	Лекция в Колумбийском университете.....	210
Глава 31.	Издательство вынуждено отказаться от бестселлера номер один.....	212
Глава 32.	Путнэм уволен вслед за Этвотером...	216
Глава 33.	Договор на немецкое издание. Названные имена.....	226
Глава 34.	«Ответ моим критикам».....	233
Глава 35.	Всеобъемлемость.....	244
Глава 36.	«Века в хаосе».....	252
Глава 37.	«Величайший вклад в когда-либо описанное исследование древнейших времен».....	289
Глава 38.	Заседание Американского Философского Общества.....	292
Глава 39.	Письмо, которое Шапли никогда никому не покажет.....	304
Глава 40.	В Принстоне. Гарвардские фальсификаторы не успокоились.....	306
Глава 41.	Юпитер должен излучать радиосумы!.....	311
Глава 42.	Вечер у Эйнштейна.....	314
Глава 43.	Почему Солнце круглое?.....	317
Глава 44.	Эйнштейн знакомится со «Звездочетами и гробокопателями».....	320
Глава 45.	Правильное предсказание.....	332
Глава 46.	Нельзя ожидать порядочности от не порядочного.....	335
Глава 47.	«Земля в переворотах».....	339
Глава 48.	Гьюй-Холл и профессор Гарри Гесс....	367

Глава 49.	Пояса магнитного поля над ионосферой.....	373
Глава 50.	Рамбам и человечество в амнезии.....	376
Глава 51.	Радости и горести.....	383
Глава 52.	Венера действительно горячая планета.....	386
Глава 53.	Пробуждается совесть научной Америки.....	393
Глава 54.	Вы заслуживаете быть беспристрастно выслушанным.....	397
Глава 55.	Невежественные журналисты против космогониста.....	401
Глава 56.	Подтверждение еще одного предсказания.....	404
Глава 57.	Университеты открывают двери. «Космос и хронос».....	411
Глава 58.	«Дело Великовского».....	419
Глава 59.	Предельная честность. Преданность науке.....	422
Глава 60.	Астрономическое общество и Институт Франклина.....	426
Глава 61.	У писателя нет времени для чтения....	432
Глава 62.	Что обнаружат на Луне?.....	435
Глава 63.	Ненависть Нобелевского лауреата....	439
Глава 64.	Если сравнивать Шапли с Великовским.....	443
Глава 65.	Меморандумы Великовского и «импотентная» программа.....	445
Глава 66.	Возможность реванша.....	448
Глава 67.	Журнал против мафии.....	450
Глава 68.	В университете имени американских первопроходцев.....	459
Глава 69.	Британский музей и национальный долг США.....	462
Глава 70.	Дискуссию можно свести к фарсу....	469
Глава 71.	Следы снова ведут в Гарвард.....	476
Глава 72.	Мафия против Великовского.....	488
Глава 73.	«Пересмотренный Великовский» и «Век Великовского».....	498

Глава 74. Что такое эволюция?.....	506
Глава 75. Психологические причины и сужен- ное поле зрения.....	510
Глава 76. «Народы моря».....	512
Глава 77. «Рамзес II и его время».....	516
Глава 78. Статьи, не утратившие актуально- сти.....	520
Глава 79. Смерть пророка.....	529
Послесловие.....	532
Литература.....	539